

Annotation

Беглая королева. Принц, скрывающий тайну. Сделка, что погубит обоих.

Прошло восемь лет после Змеиной битвы. Леди Ноури снова завладела Ледяной цитаделью. Используя останки королевы Мэб, она создает опасных чудовищ. Лишь Сурен может остановить властную мать, но девушка сбежала в мир людей и живет в лесу. Кажется, все позабыли о ней, но грозная ведьма Богдана открывает охоту на бывшую королеву. Сурен спасает из беды принц Оук. Наследник Эльфхейма – обаятельный юноша, хитрый интриган, способный добиться всего, чего захочет. Оук просит Сурен о помощи: вместе они должны отправиться ко Двору Зубов и остановить Леди Ноури. Но если Сурен согласится, то отдаст беззащитное сердце принцу, которому нельзя доверять, и вновь столкнется с прошлым, от которого стынет кровь в жилах.

* * *

Холли Блэк

Пролог

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Благодарности

notes1

* * *

Холли Блэк

Принц Эльфхейма. Украденный наследник

Посвящается Робин Вассерман,

отмеченной проклятием

(и в то же время благословением)

Истинного Видения

Holly Black

THE STOLEN HEIR

Copyright © 2023 by Holly Black

Published in agreement with the author, c/o BAROR INTERNATIONAL, INC.,
Armonk, New York, U.S.A.

© Федотова А., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Однажды вечером мы в детской у огня
Сидели тихо и друг к другу прижимались.
Вдруг ветер налетевший испугал меня,
Почудилось: в окошко постучались!
Лицо землистое к нам в спальню заглянуло,
Никто чудовища не видел и следа.
Оно оскалилось и крыльями взмахнуло,
Я поняла: за мной пришла беда!
Народец скверный, злобная орда!
Всю ночь танцевали они под дождем,
За руки держались, плясали кругом,
И шапки бросали на скос за окном,
И крик мой услышать желали.
С меня одеяло сорвали.
Остаться в постели хотелось мне,
И если бы свет загорелся во тьме,
Меня б ни за что не украли!

- Шарлотта Мью,

«Подменьш»

Пролог

Ее обнаружил случайный прохожий. Малышка сидела на стылом бетонном тротуаре и играла с пустой упаковкой из-под кошачьего корма. К тому времени, как ее довезли до больницы, ее ручки и ножки успели посинеть от холода. Она казалась совсем крошечной и чересчур худой – словно вся состояла из тонких веточек.

Она знала лишь одно слово – свое имя. Рэн.

Девочка росла, но ее кожа сохраняла голубоватый оттенок – как у молока, с которого сняли сливки. Приемные родители закутывали ее то в куртки, то в пальто, следили, чтобы она непременно надевала варежки или перчатки, но, в отличие от сестры, ей никогда не бывало холодно. Ее губы меняли цвет, словно камни-хамелеоны, – даже летом казались синевато-лиловыми, но когда она сидела у огня, то они начинали розоветь.

Она могла часами играть в снегу: строить замысловатые туннели или понарошку сражаться с сосульками. Она вспоминала, что нужно идти домой, только когда ее звали.

И хотя девочка казалась щуплой и болезненной, она отличалась недюжинной силой. Ей еще не было восьми, а она с легкостью поднимала сумки с продуктами, которые ее приемная мать с трудом отрывала от пола.

Ей не было девяти, когда она исчезла.

С раннего детства Рэн любила читать сказки. Поэтому, когда пришли чудовища, она сразу поняла: дело в том, что она сделала что-то плохое.

Они прокрались через окно. Отворили створку и порезали москитную сетку так тихо, что она ничего не услышала – так и продолжала спать, обняв любимого игрушечного лисенка, пока ее щиколотки не коснулись когти.

Ей зажали рот, прежде чем она успела вскрикнуть. Придавили ноги к кровати, прежде чем она успела пнуть нападавших.

– Я отпущу тебя, – прохрипел чей-то голос, и Рэн уловила в нем нотки незнакомого акцента. – Но если попытаешься кого-нибудь разбудить, то, несомненно, пожалеешь об этом.

Подобные угрозы встречались только в сказках, поэтому она знала: правила нельзя нарушать ни в коем случае. Даже когда ее отпустили, она не пошевелилась и не издала ни звука, хотя ее сердце колотилось так громко, что, казалось, мама может услышать его стук из другой комнаты.

В глубине души она эгоистично надеялась, что мама придет, включит свет и прогонит чудовищ прочь. Рэн ведь не нарушит правило, если маму разбудит не она, а биение ее сердца?

– Сядь, – приказало одно из чудовищ.

Рэн послушно села, дрожащей рукой закапывая лисенка глубже под одеяло.

Теперь она увидела существ, стоявших возле ее кровати, и невольно задрожала еще сильнее. Двое из них были высокими и элегантными, с серой, как камень, кожей. Женщину окутывало серебристое одеяние, а копну ее бледных волос украшала корона из неограненного обсидиана. Она была красива, но, заметив жесткую линию ее губ, Рэн поняла, что доверять ей нельзя. Мужчина походил на женщину, как походят друг на друга фигуры на шахматной доске: та же черная корона на голове, те же серебристые одежды.

Возле них стояло еще одно существо – очень высокая и очень худая ведьма с бледной, как поганка, кожей и гривой черных растрепанных волос. Но самой приметной чертой были длинные пальцы, которые больше напоминали когти.

– Ты наша дочь, – сказало одно из серолицых чудовищ.

– Ты принадлежишь нам, – скрипучим голосом произнесло второе. – Это мы тебя создали.

Рэн знала, что такое «биологические родители». У ее сестры они были: приятные, похожие на нее люди приезжали к ним в гости и иногда привозили с собой бабушек и дедушек, а иногда – пончики или подарки.

Рэн тоже хотелось иметь биологических родителей, но она и подумать не могла, что своим желанием пробудит к жизни подобный кошмар.

– Итак, – произнесла женщина с короной на голове, – тебе нечего сказать? Не можешь преодолеть благоговейный трепет при виде наших величеств?

Ведьма с пальцами-когтями невежливо хмыкнула себе под нос.

– Видимо, так и есть, – отозвался мужчина. – Ты будешь благодарить нас, подмешь, за то, что мы забираем тебя отсюда. Поднимайся, да побыстрее!

– Куда мы пойдем? – спросила Рэн. Она в ужасе вцепилась пальцами в простыню, словно надеялась, что если схватится достаточно крепко, то сможет удержаться в своей прежней жизни.

– В Фейриленд, где ты станешь королевой, – ответила женщина. Подобные слова должны бы звучать ласково, но ее голос был пропитан злобой. – Неужели ты никогда не мечтала, что однажды перед тобой явится незнакомец и скажет, что ты не смертное дитя, а существо, созданное из магии? Неужели не мечтала, что тебя заберут из твоего жалкого мирка и подарят иную, великую жизнь?

Рэн не могла отрицать, что не мечтала об этом. Она кивнула, чувствуя, как слезы сдавливают горло. Теперь она понимала, что сделала не так. Вот она – червоточина в ее сердце, о которой прознали чудовища.

– Я больше так не буду, – прошептала Рэн.

– Что не будешь? – переспросил мужчина.

– Если пообещаю, что больше никогда-никогда не буду о таком мечтать, вы оставите меня здесь? – спросила она дрожащим голосом. – Пожалуйста?

В следующее мгновение женщина дала Рэн пощечину – оглушительную, как раскат грома. От боли на глаза навернулись слезы, но она была слишком ошеломлена и разозлена, чтобы позволить им пролиться. На нее никто раньше не поднимал руку.

– Ты – Сурен, – проговорил мужчина. – А мы твои создатели. Твои господин и госпожа. Я лорд Джарел, а это – леди Ноури. Нас сопровождает Грозовая ведьма Богдана. А теперь, когда ты узнала свое истинное имя, позволь показать тебе твое истинное лицо.

Лорд Джарел протянул к ней руку и сделал резкое движение, словно срывая с нее маску. В зеркале над комодом тут же отразилась ее истинная, чудовищная внешность: ее кожа, и так имевшая голубоватый оттенок, посинела еще сильнее и была того же цвета, что проступавшие вены. Приоткрыв рот, она увидела острые акульи зубы. И только ее глаза – округленные от ужаса и с отвращением смотрящие на нее из зеркала – сохранили свой мшисто-зеленый цвет.

«Меня зовут не Сурен, – хотелось сказать ей. – Это все обман, какой-то фокус. Это не я». Но, даже не произнеся эти слова вслух, она услышала, как похоже имя Сурен на ее собственное. Сурен. Рен. Рэн. Уменьшительное имя, чтобы обращаться к ребенку.

К ребенку-подменьшу.

– Вставай, – приказало нависшее над ней громадное существо с длинными, словно ножи, ногтями. Богдана. – Тебе здесь не место.

Рэн прислушалась к звукам дома: вот гудит обогреватель, а где-то вдалеке их пес скребет когтями по полу – видимо, ему снится, что он бежит. Она старалась запомнить все-все-все. Оглядев комнату затуманенным слезами взглядом, она сохранила в памяти каждую деталь: от названий стоявших на полках книг до стеклянных глаз своих кукол.

Она последний раз провела рукой по синтетической шерстке лисенка и затолкала игрушку еще глубже под одеяло. Там он будет в безопасности. Дрожа всем телом, Рэн вылезла из кровати.

– Пожалуйста, – проговорила еще раз.

Губы лорда Джарела искривились в жестокой усмешке.

– Эти смертные сами не захотят, чтобы ты жила с ними.

Рэн отчаянно замотала головой, потому что такого просто не могло быть. Мама и папа любили ее. Мама срезала с хлеба корочки, чтобы сделать ей сэндвич, и целовала в кончик носа, пытаясь рассмешить. Папа лежал с ней в обнимку на диване, и они вместе смотрели фильмы, а когда она засыпала, на руках относил ее в кровать. Рэн знала, что они ее любят. И все же уверенность, с которой говорил лорд Джарел, подпитывала ужас в ее сердце.

– Если они скажут, что хотят, чтобы ты осталась с ними, – произнесла леди Ноури, и ее голос впервые прозвучал мягко, – то так тому и быть.

Рэн выскользнула в коридор и с отчаянно бьющимся сердцем бросилась в спальню родителей, словно только что проснулась от кошмара. Шарканье босых ног и ее хриплое, прерывистое дыхание разбудили их. Папа присел на кровати, а в следующее мгновение вздрогнул и положил руку на плечо маме, как будто хотел защитить. Мама же взглянула на Рэн и закричала.

– Не бойтесь, – сказала она, подбежав к кровати и сжав одеяло в своих маленьких кулачках. – Это я, Рэн. Меня во что-то превратили!

– Убирайся отсюда, чудовище! – взревел отец. Его голос так напугал Рэн, что она отскочила назад и уперлась спиной в комод. Она никогда не слышала, чтобы он так кричал. Кричал так на нее.

По ее щекам потекли слезы.

– Это же я, – повторила она срывающимся голосом. – Ваша дочь. Вы любите меня.

Комната выглядела так же, как и всегда. Нежно-бежевые стены. Двухспальная кровать со стеганым белым одеялом, на которое налипла коричневая собачья шерсть. Полотенце, валявшееся рядом с корзиной для белья, словно кто-то бросил его туда, но промахнулся. Запах обогревателя, смешанный с резким ароматом средства для снятия макияжа. Но сейчас вся комната будто отражалась в каком-то кошмарном кривом зеркале, где все вещи были искажены и казались зловещими.

На первом этаже залаял пес, словно отчаянно пытаюсь предупредить хозяев об опасности.

– Чего вы ждете? Уведите это существо отсюда, – прорычал ее отец, глядя в сторону леди Ноури и лорда Джарела. Казалось, он видит не их, а каких-то блюстителей человеческого закона.

В коридоре показалась сестра Рэн. Она терла кулачками глаза – ее явно разбудили крики. Вот кто точно поможет! Ребекка, которая следила, чтобы никто не обижал ее в школе. Ребекка, которая привела ее на ярмарку, хотя ничьих младших сестер туда не пускали. Но стоило ей заметить Рэн, как Ребекка в ужасе взвизгнула, запрыгнула на кровать и обхватила маму руками.

– Ребекка, – прошептала Рэн, но сестра лишь сильнее вжалась лицом в ночную рубашку матери.

– Мама, – умоляюще проговорила Рэн, задыхаясь от слез, но мама не желала даже смотреть в ее сторону.

Плечи Рэн затряслись от рыданий.

– Вот это наша дочь, – сказал отец, прижимая Ребекку к себе, словно Рэн пыталась навести на него морок. Ребекку, которая была удочерена точно так

же, как и она. Ребекку, которая была их ребенком в той же степени, что и Рэн.

Рэн поползла к кровати. Она рыдала так сильно, что не могла вымолвить ни слова. «Прошу, позвольте мне остаться. Я буду хорошей. Если я что-то сделала не так, то простите, простите, простите меня, пожалуйста, но только не отдавайте им. Мама. Мамочка. Мамуля. Я люблю тебя. Мамочка, пожалуйста».

Отец попытался оттолкнуть Рэн ногой, пихнув ее в шею, но она все равно дотянулась до него. Ее рыдания становились все пронзительнее, почти переходя в визг.

Когда маленькие пальчики коснулись его голени, он ударил Рэн ногой в плечо, отбросив обратно на пол. Но она снова поползла вперед, рыдая, умоляя, стеная от горя.

– Довольно, – прокрипела Богдана, прижимая Рэн к себе и проводя по ее щеке длинным ногтем. В этом жесте читалось что-то похожее на заботу. – Нам пора, дитя. Я понесу тебя на руках.

– Нет, – проговорила Рэн, цепляясь пальцами за простыню. – Нет, нет, нет.

– Смертным не подобает проявлять к тебе жестокость, ведь ты принадлежишь нам, – произнес лорд Джарел.

– Так что причинять тебе боль можем только мы, – согласилась леди Ноури. – Равно как и наказывать. Им это не позволено.

– Скажи, должны ли они умереть за содеянное? – спросил лорд Джарел, и в комнате повисла тишина, которую нарушали лишь всхлипывания Рэн. – Хочешь, чтобы мы убили их, Сурен? – повторил он, повысив голос. – Мы можем позвать сюда их пса и зачаровать его, чтобы он перегрыз им глотки.

Эти слова так ошеломили и разозлили Рэн, что рыдания тут же стихли.

– Нет! – выкрикнула она, чувствуя, что теряет над собой контроль.

– Тогда прекрати рыдать и слушай меня, – сказал ей лорд Джарел. – Ты отправишься с нами по своей воле, или я лишу жизни каждого, кто находится на этой кровати. Сначала ребенка, потом – остальных.

Ребекка испуганно всхлипнула. Смертные родители Рэн смотрели на нее с ужасом, но теперь уже по другой причине.

– Я пойду с вами, – наконец произнесла Рэн. Ее голос все еще дрожал от слез, хотя она изо всех сил старалась не плакать. – Раз меня здесь не любят, я согласна уйти.

Грозная ведьма подняла ее на руки, и они унеслись прочь.

Два года спустя Рэн обнаружили полицейские. В свете фар патрульной машины они увидели девочку, бредущую по обочине шоссе. Подошвы ее туфель были истоптаны, словно она танцевала в них до упаду, одежда настолько

пропиталась морской солью, что отвердела. Ее щеки и запястья были исполосованы шрамами.

Когда полицейский спросил, что произошло, она не захотела отвечать – или, быть может, не смогла. Она рычала на каждого, кто приближался к ней. Стоило им привести ее в комнату, как она спряталась под кушеткой и отказывалась называть женщине, которую полицейские позвали на помощь, свое имя и адрес своего прежнего дома.

Их улыбки причиняли боль. Ей все вокруг причиняло боль.

Как только они отвернулись, она исчезла.

Глава 1

Положение месяца на небе сообщает мне, что сейчас половина одиннадцатого. Задняя дверь дома открывается, и из-за нее показывается моя не-сестра. Она учится на втором курсе колледжа, и расписание у нее непостоянное. Прячась в тени, наблюдаю, как она присаживается на корточки, ставит пустую миску на верхнюю ступень крыльца, покосившегося и потрескавшегося от времени, и наливает туда молоко из картонной коробки. Несколько капель попадает мимо. Моя не-сестра хмурится, всматриваясь в темноту за деревьями.

Я знаю, что это невозможно, но на мгновение мне кажется, что она смотрит на меня.

Я уйду еще дальше в тень.

В воздухе висит густой аромат хвои, смешивающийся с запахом перегноя и мха, который я сминаю между босыми пальцами ног. Ветер доносит до меня вонь остатков ликера, прилипших ко дну бутылки в контейнере для сбора стекла; тухлое зловоние из пустого мусорного бака; сладкие, ненатуральные нотки духов, которыми надушилась моя не-сестра.

Я смотрю на нее голодным взглядом.

Бэкс наливает молоко уличной кошке, но мне нравится представлять, что она делает это для меня. Для своей давно позабытой сестры.

Несколько минут она стоит на крыльце, не обращая внимания на мошек и комаров, которые кружат над ее головой. Лишь когда она скрывается за дверью, я подкрадываюсь ближе к дому и заглядываю в окно. Наблюдаю за не-мамой, которая сидит перед телевизором и вяжет. Не-папа устроился за кухонным столом с ноутбуком – отвечает на электронное письмо. Я вижу, как он прикрывает рукой глаза, словно очень устал.

Когда я жила при Дворе Зубов, меня наказывали, стоило назвать людей, которые меня вырастили, мамой и папой. «Люди – обычные животные, – говорил лорд Джарел, сопровождая свои слова ударом такой силы, что у меня перехватывало дыхание. – Омерзительные животные. В твоих жилах нет их крови».

В надежде избежать гнева лорда Джарела я приучила себя называть их не-мамой и не-папой. Я не расстанусь с этой привычкой, чтобы помнить, кем они были для меня и кем им никогда не стать вновь. Я хочу помнить, что у меня нет ни дома, ни семьи.

Я чувствую, как по коже бегут мурашки, и осматриваюсь по сторонам. Замечаю сову, которая сидит на ветке высоко над головой и изучает меня, склонив голову набок. Вот только это не сова.

Поднимаю камень и бросаю в существо на дереве.

Оно принимает обличие хоба и с пронзительным визгом взлетает в небо. Размахивая крыльями, он делает два круга, а затем набирает высоту и удаляется навстречу луне.

Местные фейри не питают ко мне дружеских чувств. Я об этом позаботилась.

Еще одно подтверждение того, что я – никто и мне нигде нет места.

Мне очень хочется задержаться во дворе, где когда-то играла, но я борюсь с соблазном и ухожу прочь. Моя цель – ветви боярышника, росшего на окраине города. Я стараюсь держаться в тени деревьев, осторожно ступая по земле босыми ногами. Наконец останавливаюсь перед кладбищенскими воротами.

Огромный боярышник с белыми цветами возвышается над надгробиями и могильными памятниками. Отчаявшиеся люди – чаще всего подростки – приходят сюда и привязывают к его веткам записки с желаниями.

Рассказы про него я слышала еще в детстве. Этот боярышник называют Дьявольским Деревом. Приди к нему три раза, трижды загадай желание, и тогда появится дьявол. Он даст тебе то, что попросишь, но взамен заберет то, что захочет сам.

Однако это не дьявол на самом деле. Я жила среди фейри и поэтому знаю, что сделки со смертными заключает глейстиг – существо с козьими ногами, которое любит полакомиться человеческой кровью.

Я залезаю в колыбель из веток, которые колышутся, осыпая меня лепестками. Прижимаюсь щекой к шершавой коре и жду, слушая шелест листьев. Могилам на кладбище, посреди которого растёт боярышник, больше сотни лет. За это время надгробия стали хрупкими и белыми, словно кости. Сюда уже давно никто не приходит, поэтому отчаявшимся людям можно не опасаться, что их кто-то увидит. Идеальное место для заключения сделки.

Несколько звезд подмигивают мне сквозь цветочный полог. При Дворе Зубов служил ниссе, который составлял карты звездного неба и, глядя на них, подбирал самые благоприятные дни для пыток, убийств и предательств.

Я вглядываюсь в небо, но какую бы тайну ни скрывали звезды, постичь ее я не способна. В Фейриленде я мало чему успела научиться – да и в человеческом мире получила лишь обрывки знаний.

Глейстиг появляется почти сразу после полуночи, громко цокая копытцами. На ней длинное бордовое пальто, которое доходит до колен, явно чтобы подчеркнуть козлиные ноги. Ее волосы цвета древесной коры заплетены в тугую косу.

Рядом с ней, беспокойно жужжа, по воздуху носится спрайт – зеленая, точно кузнечик, а крылья по цвету сочетаются с кожей. Размером она едва больше колибри.

Глейстиг оборачивается к крылатой феири:

– Принц Эльфхейма? Как интересно. Не ожидала, что особа королевских кровей может оказаться так близко от нас...

При слове «принц» мое сердце начинает глухо колотиться.

– Говорят, его страшно избаловали, – стрекочет спрайт. – Он очень буйный. И слишком безответственный для наследника престола.

Это описание совсем не подходит мальчику, которого я знала, однако с нашей последней встречи прошло уже четыре года. Его наверняка успели посвятить во все утехи Верховного двора и приучить к тому, что любая разнузданная фантазия, которая только может прийти ему в голову, тут же предоставится ему на блюде. Лестецы и подхалимы, вероятно, денно и нощно соперничают за его внимание, так что теперь мне вряд ли бы позволили целовать подол его мантии.

Спрайт взлетает вверх и устремляется прочь. К счастью, она проносится мимо дерева, в ветвях которого прячусь я. Устраиваюсь поудобнее, готовясь наблюдать за тем, что случится дальше.

Этой ночью к дереву приходят три человека. Первый – юноша с волосами песочного цвета; мы с ним вместе учились в четвертом классе, за год до того, как меня забрали феири. Его пальцы дрожат, пока он бечевкой привязывает к ветке клочок бумаги. Вторая – сторбленная старушка, то и дело вытирающая рукой заплаканные глаза. К тому времени, когда она проволокой закрепляет записку на дереве, бумага успевает промокнуть от ее слез. Третьим появляется веснушчатый широкоплечий мужчина. Козырек бейсболки так низко надвинут на лоб, что скрывает большую часть его лица.

Он приходит сюда вот уже третий раз, поэтому, как только приближается к дереву, из тени появляется глейстиг. Мужчина охает от страха. Он не верил, что все это правда. Мало кто верит. Люди сами делают из себя посмешище: глупо реагируют, приходят в ужас, издают странные звуки.

Глейстиг требует, чтобы мужчина поведал ей, чего хочет, хотя он уже трижды написал свое желание на трех разных записках. Мне кажется, она даже не утруждает себя тем, чтобы их прочитать.

А вот я читаю все до единой. Этому мужчине нужны деньги, потому что он заключил какую-то неудачную деловую сделку. Если он не сможет их раздобыть, то потеряет дом, и тогда от него уйдет жена. Он шепотом рассказывает об этом глейстиг, беспокойно покручивая на пальце обручальное кольцо. В ответ она называет ему свои условия: каждую ночь в течение семи месяцев и семи дней он должен приносить ей кусочек свежей человеческой плоти. Он может резать собственное тело либо чужое, как ему больше нравится.

Он соглашается – нетерпеливо, отчаянно, безрассудно – и позволяет глейстиг завязать на его запястье заколдованный кожаный ремешок.

– Я сшила его из своей кожи, – сообщает она мужчине. – С его помощью я всегда найду тебя, как бы ты ни пытался от меня спрятаться. Ты не сможешь разрезать его ни одним ножом, созданным в мире смертных. Если не сдержишь обещание, он будет сжиматься, пока не рассечет вены на твоей руке.

Я впервые вижу на его лице паническое выражение, а ведь ему следовало с самого начала ощущать нечто подобное. Теперь уже слишком поздно, и какая-то его часть это понимает. Но секунду спустя он убеждает себя, что все в порядке, и осознание, на мгновение выглянувшее наружу, снова прячется в глубине его сердца.

Некоторые вещи настолько ужасны, что кажутся невозможными. Вероятно, вскоре он поймет, что худшие его опасения – лишь начало того, что они хотят с ним сотворить. Вспомнив, как пришла к этому сама, я надеюсь уберечь его от подобного опыта.

Глейстиг говорит веснушчатому мужчине собрать груды листьев и обещает превратить каждый из них в новенькую двадцатидолларовую купюру. У него будет три дня, чтобы потратить деньги, а потом они исчезнут.

В записке, которую он привязывал к боярышнику, сказано, что ему нужно сорок тысяч долларов. Это две тысячи листьев. Мужчина отчаянно мечется по ухоженному кладбищу, пытаясь набрать необходимое количество. Он находит несколько низких ветвей и срывает пару охапок, затем бежит к ограде и сдирает листву с растущих снаружи лесных деревьев. Глядя на результат его стараний, я вспоминаю ярмарочную игру – ту, где тебя просят определить на глаз, сколько железных драже лежит в банке.

Эта игра никогда мне не давалась, и ему, боюсь, тоже.

Глейстиг обращает листья в деньги ленивым движением руки. Мужчина начинает запихивать купюры в карманы. Несколько бумажек уносит к дороге порывом ветра, и он бросается за ними в погоню.

Кажется, это зрелище забавляет глейстиг, но ей хватает мудрости не рассмеяться вслух: лучше мужчине не знать, как искусно его обвели вокруг пальца. Она исчезает в темноте, используя магию, чтобы скрыть себя от чужих глаз.

Забив карманы до отказа, мужчина засовывает оставшиеся деньги под рубашку. Они прилипают к его животу, образуя объемное брюшко. Когда он выходит за пределы кладбища, я беззвучно спускаюсь с дерева.

Следую за ним несколько кварталов, пока не выдается удачная возможность догнать его и схватить за запястье. При виде меня он кричит.

Кричит так же, как кричали мои не-мама и не-папа.

Этот звук заставляет меня отшатнуться, хотя его реакция не должна удивлять. Я прекрасно знаю, как выгляжу.

Синяя кожа, как у трупа. Запачканное мхом и грязью платье. Зубы, созданные для того, чтобы с легкостью отрывать плоть от костей. Заостренные уши за спутанными, грязными синими волосами – они темнее кожи лишь на пару тонов. Я вовсе не пикси с миленькими прозрачными крылышками. Я не из благородных джентри, чья красота заставляет смертных терять рассудок от страсти. И даже не глейстиг, которой едва ли нужны чары, чтобы стать похожей на человека, – достаточно надеть юбку подлиннее.

Мужчина пытается высвободиться из моей хватки, но я очень сильна. Острыми зубами мгновенно перекусываю ремешок глейстиг, который тут же теряет свою магическую силу. Я так толком и не освоила чары, меняющие внешность, но, живя при Дворе Зубов, неплохо наловчилась разрушать заклятия. Их накладывали на меня настолько часто, что без этого умения было просто не обойтись.

Я вкладываю в ладонь веснушчатого мужчины записку – ту самую, на которой он изложил свое желание. На обратной стороне листка я написала маркером Бэкс:

«Забирай свою семью и беги отсюда. Пока не начал причинять родным боль. А это обязательно случится».

Потом убегаю прочь, а он с ужасом смотрит мне вслед, как будто я и есть то чудовище, которое ему угрожает.

Мне уже доводилось видеть, к чему приводят подобные сделки. Сначала люди убеждают себя, что будут расплачиваться только собственной плотью. Но семь месяцев и семь дней – долгий срок. Отрезать по кусочку приходится каждую ночь, а это немало. К тому же боль невыносима и с каждой новой раной становится лишь сильнее. Вскоре люди без труда заверяют себя, что ничего страшного не случится, если взять немного плоти у близких, родных людей. Сделка была заключена ради них, в конце концов! После этого все стремительно летит под откос.

Я вздрагиваю, вспоминая, с каким ужасом и отвращением мои не-родители и не-сестра смотрели на меня. А ведь это были люди, которые, как мне казалось, будут любить меня вечно. Мне понадобился почти год, чтобы понять, что лорд Джарел развеял их любовь магией. Он был так уверен, что они откажутся от меня, потому что заколдовал их.

Не исключено, что заклинание до сих пор не утратило своей силы. Я не знаю наверняка.

А еще не знаю того, что именно сделал лорд Джарел: усилил и использовал ужас, который они действительно испытали при виде меня, или полностью воссоздал его из магии.

Я встаю на пути глейстиг, чтобы отомстить фейри. Разрушаю любое заклятие, которое встречаю. Освобождаю каждого человека, попадающего в ловушку. Не имеет никакого значения, будет ли веснушчатый мужчина благодарен за свое спасение. Я испытываю удовлетворение из-за того, что глейстиг злится, когда очередной смертный вырывается из ее сетей.

Я не могу помочь каждому. Не способна защитить их всех от того, что она предлагает, и от страшной цены, которую придется заплатить за ее магию. А ведь глейстиг далеко не единственная фейри, заключающая сделки со смертными. Но я все равно пытаюсь.

Когда снова подхожу к дому, в котором жила в детстве, моя не-семья уже легла спать.

Я поднимаю засов и прокрадываюсь внутрь. Я достаточно хорошо вижу в темноте, чтобы передвигаться по неосвещенным комнатам. Подхожу к дивану и прижимаю наполовину связанный свитер к щеке, ощущая мягкость шерсти и вдыхая знакомый аромат не-мамы. Вспоминаю, как она сидела у моей кровати и напевала колыбельную. В моих ушах звучит ее голос:

«Мерцай, звездочка, мерцай».

Я открываю мусорное ведро и достаю остатки ужина. Недоеденные кусочки стейка с хрящами и комочки картофельного пюре слиплись с ошметками, которые раньше, видимо, были салатом. Все это перемешалось со скомканными салфетками, пластиковой пленкой и овощными очистками. Я делаю себе десерт из подгнившей сливы и тонкого слоя джема, который соскребаю со дна банки, лежавшей в контейнере для переработки стекла.

Жадно заглатываю пищу, пытаюсь представить, что сижу за столом вместе со своей не-семьей. Вообразить, что я снова их дочь, а не то, что от нее осталось.

Я чувствую себя кукушкой, которая пытается залезть обратно в яйцо.

Люди почувствовали, что со мной что-то не так, стоило мне только вернуться в мир смертных. Это случилось сразу после Змеиной битвы, когда Двор Зубов распустили и леди Ноури бежала. Мне было некуда идти, и я решила воротиться сюда. Первым же вечером я оказалась в парке, где меня нашла компания детишек. Они начали размахивать палками, пытаюсь прогнать меня прочь. Когда один из старших мальчишек попал по мне, я подбежала к нему и вонзила свои острые зубы ему в руку. Вскрыла его плоть с той же легкостью, с какой люди открывают консервные банки.

Я не знаю, что могу сделать с не-родителями и не-сестрой, если они снова оттолкнут меня. Рядом со мной небезопасно. Теперь я уже не ребенок, а взрослое чудовище – точно такое же, как и те, что однажды пришли за мной.

Но все же соблазн развеять чары велик. Меня безостановочно тянет поведать своим не-родным всю правду о себе. Но стоит мне представить, как я

заговариваю с ними, я сразу вспоминаю о Грозовой ведьме. Она дважды находила меня в лесу неподалеку от города и дважды натягивала над моим шалашом кожу, содранную со смертного. Она заявляла, что эти люди слишком много знали о фейри. Я не хочу давать ей повод выбрать в качестве следующей жертвы кого-то из моей не-семьи.

Наверху открывается дверь, и я замираю. Прижимаю ноги к животу и обхватываю колени руками, стараясь уменьшиться в размерах. Через несколько минут слышу, как в туалете спускается вода, и наконец-то позволяю себе спокойно дышать.

Мне нельзя приходить сюда. Иногда мне удается удержаться, и я провожу ночи вдали от дома своей не-семьи. Я ем мох и жучков, пью воду из грязных речушек. Роюсь в помойках позади ресторанов. Разрушаю заклятия фейри, чтобы убедить себя, что я не такая, как они.

Однако это место будто манит меня, и я возвращаюсь сюда снова и снова. Иногда мою оставшуюся в раковине посуду или перекладываю в сушилку постиранную одежду, словно дух-брауни. Иногда краду ножи. Когда сильно разозлюсь, беру что-то из их вещей и разрываю на мелкие кусочки. Случается, что я дремлю за диваном и вылезая, только когда все уходит на работу и на учебу. А после пробую найти в доме частички себя – школьные карточки с оценками или поделки из пряжи. Или, может быть, фотографии, на которых запечатлена человеческая версия меня – с тусклыми волосами, заостренным подбородком и большими голодными глазами. Хоть какие-то свидетельства того, что мои воспоминания реальны. Однажды я открыла коробку с пометкой «Ребекка» и нашла там своего старого игрушечного лисенка. Интересно, как они объяснили себе тот факт, что в их доме была комната, полная моих вещей?

Сейчас Ребекка просит, чтобы ее звали Бэкс, – видимо, выбрала новое имя для новой жизни в колледже. И хотя она, вероятно, говорит всем, что она единственный ребенок в семье, ни одно мое счастливое детское воспоминание не обходится без нее. Вот Бэкс пьет какао, уставившись в телевизор, и давит маршмэллоу, пока ее пальцы не становятся липкими. Вот мы с Бэкс сидим на заднем сиденье машины и пинаем друг друга, пока мама не кричит, чтобы мы прекратили. Вот мы с Бэкс прячемся в ее шкафу и играем в фигурки; она подносит Бэтмена к Железному человеку, и говорит: «Давай они заведут себе кошек и будут жить долго и счастливо». Когда представляю, что меня лишают этих воспоминаний, я сжимаю зубы от страха и с новой силой чувствую себя призраком.

Если бы я осталась в мире смертных, то училась бы сейчас вместе с Бэкс. Или, может быть, путешествовала, подрабатывала то здесь, то там и совершала свои маленькие личные открытия. Та Рэн ни на секунду бы не засомневалась, есть ли для нее место в мире. Ну а я теперь даже не могу представить себя ею.

Порой я сижу на крыше и смотрю, как летучие мыши кружат в лунном свете. Или наблюдаю, как мои не-родители спят, и храбро подношу руку к волосам не-мамы. Но сегодня я только ем.

Разделавшись с трапезой из отбросов, я подхожу к раковине, наклоняю голову к крану и жадно глотаю сладковатую, чистую воду. Напившись,

вытираю рот тыльной стороной ладони и тихонько выскользываю на крыльцо. Поднимаю с верхней ступеньки миску, которую оставила там моя не-сестра. На поверхности плавают букашки, и я заглатываю ее вместе с молоком.

Я уже хочу скрыться в лесу, когда сбоку от дома замечаю длинную тень с пальцами, похожими на ветви.

С яростно колотящимся сердцем крадусь вниз по ступенькам и заползаю под крыльцо. Мгновение спустя Богдана заворачивает за угол дома. Она по-прежнему такая же высокая и жуткая, какой я запомнила ее в первую ночь, – даже еще ужаснее, потому что теперь я знаю, на что она способна.

У меня перехватывает дыхание. Я закусываю щеку, чтобы случайно не закричать и не дернуться с места.

Я наблюдаю, как Богдана проводит ногтем по просевшей от времени алюминиевой облицовке стены. Пальцы у ведьмы длинные, как цветочные стебли, а руки и ноги – вытянутые и тонкие, точно березовые прутья. Пряди черных волос, похожие на листья сорняка, спадают на белое, цвета поганки лицо и наполовину прячут крошечные глазки, в которых светится злоба.

Она заглядывает сквозь оконное стекло. Ей ничего не стоит поддеть раму ногтем, проскользнуть в дом и убить моих не-родных во сне, перерезав им горло, а потом содрать с них кожу.

Это все моя вина. Если бы я держалась отсюда подальше, она бы не почувала мои следы рядом с домом. Ее бы сейчас здесь не было. «Это я виновата».

Теперь у меня есть два варианта. Я могу остаться на месте и слушать, как моя не-семья умирает. Либо могу увести ее подальше. Выбор очевиден – мешает лишь страх, ставший моим вечным спутником с тех самых пор, как меня выкрали из мира смертных. Ужас прожег мои кости и засел в моей сущности.

Но как бы ни жаждала безопасности, еще сильнее я хочу, чтобы мои не-родные остались живы. Пусть я больше не часть семьи, но мне необходимо их защитить. Если их не станет, оборвется последняя ниточка, связывающая меня с той Рэн, которой я когда-то была, и мне останется лишь плыть по течению.

Я делаю глубокий, судорожный вдох и выпрыгиваю из-под крыльца. Бегу к дороге, подальше от леса, где ей не составит труда нагнать меня. Несусь по газону, не соблюдая осторожности и не обращая внимания на хруст сухих веток под босыми ногами. Каждый звук эхом разносится в ночной тишине.

Я не оглядываюсь, но знаю, что Богдана услышала меня. Она наверняка повернула голову на шум и теперь раздувает ноздри, стараясь уловить мой запах. Движение привлекает хищника. Пробуждает в нем инстинкт погони.

Фары машин слепят меня, и я морщусь, ударившись о бордюр. В моих слипшихся от грязи волосах застряли листья. Некогда белое платье приобрело землисто-серый оттенок и покрыто пятнами – подобный наряд подошел бы призраку. Может, и мои глаза светятся в темноте, будто звериные? Не исключено, что так и есть.

Грозовая ведьма несется за мной – стремительная, словно ворон, и неумолимая, как злой рок.

Я перебираю ногами еще быстрее.

Острые камешки и осколки стекла впиваются в босые ступни. Поморщившись, я случайно оступаю, и мне вдруг кажется, что я чувствую дыхание ведьмы за спиной. Ужас придает мне сил бежать дальше.

Теперь, когда я увела ее прочь от дома, мне нужно как-то ускользнуть самой. Если она отвлечется хотя бы на мгновение, я найду где спрятаться. Я очень хорошо развила этот навык, пока жила при Дворе Зубов.

Я сворачиваю в переулочек. Замечаю в сетчатой ограде небольшое отверстие, сквозь которое можно протиснуться. Бегу что есть сил, скользя по грязной, усеянной мусором земле. Ударяюсь об ограждение и вдавливаю в дыру, чувствуя, как металл царапает кожу. Воздух вокруг наполняется резким запахом железа.

Я несусь дальше, слышу, как забор ходит ходуном, когда через него перелезают.

– Остановись, глупая! – кричит мне вслед Грозовая ведьма.

Паника заполняет мои мысли. Богдана бежит слишком быстро, слишком уверенно. Она убивала как смертных, так и фейри задолго до моего рождения. Если она призовет молнии, надежды на спасение не останется.

Инстинкт говорит мне вернуться в лесное убежище. Залезть в шалаш, свод которого я свила из ивовых веток. Лечь на дно, выстланное гладкими речными камушками, – когда-то я вдавливала их в мокрую от дождя землю, пока они не образовали такую плоскую поверхность, чтобы на ней можно было спать. Мне хочется завернуться во все свои три одеяла, хоть они и изъедены молью, запачканы грязью и обожжены по краям.

Там спрятан разделочный нож. Острый, хоть и не длиннее ее пальца. В любом случае он лучше любого из трех маленьких лезвий, которые имеются у меня при себе.

Я резко поворачиваю к жилому комплексу и бегу по лужам света. Пересекаю одну дорогу за другой, а потом срезаю путь по детской площадке. Цепи качелей оглушительно скрипят.

У меня лучше получается развеивать чары, чем создавать их, но со времени последнего визита Богданы я заколдовала свое логово так, чтобы каждого, кто приближается к нему, охватывал необъяснимый ужас. Теперь смертные держатся отсюда подальше, и даже фейри, оказываясь неподалеку, ощущают смутное беспокойство.

Я и не надеюсь, что мое колдовство отпугнет ведьму, но, с другой стороны, я вообще мало на что могу надеяться.

Лорд Джарел и леди Ноури не боялись никого, кроме одной лишь Богданы – ведьмы, которая умела призывать грозы, которая прожила бесчисленное множество лет и знала о магии больше, чем большинство ныне живущих. При Дворе Зубов я видела, как она вскрывает людей и пожирает их. Видела, как она выпускает кишки фейри только потому, что их слова показались ей обидными. Видела, как она призывает молнии, стоило чему-то вывести ее из себя. Именно Богдана помогла лорду Джарелу и леди Ноури, когда те задумали зачать ребенка, а потом спрятала меня среди смертных. К тому же она не раз становилась свидетельницей мучений, которым меня подвергали при Дворе Зубов.

Пусть официально я считалась королевой, лорд Джарел и леди Ноури никогда не позволяли мне забыть, что я принадлежала им. Лорд Джарел получал наслаждение, таская меня на поводке, словно животное. Леди Ноури жестоко наказывала меня каждый раз, когда ей казалось, что я проявляю неуважение, пока я не стала похожей на зверя. Я рычала, царапалась и кусалась, едва осознавая хоть что-то, помимо боли.

Однажды леди Ноури выгнала меня на заснеженное поле, где гулял ветер, и заперла двери замка на засов.

«Раз тебе не подходит роль королевы, поищи себе другую судьбу, никчемное дитя», – сказала она.

Несколько дней я шла куда глаза глядят. Я ела один лишь лед, не слышала ничего, кроме завываний холодного ветра. Если плакала, то слезы застывали прямо на моих глазах. Но я продолжала идти вперед в безумной надежде, что на своем пути встречу кого-нибудь, кто поможет мне, или же сама найду способ сбежать. На седьмой день я поняла, что, описав большой круг, вернулась в исходную точку.

Когда я потеряла сознание и упала на снег, именно Богдана завернула меня в мантию и на руках отнесла в замок.

Ведьма прошла в мою комнату с ледяными стенами и опустила меня на ложе из звериных шкур. Коснулась моего лба пальцами, которые были в два раза длиннее обычных. Посмотрела на меня своими черными глазами и покачала головой, так что ее буйные, спутавшиеся от гроз волосы заходили ходуном.

– Сейчас ты мала и напугана, но это не будет продолжаться вечно, – сказала она мне. – Помни: ты королева.

Услышав ее слова, я подняла голову. Она говорила так, словно королевский титул был поводом для гордости.

Когда Двор Зубов отправился на юг воевать с Эльфхеймом, Богдана за нами не последовала. Я думала, что никогда больше не увижу ее, и сожалела об этом. Если кто-то из них хоть немного заботился обо мне, то это была она.

Поэтому теперь мне еще хуже от мысли, что за мной гонится именно она, что именно она преследует меня по улицам города смертных.

Когда я слышу, что ведьма приближается, то сжимаю зубы и стараюсь ускориться. Мне уже больно дышать, а все тело ломит от усталости. Я

пытаюсь сказать себе, что, возможно, смогу с ней договориться. Может быть, она гонится за мной только потому, что я сразу ринулась прочь.

Я оглядываюсь назад и тут же понимаю, что совершила ошибку. Я сбиваюсь с темпа и отступаю. В это же мгновение ведьма протягивает ко мне длинную руку, явно готовая разрезать меня на части своими острыми, как нож, ногтями.

Нет, договориться, видимо, не получится.

Мне остается лишь одно, и я делаю это. Оборачиваюсь и щелкаю зубами, вспоминая, каково это – вонзиться ими в плоть. Я воскрешаю в памяти то сладкое чувство, когда причиняешь боль тому, кого боишься.

Я не превосхожу Богдану по силе. Я не быстрее и не хитрее ее. Но, вероятно, я в большем отчаянии. И хочу выжить.

Ведьма замирает. При виде моего оскала делает шаг навстречу, но я шиплю на нее. В выражении ее лица и блеске черных глаз таится нечто, что я не могу до конца распознать. В них читается триумф. Я тянусь за одним из лезвий, спрятанных под платьем, и снова жалею, что со мной нет разделочного ножа.

Тогда я достаю маленький складной ножик и пытаюсь раскрыть его.

Внезапно до меня доносится стук копыт, и я думаю, что это глейстиг. Наверное, ей как-то удалось найти нас и теперь она хочет посмотреть, как меня заберут. Хочет позлорадствовать. Видимо, она рассказала Богдане, чем я занимаюсь. Значит, все это происходит из-за нее.

Но из темноты леса появляется вовсе не глейстиг. Я вижу, как в озерцо света неподалеку от какого-то здания заходит юноша с козлиными ногами и рожками. На его груди золотистая кольчуга, а в руке тонкая шпага. Его лицо безмятежно, точно как у спящего.

Я замечаю рыжевато-русые кудри, убранные за острые уши, и накинутую на широкие плечи мантию гранатового цвета. На его шее виднеется шрам, а на голове – венец. Он двигается так, словно рассчитывает, что мир прогнется под него, стоит ему только приказать.

Над нашими головами стущаются тучи. Он направляет шпагу на Богдану.

Затем переводит взгляд на меня.

– Благодаря вам погоня выдалась веселой. – Его янтарные глаза сверкают по-лисьи ярко, но теплоты в них нет.

Надо было предупредить его, что нельзя отводить от Богданы взгляд. Ведьма сразу видит возможность и бросается к нему, стремясь ногтями вспороть грудь.

Однако он даже не успевает парировать удар, потому что Богдану останавливает другой меч – зажатый в руке рыцаря. Мужчина облачен в кожаный доспех, на котором виднеются тисненый узор и широкие вставки из

серебристого металла. Его волосы цвета ежевики коротко пострижены, а в темных глазах притаилась настороженность.

– Грозовая ведьма, – чеканит он.

– С дороги, никчемный прихвостень, – говорит она рыцарю. – Иначе я призову молнию, которая поразит тебя раньше, чем ты успеешь сдвинуться с места!

– Пускай ты и способна отдавать приказы небу, – отвечает ей рогатый юноша в золотистой кольчуге, – но мы, увы, сейчас стоим на земле. Ступай прочь, или мой друг проткнет тебя мечом раньше, чем ты успеешь призвать хотя бы дождик.

Богдана прищуривается и оборачивается ко мне.

– Я вернусь за тобой, дитя, – сообщает она. – И когда это случится, лучше не убегай.

Она удаляется в лесную тень. Стоит ей скрыться из виду, как я бросаюсь мимо рогатого юноши, тоже стремясь ускользнуть.

Он хватает меня за руку. Оказывается, он сильнее, чем я думала.

– Леди Сурен, – произносит он.

Я испускаю гортанный рев и впиваюсь ногтями в его щеку. Конечно, они не настолько длинные, как у Богданы, но поцарапать его до крови все равно удается.

Он шипит от боли, но не ослабляет хватку. Напротив, заворачивает мне руки за спину и держит крепко, как бы я ни рычала и ни брыкалась. Что еще хуже, свет падает на его лицо под другим углом, и я наконец-то понимаю, чья кожа осталась под моими ногтями.

Принц Оук, наследник престола Эльфхейма. Сын Главного генерала, оказавшегося предателем, брат смертной Верховной королевы. Оук, которому я когда-то была обещана в жены. Оук, который некогда был мне другом, хотя уже, видимо, этого не помнит.

Что там говорил про него фейри, сопровождавший глейстиг? Избалованный, безответственный и буйный. Я допускаю, что это правда. Хотя он облачен в сияющий доспех, но искусством боя владеет ужасно. Даже не попытался заблокировать мой удар.

За этой мыслью следует другая: я напала на принца Эльфхейма.

Ох, вот теперь у меня точно неприятности.

– Ты значительно упростишь ситуацию, если начиная с этого мгновения станешь выполнять все наши указания, дочь предателей, – сообщает мне темноглазый рыцарь в кожаном доспехе. У него длинный нос, а также вид человека, которому отдавать честь привычнее, чем улыбаться.

Я открываю рот, чтобы узнать, что им от меня нужно, но голос не слушается – я слишком долго им не пользовалась. Звуки, которые я издаю, не похожи на то, что я хотела сказать, и мои слова не поддаются пониманию.

– Что это с ней такое? – спрашивает он и, нахмурившись, смотрит на меня, как на какое-то насекомое.

– Видимо, долго жила дикарем, – отвечает принц. – Вдали от людей.

– Она что, даже сама с собой не разговаривала? – интересуется рыцарь, приподняв брови.

Я снова рычу.

Оук прикасается пальцами к щеке, а потом, морщась, отнимает руку. Я вижу три длинные кровоточащие царапины.

Когда принц снова обращает на меня взгляд, что-то в выражении его лица напоминает мне его отца, Мадока, который был счастлив, только когда отправлялся на войну.

– Говорил же: при Дворе Зубов ни разу не появлялось ничего хорошего, – произносит рыцарь, качая головой. Затем берет веревку и связывает мне запястья, продевая ее конец через петлю, чтобы узел вышел надежнее. Он не пронзает мне кожу, в отличие от лорда Джарела, который, скручивая мне руки, всегда протыкал их иглой, нанизанной на серебряную цепочку. Пока мне не больно.

Но я не сомневаюсь, что все еще впереди.

Глава 2

Ковыляя по лесу, я думаю только о том, как сбежать. Ни секунды не сомневаюсь, что меня ждет наказание. Я ведь напала на самого принца. А если бы они узнали о чарах, которые я разрушала, то пришли бы в еще большую ярость.

– В следующий раз не теряйте бдительность, – наставляет Оука рыцарь, разглядывая раны на его щеке.

– Пострадало в основном мое самомнение, – отзывается тот.

– Переживаете за свое симпатичное личико? – спрашивает рыцарь.

– В этом мире и правда слишком мало красоты, – легкомысленно говорит принц. – Но в моем случае внешность – не самый веский повод для тщеславия.

Это вовсе не совпадение – то, что они оказались здесь, облаченные в доспехи и готовые к бою, примерно в то же время, когда Богдана начала рыскать вокруг дома моей не-семьи. Все они искали меня, и какой бы ни была причина, мне она точно не понравится.

Я вдыхаю знакомый запах влажной коры и перегнивших листьев, которые мы топчем ногами. Папоротники серебрятся в лунном свете, лес полон подвижных теней.

В рамках эксперимента кручу запястьями. К сожалению, они связали меня на совесть. Я сжимаю и разжимаю пальцы, пытаюсь высвободить один из них из пут, но узлы слишком крепки даже для этого.

Рыцарь фыркает.

– Не уверен, что начало нашего похода можно считать удачным. Если бы хоб не приметил вашу маленькую королеву, та ведьма уже, вероятно, накинула бы на себя ее кожу вместо плаща.

Хоб в совином обличье. Я морщусь, не до конца понимая, должна ли испытывать к нему благодарность. Я ведь понятия не имею, что они хотят со мной сделать.

– Разве успеть вовремя – не основное определение слова «удача»? – Оук бросает полный озорства взгляд на меня, будто я дикий зверь и он раздумывает, будет ли весело попытаться меня приручить.

Я вспоминаю его при Верховном дворе в тот день, когда меня должны были осудить за преступления в качестве королевы предательского Двора Зубов. Мне было одиннадцать, а ему только исполнилось девять. Тогда я была связана – так же, как и сейчас. Затем вспоминаю его тринадцатилетним юношей, когда он нашел меня в лесу, а я отослала его прочь.

Теперь ему семнадцать. Принц вырос гибким, хорошо сложенным и высоким – он сильно превосходит меня в росте. На него падает лунный свет, и кажется, будто в золотое руно его волос вплетены платиновые нити. Из-под челки торчат маленькие козлиные рожки, глаза поражают невероятным янтарным цветом, а по носу рассыпалось созвездие веснушек. Изгиб губ выдает в нем проказника и шутника, а горделивая походка свидетельствует о том, что он привык, чтобы все исполняли его желания.

Красота фейри отличается от красоты смертных. Она экстравагантна и стихийна, точно сама природа. Некоторые из этих существ так невероятно прекрасны, что на них больно смотреть. Они обладают таким неизъяснимым очарованием, что при виде них смертные рыдают или становятся одержимыми, мечтая увидеть их снова хотя бы раз, а может быть, даже умирают на месте.

Уродство в Фейриленде может быть столь же эксцентричным. Порой фейри настолько безобразны, что, завидев их, все живые существа сжимаются от ужаса. А некоторые выглядят настолько гротескно и соблазнительно, что их внешность кажется привлекательной.

Не то чтобы смертные не бывают красивы – многие из них весьма хороши собой, – но их вид не вызывает ощущения, что тебя ударили по голове. А глядя на Оука, мне кажется, что меня слегка поколотили.

Если буду смотреть на него слишком долго, захочется откусить кусочек.

Я перевожу взгляд на свои грязные ноги, поцарапанные и распухшие, а затем на копытца Оука. Вспоминаю из украденного учебника по биологии, что копыта состоят из того же вещества, что и ногти. Из кератина. Над ними виднеется шерстяной пушок того же цвета, что и волосы, – он исчезает под отворотами узких, облегающих бедра брюк, чья длина позволяет увидеть странный изгиб его голеней.

Я вздрагиваю, делая над собой усилие, чтобы не начать вырываться из пут.

– Замерзли? – спрашивает он и протягивает мне свою мантию из вельвета, украшенную вышитыми желудями, ветвями и листьями. Вещь очень красивая, но вдали от Эльфхейма кажется поразительно неуместной.

Это представление мне знакомо. Он приказал связать меня, а теперь изображает галантность, словно прохладный воздух беспокоит меня больше всего остального. Но, видимо, принцам надлежит вести себя подобным образом. Благородство обязывает и все такое прочее.

Не знаю, как, по его мнению, я должна со связанными руками надеть на себя эту мантию. Ничего не отвечаю ему, и он сам накидывает ее мне на плечи, после чего завязывает тесемки на шее. Я не возражаю, хоть и привыкла к холоду. Все-таки теплая одежда лучше, чем ее полное отсутствие. К тому же мантия мягкая.

Вдобавок она скрывает от них мои руки. А значит, если мне все-таки удастся освободить запястья от веревки, они узнают об этом, только когда будет слишком поздно.

Он уже второй раз совершает ошибку.

Я стараюсь сосредоточиться на побеге и не поддаваться отчаянию. Даже когда руки будут свободны, мне все равно придется как-то оторваться от этих двоих. Но если скроюсь от них, то, думаю, они уже не смогут меня найти. Возможно, рыцарь умеет ориентироваться по следам, но за долгие годы я мастерски научилась замечать свои.

Навыки Оука – помимо искусства быть лордом – мне не известны. Может, несмотря на высокопарные речи и знатное происхождение, он опасается споткнуться и напороться на свой же роскошный меч, потому-то и взял с собой рыцаря.

Если они отвлекутся хотя бы на секунду, я опущу ладони к земле и, сделав шаг в петлю, которую образуют мои руки, перенесу их вперед. А потом перегрызу веревку.

Правда, я не могу представить, зачем бы им давать мне такую возможность. Но продолжаю крутить запястьями под мантией Оука, пытаюсь растянуть веревку как можно сильнее.

Выйдя из леса, мы оказываемся на незнакомой мне улице. Дома расположены на большем расстоянии друг от друга, чем в том районе, где живет моя семья, и выглядят обветшалые. Газоны не стрижены. Где-то вдалеке лает собака.

Меня ведут по грязной дороге. Она упирается в заброшенный дом с заколоченными окнами, окруженный такой высокой травой, что газонокосилка, наверное, подавилась бы. Снаружи стоят два феерийских скакуна цвета слоновой кости. Мягкие их шеи длиннее, чем у смертных лошадей.

– Сюда? – спрашиваю я. Произношу это слово четко, пусть и по-прежнему охрипшим голосом.

– А что, тут слишком грязно для вашего высочества? – интересуется рыцарь, приподняв брови, словно я могла забыть о своем запачканном платье и невымытых ногах. Словно не знаю, что я уже давно не королева, и не помню того, как сестра Оука распустила мой Двор.

Втягиваю голову в плечи. Я привыкла к подобным играм в слова: в них никогда нет правильного ответа, а за любой неправильный тебя наказывают. Поэтому я держу рот на замке, искоса глядя на поцарапанную щеку принца. Я уже и так наделала достаточно ошибок.

– Не слушайте Тирнана. Внутри не так уж и плохо, – говорит Оук с любезной улыбкой, которая должна убедить меня, что можно ослабить бдительность. Но я напрягаюсь еще сильнее. Я научилась опасаться таких улыбок. Он взмахивает рукой и продолжает: – Там мы сможем объяснить, почему были вынуждены прибегнуть к такой страшной неучтивости.

Под «неучтивостью» он имеет в виду то, что они меня связали.

Рыцарь – Тирнан – открывает дверь, навалившись на нее плечом. Мы заходим внутрь; Оук идет позади меня, так что надежды сбежать нет. Рассохшиеся деревянные доски стонут под его копытцами.

Дом явно пустует довольно долго. Обои в цветочек исписаны граффити, а под раковиной нет шкафчика – видимо, его выломали в попытках добраться до медных водопроводных труб. Тирнан ведет меня в угол кухни, где стоит покосившийся пластиковый стол в окружении нескольких потертых стульев.

На одном из них сидит солдат с крылом вместо руки. У него смугловатая кожа, длинные волосы цвета красного дерева и невероятные фиолетовые, как аконит, глаза. Мне он не знаком, но, кажется, я догадываюсь, какое заклятье на него наложено. После Змеиной битвы Верховная королева – сестра Оука – приказала наложить заклятье на всех солдат, которые последовали за Мадоксом и не пожелали искупить вину. Их превратили в соколов с условием, что они смогут вернуть истинное обличье, только если в течение года и одного дня не нападут ни на одно живое существо и будут питаться лишь подаванием. Я не понимаю, как так вышло, но этот солдат выглядит только наполовину заколдованным. Прищурившись, я замечаю вокруг него порванные нити магии. Они кружатся и извиваются, словно корни, которые пытаются восстановиться и прорасти вновь.

Это заклинание нелегко разрушить.

А еще я вижу на его лице кожаные ремешки и золотистые крепления уздечки. Вздрагиваю, узнав эту вещь. Она мне тоже знакома.

Ее создал кузнец по имени Гримсен, а затем отдал моим родителям.

Лорд Джарел надел ее на меня. Это случилось давным-давно, когда свобода моей воли стала для них неудобством, от которого необходимо избавиться, словно от паутины под потолком. Увидев уздечку, я снова ощущаю смесь паники, страха и бессилия, которые испытывала, когда ремешки медленно вращались в кожу.

Немногим позже он с ее помощью пытался заманить в рабство Верховных короля и королеву. Он потерпел неудачу, и уздечка оказалась в их руках. Однако меня приводит в ужас тот факт, что Оук надел ее на своего пленника и ведет себя так, будто это в порядке вещей.

– Тирнан поймал его недалеко от Цитадели вашей матери. Нам надо было узнать ее планы, и он оказался чрезвычайно полезен. К сожалению, еще и чрезвычайно опасен. – Я слышу голос Оука, но мне сложно сосредоточить взгляд хоть на чем-то, кроме уздечки. – У вашей матери осталась горстка разномастных вассалов. К тому же она кое-что ukrала...

– Этих «кое-что» даже несколько, – поправляет его бывший сокол.

Тирнан бьет сапогом по ножке стула, на котором сидит сокол, но тот лишь улыбается в ответ. Они могут заставить солдата в уздечке сделать и сказать все что угодно. Он надежно заперт внутри себя, и ни одна веревка не связала бы крепче. Я восхищаюсь его непокорностью, какой бы бесполезной она ни была.

– Вассалов? – эхом повторяю слово, сказанное принцем. Мой голос по-прежнему хрипит.

– Она снова заняла Цитадель Двора Зубов, но поскольку Двор распушен, она создала новый, – отвечает Оук, приподняв брови. – А еще она обладает древней магией и способна создавать существ. Как мы поняли, в основном из сучков и древесины, но также из частей тел мертвецов.

– Как? – в ужасе спрашиваю я.

– Разве это имеет значение? – говорит Тирнан. – Ты должна была держать ее под контролем.

Я надеюсь, он способен прочитать в моих глазах ненависть. Да, Верховная королева заставила леди Ноури принести мне клятву верности после сражения. Да, я имела возможность повелевать ею, но это вовсе не значит, что я знала хоть что-то о том, как это делать.

– Тирнан, она была совсем ребенком, – к моему удивлению, произносит Оук.

– Таким же, как и я.

В камине тлеют несколько угольков. Тирнан фыркает и, опустившись на колени, добавляет несколько бревен, а также пару скомканных страниц, которые он вырывает из и так подранной поваренной книги. Края бумаги загораются, и пламя вспыхивает с новой силой.

- Вы будете глупцом, если доверитесь бывшей королеве Двора Зубов.

- Ты правда так уверен, что можешь отличить союзников от врагов? - Оук достает из груды поленьев длинную палку, достаточно тонкую, чтобы послужить лучиной. Он держит ее в огне, пока кончик не загорается, а потом зажигает ею свечи, расставленные по комнате. Вскоре вокруг нас образуется несколько теплых лужиц света. Они мерцают, приводя тени в движение.

Тирнан устремляет взгляд на солдата в уздечке и долго смотрит на него, прежде чем обернуться ко мне.

- Проголодалась, маленькая королева?

- Не называй меня так, - хриплю я.

- Какие мы сердитые, - отзывается Тирнан. - Тогда как вы желаете, чтобы ваш покорный слуга обращался к вам?

- Рэн, - отвечаю я, игнорируя издевку.

Оук наблюдает за нашим диалогом из-под прикрытых век. Даже предположить не могу, о чем он думает.

- Желаете принять участие в трапезе?

Я отрицательно качаю головой. Рыцарь скептически поднимает брови. Секунду спустя он поворачивается ко мне спиной, берет чайник, успевший почернеть от копоти, и подносит к крану, чтобы наполнить водой. Затем вешает его на прут, который они специально для этой цели приделали к камину. И хотя электричества в доме нет, водоснабжение по-прежнему работает.

В первый раз за очень-очень долгое время мечтаю принять душ. Представляю, как почувствовала бы себя, если бы вычесала из волос колтуны и если бы кожа головы больше не зудела от присохшей к ней грязи.

Оук подходит ко мне. Я сижу, отведя плечи назад из-за того, что руки связаны за спиной.

- Леди Рэн, - говорит он, открыто встречаясь со мной взглядом янтарно-лисыих глаз, - если избавлю вас от пут, могу ли я рассчитывать на то, что за время нашего пребывания в этом доме вы не попытаетесь ни сбежать, ни напасть на нас?

Я коротко киваю.

Его губы на мгновение растягиваются в заговорщической улыбке. Мое собственное лицо предает меня, и я улыбаюсь ему в ответ. Внезапно вспоминаю, каким очаровательным ребенком он был. И задаюсь вопросом:

неужели возможно такое, что я неправильно поняла ситуацию и мы все-таки на одной стороне?

Оук достает нож из щитка для запястья, скрытого под рукавом белой льняной рубашки, и тянется к веревке за моей спиной.

– Не перерезайте ее, – предупреждает рыцарь. – Иначе придется искать новую. Не исключено, что нам придется связать королеву еще раз.

Я напрягаюсь, ожидая, что указания разозлят Оука. Он – представитель королевской семьи, а значит, те, чей статус ниже, не имеют права говорить ему, что делать. Однако принц только качает головой.

– Не беспокойся. Я применяю острое клинка, только чтобы распутать твои чересчур хитроумные узлы.

Я изучаю Тирнана в тусклом свете камина и свеч. Возраст фейри трудно определить наугад, но он выглядит лишь немногим старше Оука. Его волосы цвета ежевики взъерошены, заостренное ухо проколото – в нем виднеется серебряное колечко.

Кладу руки на колени и принимаюсь растирать следы, оставленные на них веревкой. Не будь я связана так крепко, они не оказались бы и вполовину такими глубокими.

Оук откладывает нож в сторону и чрезвычайно торжественно заявляет:

– Миледи, Эльфхейм просит вас о содействии.

Тирнан отрывает взгляд от камина, но ничего не говорит.

Я не знаю, что ответить. Я не привыкла к чужому вниманию и смущаюсь из-за того, что его интерес направлен на меня.

– Я уже принесла клятву верности вашей сестре, – удается прохрипеть мне. Если бы я этого не сделала, то меня бы не было в живых. – Я подчинюсь любому ее приказанию.

Оук хмурится.

– Позвольте, я поясню. За несколько месяцев до Змеиной битвы леди Ноури устроила под замком взрыв.

Я бросаю взгляд на бывшего сокола, пытаюсь понять, не принимал ли он в этом деле участия. Возможно, я должна его помнить. Некоторые мои воспоминания, касающиеся того времени, кошмарно детальны, а другие, напротив, словно залиты чернильными кляксами.

– Тогда все решили, что целью нападения были шпионы Эльфхейма, а место захоронения королевы Мэб оказалось потревожено случайно. – Оук делает паузу и смотрит на меня, словно пытаюсь понять, успеваю ли я за ходом его мысли. – Когда фейри умирают, их тела обычно распадаются на корни и цветы, но с Мэб такого не произошло. Ее останки, от ребер до фаланг пальцев, были пропитаны силой, благодаря которой остались невредимы, –

силой, дарящей жизнь. Вот что украла леди Ноури. Это источник ее новых способностей.

Он жестом указывает на солдата в уздечке.

– Леди Ноури пытается переманить на свою сторону как можно больше фейри. Тем, кого обратили в соколов, она предлагает следующее: если они прилетят в ее Цитадель, она будет собственноручно кормить их в течение года и одного дня, пока им запрещено охотиться. А когда они вернут свою первоначальную форму, то должны будут присягнуть ей. К тому же в ее распоряжении фейри, сохранившие ей верность, и чудовища, которых она создает. Похоже, ее план отомстить Эльфхейму претворяется в реальность очень быстрыми темпами.

Я перевожу взгляд на пленника. Верховная королева даровала помилование всем солдатам, которые раскаялись в содеянном и принесли ей клятву верности. Она проявила милосердие к каждому, кто покаялся в преступлении. Но этот мужчина отказался.

Я вспоминаю, как сама стояла перед Верховной королевой в ту ночь, когда Оук вступился за меня. «Помнишь, ты сказала, что мы не можем ничем помочь ей? А теперь-то можем, правда?» В его голосе звучала жалость.

Надеясь быть полезной, я хвасталась перед Верховной королевой, что знаю все тайны леди Ноури и лорда Джарела. Мне казалось, что раз они без опаски ведут при мне разговоры, считая меня не маленькой девочкой, а тупым зверьком, значит, ничего не утаивают. Но об этом они не говорили ни разу.

– Не могу вспомнить, чтобы они упоминали кости Мэб.

Оук внимательно наблюдает за мной.

– Вы жили в Цитадели Ледяной Иглы больше года, поэтому должны хорошо там ориентироваться, да и к тому же можете повелевать леди Ноури. Вы – ее главная уязвимость. Какие бы планы она ни строила, у нее есть серьезные основания желать вам смерти.

Услышав его слова, я вздрагиваю, потому что должна была до этого додуматься. Вспоминаю длинные ногти Богданы и панику, которую испытывала, когда она гналась за мной по улицам города смертных.

– Нам нужно, чтобы вы ее остановили, – продолжает Оук. – А вам нужна наша помощь, чтобы отражать нападения тех, кого она отправит за вашей головой.

Как бы меня это ни злило, он прав.

– Может быть, ты заставила леди Ноури что-нибудь тебе пообещать, прежде чем она покинула Эльфхейм? – с надеждой спрашивает Тирнан.

Я отрицательно качаю головой, пристыженно глядя в пол. Леди Ноури ускользнула прочь, как только выдалась возможность. Я не успела ничего ей сказать. А когда поняла, что она сбежала, едва ли почувствовала хоть что-то, кроме облегчения.

Я вспоминаю слова, которые она произнесла перед Верховной королевой, когда Джуд потребовала, чтобы она принесла мне клятву: «Я, леди Ноури из Двора Зубов, клянусь следовать за Сурен и подчиняться любому ее приказу». К сожалению, ни единого слова о том, что она не ударит меня ножом в спину. Или что не отправит за мной Грозовую ведьму.

Тирнан хмурится, как будто то, что я не дала леди Ноури никаких приказаний, убедило его в моей ненадежности. Он поворачивается к Оуку.

– Вы знаете, что леди Ноури затаила злобу на Мадока, и неважно, заслуженно это или нет. Кто знает, какие обиды помнит эта девчонка?

– Давай не будем сейчас обсуждать моего отца, – отвечает ему Оук.

Мадок – предатель, пытавшийся завоевать Эльфхейм вместе с Двором Зубов. До этого он был Главным генералом, который нес ответственность за убийство большей части королевской семьи. А еще он являлся приемным отцом Оука.

Мадок хотел посадить Оука на трон и с помощью него править всем Эльфхеймом. Корона бы венчала голову Оука, но вся власть была бы сосредоточена в руках Главного генерала. По крайней мере до тех пор, пока лорд Джарел и леди Ноури не перехитрили бы Мадока и не отняли у него бразды правления.

Я знаю, как неустойчиво положение правителя без власти. Знаю, каково это, когда тебя контролируют и унижают. Такой могла бы стать судьба Оука. Но если принц и испытывает какую-то неприязнь по отношению к отцу, то по его лицу этого не видно.

Тирнан наклоняется к огню, чтобы кочергой достать из камина металлический чайник, а потом осторожно опускает его на сложенное полотенце. Из чайника валит пар.

Затем он достает из шкафчика несколько пенопластовых упаковок рамена быстрого приготовления и открытую коробку мятного чая. Заметив, что я наблюдаю за ним, он кивает в сторону Оука.

– Принц познакомил меня с этим деликатесом мира смертных. Конечно, тут столько соли, что ненадолго возникают трудности с магией, но не могу отрицать: хочется есть его снова и снова.

Я вдыхаю аромат еды и вспоминаю то удовольствие, которое испытываешь, когда кладешь в рот что-то обжигающе-горячее. Что-то, что только что приготовили, а не достали из мусорного ведра.

От рамена я отказываюсь, но, когда Оук протягивает кружку чая, принимаю ее. Заглядываю внутрь и вижу на дне осадок. «Сахар», – сказал бы он, если бы я спросила. Сахар там наверняка есть, но как я могу быть уверена, что они не подмешали туда какой-нибудь наркотик или, может быть, яд?

«Они не хотят меня убивать, – пытаюсь убедить себя. – Я нужна им живой».

А они нужны мне, если я хочу выжить. Раз за мной охотится леди Ноури и ей помогает Богдана, принц и его спутник – моя единственная надежда на спасение.

– Так чего вы от меня хотите? – Я горжусь тем, что произнесла целое предложение и у меня ни разу не сорвался голос.

– Отправьтесь на север со мной, – отвечает Оук, опускаясь на пластиковый стул рядом с моим. – Прикажите леди Ноури украсить бантом и преподнести себя в подарок Эльфхейму. Мы вернем кости Мэб и положим конец угрозе...

– С вами? – Я гляжу на него в упор, не сомневаясь, что неправильно его поняла. Принцы сидят во дворцах и наслаждаются кутежами, обжорством и прочими радостями жизни. Королевские шеи слишком ценны, чтобы ими рисковать.

– Со мной и моим храбрым другом Тирнаном. – Оук кивает в сторону Тирнана, и тот закатывает глаза. – Мы вчетвером, включая Гиацинта, отберем Цитадель у леди Ноури и положим конец угрозе, нависшей над Эльфхеймом.

Гиацинт. Так вот как зовут заколдованного солдата.

– А когда завершим наш поход, можете просить меня о награде, и если это будет в моих силах и не чем-то слишком ужасным, то я исполню ваше желание.

Я раздумываю, с какой целью принц делает мне такое предложение. Возможно, дело в амбициях. Если он доставит леди Ноури к Верховному двору, то сможет просить короля о награде. Более того, он закрепит свое положение в качестве наследника, успешно вытеснив будущих королевских детей из списка претендентов на трон.

Наверное, любой принц готов пойти на многое ради прямого и надежного пути к короне. Тем более если эта корона изначально должна была принадлежать ему.

И все же я вспоминаю, как спрайт говорила, что Оук не подходит на роль правителя. Слишком избалованный. Слишком буйный.

С другой стороны, она спутница глейстиг, а глейстиг – чудовище, поэтому, пожалуй, ее мнение не стоит принимать в расчет.

Тирнан достает продолговатый деревянный футляр с высеченными на нем узорами в виде виноградных лоз, после чего извлекает карту и разворачивает ее на столе. Оук закрепляет края чайными чашками, ложками и кирпичом, который, видимо, кто-то забросил в окно.

– Сначала надо отправиться на юг, – говорит принц. – К ведьме, которая сообщит нам некоторые сведения – они, надеюсь, помогут перехитрить леди Ноури. Потом мы повернем на северо-восток, пересечем море и Ревущий пролив, а затем пройдем по Каменному лесу и окажемся в ее крепости.

– Наш отряд маленький, а значит, маневренный, – добавляет Тирнан. – И спрятаться будет легче. Хотя я по-прежнему считаю, что идти через Каменный лес – глупая затея.

Оук ведет пальцем по карте, вычерчивая предполагаемый маршрут, и лукаво улыбается.

– Я глупец, который все это затеял.

Ни один, ни другой, похоже, не намерены рассказывать мне о ведьме или о хитрости, которой она должна нас научить.

Я смотрю на предстоящую нам дорогу и место, куда она приведет. Цитадель Ледяной Иглы. Полагаю, она ничуть не изменилась и все так же сияет в солнечных лучах, словно сделана из сахарной ваты. Или из раскаленного стекла.

Каменный лес и правда опасен. Живущие там тролли не принадлежат ни к одному из Дворов и не признают ничьей власти, кроме собственной, а деревья движутся по своей воле. Но, с другой стороны, сейчас опасно везде.

Я снова окидываю взглядом Гиацинта, птичье крыло и уздечку, сдавливающую его щеки. Если Оук не снимет ее, через некоторое время она вырастет в лицо и станет невидимой. Тогда от нее уже будет невозможно избавиться. И он навсегда станет рабом принца.

Последний раз, когда я носила ее, леди Ноури и лорд Джарел задумали выступить против Верховного двора и лишь поэтому перерезали ремешки, оставившие шрамы, которые до сих пор виднеются вдоль моих скул. В моей памяти сохранились воспоминания о том, что со мной сделают, если я откажусь повиноваться им.

Затем они привели меня к Верховной королеве и предложили соединить меня узами брака с ее братом и наследником – принцем Оуком.

Трудно объяснить, какую дикую надежду я тогда испытала.

Подумала, что она может согласиться. Как минимум две сестры Оука были смертными девушками, и хотя я понимала, что это глупо, но не могла отделаться от мысли, что раз они смертные, значит, проявят доброту. Возможно, подобный союз принес бы выгоду всем сторонам и я смогла бы сбежать из Двора Зубов. Я старалась сохранить невозмутимый вид. Стоило леди Ноури и лорду Джарелу заметить, что их идея мне нравится, они бы сразу нашли способ превратить ее в пытку.

Оук сидел, развалившись на подушке у ног сестры. Похоже, никто не ожидал от него царственного поведения. При упоминании о свадьбе он поднял на меня взгляд, и его передернуло от отвращения.

Его старшая сестра чуть заметно изогнула губу, как будто ей было противно от одной только мысли, что я могу к нему приблизиться. «Оук не может иметь ничего общего ни с этими людьми, ни с их жуткой дочерью», – сказала тогда она.

В ту секунду я ненавидела его за то, что он настолько им дорог. За то, что его балуют и относятся к нему так, словно он заслуживает защиты, которой у меня нет.

Возможно, я до сих пор его чуть-чуть ненавижу. И все-таки в детстве он был добр ко мне. Но кто знает, может, в нем еще осталась капелька доброты.

Оук в любой момент может снять с Гиацинта уздечку. Не исключено, что он сделает это, если решит надеть ее на меня. Раз я главная уязвимость леди Ноури, есть вероятность, что он захочет исключить риск случайно лишиться такого ценного оружия.

Слишком велик риск считать, что принц откажется от этого по доброте душевной.

Но даже если он не станет использовать поводок, чтобы держать меня под контролем, или напоминать о том, что я принесла клятву верности его сестре, мне все равно придется отправиться на север и встретиться с леди Ноури лицом к лицу. Иначе она снова будет отправлять за мной Грозовую ведьму или другое чудовище, пока кто-то из них меня не убьет. Путешествие с Оуком и Тирнаном – лучшая возможность дожить до того момента, когда я смогу ее остановить, и единственная возможность подобраться к ней настолько близко, чтобы повелевать ею.

– Ладно, – отвечаю я, словно у меня был выбор. На этот раз у меня не срывается голос. – Я пойду с вами.

В конце концов, леди Ноури лишила меня всего, что я любила. Мне доставит немалое удовольствие отплатить ей тем же.

Однако я понимаю, что как бы учтиво они себя ни вели, я их пленница не в меньшей степени, чем однокрылый солдат. Я могу отдавать приказы леди Ноури, но принц Эльфхейма имеет власть распоряжаться мной.

Глава 3

В ту ночь, когда Мадок, леди Ноури и лорд Джарел тщетно пытались договориться о нашей свадьбе, Оук тихонько проскользнул в лагерь, разбитый предательской армией Мадока и Двором Зубов. Там он и нашел меня, сидящую на привязи, словно коза.

Ему тогда было около девяти, а мне – десять. Я зарычала на него. Это я точно помню.

Я решила, что он ищет отца и что он глупец. Судя по всему, Мадок был из тех фейри, кто мог запечь его на костре, поглотить плоть, а потом сказать, что действовал исключительно из любви. К тому времени я успела достаточно близко познакомиться с подобным проявлением любви.

При виде меня он явно расстроился. Ему стоило бы научиться не выставлять эмоции напоказ. Однако он полагал, что другим есть какое-то дело до его чувств, поэтому не утруждал себя скрывать их.

И тогда я задумалась. А что, если я прыгну на него, когда он приблизится, и повалю на землю? Может быть, если забью его камнем до смерти, то лорд Джарел и леди Ноури вознаградят меня. Но с той же вероятностью они могли меня наказать.

К тому же мне не хотелось причинять ему боль. Он был первым ребенком, которого я встретила с тех пор, как попала к фейри. Я испытывала любопытство.

– Я принес еду, – сказал он и достал небольшой сверток из сумки, свисавшей с плеча. – На случай, если ты голодна.

Я постоянно была голодна. Здесь, в лагере, я питалась в основном мхом, а иногда – грязью.

Он опустил на землю вышитый платок из паучьего шелка – я никогда в жизни не носила одежды такого высокого качества – и развязал его. Внутри оказались несколько слив и жареная курица. А затем он сделал несколько шагов назад, давая мне возможность спокойно поесть, словно это я должна его бояться, а не наоборот.

Я окинула взглядом ближайшие палатки, деревья и потушенный костер, в котором еще тлели угли. Слышала чьи-то голоса, но они доносились до меня издали. Из своего богатого опыта я знала, что, пока лорда Джарела и леди Ноури нет поблизости, никто не подойдет ко мне, даже если закричу.

У меня заурчало в животе. Мне хотелось побыстрее схватить еду, но добрый поступок принца был слишком неожиданным и заставлял задуматься о том, чего он захочет получить взамен. Я привыкла к обману, привыкла к подобным играм.

Я уставилась на него, мысленно отметив его крепкое телосложение. Его явно кормили вдоволь и разрешали бегать во дворе сколько вздумается. Я вглядывалась в его странные рожки, торчавшие из-под мягких золотисто-бронзовых кудрей, и удивительные янтарные глаза. Поражалась тому, с каким комфортом он уселся на землю, скрестив козлиные ноги с копытцами, кончики которых были украшены кусочками листового золота.

На нем была темно-зеленая шерстяная мантия, застегнутая на шее, – достаточно длинная, чтобы на ней сидеть. Под мантией виднелись коричневая туника с позолоченными пуговицами и брюки длиной до колена, которые заканчивались чуть выше изгиба его козлиных ног. У меня не было ни единого предположения, чего он мог хотеть от меня.

– Еда не отравлена, – проговорил он.

Как будто это меня волновало.

Искушение взяло надо мной верх. Я оторвала куриное крылышко и вгрызлась в мясо. Обглодала его до кости, а потом раскусила и ее, чтобы высосать костный мозг. Он заворожено следил за мной.

- Сестры рассказывали мне сказки, - сказал Оук. - Они заснули, а я нет.

Его слова никак не объясняли того, зачем он пришел сюда, однако, услышав их, я почувствовала странную, резкую боль в груди. Мгновение спустя я поняла, что это зависть. У него были сестры. Они рассказывали ему сказки.

- Ты вообще разговариваешь? - спросил он, и я поняла, как давно храню молчание. Еще в мире смертных я была робким ребенком, а оказавшись в Фейриленде, быстро поняла, что когда открываю рот, то ничем хорошим это не кончается.

- Не часто, - призналась я и, увидев его улыбку, улыбнулась в ответ.

- Хочешь, поиграем в игру? - Он придвинулся поближе, глядя на меня своими яркими глазами. Опустил руку в карман и достал несколько металлических фигурок. На его мозолистой ладони лежали три серебряные лисички, на их мордочках вместо глаз сверкали кусочки хризолита.

Я озадаченно уставилась на него. Неужели он прошел весь этот путь, чтобы сидеть в грязи и показывать мне свои игрушки? Возможно, он тоже давно не видел других детей.

Я взяла одну из лисичек, чтобы внимательно ее осмотреть. Она была сделана очень искусно, со множеством деталей.

- Как играть?

- Нужно их бросать. - Он сложил ладони замком, потряс между ними лисичек и кинул их в траву. - Если они приземлятся на ноги, получаешь десять очков. Если на спины - пять. А если на бок, тогда ничего не получаешь.

После его броска две лисички приземлились на бок, одна - на спину.

Я с жадностью потянулась за игрушками. Мне хотелось взять этих лисичек в руки, ощутить, как они выскальзывают из моих пальцев.

Когда это случилось и две из них упали на спины, я восторженно ахнула.

Мы играли снова и снова, отмечая счет полосками на грязи.

Поначалу я наслаждалась тем, что могу на время сбежать от себя и своего положения. Но потом вдруг вспомнила: пусть ему было нечего от меня хотеть, мне от него было нужно многое.

- Давай играть на ставки, - предложила я.

Идея его заинтриговала.

- На что сыграем?

Я была не так глупа, чтобы сразу просить о чем-то важном.

- Если проиграешь, расскажешь мне тайну. Любую, какую захочешь. А я сделаю то же самое для тебя.

Мы кинули лисичек, и я проиграла.

Он подался вперед и оказался так близко ко мне, что я почувствовала ароматы шалфея и розмарина, которые лежали среди его одежд, прежде чем он надел их. Так близко, что я могла бы откусить кусочек плоти от его шеи.

- Я выросла в мире смертных, - сказала я.

- Я тоже там бывал. - Кажется, его приятно удивил тот факт, что у нас нашлось что-то общее. - И пробовал пиццу.

Я думала, принц Фейриленда может совершить путешествие в мир смертных исключительно по какому-нибудь зловещему делу, однако поедание пиццы не казалось таким уж жутким мероприятием.

Мы сыграли еще раз, и теперь победа осталась за мной. Его улыбка потускнела, и он понизил голос до шепота:

- Вот тебе настоящая тайна. Пожалуйста, никому не рассказывай. Когда был маленьким, я зачаровал свою смертную сестру. Заставил ее шлепать себя по щекам много раз, снова и снова, и смеялся, пока она это делала. Ужасный поступок, знаю, но я так и не сказал ей, что сожалею. Боюсь напоминать ей о том дне. Она может на меня очень разозлиться.

Мне стало интересно, какую из сестер он зачаровал. Оставалось только надеяться, что не ту, которая сейчас восседает на троне и держит его жизнь в своих руках.

Тем не менее его слова напомнили мне о том, что, каким бы мягким и юным он ни выглядел, он был способен на жестокость так же, как и все остальные. Но, ужасный он или нет, у меня был шанс добиться его помощи. Я перевела взгляд на столб, к которому была привязана.

- Давай, если я наберу больше очков, ты перережешь веревку и освободишь меня. А если выиграешь ты, можешь... просить меня что-нибудь сделать - что угодно, - и я это сделаю.

Безрассудная сделка. Но надежда заставила меня пренебречь осторожностью.

Оук нахмурился.

- Если я освобожу тебя, что случится потом?

Видимо, он все-таки задавался вопросом, почему меня держат на привязи - не из-за того ли, что я опасна? Может быть, он подумал, что как только освободит меня, то я брошусь на него и причиню боль. Значит, он был не

таким глупым, каким казался на первый взгляд. Но если он хотел, чтобы я поклялась служить ему, этого я сделать не могла.

Каждый Двор присягал на верность своему правителю, а эти правители давали клятву при Верховном дворе. Когда к власти пришел Верховный король Кардан, я, королева Двора Зубов, была спрятана в мире смертных и поэтому не смогла принести ему клятву верности. Именно по этой причине леди Ноури и лорд Джарел получили возможность предать его. Стоило мне присягнуть хоть кому-нибудь, и они убили бы меня прямо на месте, потому что я стала бы для них бесполезна.

– Если хочешь, пойдем во дворец, и ты покажешь мне, какие еще у тебя есть игры, – предложила ему. Я бы пряталась там так долго, как только могла. Не исключено, что этого времени хватило бы, чтобы леди Ноури и лорд Джарел перестали меня искать.

Он кивнул.

– Кидай первая.

Я зажала лисичек в ладони и тихонько прошептала им:

– Пожалуйста.

Одна из них упала на спину, другая – на ноги, третья – на бок. Всего пятнадцать очков. Хороший результат, но не идеальный.

Оук собрал их, потряс в руке и кинул. Все они приземлились на ноги. Тридцать очков.

Он засмеялся и захлопал в ладоши.

– Теперь ты обязана выполнить то, что я захочу!

Я вспомнила, что он заставил сделать сестру ради собственного веселья, и вздрогнула. В это мгновение тайна, которой он поделился, показалась мне не столько признанием, сколько предостережением.

– И что же? – прорычала я.

Оук нахмурился, явно пытаясь что-нибудь придумать. Потом складки на его лбу разгладились, и я стала с ужасом ждать, что последует дальше.

– Спой песенку, – попросил он, и его губы расплылись в озорной улыбке.

Пытаясь унять приступ паники, я оглядела лагерь и попыталась возразить:

– Они ведь услышат.

Он покачал головой, по-прежнему широко улыбаясь.

– Можешь петь тихо. К тому же мы с тобой все это время разговаривали. И теперь не обязательно повышать голос.

В голове вдруг стало совершенно пусто. Всего год назад мы с моей не-сестрой танцевали по дому под песни из фильмов о храбрых принцессах, но сейчас я не могла вспомнить ни одну из них. На ум приходили одни только кровожадные баллады из Двора Зубов. Но когда я открыла рот, из него полилась мелодия, которую не-мама напевала, укладывая меня спать. Слова песни оказались смесью одного и другого:

- Спой песенку вместе со мной, - начала так тихо, как только могла, - в кармане змей проживает злой. Коль голову мне откусит, то вслед за ней и вся боль отступит.

Оук рассмеялся, как будто я спела нечто забавное, а не странную и мрачную бессмыслицу. Но как бы плохо я ни справилась, мой долг был оплачен, а значит, меня ждала еще одна возможность обрести свободу.

Я тут же схватила лисичек, чтобы не дать ему времени изменить ставку.

Одна приземлилась на ноги, две на бок. Пять убогих, дурацких, бесполезных очков. С таким результатом победить почти невозможно. Мне хотелось пнуть фигурки, чтобы они потонули в грязи, или бросить ими прямо в Оука. Мне придется выполнить его вторую просьбу, хотя у меня по-прежнему ничего нет. Я почувствовала, как щиплет глаза от подступающих слез, почувствовала знакомый привкус соли во рту. Я была невезучим, злосчастливым ребенком, и...

Оук бросил лисичек, и все они упали на бок. Он получил ноль очков.

Я уставилась на него, затаив дыхание. Я выиграла. Победила!

На его лице не отразилось разочарования из-за того, что нужно расплачиваться. Широко улыбаясь, он поднялся на ноги и достал нож из футляра, который я до этого не замечала, ведь он скрывался в рукаве его туники. Рукоять была украшена золотом, а само лезвие, выполненное в форме листа, выглядело острым.

Однако толстая веревка не поддавалась: даже разделять ее на нити получалось с трудом, а на то, чтобы разрезать каждую из них, уходило по несколько минут. Я уже пробовала перегрызть оковы зубами - без особого успеха, - но не думала, что они настолько прочные.

- Веревка зачарована, - расстроенным голосом признал он.

- Режь быстрее, - сказала я, чем заслужила недовольный взгляд принца.

Мои пальцы дрожали от напряженного ожидания. Но не успел он продвинуться и на четверть, как мы услышали громоподобный стук лошадиных копыт и дребезжание кареты. Я одержала победу слишком поздно - леди Ноури и лорд Джарел уже возвращались в лагерь. Я знала: они придут убедиться, что я сижу на том же месте, где они меня оставили. Оук принялся рубить веревку еще отчаяннее, но я понимала, что сбежать уже не удастся.

- Уходи, - попросила я, ощущая во рту горечь разочарования.

Схватив меня за руку, он вложил в нее одну из серебряных лисичек.

- Я вернусь завтра, - сказал он. - Обещаю.

У меня перехватило дыхание от этой беззаботно данной клятвы. Фейри не умели нарушать обещания, поэтому мне оставалось только поверить ему.

Следующей ночью весь Двор Зубов был занят приготовлениями. Лорд Джарел с величайшим самодовольством объявил, что их ждет праздничный пир. Смертная Верховная королева согласилась принять и уздечку, и предложение о перемирии. Мне вручили платье и наказали не пачкать его, поэтому теперь я не могла сесть на землю и была вынуждена стоять.

Я беспокоилась, что меня увезут на пир раньше, чем придет Оук. Я пыталась придумать, как поговорить с ним в замке и упросить освободить меня, когда он вдруг появился на опушке леса. Он волочил за собой меч, такой длинный, что нести его за поясом было просто невозможно. Это зрелище напомнило мне, как Оук заслонил собой мать, когда король-змея бросился в ее сторону. - тогда он казался мне сказочным принцем, готовым дать отпор дракону. Несмотря на мягкость и избалованность, он умел быть отважным.

Оук подмигнул мне, и я задумалась: а может быть, он ведет себя так храбро лишь потому, что не понимает, какая опасность ему грозит?

Я бросила взгляд на лагерь, а затем уставилась на принца округленными глазами, пытаясь его предостеречь. Однако он все равно подошел ко мне, достал меч и принялся перерезать им мои путы.

- Его имя Закат, - прошептал он. - Он принадлежит Джуд.

Оук говорил о сестре. О Верховной королеве. Пусть и в его, и в моих жилах текла королевская кровь, мы безмерно друг от друга отличались. У него была семья, в которой отношения ставились выше титула. Родные люди, чей меч он не боялся украсть.

Судя по всему, клинок был изготовлен умелым мастером: его острое лезвие справлялось с зачарованными путами гораздо быстрее маленького ножика.

- Ее смертный отец был кузнецом, - продолжил объяснять Оук. - Он выковал этот меч еще до ее рождения.

- А где он сейчас?

Я задумалась. Неужели у Верховной королевы тоже где-то есть своя не-семья?

- Его убил Мадок. - Оук произнес эти слова таким тоном, будто понимал, что это плохой поступок, но не настолько плохой, чтобы его сестра затаила на Мадока обиду. Я не знала, чего ожидала; пусть Оук любил пиццу, пусть считал сестер исключением из правил, но это вовсе не означало, что жизни обычных смертных имели для него хоть какое-то значение.

Я перевела взгляд на главный лагерь, где возвышался шатер Мадока. Наверное, в это мгновение генерал готовился к пиру. Готовился обмануть свою приемную дочь Джуд – ту самую, отца которой он убил и чей меч перерезал сейчас мои пути. Оук, похоже, сильно заблуждался в том, что Мадок из любви пощадит его, если мы попадемся, но я в этом сомневалась.

Последняя нить поддалась, и хотя веревка все еще обвивала мою ногу, теперь я была свободна.

– Они отправляются на пир, – прошептала я. – Нас могут заметить.

Он взял меня за руку и потянул в сторону леса.

– Тогда нам лучше поспешить. Пойдем, спрячемся в моей комнате.

Мы вместе бежали по лесному мху, мимо белых деревьев с красными листьями и ручьев, из которых за нами следили бледноглазые пикси.

Все это немного напоминало игры леди Ноури и лорда Джарела. Иногда их поступки наводили на мысль, что они заботятся обо мне, но потом они начинали вести себя так, будто никогда не испытывали ко мне ничего, кроме отвращения. Они оставляли на виду что-то, чего мне очень хотелось, – к примеру, или еду, или ключ от комнаты в Цитадели, где можно было спрятаться, или книгу, которую я могла почитать, пока прячусь, – а потом наказывали меня за то, что я это взяла.

Но я все равно бежала вперед, сжимая пальцы Оука, словно он мог привести меня в мир, где существуют другие игры. Мое сердце озарила надежда.

Заметив других фейри, мы замедляли бег. Мы оставили лагерь Двора Зубов далеко позади, а значит, солдаты, от которых мы прятались, служили Эльфхейму. Однако меня это несколько не успокаивало. Конечно, они не причинили бы зла Оуку, но запросто могли запереть меня в темнице или Башне забвения.

Добравшись до дворца, мы миновали первый пост охранников. Они лишь поклонились Оуку, а если их и удивило то, что принц вернулся в компании девочки, за которой волочилась грязная веревка, они оставили замечания при себе. Дворец Эльфхейма представлял собой поросший травой холм, в котором виднелись окна. Внутри оказались каменные стены, кое-где покрытые известью или утрамбованной землей. Это место было совсем не похоже на холодные сводчатые залы Цитадели. Мы поднялись сначала по одной лестнице, потом по другой, когда вдруг столкнулись с женщиной-рыцарем.

Она была с головы до ног облачена в зеленое, а ее доспехи состояли из искусно выкованных листьев. Волосы цвета сельдерея были убраны назад, обнажая угловатое лицо с чертами как у насекомого.

– Принц, – проговорила женщина. – Ваша мать повсюду вас ищет. Она хотела удостовериться, что вы в безопасности.

Оук холодно кивнул.

- Передай ей, что я вернулся.

- И что мне сказать ей, когда она спросит, где вы были? - Рыцарь взглянула на меня, потом на украденный меч. Я со страхом заметила, что в ее глазах промелькнула искра понимания. Кажется, она узнала его.

- Скажи, что я в порядке, - бросил принц, специально притворяясь, что недопонял ее.

- А как мне обращаться к вашей... - начала она, пытаюсь одновременно и допросить его, и проявить уважение к его положению.

Но терпение Оука, похоже, истощилось.

- Обращайся к нам, как захочешь! - выкрикнул он, а затем схватил меня за руку и потащил вверх по ступеням. Забежав в его комнату, мы захлопнули дверь и в изнеможении прижались к ней спинами.

Я взглянула на принца; он широко улыбался. Как бы странно это ни было, мне вдруг захотелось рассмеяться.

Комната оказалась очень большой. Стены были выкрашены белоснежной краской, а из круглого окна лился свет фонарей, стоявших снаружи. До нас долетали отголоски музыки - скорее всего, ее играли на пиру, который должен был вот-вот начаться. У стены стояла кровать, заправленная бархатным покрывалом. Над ней висела огромная картина с оленем, который ест яблоки в лесу.

- Это твоя комната? - поинтересовалась я. Здесь не было ничего, что говорило бы о его характере, кроме разве что нескольких книг в мягких обложках на маленьком столике и игральных карт, раскиданных рядом с креслом.

Он кивнул, но в этом движении читалась настороженность.

- Я только вернулся на острова. А до этого жил в мире смертных вместе с одной из моих сестер. Как я вчера и говорил.

Но накануне он выразил эту мысль иначе. Мне показалось, что он гостил там, а не жил постоянно. И я точно не подозревала, что речь идет о столь недавнем прошлом.

Я посмотрела в окно. Из него открывался вид на лес и на море, раскинувшееся за ним. Темная вода мерцала в лунном свете.

- Собираешься обратно? - спросила я.

- Наверное. - Он опустился на колени и открыл ящик комода, в котором лежало несколько игр и пара конструкторов. - Нельзя было брать с собой много вещей.

Я подумала, что он сейчас ни в чем не уверен: против его сестры плелось столько заговоров, что она могла в любой момент потерять корону.

– Ого, у тебя есть «Уно», – сказала я, доставая из ящика коробочку с карточной игрой и вглядываясь в нее, словно в реликвию из древнего разрушенного города.

Оук широко улыбнулся, обрадовавшись, что она мне знакома.

– А еще у меня есть «Мельница» и «Извините!». «Монополия» тоже, но каждая партия длится целую вечность.

– В некоторые из них я играла.

Сейчас, оказавшись на его территории, я чувствовала себя неловко. И не знала, как долго он позволит мне здесь оставаться.

– Выбирай какую хочешь, – предложил он. – А я посмотрю, можно ли стащить что-нибудь из кухни. Сегодня повара столько еды наготовили, что наверняка осталось много лишнего.

Когда он ушел, я с благоговейным трепетом открыла коробку «Извините!» и провела пальцами по пластиковым фишкам. Мне вспомнилось, как однажды вечером мы играли в эту игру с моей не-семьей. Ребекка три раза подряд отправила меня обратно на старт, а потом дразнила из-за этого. Тогда я еще не представляла, что такое настоящие потери и поражения, поэтому разрыдалась, и папа сказал Ребекке, что сохранять благородство при победе так же важно, как и при проигрыше.

Я хотела, чтобы Оук дал мне возможность побыть благородным победителем.

Возвратившись, он принес целый пирог и кувшин сливок. Он забыл про ложки, тарелки и чашки, и мы руками отламывали кусочки бисквита с черничной начинкой, запихивали их в рот и запивали прямо из кувшина. Мы запачкали пальцы и краешки игровых карточек.

Я настолько преисполнилась радостью, что вспомнила об опасности, только когда провернулась дверная ручка. Я едва успела заползти под кровать Оука, зажав рот липкими, грязными пальцами, прежде чем в комнату вошла Ориана.

Я замерла и затаила дыхание. Жена Мадока жила с нами в лагере, когда мы еще были на севере, и поэтому узнала бы меня в ту же секунду.

На мгновение я даже задумалась, не сдать ли мне на ее милость. Возможно, я была бы полезна в качестве заложницы. Если бы Ориана привела меня к Верховной королеве, та наверное, не стала бы проявлять жестокость. До меня никогда не доходили слухи о том, что она учиняла расправы и зверства.

Но если будет заключено перемирие, меня тут же вернут лорду Джарелу и леди Ноури. Верховная королева охотно выполнит все их простые требования, чтобы выиграть хотя бы крохотную возможность отвергнуть трудные.

К тому же я не была до конца уверена, на чьей стороне Ориана.

- Где ты был? - спросила она у Оука резким тоном. - Неужели Виви и эта девчонка Хизер позволяли тебе вытворять такое, пока вы жили в мире смертных? Убегать, никого не предупредив?

- Уходи, - отозвался Оук.

- Стражники сообщили, ты вернулся не один. А еще ходят слухи, что та жуткая девочка из Двора Зубов куда-то пропала.

Он не ответил, смерив мать скучающим взглядом.

- Тебе нельзя приближаться к ней одному.

- Я принц, - бросил он. - И могу делать все, что захочу.

Сначала на лице Орианы отразилось удивление, потом - обида.

- Я оставила Мадока ради тебя.

- И что с того? - Оук, похоже, совершенно не чувствовал вины. - Я не обязан ни слушать тебя, ни выполнять твои приказы. И отвечать тоже не должен.

Я ожидала, что она даст ему пощечину или позовет стражников, чтобы они сделали это за нее, но потом поняла, что те подчиняются не леди Ориане, а принцу. Сейчас власть находилась в руках смертных сестер, которые его любили.

Но я и представить не могла, что мать подойдет к нему, прикоснется ко лбу и осторожно откинёт его темно-золотые волосы, обнажив маленькие рожки.

- Знаю, - ответила она. - А еще понимаю, что не могу желать победы ни одной из сторон. Раньше я проклинала тот день, когда Мадок отправился на поиски этих девчонок, а теперь желаю лишь одного: чтобы мы все снова могли быть вместе.

Оук, недавно так дерзко говоривший с матерью, уткнулся лбом в ее ладонь и прикрыл глаза. В этот момент я осознала, как мало знаю о них. Невооруженным взглядом было видно, что они любят друг друга, и мне отчаянно захотелось, чтобы меня тоже кто-нибудь ласково погладил по волосам.

Ориана вздохнула.

- Пожалуйста, останься сегодня в комнате. Если не хочешь меня слушаться, сделай это хотя бы потому, что на пиру будет скучно, а твоей сестре этой ночью и без тебя хватит забот.

Она поцеловала его в лоб и ушла.

Скрип закрывшейся двери напомнил о том, в каком рискованном положении я находилась. Надо было как-то убедить Оука оставить меня во дворце. Найти причину, достаточно серьезную, чтобы он вступился за меня перед матерью и сестрами. Я не сомневалась, что играю в игры смертных лучше него, пусть

он совсем недавно вернулся в Фейриленд. Более того, я умела жульничать. Могла посчитать количество черничных пятнышек на рубашках карт и перемешать их так, чтобы сверху оказались те, что мне нужны. Ребекка делала так постоянно.

– Давай поиграем в «Рыбку», – предложила я.

Похоже, он испытал облегчение от того, что я не стала расспрашивать его о матери. К примеру, почему он обижается на нее или почему, несмотря на это, она так к нему добра. Я вдруг задумалась: а что, если он искал Мадока, когда наткнулся на меня накануне?

Я принялась тасовать карты и продолжила говорить, чтобы отвлечь его от движений своих рук.

– А что еще было на кухне?

Оук слегка нахмурился, и я занервничала, но тут же поняла, что он просто пытается сосредоточиться.

– Фазаны, – ответил он. – Торты из желудей. Ой, я тут вспомнил. У меня где-то остались сладкие кольца, которые я собирал на Хэллоуин. Я наряжался самим собой.

Его слова прозвучали жутковато, но где-то в глубине души я пожалела, что у меня такой возможности никогда не было.

Я сдала ему нижние карты в колоде, а себе – верхние, позаботившись о том, чтобы в моей руке оказалось много карт одинакового достоинства. Несмотря на это, он победил один раз. Но я выиграла дважды.

Оук позволил мне провести у него под кроватью и ту ночь, и следующую тоже. Уже тогда я узнала, что шансов на перемирие нет, что Двор Зубов проиграл войну и что лорд Джарел – мой отец – погиб.

Впервые более чем за год я спала спокойно и очнулась ото сна, только когда день был уже в разгаре.

Я всегда буду благодарна ему за то время, даже несмотря на то, что три дня спустя стражники вывели меня из его комнаты, заковав в цепи. Даже несмотря на то, что Верховная королева выслала меня из Эльфхейма, а Оук не сказал ни слова, чтобы ее остановить.

Позади заброшенного дома две фейрийских лошади жуют одуванчики в ожидании наездников. Стройные, как лани, и окруженные мягким сиянием, они скользят между деревьями, словно привидения.

Оук подходит к ближайшей из них. У нее нежно-серый окрас, а грива заплетена в нечто, напоминающее сеть, и украшена золотыми бусинами. По обе стороны седла закреплены кожаные сумки. Лошадь сразу утыкается носом в ладонь принца.

- Вам доводилось ездить верхом на фейрийских скакунах? - спрашивает он меня, и я смеряю его взглядом, который он заслуживает.

При Дворе Зубов меня не учили практически ничему из того, что полагается знать ребенку королевских кровей. Мне не показывали, как пользоваться магией, оставив меня такой, какой я была. Я знала лишь простейшие заклинания, не умела вести себя согласно этикету и никогда не ездила на фейрийских лошадях.

- Не доводилось? А ведь вы будете чудесно выглядеть с развевающимися за спиной волосами, - продолжает Оук. - Слово неукротимая феери из древних времен.

От смущения у меня сжимаются внутренности. Возможно, он просто насмехается надо мной, но, услышав его слова, я ощущаю как стыд, так и удовольствие.

Тирнан ведет Гиацинта по газону, придерживая его рукой за спину. Странная манера обращения с пленником.

- Вас хлебом не корми, дай очаровать каждую змею, которая встречается на вашем пути, какой бы хладнокровной и злобной она ни была. Оставьте хотя бы эту в покое.

Я хочу зашипеть на Тирнана, но понимаю, что таким образом только подтверждаю его слова.

- Мне кажется, тебе стоило дать этот совет самому себе много лет назад, - отвечает Оук. В его голосе не слышно раздражения, но по лицу Тирнана я понимаю, что стрела попала точно в цель. Рыцарь прищуривается.

Оук проводит рукой по лицу и на мгновение кажется страшно утомленным. Но стоит ему моргнуть, как он снова приобретает благодушный вид. Мне остается только задаваться вопросом, случилось ли это в действительности или я все выдумала.

- Я считаю, что приятная беседа с друзьями по путешествию делает путь менее утомительным.

- Серьезно? - спрашивает Тирнан, подражая неспешной интонации принца. - Что ж, тогда прошу вас, продолжайте.

- О, я обязательно продолжу, - отзывается Оук.

Теперь на лицах обоих написано раздражение, хотя я понятия не имею почему.

– Как зовут вашу лошадь? – интересуюсь я, чтобы прервать воцарившуюся тишину. Мой голос уже почти не хрипит.

Оук гладит бархатистый лошадиный бок, явно пытаюсь отогнать неприятные мысли.

– В детстве моя сестра Тарин звала ее Летуньей, и имя прижилось. Давайте я помогу вам сесть.

– Какая прелесть, – говорит Гиацинт, впервые за все это время обращаясь к принцу. – Поскачешь в бой на лошади сестренки. А что-нибудь свое у тебя есть, принц? Или одни только девчачьи обноски да барахло?

– Давай уже, – резким тоном произносит Тирнан, – залезай в седло.

– Как прикажешь, – отзывается зачарованный солдат. – Ты же просто обожаешь всеми командовать, не так ли?

– Особенно тобой, – бросает Тирнан и запрыгивает на лошадь позади пленника. Мгновение спустя он понимает, что сказал, и его щеки краснеют. Он находится вне поля зрения Гиацинта, а вот я вижу его прекрасно.

– Он зовет свою лошадь Отрепьем, – продолжает Оук, как будто не слышал их беседы, хотя не обращать на них внимания наверняка непросто.

Заметив, что я наблюдаю за ним, Тирнан бросает на меня такой взгляд, что я сразу вспоминаю: будь его воля, он бы связал мне руки, заткнул кляпом рот и волоком потащил по земле вслед за лошадей.

– Мне нужно забрать вещи, – говорю я. – Из моего лагеря.

Оук и Тирнан переглядываются.

– Разумеется, – отвечает Оук, окончив этот странный безмолвный диалог со своим соратником. – Ведите нас, леди Рэн.

Принц сцепляет пальцы, делая что-то вроде ступеньки, чтобы я смогла забраться на лошадь. Я послушно следую его указу, хотя закинуть ногу на спину животного получается с трудом. Оук изящно запрыгивает в седло передо мной, и я не знаю, куда деть руки.

– Держитесь за меня, – настаивает Оук.

Выбора у меня не остается, и, чтобы не упасть, я вдавливаю пальцы в его талию прямо в том месте, где заканчивается кольчуга. Тепло его тела обжигает меня сквозь тонкую одежду, которую он носит под золотой броней, и жар смущения приливает к моим щекам. Фейрийская лошадь скачет сверхъестественно быстро, и мне кажется, что мы летим. Я пытаюсь говорить Оуку на ухо, давать указания, куда поворачивать дальше, но чувствую, будто половину моих слов уносит ветер.

Когда мы приближаемся к моему ивовому шалашу, лошадь переходит на рысь. Принц вздрагивает, ударившись о защитное заклятие, которое я сплела. Он оборачивается и бросает на меня укоризненный взгляд, после чего одним взмахом руки развеивает чары, словно паутину.

Подумал ли он, что я специально завела их сюда, чтобы сбежать? Что хотела причинить ему вред? Когда мы останавливаемся, я с облегчением слезаю с лошади и опираюсь на дрожащие ноги. Обычно в это время я уже сплю, поэтому сегодня добираюсь до своего маленького домика более изможденной, чем обычно.

Я чувствую на себе оценивающий взгляд Оука. Вдруг представляю, что смотрю на это место его глазами. Логово дикого зверя.

Стиснув зубы, я заползаю внутрь. Пытаюсь на ощупь найти старый рюкзак, который однажды подобрала на свалке. Запихиваю в него вещи, не зная, что из них может понадобиться. Одеяло, заляпанное чуть меньше остальных двух. Ложку, взятую из кухонного ящика не-родителей. Пакетик с семью лакричными конфетками. Подгнившее яблоко, которое я оставляла на черный день. Шарф с недовязанными краями – не-мама не успела закончить, потому что я стащила его.

Оук прохаживается между образованных грибами кругов, издав наблюдая за моими сборами.

– Вы живете здесь с тех пор, как мы в последний раз встречались? – спрашивает он, и я стараюсь не придавать этому вопросу слишком большого значения. Лицо Оука не выражает отвращения, однако его подчеркнутое безразличие наводит меня на мысль, что свои истинные чувства он скрывает.

Четыре года назад было легче скрыть, как низко я пала.

– Можно сказать и так, – отвечаю я.

– Одна? – уточняет он.

Не совсем. Когда мне было двенадцать, я нашла смертную подругу. Встретила ее, когда она копалась на свалке позади книжного магазина, пытаюсь найти книги с ободранными обложками. Она красила мне ногти на ногах ярко-голубым блестящим лаком, но в один из дней я увидела, как она разговаривает с моей сестрой, и спряталась от нее.

А несколько месяцев спустя Богдана повесила над моим шалашом человеческую кожу, напоминая о том, чтобы я не выдавала секретов фейри. После этого я целый год держалась от смертных как можно дальше.

Потом я спасла от глейстиг одного парня. Мне было четырнадцать, ему семнадцать. Мы с ним сидели на берегу пруда в паре миль отсюда, и я тщательно избегала любых тем, которые могли не понравиться Грозовой ведьме. Он был наполовину уверен, что я мерещусь ему после того, как он накурился. Ему нравилось разводить костры, а мне нравилось за ними наблюдать. В конце концов он решил, что раз я нереальна, значит, он может делать со мной все, что захочет.

Тогда я продемонстрировала ему, что очень даже реально, равно как и мои зубы.

После этого случая Грозовая ведьма снова принесла мне человеческую кожу в знак предупреждения о смертных, но к тому времени я и сама все поняла.

Иногда я ходила в гости к банши с волосами цвета серебра. Поскольку она относилась к слуа, местные фейри старались держаться от нее подальше, но мы с ней часами сидели вместе, пока она рыдала навзрыд.

Сначала я думала рассказать обо всем Оуку, но потом поняла, что моя жизнь только покажется ему не счастливой, а более жалкой.

– Можно сказать и так, – повторяю я.

Я беру вещи в руки, снова откладываю их в сторону. Мне хочется взять с собой все, но рюкзак слишком мал для этого. Вот сколотая кружка. Вот одинокая сережка, свисающая с ветки. Тяжелый сборник стихов за седьмой класс с крупной надписью «РЕБЕККА» на обложке. Украденный из кухни моей не-семьи разделочный нож, который Тирнан смеряет скептическим взглядом.

Я останавливаю выбор на двух маленьких ножах, которые изначально были при мне.

Остается последняя вещь, и я бросаю ее в рюкзак так быстро, чтобы никто не успел увидеть. Крошечная серебряная лисичка с хризолитовыми глазами.

– При Дворе Бабочек царят дикие нравы, поэтому даже принцу Эльфхейма опасно там показываться, – произносит Тирнан. Он сидит на бревне и острым ножиком срезает с ветки кору. Я понимаю, что они с Оуком уже не в первый раз ведут этот разговор. – Да, его жители – вассалы вашей сестры, но они жестоки, как стервятники. Королева Аннет поедает своих любовников, когда те надоедают.

Гиацинт опускается на колени возле узкого ручейка, собираясь попить. У него только одна рука, на которую можно опереться, и он не может сложить ладонь в чашечку, поэтому просто наклоняется к воде и глотает то, что попадает в рот. Услышав слова Тирнана, он настороженно поднимает голову. Возможно, пытается найти возможность для побега.

– Нам всего-навсего нужно переговорить с Чертополоховой ведьмой, – напоминает ему Оук. – Королева Аннет может указать нам путь через болота, и тогда мы найдем колдунью. Двор Бабочек всего в полудне езды на юго-восток, в сторону моря. Медлить нельзя. Мы не можем себе этого позволить.

– Чертополоховая ведьма, – эхом отзывается Тирнан. – На ее веку погибли две королевы Двора Термитов. Поговаривают, она была причастна к этим смертям. Кто знает, какую игру она ведет сейчас.

– Она жила во время правления Мэб, – напоминает Оук.

– Она была стара во время правления Мэб, – уточняет Тирнан так, словно это весомый аргумент. – Она опасна.

- Ивовый прут Чертополоховой ведьмы может найти что угодно.

Я слышу, что за этим разговором таится глубокая тревога. Я слишком хорошо знакома с подобным чувством, чтобы его не узнать. Возможно ли, что ему на самом деле гораздо страшнее, чем хочет показать он - этот принц, отправившийся в первое приключение на прелестной лошадке своей сестры?

- А что вы будете делать потом? - спрашивает Тирнан. - Вы задумали слишком сложный маневр.

Оук тяжело вздыхает и молчит, что заставляет меня снова задуматься о его мотивах, а также о той части его плана, которую он от меня скрывает. Что именно он хочет найти при помощи этой ведьмы?

Тирнан снова принимается сдирать кору с ветки и больше не изрекает никаких предостережений. Интересно, насколько ему тяжело оберегать Оука и почему он это делает: из дружеских чувств или из верности короне Эльфхейма? Если Оук весь словно состоит из золотистых переливов света и теней, напоминая солнечные лучи, проникающие сквозь лесной полот, то Тирнан похож на зимний лес, холодный и лишенный листьев.

Я уже собираюсь подняться, когда замечаю среди ветвей своего шалаша что-то белое. Это смятый листок бумаги, не тронутый грязью. Пока Тирнан и Оук заняты беседой, мне удастся развернуть его под одним из грязных одеял и прочитать то, что там написано.

«От судьбы не убежишь».

Я узнаю неразборчивый, похожий на паутину почерк Богданы. Мне неприятна мысль, что она вторглась в место, где я чувствовала себя в безопасности, и меня злит смысл записки. Ведьма насмехается надо мной, давая понять, что и дальше будет меня преследовать. Она словно дает мне фору в игре, в которой точно намерена победить.

Сминаю записку и засовываю ее в рюкзак рядом с серебряной лисичкой.

- Все собрали? - спрашивает Оук, и я виновато поднимаюсь, закидывая рюкзак за плечо.

Порыв ветра развеивает подол моего истрепанного платья, которое теперь еще грязнее, чем раньше.

- Если вам показалось, что мы скакали слишком быстро... - начинает принц с озорной улыбкой.

Я неохотно иду к лошади, смирившись с мыслью, что придется снова залезать в седло.

В это мгновение из темноты вылетают стрелы.

Одна из них вонзается в ствол клена неподалеку от нас, другая проносится прямо над моей головой. Третья впивается в бок лошади Тирнана, и животное издает истошное ржание. Несмотря на панику, я замечаю, что древки стрел сделаны из необработанного дерева и увенчаны вороньими перьями.

- Палочники! - кричит однокрылый солдат.

Тирнан бросает на него полный ярости взгляд, как будто он виноват в происходящем.

- По коням!

Оук протягивает мне руку и помогает забраться на Летунью. В этот раз я сижу спереди, прислонившись спиной к его защищенной металлом груди. Хватаюсь за узелки на лошадиной гриве, и вот мы уже мчимся сквозь ночь. Стук копыт подобен грому, а стрелы со свистом рассекают воздух где-то внизу, у наших пят.

Вскоре палочники появляются в поле моего зрения. Это чудовища, созданные из веток и сучков. Некоторые из них напоминают гигантских волков, другие - пауков, а у еще одного три головы, угрожающе щелкающие ртами. Мне никогда не доводилось видеть подобных существ. Несколько из них отдаленно походят на людей и вооружены луками. В груди каждого палочника торчат камни, окруженные утрамбованной землей, а их тела связывают виноградные лозы и комки мха. Но хуже всего то, что среди древесины и перетгноя я замечаю нечто похожее на человеческие пальцы, кусочки кожи и остекленевшие глаза.

Меня охватывает волна ужаса.

Я в панике оглядываюсь на раненую лошадь, на которой скачут Тирнан и Гиацинт. Ее бок покрыт кровью; она спотыкается и сбивается с хода. И хотя бежит достаточно быстро, палочники ее догоняют.

Видимо, Оук тоже это понимает. Он тянет Летунью за поводья, разворачиваясь лицом к врагам.

- Можешь перелезть мне за спину? - спрашивает он.

- Нет! - кричу я. Я с трудом держусь в седле. Изо всех сил вжимаюсь бедрами в лошадиные бока и пригибаюсь к шее Летуньи, вцепившись пальцами в ее гриву.

Оук обнимает меня рукой за талию и притягивает к себе.

- Тогда нагнись так низко, как только можешь, - просит он. Второй рукой достает из седельной сумки арбалет и зубами вставляет в него болт.

Он стреляет, но даже близко не попадает в цель. Болт валится в грязь между Тирнаном и несколькими оленями, на которых скачут палочники. Времени на перезарядку арбалета нет. Но принц и не пытается, лишь делает резкий вдох, словно чего-то ожидая.

Я чувствую, как сжимается сердце. Мне отчаянно хочется уметь не только развеивать чужие чары, но и делать что-то другое. Обладай я силой Грозовой ведьмы, могла бы призвать молнии и сжечь палочников дотла. А если бы лучше умела обращаться с собственной магией, возможно, мне бы удалось создать иллюзию и спрятать нас за ней.

Внезапно болт, который выпустил Оук, взрывается синим мерцающим огнем, и я понимаю, что он все-таки не промахнулся. Палочки вспыхивают и падают со спин своих деревянных скакунов, а одно из паукообразных чудовищ бросается в сторону леса – его тоже лижут языки пламени.

Лошадь Тирнана почти нагоняет нас, когда Оук пускает Летунью в галоп. Спиной ощущаю, как принц напрягается, и оборачиваюсь к нему, но он качает головой. Я сосредотачиваюсь на том, чтобы не упасть.

Одно дело – слышать о силе леди Ноури, но, увидев кусочки плоти внутри этих существ, я вдруг поняла, с какой легкостью она может собрать свой урожай. Она будет добывать части человеческих тел в городах смертных, словно горную породу в каменоломне, и вырубать леса, чтобы создать из них армию. Жителям Эльфхейма есть из-за чего беспокоиться. Миру людей есть из-за чего дрожать от страха. Все гораздо хуже, чем я думала.

Мы оставляем лес позади и оказываемся на пригородной дороге, потом пересекаем трассу. Уже поздно, и поэтому машин почти нигде нет. Тирнан накладывает на нас чары – не совсем маскировку, скорее легкий дурман. Смертные заметят нас краем глаза, но просто не поймут, что это мы. Подумают, что увидели белого оленя. Или, может быть, большую собаку. Примут нас за нечто обыденное, за то, что хорошо вписывается в их картину мира. От магии у меня чешутся плечи.

Мы скачем долго. По моим ощущениям, проходит несколько часов.

– Оук? – выкрикивает рыцарь, когда мы оказываемся на очередном перекрестке. Он переводит взгляд на меня. – Когда принца ранили?

Я внезапно понимаю, что сильнее ощущаю вес принца, как будто он навалился на меня. Его рука по-прежнему обхватывает мою талию, но он уже не так крепко сжимает поводья. Немногодвигаюсь в седле и вижу, что его глаза закрыты, ресницы отбрасывают тень на щеки, а руки и ноги обмякли.

– Я не знала... – начинаю я.

– Идиотка, – бормочет Тирнан.

Я оборачиваюсь, пытаюсь обхватить принца так, чтобы он не упал с лошади. Но Оук наваливается на меня еще сильнее. Его большое и теплое тело сковывают доспехи, из-за чего он становится только тяжелее, и я сомневаюсь, что смогу удержать его. Цепляюсь за него пальцами в надежде, что у меня хватит сил, но с легкостью могу представить, как принц падает в грязь.

– Стоять, – приказывает Тирнан, и его лошадь замедляет бег. Летунья тоже сбрасывает скорость, подстраиваясь под их темп. – Спешивайся, – говорит он Гиацинту, после чего толкает его в спину.

Однокрылый солдат соскальзывает на землю с такой легкостью, что становится понятно: верховая езда для него – привычное дело.

- И вот ему ты решил служить? - упрямо спрашивает тот, бросая недовольный взгляд в сторону принца.

Тирнан тоже спускается с лошади.

- А ты предлагаешь мне вверить свою судьбу тем существам?

Гиацинт не отвечает, но рассматривает меня так, будто думает, что я могу оказаться на его стороне. Я совершенно точно не на его стороне и всем своим видом пытаюсь это продемонстрировать.

Тирнан широкими шагами приближается к Летунье, подхватывает Оука на руки и осторожно кладет его на покрытую листьями землю.

Я неуклюже слезаю с седла и больно ударяюсь о землю. Прихрамывая на одно колено, подхожу ближе.

Судя по пятнам крови, стрела попала Оуку в шею чуть выше наплечника. Чешуйки золотой брони замедлили ее полет, поэтому она лишь слегка поцарапала кожу.

Вот только она была отравлена.

- Он же не... - Я вижу, как поднимается и опускается его грудь. Оук жив, но не исключено, что яд все еще распространяется по телу. Возможно, он умирает.

Я не хочу думать об этом. Не желаю размышлять о том, что оказалась бы на его месте, если бы пересела назад.

Тирнан проверяет пульс Оука, затем наклоняется и прижимается, словно пытаюсь определить яд по запаху. Смачивает палец в его крови и подносит к языку.

- «Сладкая смерть». Если в организм проникнет большое количество этого яда, он может вызвать сон длиною в сотни лет.

- На кончике стрелы много не поместится, - говорю я и надеюсь, что он подтвердит, что этого явно недостаточно, чтобы погрузить Оука в столетний сон.

Не обращая внимания на мои слова, Тирнан принимается копать в сумке, висящей у него на ремне. Он достает какую-то траву, крошит ее под носом принца, а потом всыпает получившийся порошок на его язык. Когда рыцарь засовывает пальцы ему в рот, Оук приходит в себя достаточно, чтобы отдернуть голову.

- Это поможет? - спрашиваю я.

- Будем надеяться, - отвечает Тирнан, вытирая руку о штаны. - Нужно найти место для ночлега. Желательно поближе к смертным. Там чудовища леди Ноури, вероятно, не станут нас искать.

Я быстро киваю.

- И хорошо бы добраться туда побыстрее. - Он укладывает принца на спину его скакуна. Мы выдвигаемся в путь: Тирнан ведет Летунью, Гиацинт идет позади него, а мне приходится взять под уздцы лошадь рыцаря.

Пятно крови на ее боку только разрастается, и она заметно хромот. Из ее плоти до сих пор торчит стрела.

- Ее тоже отравили?

Рыцарь коротко кивает.

- Но эту сильную девочку не так легко сбить с ног.

Опустив руку в рюкзак, достаю подгнившее яблоко. Откусываю для обеих лошадей по куску, и животные мягко тычутся мордами в мои ладони. Затем глажу Отрепье по мохнатому носу. Похоже, стрела не причиняет ей боли, так что, я надеюсь, она будет в порядке.

- Хотя ему, вероятно, лучше уснуть на сотню лет, - произносит Тирнан. Кажется, он разговаривает не столько со мной, сколько сам с собой. - Без сомнения, леди Ноури будет охотиться на нас точно так же, как мы охотимся на нее. Сон лучше, чем смерть.

- Зачем на самом деле Оук это делает? - спрашиваю я.

Рыцарь пристально смотрит на меня.

- Что делает?

- Эта задача ниже его достоинства. - Не знаю, как еще выразить свою мысль. При Дворе Зубов Леди Ноури сразу дала мне понять: она может пронзать мою кожу, сдавливая на ней серебряный поводок, может причинять мне такую невыносимую боль, что я по образу мыслей уподоблюсь животному, но если ко мне проявит неуважение кто-то из простого народа, то проступок этот будет караться смертью. Королевская кровь имеет значение.

Конечно, Верховная королева даже в худшие времена должна ценить принца не меньше, чем леди Ноури ценила меня. Джуд должна была поручить эту задачу дюжине рыцарей, а не родному брату в сопровождении лишь одного стражника.

- Возможно, он хочет впечатлить своими подвигами какую-нибудь даму, - отвечает рыцарь.

- Свою сестру? - предполагаю я.

Тирнан смеется.

- Или, может быть, леди Вайолет. Если верить посвященным этой девушке стихам, ее губы красны, как кармин, а волосы украшены живыми бабочками. Оук провел в постели сей дамы три дня, а потом в покои ворвался ее ревнивый любовник, принялся размахивать ножом и устроил неприятную сцену. А еще есть леди Сиби, которая с театральным пафосом рассказывает каждому, кто готов слушать, что Оук свел ее с ума, а затем устал от нее и разбил

ей сердце на миллион осколков. Думаю, Оуку не стоит впечатлять леди Сиби еще сильнее. Однако в Эльфхейме есть не меньше двух дюжин красавиц, которые будут счастливы восхититься его героизмом.

Я прикусываю щеку.

– Какая нелепая причина.

– Люди часто бывают нелепы, – произносит Тирнан, оглядываясь на мрачного Гиацинта с уздечкой на лице. – Особенно когда дело касается любви.

Характеристика не очень-то лестная, но Оуку сейчас все равно: он перекинут через спину лошади. А еще он, возможно, спас жизнь рыцарю. И мне.

– Ты правда так считаешь? – интересуюсь я.

– Как? Что здесь замешана девушка? В этом я уверен. Без девушки никогда не обходится. Но я так же уверен, что храбрость не должна быть ниже достоинства принца, – отвечает мне Тирнан.

Ходят слухи, что Кардан не хотел становиться королем и что в некоем обозримом будущем он по своей воле отдаст корону Оуку. Но когда я думаю о Верховном короле Кардане с его черными кудрями и жестоким изгибом губ, когда вспоминаю, как дурашливо, но в то же время угрожающе он ведет себя, то не могу поверить в то, что он способен отказаться от власти. Но может отправить Оука в поход, из которого тот не вернется. Распалить его воображение сказаниями о чести и отважных свершениях.

– Если Верховный король и королева отпустили его в сопровождении одного тебя, значит, кто-то из них желает ему смерти.

Тирнан поднимает брови.

– А ты мнительна.

– И это мне говорит рыцарь, поддерживающий предателя?

Сперва я не была до конца уверена в своем предположении, но потом увидела, как после слов о любви Тирнан посмотрел на Гиацинта, и вспомнила слова Оука о том, что тот не может отличить союзников от врагов.

С удовлетворением наблюдаю, как удар достигает цели.

Тирнан ошеломленно таращится на меня. Кажется, он только сейчас понял: пусть мой голос хрипит от долгого молчания, пусть я больше похожа на дикого зверя, а не на девушку, но это вовсе не значит, что я не умею внимательно слушать.

Гиацинт глухо смеется.

– Думаешь, Верховный король пытается избавиться от Оука с помощью меня? – спрашивает рыцарь.

Я пожимаю плечами.

- Я думаю, что, даже если ты готов рискнуть жизнью ради принца, одного тебя недостаточно. А еще думаю о том, что со стороны королевской семьи странно позволять принцу подвергать свою жизнь опасности ради славы.

Рыцарь отводит взгляд и ничего не отвечает.

Когда мы проходим почти целую милю, Оук наконец-то издает тихий стон и пытается сесть.

- Джуд, - шепчет он. - Джуд, мы не можем оставить его умирать.

- Все в порядке, - отвечает Тирнан, опуская руку ему на плечо. - Мы оторвались от погони.

Принц приоткрывает свои темно-желтые лисьи глаза и озирается по сторонам. Видит меня и снова откидывается на спину, как будто испытывая облегчение от того, что я все еще здесь.

Ночь уже близится к рассвету, когда мы оказываемся на пляже, открытом всем ветрам.

- Жди здесь вместе с принцем, - говорит мне Тирнан, как только мы подходим к вымощенной черными камнями пристани. - Гиацинт, подчиняйся прежним приказам. Мои враги - твои враги. Если понадобится, защищай девчонку.

Пленник улыбается, поджав губы:

- Это не я забыл все свои клятвы.

Тирнан стоит ко мне спиной, поэтому я не могу сказать, беспокоит ли его звучащая в голосе Гиацинта горечь.

В воздухе висит густой запах соли. Слизываю ее с верхней губы и наблюдаю, как Тирнан ведет раненую лошадь по песку. Копыто Отрепья касается кромки воды. Почувствовав морскую пену, она мотает головой и ржет так, что по моим рукам бегут мурашки.

Гиацинт оборачивается ко мне. Тирнан бы не услышал его из-за шума прибоя, но солдат все равно понижает голос:

- Я мог бы многое рассказать, не будь на мне уздечки. Освободите меня, и я вам помогу.

Я не достаиваю его ответом. Мне жаль его, поскольку я на себе ощутила влияние уздечки, но это не делает его моим союзником.

- Прошу вас, - продолжает он. - Я не могу так жить. Когда меня поймали, Оук снял заклятие, но ему не хватает сил остановить возвращение магии. Моя рука превратилась в крыло, и кто знает, что случится дальше. Постепенно терять свою личность еще хуже, чем быть соколом.

- Позволь внести ясность. Я ненавижу леди Ноури, - рычу я, потому что не хочу его слушать. Не желаю сочувствовать ему еще сильнее. - А раз ты подчиняешься ей, то я ненавижу и тебя тоже.

- Я пошел за Мадокком, - сообщает Гиацинт, - а теперь я пленник его сына. И все потому, что я оставался верным своему слову, а не наоборот. Я был честнее Тирнана, который позволил другому вить из себя веревки и отрекся от меня. Леди Ноури пообещала снять заклятье с любого сокола, который присоединится к ней, но я не давал никаких клятв. Можете довериться мне, леди. В отличие от остальных, я вас не обману.

На другой стороне пляжа лошадь Тирнана устремляется в черную воду, не обращая внимания на накрывающие ее волны.

«Я был честнее Тирнана, который позволил другому вить из себя веревки».

- Отрепье тонет? - интересуюсь я.

Гиацинт качает головой.

- Морской народ заберет ее обратно в Эльфжейм, и там ее вылечат.

Я облегченно выдыхаю. Снова смотрю на Оука, который прижимается щекой к боку Летуньи. На его сверкающие в лунном свете доспехи. На трепещущие ресницы и мозолистые ладони.

- Уздечка не влияет на заклятье, - напоминаю Гиацинту. - Если ее снять, чары не усилятся и не ослабнут.

- Не поддавайтесь очарованию принца Оука, - предостерегает меня он, пока рыцарь бредет по камням в нашу сторону. - Он не такой, каким кажется.

У меня на языке вертится несколько вопросов, но задавать их уже нет времени. Когда Тирнан приближается, я перевожу взгляд на море. Лошадь исчезла. Над волнами не видно даже ее головы.

- У нас остался один скакун, - сообщает нам Тирнан.

Отдохнуть нам тоже негде. Я изучаю укромное место под дощатым настилом. Можно свернуться калачиком на холодном мягком песке, и там нас никто не потревожит. Стоит мне только подумать об этом, как я с новой силой ощущаю, насколько измотана.

Рыцарь указывает на дорогу:

- Там есть мотель. С того края пляжа видна вывеска.

Он берет в руку поводья лошади Оука и ведет ее вверх по холму. Я иду следом, прямо перед однокрылым солдатом. Я замечаю, как они напряжены в

присутствии друг друга, как тщательно стараются сохранять дистанцию, словно два магнита, которым нужно оставаться на безопасном расстоянии, а иначе сама природа стянет их вместе.

Мы продолжаем идти вперед; звезды над нашими головами тускнеют, а в воздухе по-прежнему висит соляная взвесь. Интересно, беспокоят ли моих спутников шум машин и запах железа? Я ко всему этому привыкла. Здесь я могу твердо стоять на ногах. Но когда мы доберемся до Двора Бабочек и я окажусь посреди Фейриленда, то почва под ними станет зыбкой и ненадежной.

Подумав об этом, пинаю пластиковый стакан, к которому присохли остатки газировки, и он, вращаясь, катится вдоль сточной канавы.

Миновав несколько жилых массивов, мы наконец-то подходим к мотелю. Асфальт на парковке пошел трещинами, сквозь которые пробиваются чахлые сорняки. Несколько выдавших виды машин стоят рядом с одноэтажным оштукатуренным зданием. Вывеска на фасаде мотеля мало что обещает, кроме свободных номеров и кабельного телевидения.

Принц пытается сесть.

- Оставайтесь здесь, - говорит Тирнан. - Мы возьмем ключи и вернемся.

- Я в порядке, - отвечает Оук, слезая с лошади и тут же обессиленно оседая на асфальт.

- В порядке ли? - эхом отзывается рыцарь, приподняв брови.

- Я не смог бы произнести эти слова, не будь они правдой, - говорит принц и, пошатываясь, поднимается на ноги, после чего всем весом опирается на ближайшую машину.

- Гиацинт, - зовет Тирнан, указывая на него. - Не дай принцу упасть. Рэн, ты идешь со мной.

- Я могу только мечтать о том, чтобы позволить такой важной персоне упасть, - усмехается Гиацинт. - Или, напротив, даже мечтать не могу. Или что-то в этом духе.

- Тебе стоит мечтать о полете, сокол, - говорит Оук таким тоном, что я задумываюсь, а не слышал ли он часть нашего разговора.

Гиацинт вздрагивает.

- Рэн, - повторяет Тирнан, жестом указывая на мотель.

- Я плохо умею наводить чары, - предупреждаю я.

- Тогда не утруждай себя.

Несмотря на висящую над дверью табличку «НЕ КУРИТЬ», зона ресепшен пропахла сигаретным дымом. Усталая женщина за стойкой во что-то играет на своем телефоне.

Она поднимает взгляд, и ее глаза округляются. Рот открывается, будто она собирается закричать.

– Ты видишь двух совершенно обычных людей, которые пришли сюда по совершенно обычным причинам, – говорит ей Тирнан, и я наблюдаю, как ее глаза стекленеют, а черты разглаживаются под маской спокойствия. – Нам нужны два номера рядом друг с другом.

Я вдруг вспоминаю, как были зачарованы мои не-родители, и злюсь, хотя он не заставляет женщину делать ничего ужасного. По крайней мере пока.

– Конечно, – отвечает женщина. – В это время года туристы – редкость, поэтому у нас много комнат на выбор.

Рыцарь неопределенно кивает, и она вставляет ключ-карту в аппарат для кодирования. Затем просит данные банковской карты, чтобы оплатить услуги, не включенные в стоимость номера, однако спустя несколько слов забывает об этом. Тирнан расплачивается наличными, которые не похожи на подозрительно хрустящие зачарованные купюры. Я бросаю на рыцаря недоверчивый взгляд и опускаю в карман маленький спичечный коробок.

Мы выходим на улицу. Наша единственная лошадь стоит на участке, поросшем чахлой травой, и жует одуванчик. Похоже, привязывать Летунью никто не собирается.

Оук сидит на бампере машины и выглядит уже не таким нездоровым. Гиацинт прислоняется к грязной оштукатуренной стене.

– Те деньги, – говорю я, – они настоящие?

– О да, – подтверждает принц. – Иначе сестра разгневалась бы на нас.

– Разгневалась бы, – повторяю я устаревшее слово, хотя его значение мне понятно. Ее бы это взбесило.

– Она бы капец как разгневалась, – добавляет он с широкой улыбкой.

Обычно фейри относятся к смертным либо как к пустому месту, либо как к возможности поразвлечься. Судя по всему, у его сестры другая позиция. Наверняка многие из народа ее за это ненавидят.

Тирнан ведет нас к нашим номерам, 131 и 132, открывает дверь в первый и впускает нас всех внутрь. В комнате находятся две кровати, накрытые колючими на вид одеялами. На стене висит телевизор, под ним – покосившийся стол, прикрученный к полу. На ковре вокруг шурупов виднеются пятнышки ржавчины. Отопление включено, и немного пахнет женой пылью.

Гиацинт останавливается рядом с дверью, прижав крыло к спине. Он преследует меня взглядом, возможно, чтобы не смотреть на рыцаря.

Оук опускается на ближайшую постель, но глаза не закрывает.

– Теперь мы кое-что знаем о ее способностях, – улыбается он, уставившись в потолок.

- Но вас отравили! Хотите сказать, оно того стоило? - вопрошает рыцарь.

- Меня постоянно травят. Жаль, это был не румяный гриб, - отзывается принц, но его слова не имеют никакого смысла для меня.

Тирнан кивает в мою сторону:

- Девчонка считает, что вы глупец, раз отправились сюда.

Я хмурюсь, потому что совсем не это имела в виду.

- Ах, леди Рэн, - выдыхает Оук с ленивой улыбкой на лице. Локоны цвета календулы лежат на его лбу, практически скрывая рожки. - Вы ранили меня в самое сердце.

Я сомневаюсь, что обидела его. На щеках принца все еще виднеются царапины от моих ногтей - три полосы засохшей крови, розовые по краям. Оук не может лгать, но во всех его словах кроются загадки.

Тирнан опускается на колени и начинает расстегивать крепления на броне Оука.

- Не могла бы ты мне помочь?

Я присаживаюсь по другую сторону от принца, беспокоясь, что сделаю что-нибудь не так. Оук косит на меня взгляд, пока я дрожащими пальцами пытаюсь оторвать от раны прилипшую к ней кольчугу. Он тихо стонет от боли, и я замечаю, что его губы побелели по краям от того, с какой силой он сжимает их, явно сдерживая в себе звуки, которые ему отчаянно хочется издать.

Мы избавляемся от кольчуги, и я вижу, как задирается его запачканная кровью льняная рубашка. Под ней - плоский живот и изгиб тазовых костей. Пот Оука отдает ароматом скошенной травы, но в основном от него пахнет кровью. Принц наблюдает за мной из-под опущенных ресниц.

Теперь, когда на нем нет золотых доспехов, он почти ничем не отличается от мальчика из моих воспоминаний.

Тирнан встает на ноги, собирая полотенца.

- Откуда вы узнали, что леди Ноури попытается меня схватить? - спрашиваю я, пытаюсь отстраниться от странной интимности этого мгновения, тепла и близости его тела.

Видимо, спустя восемь лет после нашей последней встречи я вдруг очень сильно ей понадобилась, раз она отправила за мной и Богдану, и палочников одновременно.

Оук пытается подтянуться, упершись спиной в подушки, и морщится от боли. Его щеки заливает болезненный румянец.

- Наверное, она поняла, что забрать вас с собой будет умным поступком с нашей стороны, - отвечает он. - Либо ее шпионы увидели, в каком направлении мы движемся после того, как покинули Эльфхейм.

Тирнан стоит в ванной и смачивает полотенца под краном в раковине.

- Видимо, шпионы из его собратьев. - Он кивает в сторону Гиацинта.

Я хмурюсь, глядя на бывшего сокола.

- Птицам редко дают задания, - отвечает Гиацинт и приподнимает руку, словно в знак защиты. - И я никогда не шпионил за тобой.

Тирнан приносит полотенца и берет одно из них так, как будто собирается омыть рану принца. Прежде чем он успевает это сделать, Оук выхватывает полотенце из его рук и, зажмурившись от боли, прижимает к своему плечу. Капли воды стекают по его спине, оставляя на простыне розовые пятна.

- До Двора Бабочек несколько дней пути, но у нас осталась только одна лошадь, - говорит Тирнан.

- Я выторгую нам еще одну, - рассеянно бросает Оук.

Не знаю, осознает ли он, что в мире смертных лошадей не купишь на местном рынке.

Когда принц начинает перевязывать рану, Тирнан кивает мне.

- Идем, - говорит он, выводя меня прочь из комнаты. - Оставим его высочество мечтать о деяниях, которые ему завтра предстоит совершить.

- Например, об издании королевского указа, запрещающего высмеивать меня, когда я отравлен, - отзывается Оук.

- Мечтайте, ни в чем себе не отказывайте, - говорит ему Тирнан.

Я оглядываюсь на Гиацинта, ведь мне не кажется, что рыцарь позволяет принцу вить из себя веревки. Они больше похожи на друзей, которые давным-давно знают друг друга. Но бывший сокол ковыряется под ногтями своим кинжалом и не обращает на нас внимания.

Тирнан открывает дверь во второй номер, который оказывается практически точной копией первого. Две кровати, один телевизор. Ржавчина в тех местах, где болты соприкасаются с ковром. Синтетическое одеяло, которое выглядит так, будто пролитая вода будет капельками лежать на поверхности, вместо того чтобы впитаться в ткань.

В комнате рыцарь накидывает на мою шиколотку веревку, привязывая к кровати, но не очень крепко - так, чтобы я могла лечь и даже перевернуться на другой бок. Я шиплю на рыцаря и дергаю ногой, натягивая веревку.

- Может, он тебе и доверяет, - говорит Тирнан. - Но я не верю никому из Двора Зубов.

Он шепчет над узлом несколько слов – несложное заклинание, которое я наверняка смогу разрушить, учитывая мой обширный опыт рассеивания чар глейстиг.

– Спокойной ночи, – говорит он и выходит из комнаты, хлопая за собой дверь. Он не забрал свои вещи, и я уверена, что он планирует ночевать в этой комнате, чтобы приглядывать за мной. К тому же здесь ему будет легче избегать своих чувств к Гиацинту.

Я встаю с кровати и, натянув веревку, из вредности закрываю дверь на щеколду.

Рассвет сменяется утром, и мир смертных потихоньку начинает просыпаться. Где-то гудит двигатель машины. Два человека ругаются у торгового автомата. Неподалеку от моего номера хлопает дверь. Я смотрю в окно и представляю, как выскальзываю из мотеля, растворяясь в наступившем дне. Представляю выражение лица Тирнана, когда он узнает о моем исчезновении.

Однако я совершу глупость, решив в одиночку выступить против Грозовой ведьмы и леди Ноури. Если бы не принц, ядовитая стрела могла бы попасть в меня – вот только без доспехов наконечник вошел бы в мою плоть гораздо глубже. И рядом со мной не было бы никого, кто дал бы мне противоядие или довез на лошади до безопасного места.

Но в то же время я не хочу, чтобы меня таскали за собой, как какое-то животное. Не хочу бояться, что на меня снова наденут поводок.

Если я не могу заслужить их доверие, если не могу добиться, чтобы со мной общались на равных, тогда мне надо показать Оуку, что у меня столько же прав на эту миссию, сколько и у него. А причин ненавидеть леди Ноури – еще больше. К тому же у меня есть власть, которая способна ее остановить.

Но я не представляю, как их в этом убедить, когда моя щиколотка привязана к ножке кровати, а мысли путаются от усталости. Я достаю из сумки одеяло и, забравшись под кровать, сворачиваюсь калачиком. Здесь пыльно, но деревянные рейки над головой и лесной запах одеяла успокаивают меня.

Подложив руки под голову, пытаюсь устроиться поудобнее. Я думаю, что будет непросто уснуть на новом месте среди всех этих непривычных звуков. Мои бедра болят от верховой езды, а ступни – от ходьбы. Но к тому времени, когда теплый, ласковый солнечный свет растекается по комнате, словно желток из треснувшего яйца, мои глаза потихоньку закрываются. Я засыпаю и даже не вижу снов.

Когда я просыпаюсь, небо успеваает потемнеть. Я вылезаю из-под кровати, чувствуя, как желудок сжимается от голода.

Видимо, Тирнан незаметно для меня заходил в номер, потому что щеколда не заперта, а его вещи пропали. Я быстро разбираюсь с его дурацким зачарованным узлом, иду в ванную, нахожу там пластиковый стакан и набираю в него воды. С жадностью осушаю стакан, наполняю его еще раз и пью снова.

Подняв взгляд, вижу свое отражение в зеркале и невольно отступаю назад. В отсутствие чар у меня голубовато-серая кожа, словно бутоны гортензии, щека и нос запачканы землей. Волосы грязные, и в них запуталось столько листьев и веточек, что почти невозможно различить их настоящий оттенок – синий, чуть темнее кожи. У меня по-прежнему заостренный подбородок, как и в те времена, когда я считала себя смертной. Худое лицо, большие глаза и гримаса недоумения, будто я ожидала увидеть в зеркале кого-то другого.

И только мои глаза глубокого темно-зеленого цвета похожи на человеческие.

Я изгибаю губы в улыбке, чтобы лицезреть жуткое зрелище – рот, полный маленьких ножей. Мои зубы настолько острые, что даже феири вздрагивают при их виде.

Потом перевожу взгляд на ванну, размышляя, какой Оук видит меня теперь, когда мы оба выросли. Поворачиваю кран и подставляю руку под струю горячей воды. По мере того как грязь смывается, кожа приобретает более теплый, светло-голубой оттенок.

Но я не придворная дама с красными, как кармин, губами и бабочками в волосах. Я худощавая, как жук-палочник.

Я затыкаю сливное отверстие пробкой и наполняю ванну, после чего медленно погружаюсь в воду. Мне невыносимо жарко, но я все же начинаю тереть кожу обломанными ногтями. Буквально через несколько минут вода становится настолько грязной, что мне приходится ее слить. Затем повторяю процедуру еще раз. Запустив пальцы в волосы, пытаюсь распутать колтуны. Это причиняет мне боль, и даже содержимое крошечной баночки кондиционера, которую я выдавливаю на голову, не очень-то помогает. Когда я наконец-то вылезаю из ванны, на ней остается слой грязи, но меня по-прежнему нельзя назвать действительно чистой.

Теперь, когда я помылась, мое платье выглядит грязнее, чем когда-либо. Оно так выцвело на солнце и испачкалось землей, что трудно сказать, какого оно цвета. А в некоторых местах износилось настолько, что стало едва ли не тоньше салфетки. Однако других вещей у меня нет, и поэтому я подношу его к крану и начинаю аккуратно тереть мылом, надеясь, что оно не порвется. Потом вешаю его на карниз для шторки и сушу феном. Когда снимаю его, оно все еще влажное.

Я начинаю натягивать его на себя, когда вижу за окном какую-то тень.

Я тут же падаю на пол, но сначала успеваю заметить знакомые мне длинные пальцы. Обнаженная, заползаю под кровать и слышу, как ногти скребут по стеклу. Мысленно готовлюсь к тому, что сейчас Богдана разобьет окно или вышибет дверь.

Ничего не происходит.

Я делаю вдох. Потом еще один.

Несколько минут спустя слышу стук в дверь. Не двигаюсь.

Из коридора доносится настойчивый голос Оука:

- Рэн, откройте.

- Нет! - кричу я, после чего вылезаю из-под кровати и пытаюсь натянуть платье.

Я слышу какой-то шорох и глухой стук, а потом в щель между дверью и косяком просовывается что-то металлическое. Замок открывается.

- Я думала, это не вы, а... - хочу объяснить я, но он не слушает. Оук уже успел спрятать то, что использовал в качестве отмычки, и теперь поднимает с пола картонную подставку с двумя стаканами кофе и большой бумажный пакет.

Когда он поднимает взгляд, то на секунду застывает, а его лицо приобретает непроницаемое выражение. Затем он отводит глаза и смотрит куда-то за мое плечо.

Я опускаю голову и вздрагиваю при виде мокрой ткани, прилипшей к телу так, что видно мою грудь и даже соски. Неужели он подумал, что я сделала это намеренно, чтобы привлечь его внимание? Волна стыда заливает мне щеки и сползает вниз по шее.

Пройдя мимо меня, Оук ставит пакет на кровать. Его золотистые локоны лишь слегка взъерошены, и он одет в свежую рубашку - белую и поглаженную. Создается впечатление, что он не был ни ранен, ни отравлен и даже не падал с лошади. И он точно не стирал свою одежду в раковине. Его губы изгибаются в веселой улыбке. Совершенно невыносимой.

Я стаскиваю с кровати одеяло и заворачиваюсь в него.

- Не знал, что вы любите. - Оук достает из пакета манго, три зеленых яблока, горсть сушеных фиников, упаковку печенья в форме рыбок, замороженные мини-пиццы и четыре завернутых в фольгу хот-дога. Он делает все это, не глядя на меня. - Очень похоже на мясо, но на самом деле нет.

Я так голодна, что соглашаюсь на один из его странных веганских хот-догов.

- Вы не едите мясо? Наверное, ваш отец недоволен.

Оук лишь пожимает плечами, но по его выражению лица я понимаю, что эта тема не раз выносилась на обсуждение.

- Ему же больше достается.

Потом мое внимание полностью поглощает еда. Я буквально проглатываю три хот-дога, а закончив, вижу, как Оук прикрывает рукой последний, видимо, надеясь уберечь его от меня. Я беру финик и пытаюсь есть его маленькими кусочками.

Оставив еду на кровати, принц идет к двери.

– Тирнан сказал, что я должен быть благодарен вам за то, что вы не дали мне упасть с лошади вниз головой, как бы вам этого ни хотелось, – говорит он. – О вашей силе воли сложат баллады.

– И почему же вы думаете, что мне этого хотелось? – Мой голос то и дело переходит на рык, но я ничего не могу с этим поделать.

– Многие на меня так реагируют. Наверное, что-то в моем лице наталкивает на подобные мысли. – Оук улыбается, и я вспоминаю про ревнивого любовника с ножом.

– Может, все дело в том, что вы забираете их с собой в рыцарские походы, – отзываюсь я.

Он смеется:

– Не при таких обстоятельствах я надеялся увидеть вас снова.

– Мне кажется, вы вообще не рассчитывали увидеть меня снова, – отвечаю я, только чтобы напомнить себе о том, как бесконечно сильно его место в этой жизни отличается от моего.

Улыбка сходит с его лица.

– Мне казалось, что таково ваше желание.

Я пытаюсь убедить себя, что его серьезный вид меня не беспокоит, но все безуспешно.

Дверь открывается. За ней появляется Тирнан.

– Пора отправляться, – говорит он, сердито глядя на нас. – Нам предстоит покрыть немало миль.

Снаружи я замечаю нового скакуна, чья шкура темна, как чернила, и пахнет морской водой. Фейрийская лошадь Оука держится от него подальше, испуганно раздувая ноздри.

Новый конь смотрит на меня голодным взглядом, и тогда я понимаю, что он из себя представляет. Это существо относится к фейри-одиночкам, пожирателям плоти. Келпи.

Глава 5

– Залезай, – нетерпеливо говорит Тирнан, кивая на келпи. На морском скакуне нет ни седла, ни тем более поводьев. Я бросаю печальный взгляд на

Летунью и размышляю: неужели он заставляет меня ехать верхом на плотоядном монстре исключительно потому, что я ему не нравлюсь?

Однако Оук подходит к нему по собственному желанию и рассеянно гладит по крупу. Потом запрыгивает на спину келпи и протягивает мне руку. Принц снова облачен в золотистые доспехи, и мальчик, который когда-то был моим другом, исчезает под личиной незнакомого мне мужчины.

Рыцарь помогает мне забраться на спину келпи позади принца. Касаясь руками талии Оука, даже сквозь кольчугу я чувствую тепло его кожи. Его тело прижимается к моим бедрам, и хотя поверх моего тонкого платья накинута плащ, который он мне одолжил, одежда не защищает меня от ощущений.

– Надеюсь, вы чувствуете себя бодрым и отдохнувшим после «сладкой смерти», – говорит Тирнан Оуку. – Потому что из-за вас мы напрочь выбились из расписания.

Судя по взгляду, который Оук бросает на рыцаря, предполагаю, что он вот-вот призовет Тирнана к ответу за столь неуважительные речи. Однако ничего пока не происходит.

Я задаюсь вопросом, насколько келпи тяжело сдерживаться, чтобы не завернуть в ближайший пруд и не утопить там нас обоих. Но, будучи фейри-одиночкой, он наверняка приносит клятву верности Эльфхейму, и мне лишь остается надеяться, что он ее не нарушит. Мне едва хватает времени обхватить руками талию принца, и вот мы уже пускаемся вскачь, молнией проносясь сквозь ранний вечер.

Мы мчимся по пахнущим смолой лесам Пайн-Барренс и пересекаем трассы, сверкающие яркими автомобильными фарами. Волосы развеваются у меня за спиной, и, когда Оук оглядывается, я лишь отвожу взгляд. С венцом на голове, мечом за поясом и блестящей кольчугой он похож на принца из детских фантазий. Словно сошел со страниц сказки.

Золотисто-розовый рассвет сменяется полуднем, когда мы наконец-то останавливаемся. От скачки верхом на келпи мои бедра болят еще сильнее, даже в костях чувствуется усталость. Волосы спутались окончательно.

Мы разбиваем лагерь посреди тихого леса. Доносящийся гул машин говорит о том, что где-то неподалеку проходят автодороги смертных, но если не прислушиваться, то звук этот можно принять за плеск реки. Оук достает одеяла и расстилает их на земле, в то время как Тирнан разводит костер. Гиацинт наблюдает за рыцарем, словно бросая ему вызов попросить о помощи.

Я незаметно ускользаю, а затем возвращаюсь, неся в руках охапку хурмы, два гриба «седло дриады» – каждый размером со шлем, – дикий чеснок и несколько ароматных лавровых веток. Мои находки впечатляют даже Тирнана, хотя он явно недоволен тем, что Оук позволил мне бродить по лесу одной.

Не обращая на него внимания, принц принимается готовить грибы. У нас с собой есть сыр и свежий черный хлеб, а за трапезой Оук рассказывает нам истории о жизни при Дворе. Про дикие празднества, организованные Верховным королем. Про розыгрыши, которые Оук устроил лично и за которые

был наказан. Своих любовниц он не упоминает, но делится с нами трагикомичной любовной интригой между пукой, пикси и одним из королевских советников, которая так и не успела разрешиться к тому времени, как он покинул Двор.

При свете костра даже Тирнан выглядит иначе. Наливая чай Гиацинту, он без лишних вопросов добавил в напиток мед, словно делал это бесчисленное множество раз. А когда передавал кружку и их пальцы соприкоснулись, его лицо исказила гримаса боли – такая невыносимая тоска, а вместе с тем и нежелание просить о том, в чем ему точно откажут. Спустя мгновение он спрятал эмоции, хоть и сделал это недостаточно быстро.

– Можете рассказать мне, что ведьма из Двора Бабочек должна для нас найти? – спрашиваю я, когда истории принца подходят к концу.

Хочу услышать ответ, но еще сильнее хочу узнать, доверяют ли они мне.

Тирнан косится в сторону Оука, но принц не отводит ясных глаз от моего лица.

– Я надеюсь, она поможет узнать, где пролегает граница сил леди Ноури. Если правильно понимаю, на кости Мэб было наложено заклинание, а Чертополоховая ведьма застала правление королевы и ее смерть.

– Значит, мы ищем информацию, а не вещь? – уточняю я, вспоминая разговор в лесу.

– Зависит от того, что она скажет. – Оук пожимает плечами.

Я размышляю над этими словами, устраиваясь на покрывалах, разложенных принцем. Ткань пропитана ароматами Эльфхейма, и я натягиваю на нос собственное замызганное одеяло, чтобы их притупить.

На следующий день мы продолжаем наш утомительный путь, лишь ненадолго прерываясь на обед. И к тому времени, когда наконец-то добираемся до цели, я чувствую, что вот-вот упаду со спины келпи, – мне даже плевать, начнет ли он после этого жевать мою плоть.

Неподалеку бурлит широкая черная река, пенясь вокруг большого валуна. Высокие, стройные серенои стоят на сиротливых островках из камней и корней. На крутом склоне холма виднеется стена пятиэтажного бетонного здания. Будто кто-то вырезал замок из картона, сделав его не трехмерным, а плоским.

– Вход во Двор Бабочек должен быть где-то здесь, – сообщает Тирнан.

Я соскальзываю со спины келпи и заваливаюсь в заросли травы, пока Оук и Тирнан обсуждают, где искать вход. С наслаждением вдыхаю легкий туман, исходящий от воды, запахи глины и слипшейся в комок речной травы.

Когда открываю глаза, на месте келпи вижу молодого мужчину. У него волосы цвета земли с речного дна и зеленые глаза, точно мутная болотная вода. Я вздрагиваю и, подскочив, тянусь к рюкзаку за ножом.

- Приветствую, - говорит он благодушным тоном, сопровождая слова поклоном. - Вы, верно, желаете знать имя того, кто нес вас на своей спине; того, кто так отважно помогал юному принцу в час нужды, когда его истинное правление еще не успело начаться...

- Разумеется, - перебиваю его.

- Озерный Джек, - отвечает он со зловещей улыбкой. - Веселый дух. А к кому я имею честь обращаться? - Он смотрит на меня.

- Рэн, - отвечаю я и тут же жалею. Это не мое истинное имя, но все имена имеют власть над теми, кто их носит.

- У вас необычный голос, - произносит он. - С хрипотцой. Весьма прелестный.

- Я повредила голосовые связки в детстве, - сообщаю ему. - Слишком громко кричала.

Оук становится между нами, и я благодарна ему за то, что он дает мне передышку.

- Джек, вы настоящий джентльмен.

Джек поворачивается к принцу, и его губы снова изгибаются в жутковатой улыбке.

- Оук и Рэн. Птичка Рэн и дубочек Оук [1]. Как очаровательно! Вы оба названы в честь лесных созданий, но на деле не так просты. - Он бросает взгляд на Тирнана и Гиацинта. - В отличие от этих двоих.

- Довольно! - прерывает его Тирнан.

Джек задерживает взгляд на Оуке.

- Готовы ли вы плясать ради удовольствия Королевы бабочек? Она мрачная правительница, и ее расположения не так-то просто добиться. Хотя вам нет нужды переживать, чтобы кого-то впечатлить, ваше высочество.

От его слов веет холодом.

- Я не против потанцевать, - отзывается Оук.

- Прекрати дерзить, - вмешивается в разговор Тирнан. Его плечи расправлены, руки сложены на груди, и сейчас он выглядит как образцовый офицер армии Мадока, которым он, видимо, когда-то был. - На твою долю выпала честь помочь принцу в путешествии, и на этом все. Прими с благодарностью то, чем мы решим тебя наградить, будь то монета или плевков в лицо.

Джек обиженно фыркает.

Глаза Гиацинта сердито сверкают, как будто он принял слова рыцаря на свой счет.

- Что за вздор, - говорит Оук, а затем обращается к Джеку: - Ваши копыта были быстры и надежны. Отправляйтесь с нами ко Двору, где вы сможете дать ногам отдохнуть и чем-нибудь подкрепиться. - Он кладет руку на плечо Тирнана. - У нас есть повод для благодарности, разве не так?

Рыцарь демонстративно игнорирует его слова, явно не испытывая перед принцем благоговейного трепета, которого требует от Озерного Джека.

- Сюда, - указывает Оук и ведет нас вдоль берега. Я иду вслед за ним, стараясь не поскользнуться на влажной земле.

- Смотри сам, как они благодарят других за добро, - говорит Гиацинт келпи, дотрагиваясь до кожаного ремешка уздечки на своем лице. - И не давай им для этого слишком много поводов.

Тирнан закатывает глаза.

Бетонная стена преграждает нам путь. По одну сторону от нее протекает река, а по другую возвышается холм, покрытый ядовитыми манцинелловыми деревьями. Я изучаю то, что осталось от старого здания, но двери не вижу - только большие окна, сквозь которые проглядывает еще более мрачная и болотистая местность. И все же я чувствую, как в неподвижном воздухе потрескивает магия. Оук, нахмурившись, замирает. Не сомневаюсь, что он тоже ее ощущает.

Принц прижимает руку к бетону, будто пытается найти, откуда она исходит.

Озерный Джек бредет по воде; на его лице читается желание затащить кого-нибудь на глубину.

Гиацинт останавливается рядом со мной. Его рука напряжена, как будто он сжимает некий несуществующий предмет. Я сразу задаюсь вопросом, какое оружие он носил, будучи солдатом.

- Держу пари, вы считаете, что все мы стали добрыми друзьями.

Вспомнив разговор у моря, понижаю голос до хриплого шепота:

- Я не поддаюсь ничьему очарованию.

Он переводит взгляд на принца, стоящего на подоконнике, а потом обратно на меня.

- Он кажется открытой книгой, но на самом деле ведет свою игру. У него множество секретов. Например, вы знали, что он получил сообщение от леди Ноури?

- Сообщение? - эхом отзываюсь я.

Гиацинт улыбается, явно довольный тем, что вывел меня из равновесия.

Но я не успеваю выпытать у него подробности, потому что Оук оборачивается к нам с улыбкой, требующей внимания.

- Посмотрите сюда.

По другую сторону окна виднеется усеянный цветами луг, который совершенно не вписывается в местный пейзаж. Там нет ни реки, ни зарослей травы, ни грязи. Лишь бесчисленные бутоны, среди которых лежат кости, белые, как лепестки.

Он спрыгивает на луг - его копытца скрываются среди цветочного моря - и протягивает мне руку.

«Не поддавайтесь его очарованию».

Я напоминаю себе, что знала Оука еще в далеком детстве и что у нас общие враги. Что у него нет причин меня обманывать. И все же не могу не думать о словах Гиацинта. Я качаю головой, отказываясь от помощи Оука, и карабкаюсь через окно сама.

- Здесь так красиво, правда? - говорит он с легкой улыбкой на губах. В его лисьих глазах плещется свет.

Конечно, здесь красиво. В Фейриленде всегда так: за привлекательным фасадом таится чудовищная жестокость.

- Уверена, Королева бабочек будет счастлива, узнав, что наследник Верховного престола так считает.

- Вы сегодня колючая, как ежик, - замечает он.

Как будто я когда-нибудь бываю другой.

Мы идем по лугу, который не озаряют ни солнце, ни луна, пока наконец не оказываемся у глубокой ямы, наполовину скрытой клубящимся туманом. Земляные ступени спиралью уходят вниз, во тьму.

- Двор Бабочек, - тихо произносит Озерный Джек.

С тревогой оглядываюсь на усеянный костями луг - на символы смерти, раскиданные среди цветов. Не нужно было нам сюда приходить. Меня охватывает страх, который ощущается как дурное предчувствие.

Я замечаю, как Оук, прежде чем начать спускаться, опускает руку на рукоять меча.

Мы следуем за ним; сначала Тирнан, а потом я и Джек. Гиацинт, чье лицо по-прежнему плотно сжимает уздечка, замыкает нашу процессию. Я прижимаю к животу нож, вдыхаю густой запах земли и вспоминаю все случаи, когда развеивала заклятья. Все хитрости, на которые шла, лишь бы насолить народу.

Оказываемся в длинном коридоре, стены которого образованы из утрамбованной земли. Бледные корни украшают потолок, словно декоративная решетка, а наш путь освещают немногочисленные сияющие кристаллы. Чем глубже мы спускаемся, тем неуютнее я себя ощущаю. Тяжесть земли давит, и

мне кажется, что проход может в любую секунду обрушиться и похоронить нас всех. Я закусываю губу и иду вперед.

В конце концов мы выходим в пещеру с высокими сводами, в стенах которой сверкают кристаллы слюды.

Тут мы встречаем зеленокожую женщину-тролля. В проколы на ее щеках вставлены украшения, голову венчают четыре черных рога. С пояса свисают две сабли. На кожаном нагруднике искусно вытиснен узор – дюжина кричащих голов.

Завидев нас, она угрожающе хмурится.

– Я охраняю вход во Двор Бабочек. Назовите свои имена и цель визита, после чего я, скорее всего, вас убью.

Лицо Тирнана приобретает суровое выражение.

– Вы не знаете, как выглядит ваш собственный правитель? Это принц Оук, наследник Эльфхейма.

Стражница переводит взгляд на Оука с таким видом, будто могла бы сожрать его за один присест. Наконец она неохотно отвешивает ему еле заметный поклон.

– Ваш визит – честь для нас.

Принц, в свою очередь, выглядит так, словно искренне радуется знакомству. На лице нет ни тени страха, что говорит либо о его чрезвычайном высокомерии, либо о бесконечной глупости. Либо и о том, и о другом одновременно.

– Мы счастливы здесь находиться, – произносит он. Мне даже кажется, что если бы стражница протянула ему руку, то он бы с готовностью поцеловал ее. Представить себе не могу, как можно быть столь уверенным в том, что тебе всюду рады.

От одной только мысли об этом у меня сводит живот.

– Мы ищем Чертополоховую ведьму, живущую во владениях королевы Аннет. Нам известно, что если попытаться встретиться с ней, не получив сперва разрешения, то можно сотню лет блуждать среди болот, – произносит Оук.

Стражница склоняет голову набок, словно прикидывает, каков он будет на вкус.

– Некоторые не возвращаются вовсе.

Принц кивает, как будто она подтвердила его подозрения.

– К сожалению, у нас нет времени ни на один, ни на другой вариант.

Услышав эти легкомысленные слова, женщина-тролля не может сдержать улыбку.

- Не могли бы вы представить своих спутников?

- Сэр Тирнан, - говорит рыцарь, указывая на себя. - Озерный Джек. Леди Рэн. Наш пленник Гиацинт.

Взгляд стражницы скользит по Гиацинту и Джеку, а затем на неуютно долгое мгновение останавливается на мне. Я по привычке изгибаю губу, обнажая кончики зубов.

Похоже, женщину это нисколько не смущает. Она кивает мне, словно одобряя как их остроту, так и мое недоверие.

- Королева Аннет захочет поприветствовать вас лично, - сообщает стражница и трижды ударяет ногой по стене за своей спиной. - Она будет счастлива чествовать вас в парадном зале своего дворца и все такое прочее. Я позвала слугу, чтобы он проводил вас в покои, где вы сможете отдохнуть и переодеться для вечернего пира. Мы даже запрем вашего пленника в темнице на эту ночь.

- В этом нет необходимости, - говорит Оук.

Стражница широко ухмыляется.

- И все же мы это сделаем.

Гиацинт бросает на Тирнана взгляд, видимо надеясь, что тот вступится за него. Я чувствую, что оказалась в ловушке, которая постепенно захлопывается, но, судя по всему, поймать хотят вовсе не меня.

- Мы будем рады насладиться гостеприимством Двора Бабочек, - произносит Оук. Если надеется получить то, ради чего мы сюда пришли, он не может сказать ничего другого.

Улыбка стражницы расширяется до невероятных размеров.

- Отлично. Следуйте за Двортом.

Заметив, куда направлен ее взгляд, я оборачиваюсь и вздрагиваю: сзади к нам успел подкрасться еще один фейри. Его кожа и борода того же цвета, что и свисающие с потолка корни. У него розоватые, налитые кровью глаза и длинные, как у кролика, уши. Одежда мужчины будто покрыта слоем мха, особенно густым на плечах. Он ничего не говорит, только кланяется нам, а затем шаркающей походкой устремляется вниз по коридору.

Гиацинт подталкивает меня плечом.

- Пока меня не увели, позвольте рассказать вам несколько фактов, чтобы доказать, что я не лгал. Мать принца была ганканой. Фейри, изрекающей любовь. При Дворе таких называли сладкоречивыми.

Я едва заметно качаю головой, не желая дальше слушать его слова.

– Вы о них не слышали? Изрекающие любовь способны пробудить в смертных такую страсть, от которой те могут умереть. Для фейри это вождение не смертельно, и все-таки мы его ощущаем. Родная мать Оука своим очарованием заманила к себе в постель Верховного короля Элдреда, а потом и его сына Дайна. Говорят, сводный брат Оука влюбил в себя и Джуд, и ее сестру-близняшку Тарин, а также украл у Кардана его бывшую суженую. Как вы считаете, что принц может..

Гиацинт прикусывает язык, потому как мы останавливаемся перед четырьмя каменными дверьми на спиральных металлических петлях.

К сожалению, я догадываюсь, как он собирался закончить предложение. «Что принц может сделать с такой, как вы?» Я вздрагиваю, распознавая в своем сердце желание, в котором мне не хочется себе признаваться.

Неужели в его присутствии все чувствуют себя так же? Неудивительно, что принц никогда не обходится без девушки. Понятно, почему Гиацинт считает, что Тирнан позволяет вить из себя веревки.

Дворт кланяется еще раз, жестом указывая на комнаты, а затем подталкивает Гиацинта к одному из трех проходов, на которые разделяется коридор.

– Он останется с нами, – снова говорит Оук.

– Ты слышал его величество. – Несмотря на звучащую в его голосе издевку, Гиацинт явно не хочет, чтобы его уводили прочь. Он пытается обойти пажа, чтобы встать рядом с принцем. Но безмолвный мужчина преграждает ему путь.

Оук снова опускает ладонь на рукоять меча.

– Довольно, – произносит Тирнан, хватая принца за руку. – Они хотят, чтобы вы нарушили правила гостеприимства. Прекратите. Ничего не случится, если Гиацинт проведет одну ночь в королевской темнице. Я сопровожу его и прослежу, чтобы ему предоставили минимальный комфорт.

– Неблагой двор узнается по поступкам, – не без удовольствия замечает Озерный Джек.

Я смотрю, как они уходят, чувствую, как к горлу подступает паника из-за того, что наш отряд разделился надвое. Когда меня заводят в мои покои, страх лишь усиливается.

Оказываюсь в мрачной комнате, стены которой сделаны из земли и камня. В углу находится грубо сколоченная кровать. Она завалена одеялами и роскошными подушками и увешана гобеленами. На каждом из них изображены сцены охоты: раненые существа, пронзенные множеством стрел, истекают кровью на покрытой разноцветной листвой земле. На небольшом столике стоят таз и кувшин с водой, на стене виднеется несколько крючков.

Я обхожу комнату в поисках отверстий для слежки, тайных проходов и скрытых угроз. От этого места у меня чешется все тело. И хотя здесь тепло и нет никакого льда, оно безумно напоминает мне Двор Зубов. Я хочу оказаться как можно дальше отсюда.

Опускаюсь на кровать и начинаю считать до ста в надежде побороть панику.

Когда дохожу до восьмидесяти восьми, дверь открывается и в комнату заходит Оук.

– Я договорился, чтобы вас приняла королевская швея.

Мой взгляд устремляется к ямочке на его шее, виднеющейся из-под воротника. Стараюсь не смотреть ему в глаза.

Изрекающий любовь.

– Не хочу никуда идти.

Мне хочется только одного: свернуться клубочком и не двигаться с места, пока не придет время покидать Двор Бабочек.

Оук, похоже, не верит своим ушам.

– Но вы не можете пойти на пир в таком виде!

Смотрю на роскошный наряд принца, и мои щеки краснеют от стыда.

Это несправедливо. Я уже много недель не была такой чистой, как сейчас. Конечно, в платье есть дыры, весь подол истрепан, а в некоторых местах ткань истончилась настолько, что вот-вот порвется, но оно все-таки мое.

– Если я вас позорю, оставьте меня в этой комнате, – рычу в надежде, что он согласится.

– Если пойдете на пир в своей одежде, то создастся впечатление, что Эльфхейм вас не ценит, а при Дворе Бабочек это небезопасно, – говорит он.

Я бросаю на него хмурый взгляд. Мне совсем не хочется прислушиваться к голосу разума.

Принц вздыхает и откидывает волосы со своих лисьих глаз.

– Если вы останетесь в своих покоях, Тирнану придется за вами приглядывать, а ему страшно хочется отведать сладких вин, которые здесь подают, а также услышать местные песни. Так что вставайте, пожалуйста. А завтра сможете снова надеть свое старое платье.

Пристыженная, я поднимаюсь с кровати и следую за ним.

Из-за двери, ведущей в комнату швеи, доносится жутковатая песенка. Я чувствую магию, которая плотными ступками вырывается наружу. Какое бы существо ни находилось в этих покоях, оно обладает силой.

Бросаю на Оука предостерегающий взгляд, но он все равно стучится.

Песенка обрывается.

- Кто хочет попасть в покои Хабетрот? - раздается чей-то шепот.

Оук смотрит на меня, приподняв бровь, как будто рассчитывает, что на этот вопрос отвечу я.

- Сурен, чьи одеяния являются неподобающими по мнению одного несносного принца, хотя я лично видела, как люди приходят на празднества обнаженными.

Вместо того чтобы оскорбиться, Оук довольно смеется.

Дверь открывается, и перед нами предстает женщина с зеленой кожей, как у лягушки, широкой нижней губой и густыми бровями. Она одета в черный балахон, полностью скрывающий ее тело, и сторблена так, что едва ли не касается пальцами рук пола.

Она смотрит на меня и моргает своими влажными черными глазами.

- Заходи, заходи, - говорит она.

- Не буду вам мешать, - заявляет Оук и, поклонившись, уходит.

Я закусываю губу, чтобы не зарычать, и иду по коридору вслед за фейри. Потолок здесь настолько низкий, что мне приходится пригнуться.

Наконец мы оказываемся в полутемной комнате, которую освещают лишь несколько свечей в круглых, слегка помутневших светильниках. Помещение заставлено шкафами - такими высокими, что их верхняя часть скрывается во мраке. На полках лежат рулоны ткани.

- Знаешь, что обо мне говорят? - шепчет Хабетрот. - Что я не шью платья, а сплетаю их из грез. Никто не видел наряды, подобные тем, что я создаю, и никогда не увидит впредь. Так о чем ты мечтаешь, дитя?

Я хмурюсь, озадаченно глядя на свое изорванное платье.

- Ты девочка из леса? Фейри-одиночка, которую привели ко Двору?

Киваю, потому что в какой-то мере это правда.

- Возможно, ты хочешь, чтобы я сшила тебе наряд из древесной коры и мехов? - интересуется она, кружа вокруг меня. Немного щурится, будто уже представляет, во что меня одеть.

- Если такая одежда будет уместной, - неуверенно отвечаю я.

Она обхватывает мою руку пальцами, чтобы снять мерки.

- Ты наверняка не хочешь оскорбить меня такой банальной просьбой?

Я не знаю, что ответить. Даже если бы она смогла заглянуть в мои мечты, то не нашла бы там платья, которое соответствовало бы ее требованиям.

- Не знаю, чего хочу, - шепотом признаюсь я. Это истинная правда.

- Уничтожать и разрушать, - произносит она, цокая языком. - Ты практически пропахла этим желанием.

Отрицательно качая головой, но помимо воли вспоминаю удовлетворение, с которым развеивала чары глейстиг. Иногда мне кажется, что в моей груди кроется тугий узел, из которого, если его развязать, наружу вырвется что-то зубастое.

Хабетрот без тени улыбки изучает меня своими черными, как бусинки, глазами, после чего начинает рыться среди рулонов ткани.

Когда-то давно то, что надето на мне сейчас, было летним платьем с рукавами-крылышками. Полупрозрачное белое одеяние развеивалось вокруг меня, когда я кружилась. Я увидела его на витрине магазина одной ночью. Я сняла с себя вещи, которые мне вручили при Дворе Зубов, и, надев платье, оставила их там.

Оно так сильно мне понравилось, что я сплела себе корону из чемерицы и принялась танцевать по ночным улицам. Я смотрела на свое отражение в лужах и верила, что если не улыбаться, то буду красивой. Знаю, теперь оно выглядит иначе, но все равно не могу представить себя ни в чем другом.

Я сожалею, что Оук не может увидеть, каким это платье было раньше, даже если с тех пор прошло уже очень много времени.

Несколько минут спустя Хабетрот возвращается, держа в руках темно-серую ткань, которая на свету переливается коричневыми и синеватыми оттенками. Помимо своей воли провожу пальцами по бархату. Он такой же мягкий, как и мантия, которую накинул мне на плечи принц.

- Да, да, - бормочет Хабетрот. - То, что надо. Разведи руки в стороны, будто птичьи крылья. Хорошо.

Пока она драпирует на мне ткань, я изучаю ее коллекции пуговиц, нитей и материи. Затем перевожу взгляд на стоящее в углу веретено. Намотанная на него пряжа сверкает ярко, словно звезда.

- Так, - произносит Хабетрот, пихая меня в бок. - Расправь плечи. Не сутулься, как зверь.

Я делаю, как она велит, но все равно скалюсь. Она скалится в ответ. Зубы у нее тупые и почерневшие возле десен.

- Я одевала королев и рыцарей, великанов и ведьм. И для тебя тоже сошью платье - то, которое ты побоялась попросить.

Я не понимаю, как такое возможно, но не хочу с ней спорить. Вместо этого вспоминаю, как мы сюда шли. Я сосчитала все повороты и почти уверена, что смогу выйти обратно на поверхность через скрытую туманом яму. Я снова и

снова мысленно воспроизвожу наш путь, чтобы хорошенько запомнить его на случай, если мне придется бежать. Если нам всем придется бежать.

Закончив снимать с меня мерки – хотя мне кажется, что она измеряла не только тело, но и мою личность, – она подходит к столу, где принимается резать и сшивать ткань. Я смущенно брожу по комнате, разглядывая ленты: некоторые из них, похоже, сплетены из волос, а другие сделаны из жабьих шкурок. Кладу в карман острые на вид ножницы с ручками в виде лебедя. Они легче моих ножей, и их гораздо проще спрятать.

Не могу отрицать, что феири меня восхищают, пусть я и избегаю их. Пусть они опасны и склонны к обману.

Я останавливаю взгляд на пуговице точно такого же блестящего золотисто-бронзового оттенка, что и волосы Оука. Затем на другой – фиолетовой, как глаза Гиацинта.

Я думаю о том, что сейчас он сидит в темнице. Наполовину зачарованный, с кошмарной уздечкой на лице, такой отчаявшийся, что готов просить о помощи даже меня.

– Давай примерим то, что получилось. – Голос Хабетрот неожиданно прерывает мои мысли.

– Но ведь прошло всего несколько секунд, – озадаченно отзываюсь я.

– Магия, – напоминает она, сопровождая свои слова широким взмахом руки, после чего проводит меня за ширму. – И отдай мне платье, которое сейчас на тебе. Хочу его сжечь.

Я стаскиваю потрепанную одежду через голову и роняю на пол между нами, а затем бросаю на феири взгляд, который ясно дает понять, что если она захочет забрать мое платье, то ей придется сначала сразиться со мной. Я чувствую себя такой же уязвимой, как сбросившая кожу селки.

Хабетрот вручает мне сине-фиолетово-серый наряд. Осторожно надеваю его, ощущая приятный вес ткани и то, как гладкая подкладка струится по коже.

Никогда прежде не видела ничего похожего на это платье. В основном оно сшито из той ткани, которую Хабетрот мне показывала, но в него вставлены полосы из других материалов: прозрачные и атласные, войлочные и с узорами, как на крыльях бабочки. С оборванных краев свисают нити, а кое-где тонкая ткань собрана в складки, что придает ей совершенно иную текстуру. Этот струящийся лоскутный наряд кажется истрепанным и прекрасным одновременно.

Я смотрю на него и не знаю, что думать. Она насмехается надо мной, одевая в лоскуты и обрезки, пусть и искусно сшитые вместе?

Или она просто посчитала, что такой наряд пойдет мне лучше всего. Возможно, это Оук глупец, который поймал волчицу и решил, что если надеть на нее платье и разговаривать с ней как с девушкой, то она станет таковой.

По крайней мере, подол юбки не волочится по полу. Я по-прежнему могу бегать по лесу, воя на луну.

- Выходи, ну же, - торопит меня Хабетрот.

Я делаю резкий вдох и показываюсь из-за ширмы. Страшно боюсь мгновения, когда увижу себя в зеркале и снова испытаю жгучее унижение.

Маленькая швея подталкивает меня к какой-то отполированной бронзовой штучке, напоминающей щит. Оттуда на меня тарашится собственное отражение.

Оказывается, я выше, чем думала. Мои волосы спутаны и растрепаны, несмотря на все попытки вымыть их и расчесать пальцами в мотеле. Я так и не избавилась от всех колтунов. Из-под воротника видны ключицы, и, глядя на них, понимаю, что я слишком худая. Однако платье изящно обтягивает мою грудь и талию, а юбка расширяется от самых бедер. Немного обтрепанные края придают образу жутковатую элегантность, словно я облачена в сумрачную тень. Теперь я больше похожа на таинственную придворную даму, а не на девчонку, которая спит в грязи.

Хабетрот бросает рядом со мной сапоги, и я вдруг понимаю, как долго простояла, разглядывая свое отражение. Волна стыда снова приливает к щекам, но теперь уже по другой причине.

Я сжимаю подол пальцами. В платье даже есть карманы.

- Так и знала, что не выбросила их, - говорит феяри, указывая на обувь. - Если он восхитится тобой хотя бы вполтину так же, как ты восхищаешься собой, думаю, он будет доволен.

- Кто? - резко вопрошаю я, но она лишь пожимает плечами и сует мне в руку костяной гребень.

- Приведи волосы в порядок, - указывает Хабетрот, а затем снова передергивает плечами. - Или, наоборот, запутай их еще сильнее. В любом случае будешь выглядеть очаровательно.

- Что ты хочешь взамен? - интересуюсь я, вспоминая все сделки с феяри, которые мне довелось подслушать. Думаю о том, как сильно мне нравится платье и насколько кстати пришлось бы сапоги, и понимаю искушение, которое испытывают оказавшиеся в лесу глупцы.

Она изучает меня своими глазами-бусинками, а потом качает головой.

- Я служу королеве Аннет, а она наказала мне подарить принцу Верховного двора все, о чем тот попросит, если моих талантов окажется для этого достаточно.

Ну конечно, кто-то должен был сказать Оуку, где искать Хабетрот, и уверить его, что она выполнит любую его просьбу. Значит, я должна вовсе не швее, а Оуку. Он же, в свою очередь, был в долгу перед королевой Аннет. Я чувствую, как сжимается сердце. В Фейриленде о долгах так просто не забывают.

А представители Двора Бабочек из кожи вон лезут, лишь бы показать, какие они радушные хозяева.

– Я за всю свою жизнь не видела платья красивее, – говорю я, потому что больше ничем не могу отплатить Хабетрот, не оскорбив при этом. Впервые за очень долгое время мне преподнесли подарок, пусть и не без язвительности. – Мне и правда кажется, что оно появилось из грез.

От моих слов щеки Хабетрот розовеют.

– Вот и ладно. Возможно, ты заглянешь ко мне снова и поделишься, понравилась ли Солнечному принцу Королева ночи.

Смущенная, я выхожу в коридор. Как она могла подумать, что платье – даже такое красивое – может превратить меня в объект желания? Что, если все на пиру подумают, что я увиваюсь за Оуком, и начнут смеяться, прикрывая ладонями рты?

Я несусь по проходу и распахиваю дверь в свою комнату, только чтобы увидеть там Оука, который устроился на стуле, с бесстыдным комфортом вытянув длинные ноги. Его голову, чуть выше рожек, венчает корона из цветущего мирта. Он одет в свежую льняную рубашку белоснежного цвета и алые брюки, расшитые виноградными лозами. Даже его копытца выглядят так, словно он их отполировал.

Он – воплощение прекрасного принца феири, любимого всеми живыми существами. Не удивлюсь, если кролики едят из его рук, а сойки пытаются накормить его червячками, позабыв о собственных птенцах.

Оук улыбается, словно ничуть не удивлен тому, что на мне красивый наряд. Мимоходом взглянув на платье, он со странным напряжением всматривается в мое лицо.

– Выглядите потрясающе, – говорит он, но я не понимаю, как он мог прийти к этому выводу, не уделив платью ни малейшего внимания.

Я одновременно стесняюсь и негодную.

Солнечный принц.

Не утруждаю себя комментариями по поводу его внешнего вида. Не сомневаюсь, что он и так все знает.

Оук проводит рукой по золотистым локонам.

– Нам предстоит аудиенция с Аннет. Надеюсь, мы сможем убедить ее отправить нас к Чертополоховой ведьме как можно скорее. А до тех пор нам радушно позволяют бродить по залам ее дворца и угощаться яствами с праздничных столов.

Опустившись на табурет, я натягиваю на ноги новые сапоги и зашнуровываю их.

– Как думаете, зачем она приказала увести Гиацинта?

Оук трет ладонью лоб.

– Думаю, хотела показать, что это в ее власти. Будем надеяться, что других серьезных оснований у нее не было.

Я достаю гребень из кармана нового платья и в нерешительности замираю. Если начну расчесывать свой нимб из колтунов в его присутствии, то он увидит, как сильно спутаны мои волосы, и вспомнит, где нашел меня.

Принц поднимается со стула.

Отлично. Сейчас он уйдет, и я смогу сразиться со своими волосами один на один.

Но вместо этого он вынимает гребень из моих рук.

– Позвольте помочь, – говорит он и пропускает между пальцами мои волосы.
– Ваши локоны по цвету напоминают примулы.

Чувствую, как напрягаются плечи. Я не привыкла, чтобы меня кто-то трогал.

– Вам не обязательно... – начинаю я.

– Мне не тяжело, – перебивает меня он. – Сестры вечно расчесывали меня и заплетали мои волосы в косы, как бы я ни голосил от возмущения. Поэтому мне пришлось научиться делать прически и им – в качестве самообороны, разумеется. А моя мама...

Его пальцы ловко справляются с задачей. Он берет каждую прядь у основания и аккуратно распутывает колтуны, начиная с кончиков и постепенно продвигаясь к корням. Под его прикосновениями мои волосы превращаются в гладкие ленты. Если бы я занималась этим сама, то вырвала бы половину от досады, потому что ничего не получается.

– Ваша мама... – эхом повторяю я, надеясь, что он продолжит. Мой голос дрожит, но едва заметно.

Оук начинает заплетать мои волосы так, что толстые косы обвивают мою голову, немного напоминая его корону.

– Когда мы жили в мире смертных, нам приходилось обходиться без слуг, а ей нужна была помощь с прической, – мягко поясняет он.

Все это – его слова, легкая боль от натяжения волос, прикосновение пальцев к моей шее, когда он отделяет новую прядь, сосредоточенное выражение лица – немного чересчур. Я не привыкла ощущать чье-то присутствие настолько близко к себе.

Когда поднимаю взгляд, в улыбке Оука читается приглашение.

Мы больше не дети. Мы больше не прячемся под кроватью и не играем в карточные игры, но мне кажется, что между нами идет игра иного рода. Но ее правила мне не известны.

Я вздрагиваю и беру с комода зеркало. В этом платье и с новой прической я выгляжу красивой. Той красотой, которая позволяет чудовищу заманивать людей в лес и приглашать их на танец, где они встретят свою погибель.

Глава 6

Раздается стук в дверь, и на пороге появляется женщина-рыцарь с волосами цвета перегнивших листьев и похожими на оникс глазами. Она представляется Люпиной. Когда она заговаривает с нами, я замечаю, что полость ее рта столь же черна, как и ее глаза.

- Королева бабочек ожидает вас.

Кажется, она относится к слуа - неупокоенным фейри. Среди этих существ известны банши - рассказывают, что ими становятся души погибших в скорби, - и фетчи, которые копируют образы тех, кому предстоит умереть, и тем самым предвещают их судьбу. И если джентри являются доказательством того, что фейри могут жить вечно и сохранять вечную молодость, то слуа подтверждают тот факт, что их существование может продолжаться и за порогом смерти. И те и другие пугают и восхищают меня в равной степени.

Тирнан и Джек уже привели себя в порядок. Келпи зализал свои темные волосы назад и прикрепил под воротником рубашки цветок. Тирнан надел бархатный коричневый дублет, который выглядит слегка помятым, поскольку явно хранился в одной из его дорожных сумок. Рыцарь скорее производил впечатление бравого солдата, а не придворного. При виде того, что Оук выходит из моей комнаты, он слегка хмурится.

- Веди нас, - говорит Оук Люпине, сопровождая свои слова небольшим поклоном. Она начинает шагать по коридору, и мы следуем за ней.

В туннелях Двора Бабочек пахнет свежевскопанной землей и соленой водой. Это самый южный Двор на побережье, и поэтому неудивительно, что мы проходим по морским пещерам, стены которых унизаны острыми обломками ракушек. Я слышу рокот океана и на мгновение представляю, как вода пробивает потолок и затапливает все вокруг. Но вскоре звук отступает, и я понимаю, что волны бушуют где-то вдалеке и не представляют опасности.

Некоторое время спустя оказываемся в подземной роше. Воздух здесь душающе влажен. Мы проходим мимо хлопковых деревьев, чьи толстые серые стволы покрыты шипами, каждый из которых больше двух моих пальцев, сложенных вместе. С них свисает нечто похожее на плетеные сети из белых стручков. Я внимательно разглядываю их, вижу, как некоторые извиваются так, будто внутри находится что-то помимо семечек - и это что-то пытается вырваться наружу.

В следующей комнате находится небольшой пруд. Его черные, точно ночь, воды неподвижны, из-за чего сложно даже предположить, насколько он глубок. Озерный Джек подходит и опускает в воду руку. Тирнан резко тянет его за воротник дублета.

- Тебе не понравится здесь плавать, келпи.

- Думаешь, на него наложено заклятье? - зачарованно спрашивает Джек, опускаясь на корточки, чтобы увидеть свое отражение.

- Думаю, это вход для морского народа, - мрачно отвечает рыцарь. - Заплывешь слишком далеко и окажешься в Подводном королевстве, где не очень-то жалуют обитателей озер.

Я иду широким шагом, так что подол платья развеивается впереди меня. Прячу руки в карманах, перебирая пальцами вещи, которые там спрятала: острые ножницы, украденные у Хабетрот, спичечный коробок, серебряную лисичку и одну-единственную лакричную конфету. Мне неприятна сама мысль, что мои вещи останутся в комнате и по ним будут шарить любопытные слуги, составляя подробный список для королевы.

Еще три поворота, и до нас начинают доноситься звуки музыки. Мы проходим мимо нескольких охранников, один из которых при виде меня причмокивает губами.

- Тебе позволили увидеться с Гиацинтом? - спрашиваю Тирнана, подстраиваясь под его шаг. Мне совершенно не нравится, что бывший сокол, так отчаянно мечтающий о свободе, теперь заперт в темнице. К тому же меня тревожат планы королевы Аннет и в меньшей степени - ее причуды.

Кажется, Тирнан удивлен, что я заговорила с ним по своей воле.

- Он в порядке.

Я разглядываю рыцаря. На его лице застыло каменное выражение, широкие плечи расправлены. Короткие черные волосы не расчесаны, а на подбородке едва заметно темнеет щетина. Мне становится любопытно, как долго он пробыл в темнице и как быстро ему потом пришлось собираться на пир.

- Как думаешь, что королева Аннет с ним сделает? - спрашиваю я.

Тирнан хмурится.

- Ничего особенного. Принц обещал... - Он прикусывает язык, замолкая на полуслове.

Искоса бросаю на него взгляд.

- Ты вправду пленил Гиацинта обманом?

Он резко оборачивается ко мне.

- Это он тебе сказал?

– А зачем ему это скрывать? Знай ты, что именно он скажет, то использовал бы власть поводка, чтобы заставить его замолчать? – Я говорю тихо, но что-то в моем голосе заставляет Озерного Джека посмотреть на меня и изогнуть губы в улыбке.

– Конечно же, нет! – резким тоном отвечает Тирнан. – Тем более им повелеваю не я.

Однако это не имеет никакого значения, ведь Оук явно приказал Гиацинту подчиняться рыцарю. Я не раз слышала, как Тирнан отдает ему распоряжения. И все-таки мне неприятно осознавать, что уздечкой владеет принц. Я хочу хорошо к нему относиться. Хочу верить, что он совершенно не похож на Мадока.

Впереди нас Люпина рассказывает Оуку о структуре хрусталя и о том, что неподалеку от темницы находятся комнаты, украшенные рубинами и сапфирами. Она указывает на сводчатый проход, через который виднеется уходящая вниз лестница. Принц наклоняется, чтобы сказать что-то в ответ, и выражение ее лица тут же меняется, а взгляд слегка стекленеет.

Изрекающий любовь.

– Его держат там? – спрашиваю я, кивая в указанном Люпиной направлении.

Тирнан кивает.

– Ты считаешь меня подлецом, так ведь? Отец Гиацинта был рыцарем, присягнувшим на верность леди Лириопе, родной матери Оука. Когда ее отравили, он не выдержал стыда из-за того, что подвел ее, и покончил с собой. Гиацинт поклялся отомстить за отца. Когда Мадок доказал ему виновность Дайна, он пообещал, что впредь останется верен генералу, оборвавшему жизнь принца. А Гиацинт всегда был невероятно преданным.

– Поэтому он не раскаялся, а предпочел понести наказание? – уточняю я.

Тирнан неопределенно пожимает плечами.

– Гиацинт слышал страшные рассказы о Верховном короле, что тот отрывает крылья фейри, которые не хотят ему подчиняться, и все в таком духе. К тому же Кардан – брат принца Дайна. Поэтому да, частично он принял это решение, потому что был верен Мадоку, но это не единственная причина. Он не может избавиться от жажды мести, хотя уже давно не знает, кого винить.

– Так вот почему он носит уздечку? – спрашиваю я.

Тирнан хмурит брови.

– Случилось одно происшествие. Это наказание было наименее суровым из всех возможных вариантов.

Никогда еще мы с Тирнаном не говорили так долго, пусть мне и кажется, что по большей части он обращается сам к себе.

Но если он надеется убедить меня в том, что надел на Гиацинта уздечку ради самого Гиацинта, то у него это вряд ли получится. При Дворе Зубов меня терзали и мучили, считая, что все это делается во благо. Если бы они решили перерезать мне горло, то наверняка назвали бы свой поступок подарком.

Мы останавливаемся у входа в большой зал.

- Разрешите сопроводить вас? - спрашивает Оук, протягивая мне руку.

Люпина вздыхает.

Я смотрю на другие пары и неловко накрываю ладонь принца своей. Чувствую прикосновение его кожи, и меня потрясает то, насколько это ощущение интимно. Я замечаю на его пальцах три золотых кольца. Замечаю, что у него аккуратные, чистые ногти. Мои же сплошь поломаны и обкусаны.

Мне не знакома жизнь при дворах фейри в мирные времена, но не думаю, что в каждом дворце царит такая атмосфера насилия, как здесь. Фейри кружатся в танце, лишь изредка пересекаясь траекториями. Некоторые из них облачены в шелка и бархат, другие - в наряды из листьев и древесной коры, а на третьих нет ничего, кроме собственной кожи. Среди лепестков, трав, шелков и украшенных вышивкой тканей встречается и одежда смертных - футболки, кожаные куртки, юбки из фатина. На одной из великанш надето расшитое серебристыми пайетками платье прямо поверх кожаных штанов.

Великаны движутся в танце достаточно медленно, чтобы толпа успевала расступаться перед ними. Неподалеку от них пляшет парочка гоблинов. Женщина-тролль вонзает зубы в нечто похожее на оленью печень, красный колпак поправляет свою пропитанную кровью шапку, пикси порхают среди спутанных, оплетающих сводчатый потолок корней, а никсы скачут, размахивая влажными волосами. Я замечаю трех хобов, которые забились в уголок и играют в каштаны. Видимо, на кону стоит судьба спрайта - крылатое существо сидит в клетке, которую держит один из хобов, а его ноги застряли в слое меда.

Стоит нам зайти в зал, как все фейри оборачиваются в нашу сторону. Они смотрят на меня без ужаса на лицах - совсем не так, как было в ту пору, когда при Дворе Зубов меня водили по парадному залу на цепи, а я кусалась и пыталась вырваться. Сейчас я вижу в глазах гостей лишь любопытство, к которому примешивается восхищение, хотя оно вызвано либо платьем, либо принцем, которого я держу за руку.

В воздухе висит густой, сладкий аромат цветов и перезревших фруктов. Когда он наполняет мои легкие, у меня начинает кружиться голова. Крошечные фейри с жужжанием носятся по помещению, словно ожившие пылинки.

Длинные низкие столы ломаются от яств. Чернильно-черный виноград лежит рядом с золотистыми яблоками. Торты, посыпанные сахаром и розовыми лепестками, возвышаются башнями. Гранаты роняют зерна на скатерть из бледного шелка, бахрама которой стелется по земляному полу. Серебряные кубки стоят рядом с графинами, полными вина: одно из них зеленое, словно трава, второе сиреневое, как фиалки, а третье - светло-желтое, будто лютики.

По всему залу рассредоточены скрипачи и дудочники, наигрывающие мелодии, которые должны бы диссонировать друг с другом, но вместо этого сплетаются в единый мотив – дикий, безумный, шумный. Я чувствую, как моя кровь вторит ему.

Неподалеку от меня жонглеры подкидывают золотистые мячики, которые в воздухе меняют цвет на серебряный. Рогатая акробатка становится внутрь покрытого цветами обруча и, изогнув спину, начинает вертеть его на талии. Несколько фейри охают от восторга. Джентри улыбаются высокомерными, снисходительными улыбками.

Проведя столько времени в одиночестве, я словно утопаю в водовороте красок, звуков и ароматов.

Сжав свободную руку в кулак, впиваюсь обломанными ногтями в подушечку большого пальца, чтобы удержать на лице беспристрастное выражение. Боль помогает, и в голове немного проясняется.

«Не кричи, – приказываю себе. – Никого не кусай. И не плачь».

Наша проводница указывает на невысокую платформу, где стоит трон из мангрового дерева, чьи корни расползаются по сторонам, словно щупальца гигантского осьминога. На нем восседает Неблагая королева Аннет. Она облачена в наряд, состоящий наполовину из экстравагантного платья, а на другую – из кожаной брони. Будто она готова подняться с трона и тут же начать сражаться. Ее волосы, украшенные венцом из пурпурной бугенвиллеи, ниспадают каскадом черных кудрей. Когтистая ладонь Аннет покоится на округлившемся животе, словно защищая его: королева явно носит под сердцем ребенка.

Живя в лесу, я научилась многим вещам. Я умею распознавать траектории полета воронов, могу собирать дождевые капли, оставшиеся на листьях после грозы. Знаю, как разрушить чары полудюжины фейри, желающих заключить со смертными нечестные сделки. Однако о политике мне ничего не известно. И все же меня не покидает жуткое чувство, что с момента нашего появления при Дворе королева Аннет не совершила ни одного действия, которое не было бы заранее тонко просчитано.

Как только Оук приближается, королева встает с трона и приседает в реверансе.

– Пожалуйста, не утруждайте себя, – запоздало говорит он и кланяется в ответ, явно удивленный ее беременностью. Фейри непросто зачать ребенка, да и происходит это довольно редко. Если верить слухам, то королева Аннет уже не одно десятилетие тщетно мечтала о младенце.

Я тоже склоняю голову и делаю реверанс. Не знаю, что именно требует придворный этикет от персон нашего статуса, но сгибаю спину так низко, как могу, и остаюсь в этом положении. Надеюсь, этого будет достаточно.

– Спасибо вам за возможность отдохнуть и освежиться. Ваша доброта столь безгранична, что превосходит наши нужды, – говорит Оук. Подобную фразу

мог изречь лишь тот, кого обучали правилам учтивости. Его слова звучат вежливо, но вместе с тем несут двойной смысл.

– Чем еще мы можем вам поспособствовать? – спрашивает королева Аннет. Слуга-гоблин помогает ей усесться обратно на трон.

– Я слышал, что Чертополоховая ведьма живет посреди кипарисовых болот, в пределах ваших владений. Нам известно, что те, кто ищет с ней встречи, рискуют своими жизнями. Мы просим указать безопасный путь, если вы можете это исполнить.

– С какой целью вы ищете с ней встречи? – Взгляд королевы не терпит недосказанности.

– Ходят слухи, что в ее власти найти любую пропавшую вещь, – отвечает Оук, – и, может быть, даже заглянуть в будущее. Но мы желаем узнать, что случилось в прошлом.

Королева Аннет улыбается, и мне тут же становится не по себе.

– Я не стремлюсь навлечь на себя гнев Верховного двора из-за того, что наследный принц сгинет в моих владениях. Я могла бы поставить на вашу обувь отметки, с помощью которых вы без труда прошли бы через болота.

Оук уже открывает рот, чтобы поблагодарить ее. Он явно готов отправиться в путь сию же секунду.

– Но сперва, – продолжает королева Аннет, – давайте поговорим о ваших спутниках. Келпи, охранник и лишенная власти королева. – Она смотрит на меня. – Не думай, что я не знаю тебя, Сурен, дочь льда.

На мгновение наши взгляды встречаются. Я чувствую, что в моих глазах читается враждебность, но не успеваю ничего с этим сделать.

– И Гиацинт, – добавляет Оук. – Я был бы благодарен, если бы вы вернули его нам.

– Вы про того пленника? – уточняет королева Аннет, приподнимая брови. – Он на время останется под нашей охраной, чтобы вам не приходилось играть роль тюремщика в моем доме.

– Мне не составит труда проследить за ним, – отзывается Оук. – Какого бы вы ни были обо мне мнения, я знаю свой долг перед плененным врагом. К тому же мой отец отчасти повинен в том, что на него наложили заклятие. По этим причинам именно я должен заботиться о нем.

Королева Аннет улыбается:

– Порой долг может быть в тягость. Если все будут вести себя благонаравно, я в скором времени верну вашего пленника. Полагаю, вы направляетесь на север?

– Вы правы, – настороженно отвечает принц.

– Верховный двор не станет помогать вашему отцу, верно? – продолжает королева, внимательно разглядывая принца.

Оук молчит, и Аннет кивает, будто тишина сама по себе является достаточным ответом.

– Поэтому вы отправились спасать Мадока самостоятельно. – Королева слегка подается вперед. – Вашей сестре хотя бы известно, что вы взялись за эту задачу?

«Джуд, мы не можем оставить его умирать», – простонал Оук, находясь в полубессознательном состоянии.

Вот почему он выглядит таким усталым и встревоженным, вот почему рискует жизнью в сопровождении лишь одного рыцаря. Вот почему они с Тирнаном уклончиво отвечают на многие мои вопросы. Все дело в том, что леди Ноури держит приемного отца Оука в заключении. И поскольку Мадок предатель, изгнанный из Эльфхейма, никто не желает и пальцем пошевелить, чтобы вернуть его обратно.

– Какой вы ответственный мальчик, – не дождавшись ответа, произносит королева Аннет.

Улыбка на ее губах становится колючей.

Мое сердце начинает биться чаще. Если Оук скрыл эту деталь от меня, значит, у него была на то причина. Возможно, он просто подумал, что у меня есть основания не любить Мадока, ведь он – союзник Двора Зубов. Или, возможно, догадался, что, оказавшись в Цитадели, мы будем преследовать разные цели: я захочу сокрушить леди Ноури, а он будет пытаться вести переговоры.

– Верховный двор не похвалит меня за оказанную вам помощь, – продолжает королева Аннет. – Не исключено, что меня даже накажут, если я буду замешана в вашем плане. Похоже, вы навлекли беду на мой дом, Оук, принц Эльфхейма. А это плохая плата за щедрость.

Только сейчас, когда я поняла, какую игру ведет со мной принц, я вижу, что за игру затеяла с ним королева Аннет.

Правила гостеприимства в Фейриленде носят весьма специфический характер. Например, Мадок предложил Верховному двору мирные переговоры, что позволило ему войти в Эльфхейм в компании лорда Джарела и леди Ноури, будучи полностью уверенным, что ни один волосок не упадет с его головы. При этом его военные корабли были пришвартованы к одному из островов.

Но как только он обнажил свой меч, все обязательства были забыты.

Королева Двора Бабочек нарекла нас своими гостями, а значит, ее подданные обязаны заботиться о нас, но лишь до тех пор, пока мы ведем себя хорошо. Но если что-то пойдет не так, то они смогут сделать с нами все, что им заблагорассудится.

Но что Аннет нужно от принца? Благодеяние для ее нерожденного младенца? Уздечку? Голову наследника Эльфхейма?

- Если после этого моя сестра затаит на кого-то обиду, - отвечает Оук, - то это буду я, и только я.

Королева Аннет обдумывает его слова.

- Дайте мне руку, - наконец говорит она.

Оук подчиняется и протягивает ладонь. Аннет достает с пояса нож и, проколов кончик своего пальца, чертит на коже принца какой-то символ.

- Оставьте отпечаток этого знака на своих ботинках, и вы не заблудитесь среди болот.

Учитывая, с какой легкостью она предоставила нам желаемое, я не сомневаюсь, что в будущем она собирается что-то от нас получить. Нечто такое, что мы не захотели бы отдать, спроси она об этом напрямую.

- Мы бесконечно вам благодарны, - произносит Оук, склонив голову. Видимо, это знак, что пора сделать еще один реверанс.

- Я очень серьезно отношусь к своим обязанностям хозяйки, - предостерегает его королева Аннет, а потом слегка растягивает губы в странной улыбке. - Можете выдвигаться с утра. А этой ночью повеселитесь в моем дворце. Вам не повредит немного тепла там, куда вы направляетесь.

Недалеко от нас новая группа музыкантов заводит жутковатый мотив.

Когда мы спускаемся с платформы, Тирнан кладет ладонь на руку Оука.

- Мне это не нравится.

Я проталкиваюсь сквозь толпу. Мои мысли спутались в клубок. Вспоминаю слова Гиацинта о том, что леди Ноури связывалась с Оуком. Конечно, она должна была сделать это, чтобы сообщить, что держит в плену его отца. И что бы Оук мне ни говорил, какие бы планы ни строил, он гораздо больше заинтересован в освобождении отца, чем в свержении леди Ноури. Будь я его сестрой, ни за что бы не позволила ему отправиться на север. Его цели наверняка не совпадают с тем, чего хочет она сама.

Его цели, безусловно, не совпадают с моими.

- «Эльфхейм просит вас о содействии», - повторяю Оуку его же слова, язвительно усмехаясь.

Он не выглядит и вполтину таким виноватым, каким должен был выглядеть.

- Мне нужно было рассказать вам о Мадоке.

- Интересно, и почему вы предпочли этого не делать, - говорю я тоном, подразумевающим обратное.

Он встречается мой взгляд со всей надменностью королевской особы.

- Все, что я вам сказал, было правдой.

- Разумеется. Как и другие джентри, вы можете обманывать лишь посредством хитростей и недомолвок. Вы ведь не способны лгать, даже если захотите.

Краем глаза замечаю, что Тирнан оставил нас спорить наедине, удалившись в сторону праздничного стола и стоящего на нем вина.

Оук вздыхает, и я наконец-то слышу, как в его голос закрадывается что-то похожее на огорчение.

- Рэн, у вас множество причин мне не доверять, но я правда намерен остановить леди Ноури. И я считаю, что у нас есть все шансы на успех. Да, я хочу вернуть Мадока домой, но при этом мы совершим подвиг, который безоговорочно признают благодеянием для Эльфхейма. Даже если у меня будут неприятности, вы станете героиней.

Не уверена, что хоть кто-то рассматривал меня в такой роли, включая людей, жизни которых я спасла.

- А как вы поступите, если я решу пойти своим путем? Свяжете мне руки и потащите за собой?

Оук бросает на меня взгляд плута из-под золотистых бровей, изогнутых дугой.

- Нет, если вы не станете меня снова царапать.

- Почему вы хотите ему помочь? - интересуюсь я. Мадок собирался использовать Оука как орудие на пути к власти. А может, у него были планы гораздо хуже.

- Он мой отец, - отвечает принц, словно этой причины достаточно.

- Я направляюсь на север с одной-единственной целью - уничтожить свою мать. И вы должны знать, что когда дойдет до дела, то я не испытаю ни тени сомнения, - напоминаю ему.

- Мадок не приходится мне родным отцом, - объясняет Оук. - Он тот, кто воспитал меня. Мой папа. Да, у него сложный характер, и он всегда жаждет завоеваний. Но ему нужна не столько власть, сколько сама борьба. Может, все дело в том, что он красный колпак, а может, такова его натура, но для него это словно навязчивое влечение.

Не уверена, что такое описание выставляет ситуацию в лучшем свете.

- На семейных ужинах мы вели разговоры о военной стратегии. Это казалось просто игрой, но в этом заключалась вся его жизнь. С той самой минуты, когда он познакомился с моей матерью, когда узнал, кто именно зачал меня, и понял, что я могу стать наследником Эльфхейма, он не мог не планировать захват трона. После того как Джуд изгнала его в мир людей и запретила брать в руки оружие, отец не знал, как жить дальше. Он нашел посменную

работу на скотобойне, лишь бы чувствовать запах крови. Обучал меня бою, которым не мог заниматься сам. Увлёкся управлением многоквартирным домом, в котором жил сам, и уже через месяц перессорил между собой всех соседей. Когда я в последний раз слышал о нём, какая-то старушка проткнула молодому человеку шею шариковой ручкой.

Оук качает головой. Несомненно, он любит Мадока, хоть и знает, что тот чудовище.

– Это часть его природы. Я знаю, что он привёл армию к берегам Эльфхейма и виновен в гибели фейри. Он сделал себя врагом Верховного двора. Он бы убил Кардана, если бы представился шанс. Поэтому, как бы сестра ни любила нашего папу, она не может просить своих подданных помочь ему. Было бы ужасно просить народ рисковать своими жизнями, чтобы спасти того, кто подверг их всех опасности. Однако кто-то должен спасти его, иначе он умрет.

Теперь я обращаю внимание на то, чего он не говорит.

– Она сказала вам, что хочет ему помочь?

– Нет, – протягивает он.

– А хочет ли она, чтобы ему вы помогли?

Он поपालся и знает об этом.

– Джуд не известно, что я планирую. Если бы я попытался угадать, в каком она сейчас настроении, то я бы сказал – разъярена. Но, попади мы в беду, Мадок бы обязательно пришёл нам на помощь.

Мне довелось однажды видеть Верховную королеву в гневе. Но как бы она ни любила Оука, я не уверена, простит ли она его за то, что он предпочёл ей отца. И когда будет выносить наказание принцу, с высокой долей вероятности накажет и тех, кто ему помогал, пусть Оук убеждён в обратном.

Тем не менее, когда он протягивает мне руку, я принимаю её. Наши пальцы переплетаются, и я чувствую пугающее, действующее на нервы удовольствие.

– Доверься мне, Рэн, – говорит он. – Помоги мне.

Изрекающий любовь.

Интриган.

Я перевожу взгляд на его поцарапанную щеку, которая все ещё не зажила. Это моих рук дело, но принц не сказал мне ни слова упрека. Пусть у него скрытная натура, пусть у его любви к отцу совершенно дурацкие основания, но мне нравится, как он относится к Мадоку.

– Я последую за тобой, – говорю я. – По крайней мере пока.

– Рад это слышать.

Оук окидывает взглядом зал, джентри Двора Бабочек, танцоров и пирующих. Потом улыбается своей озорной улыбкой, при виде которой я чувствую себя так, будто мы друзья и вместе задумываем какую-то шалость.

- Раз ты в благосклонном расположении духа, может быть, не откажешь мне в танце?

Я не могу скрыть удивление.

- Зачем?

Он широко ухмыляется:

- Чтобы отпраздновать то, что ты не отказалась продолжать поход. Потому что мы на вечеринке. Чтобы убедить королеву Аннет, что нам нечего скрывать.

- А нам есть что скрывать? - спрашиваю я.

Оук улыбается еще шире и тянет меня к танцующим парам.

- Всегда что-нибудь да найдется.

Я сомневаюсь, но где-то глубоко внутри хочу, чтобы он меня убедил.

- Я не умею.

- Меня обучали всем придворным искусствам, - отзывается он. - Позволь, я покажу.

Разрешаю ему завести себя в толпу. Однако он не присоединяется к общему танцу, а отходит немного в сторону, чтобы у нас было место для обучения. Развернув меня к себе, он показывает движение и ждет, чтобы я его повторила.

- Ты когда-нибудь задумывалась о том, каково это - вновь стать королевой? - шепчет он мне в щеку, когда мы повторяем шаги.

Я отстраняюсь и одариваю его хмурым взглядом.

Он поднимает руки в знак капитуляции.

- Не думал, что ты посчитаешь этот вопрос каверзным.

- Это тебе предстоит взойти на трон, - напоминаю ему.

- Нет, - отвечает он, наблюдая за кружащимися в танце парами. - Не думаю, что это случится.

Полагаю, он избегал короны всю свою жизнь. Я думаю о том, как во время Змеиной битвы пряталась под его кроватью, свернувшись в клубок, а потом выкидываю мысли из головы. Не хочу вспоминать о тех временах. А еще думать о том, что, несмотря на предостережения Гиацинта, стала покорной, словно ручной голубь.

Это оказалось слишком просто. Я жажду доброты. Жажду внимания. Хочу еще, и еще, и еще.

- Нужно поесть, - говорю я. - Нам предстоит долгое путешествие.

Он наверняка понимает, что это лишь повод, но все равно выпускает меня из своих рук.

Мы пробираемся сквозь толпу к праздничному столу, уставленному едой. Оук берет пирожное с начинкой из золотистого фейрийского фрукта и, разрезав его пополам, отдает часть мне. Я сама предложила поесть, но только откусив кусочек, понимаю, насколько действительно голодна. Я неловко тянусь за кувшином с водой, предназначенной разбавлять вино, наливаю в стакан и залпом выпиваю.

Оук пьет вино, не добавляя в него воды.

- Не расскажешь, как вышло, что ты стала жить... - Он замолкает, подбирая слова. - Что ты стала жить вот так?

Вспоминаю, сколько стараний прикладывала, чтобы он ничего не узнал. Как бы я смогла объяснить ему то, что время утекало сквозь мои пальцы? Что постепенно замыкалась в себе и не могла даже протянуть руку, чтобы взять то, чего мне хотелось? Но я не позволю ему жалеть меня еще сильнее.

- Ты могла бы прийти ко мне, - говорит он. - Если тебе что-то было нужно.

Услышав эти слова, я смеюсь.

- К тебе?

Он хмурится, но не отводит от меня янтарных глаз.

- А почему нет?

Причин так много, что они застревают у меня в горле. Он принц Эльфхейма, а я презренная дочь предателей. Он располагает к себе любую девушку - от стражницы-тролля, охраняющей вход во Двор Бабочек, до других придворных дам, о которых рассказывал Тирнан, - а я несколько лет прожила в лесу наедине с собой. Но главная причина в другом, что он мог попросить сестру позволить мне остаться на островах Эльфхейма, но не сделал этого.

- Возможно, я хотела сохранить на будущее услугу, которую ты мне должен.

Оук смеется в ответ. Думать, что я нравлюсь Оуку, так же глупо, как и предполагать, что солнце может полюбить прозу, однако я отчаянно желаю этого.

Я - со своими острыми зубами и синей кожей. Какой абсурд. Полная нелепица.

И все же он смотрит на меня так, словно это возможно. Наверное, в этом и заключается его план - очаровать меня, чтобы я следовала за ним и

выполняла его приказы. Конечно, он уверен, что толики его внимания и пары улыбок будет достаточно. Рассчитывает, что я буду столь же стоворчива, как и придворные дамы.

Я так сильно хочу поддаться искушению и начать притворяться вместе с ним, что на меня накатывает волна ярости.

Если он желает меня очаровать, то я, по крайней мере, могу заставить его за это заплатить. Не стану довольствоваться улыбками и танцем. В моих силах вывести его на чистую воду. Докажу себе – докажу нам обоим, – что его флирт неискренен. Я наклоняюсь к нему, ожидая, что он невольно подастся назад. Что его лицо исказит гримаса отвращения. Но он лишь с любопытством наблюдает за мной.

Когда я оказываюсь совсем близко, его глаза немного округляются.

– Рэн, – шепчет он. Я не знаю, пытается ли он предостеречь меня. И ужасно злюсь от того, что не понимаю этого.

Кладу ладонь ему на плечо и поднимаюсь на цыпочки, каждое мгновение ожидая, что он вздрогнет или отстранится от меня. Ничего не происходит, и я целую его.

Это просто смешно. Целовать его – все равно что осквернять реликвию. Я испытываю ужасное удовлетворение, будто разбила хрустальный кубок.

Все заканчивается быстро. Я лишь прижимаюсь сухими губами к его рту. Чувствую мягкость его кожи и тепло дыхания всего на мгновение и тут же отстраняюсь. Сердце бешено колотится от страха, от предчувствия того, что его лицо вот-вот передернется от брезгливости.

От уверенности в том, что я как следует наказала его за попытку флиртовать со мной.

Озлобленная, звериная часть меня почти выбралась на поверхность, и я едва ли не ощущаю запах ее окровавленной шкуры. Я хочу зализать раны, которые сама же нанесла себе.

Но принц не выглядит встревоженным. Лишь внимательно разглядывает мое лицо, будто пытается что-то понять.

Мгновение спустя он закрывает глаза, опуская бледные ресницы на щеки и резким движением прижимается своими губами к моим. Он целует меня неспешно, касаясь рукой шеи, отчего по моему позвоночнику проходит дрожь, а к лицу приливает жар.

Когда Оук отстраняется, на его лице нет привычной хитрой улыбки. Напротив, он выглядит так, словно ему отвесили пощечину. Видимо, целовать меня – все равно что чувствовать, как тебе царапают щеку.

Заставил ли он себя сделать это? Ради того, чтобы я не отказалась идти с ним на север? Ради спасения отца и осуществления своих планов?

Я хотела наказать его, но в итоге наказала себя.

Я делаю вдох и медленно выдыхаю. Отвожу взгляд от принца и вижу, что к нам приближается Тирнан. Не знаю, как много он успел увидеть, но я в любом случае не желаю с ним разговаривать.

– Прошу меня извинить, – говорю Оуку, – но я уже вдоволь натанцевалась. Думаю, мне пора уходить.

Уголок его рта искривляется в усмешке.

– Если вдруг передумаете, вы знаете, где меня найти.

Я краснею от его слов и ненавижу себя за это.

Иду сквозь толпу, надеясь, что он потеряет меня из вида. Проклинаю себя за глупость. Проклинаю его за то, что он вносит сумятицу в мои мысли.

Осматривая фигуры танцующих пар, я понимаю, что должна поговорить с Гиацинтом.

«Если все будут вести себя благонаравно, я в скором времени верну вашего пленника», – сказала королева Аннет, но мы, возможно, уже нарушили кодекс поведения. Мы пришли сюда против воли Верховной королевы, и одного только этого хватит, чтобы не выпускать Гиацинта из темницы Двора Бабочек.

Тем не менее я могу поговорить с ним прямо сейчас, и никто об этом не узнает. А он сможет высказать свое предостережение до конца, рассказать мне все, что ему известно.

Я набираю горсть жареных каштанов и, пока продвигаюсь к выходу, медленно поглощаю их, роняя на пол шелуху. Фейри с кошачьим лицом вгрызается в кусок сырого мяса, лежащего на серебряном блюде. Двухголовый отр сжимает между пальцами кубок, который кажется игрушечно-маленьким по сравнению с ним самим.

Бросаю взгляд в сторону Оука. Улыбчивая девушка с золотистыми волосами и оленьими рогами тянет его танцевать. Я не сомневаюсь, что в ее объятиях он быстро позабудет о нашем поцелуе. И хотя от этой мысли у меня скручивает живот, я лишь сильнее уверяюсь в желании добраться до Гиацинта.

Смертный мужчина с заплетенными в тонкие дреды волосами запрыгивает на стол неподалеку от меня. Его выразительное лицо и долговязая хрупкая фигура привлекают мое внимание. Поправив очки на носу, он принимается играть на скрипке.

Он поет песню о забытых местах и потерянном доме, таком далеком, что стал совершенно чужим. Поет о любви, такой безумной, что ее не отличить от ненависти. О цепях, похожих на древние тайны, которые больше не держат его, но в то же время крепки, как и прежде.

Я машинально пытаюсь различить на нем заклятие, но он, оказывается, не околдован. Он здесь по собственному желанию, хотя мне даже страшно подумать, насколько он заблуждается в своей публике. Однако королева

Аннет называет себя справедливой хозяйкой. А значит, если он будет придерживаться причудливых правил фейри, то утром проснется в своей кровати с карманами, полными золота.

Только вот никто не расскажет ему об этих правилах, поэтому, даже нарушив одно из них, он останется в неведении.

Эта мысль причиняет мне боль. Я отворачиваюсь и иду сквозь толпу так быстро, как только могу.

Глава 7

Я прохожу мимо стражников. Они бросают на меня голодные взгляды, но преследовать не пытаются: либо им запрещено покидать свой пост, либо я выгляжу слишком худосочной, чтобы мной наестся.

Оказавшись вне поля их зрения, я перехожу на бег. Трижды поворачиваю, стремясь добраться до того места, где Люпина рассказывала о комнатах с драгоценными камнями, соседствующими с темницей. Мчусь с такой скоростью, что едва не спотыкаюсь.

Мои мысли несутся так же быстро, как ноги. До Оука я целовалась всего дважды: с мальчиком, который любил разводить костры, а некоторое время спустя – с корневиком. Ни в тот, ни в другой раз я не чувствовала себя так обреченно, как при поцелуе с принцем, хоть и тогда безнадежности хватало.

Вот такая проблема возникает, когда привыкаешь жить, повинуюсь инстинктам. Забываешь, что значит думать.

Спускаясь все ниже и ниже, ощущаю запах влаги и минералов. Где-то впереди слышатся голоса стражников, поэтому я осторожно пробираюсь в соседний проход и осматриваюсь. Замечаю огромную дверь с медными вставками, которая наверняка ведет в темницу, поскольку на ней высечены слова: «Страдания облагораживают». Рядом с ней два охранника играют в кости. Женщина с красными, точно роза, волосами, кажется, проигрывает ухмыляющемуся богану с длинными ушами. Они оба вооружены: с ее пояса свисает длинный меч, а на его спине виднеется изогнутая сабля.

Я умею незаметно проникать в лес и так же тихо из него выскальзывать, но не обладаю красноречием, которое могло бы помочь мне пройти мимо стражи. Тем не менее я решительно выпрямляю спину и надеюсь, что язык меня не подведет.

Внезапно чувствую, как кто-то похлопывает меня по плечу. Резко оборачиваюсь, проглатывая крик, и оказываюсь лицом к лицу с Озерным Джеком.

- Могу догадаться, зачем вы здесь, - говорит он, злорадно улыбаясь. У него вид того, кто только что разжился аппетитной сплетней. - Собираетесь освободить Гиацинта.

- Просто хочу задать пару вопросов, - отвечаю я.

- Значит, вы не желаете выволочь его из темницы? - Зеленые глаза келпи лукаво сверкают.

Хотелось бы мне возразить, сказать, что это не так, но я не могу. Как и у всех фейри, мой язык немеет, когда начинаю лгать, но в отличие от Оука я не умею быстро придумывать хитроумные способы уйти от ответа. Но даже если я хочу освободить Гиацинта, это не значит, что я действительно так сделаю.

- О-о-о, - протягивает Джек, понимая, что мое молчание равносильно признанию. - Он ваш любовник? Мы что, попали в сюжет баллады?

- Если только это баллада об убийстве, - рычу я.

- В конце всегда кто-нибудь умирает, - замечает он. - Мне интересно, кто выживет, чтобы написать эту песню.

- Ты пришел позлорадствовать? - раздраженно спрашиваю я. - Или остановить меня? - Не знаю, насколько сильны келпи вдали от воды и в человеческом обличье.

- Я пришел удивить вас, - отвечает он. - Сюрпризы - это так чудесно, правда?

Скриплю зубами, но сразу не отвечаю и тщательно подбираю слова. Пусть я не могу очаровать его медовыми речами, зато знаю, что такое обίδα.

- Полагаю, тебя раздражает, как с тобой разговаривает Тирнан.

Озерный Джек, может быть, и веселый дух, но я не сомневаюсь, что ему присуща некоторая мелочность.

- Наверное, ты не слишком опечалишься, если увидишь, что он выставил себя дураком перед принцем? А если их пленник исчезнет, то благородный рыцарь, навещавший его последним, и правда предстанет не в лучшем свете.

Я не собираюсь освобождать Гиацинта. А даже если бы хотела, то у меня вряд ли бы получилось. Однако Джеку не обязательно об этом знать. Я могу сыграть на том, что он обо мне думает.

Он размышляет над моими словами, и его губы все шире расплываются в улыбке.

- А что, если я решу немного пошуметь? Возможно, стражники побегут за мной, бросив свой пост. Что вы дадите мне взамен?

- Чего ты хочешь? - интересуюсь я. Засунув руки в карманы, достаю ножницы с ручками в виде лебеда, которые я ukrала у Хабетрот. - Смотри, какая красивая вещца.

- Уберите, - фыркает он. - Если вы проткнете меня ими, это будет сродни оскорблению.

- Тогда не искушай судьбу, - тихо рычу я, нащупывая записку Богданы и коробок спичек из мотеля. Карманы не слишком вместительные, да у меня и не так много вещей, которые можно было в них положить. Но тут мои пальцы смыкаются вокруг серебряной лисички с хризолитовыми глазами.

Вынимаю из кармана сжатую в кулак руку. Не хочу показывать фигурку Джеку.

- Что там у вас? - спрашивает он.

Я разжимаю ладонь.

- Это игрушка джентри. Таких всего три. - Я горжусь своим ответом. Я сказала правду, но при этом упустила самую важную деталь. У меня начинает получаться разговаривать так же, как они.

- Вы же не украли ее? - спрашивает он. Наверное, вспоминает, как потрепанно я выглядела при нашей первой встрече.

- Она моя, - отвечаю я. - Никто не сможет это оспорить.

Джек берет фигурку двумя пальцами.

- Замечательно. Раз у вас нет ничего более ценного, полагаю, теперь она станет моей. А взамен я устрою стражникам веселую погоню.

Я сжимаю ладонь, делая над собой усилие, чтобы не выхватить у него лисичку. Он замечает мой жест и улыбается. Готова поспорить, теперь, когда он знает, что я не хочу отдавать эту безделушку, она нравится ему еще больше.

- По моему сигналу, - произносит он. - Прячьтесь!

- Постой, - говорю я, но он уже срывается с места.

Коридор освещают сферы, от которых исходит слабое зеленоватое сияние, придающее каменным стенам мшистый оттенок. Они находятся на порядочном расстоянии друг от друга, поэтому мне удастся юркнуть в соседний проход, где меня сразу поглощает темнота. Здесь меня не увидят - если, конечно, не станут искать.

Я задерживаю дыхание. Слышу цоканье копыт, вслед за которым раздается залихватское, глупое гиканье. Его сменяют громкие крики.

- Это мой меч! - визжит красноволосая женщина, а в следующее мгновение мимо меня проносится Озерный Джек. Он принял форму коня и теперь несется сломя голову, держа в зубах блестящий серебряный меч.

Женщина появляется в поле моего зрения.

– Когда я тебя поймаю, то распотрошу, словно жабу, – кричит она, преследуя коня. Боган несется за ней с саблей наперевес.

Я дожидаюсь, пока они убегут подальше, и выскальзываю из темноты.

Быстрым шагом приближаюсь к двери с медными вставками. Между окружающими ее серыми камнями воткнуты кристаллы, от которых исходит яркое свечение.

Поворачиваю ручку и захожу внутрь. Каждая камера представляет собой углубление в пещере, а решеткой служат сталагмиты и сталактиты. Темница напоминает мне нескончаемые ряды ошеренных пастей, из которых торчат нескончаемые ряды жутких зубов.

Я замечаю движение в некоторых из них, когда узники подходят к решеткам и, моргая, смотрят на меня из темноты.

Внезапно ко мне тянется когтистая рука. Она пытается вцепиться мне в плечо, но я отпрыгиваю за пределы ее досягаемости, вырывая платье из крепкой хватки. Вздрагиваю, но продолжаю идти дальше.

Большинство камер пусто, однако в одной из них я вижу мерроу. Пол пещеры влажный, но не настолько, чтобы ему было комфортно. Его чешуя высохла и потускнела. Он смотрит на меня потерявшими цвет глазами, и я с трудом могу отличить зрачки и радужку от склеры.

По другую сторону от меня раздается какой-то шорох. Я поворачиваюсь и вижу девушку, которая подкидывает в воздух камешек, а потом ловит его. Сначала я думаю, что ее внешность зачарована, но мгновение спустя понимаю, что она и правда смертная.

Она примерно моего возраста. У нее волосы цвета соломы. На щеке виднеется синяк.

– Можно мне воды? Скажите, сколько еще мне здесь сидеть? – Ее голос дрожит.

Проследив за ее взглядом, вижу в углу пещеры деревянное корыто, с края которого свисает медный ковш, местами окислившийся и покрывшийся патиной. Девушка подталкивает к решетке керамическую миску и жалобно смотрит на меня.

– Ты видела мужчину с крылом вместо руки? – спрашиваю я.

Смертная взволнованно вскакивает на ноги.

– Ты не стражница!

Я зачерпываю воду из корыта и наливаю в миску. Слышу, как с губ мерроу срывается тихий стон, а затем окунаю ковш еще раз и брызгаю на него водой.

- Ты про однокрылого парня? - шепчет смертная. - Он там. - Она указывает на конец коридора. - Видишь? Я могу быть полезна. Выпусти меня, я тебе пригожусь!

Как жаль, что ей некого молить о помощи, кроме меня. Неужели она не замечает мои острые зубы, как у настоящего хищника? Как же ей должно быть страшно, раз она видит во мне потенциального союзника.

Еще раз обливаю мерроу водой. Он со вздохом опускается на пол, шевеля жабрами.

Мне надо поговорить с Гиацинтом, но эта девушка напоминает мне о моей не-сестре Бэкс. Я представляю, каково ей было бы оказаться в подобном месте без возможности выбраться и без надежды на чью-либо помощь.

- Как ты здесь оказалась? - спрашиваю я, хоть и понимаю, что после ее ответа уйти станет еще труднее.

- Из-за моего парня, - отвечает она. - Его забрали. Я встретила какое-то существо, и оно сказала, что я могу вернуть Дарио, если пригрожу раскопать их... - Она прикусывает язык, вероятно вспомнив, что я одна из них.

Я киваю, и этого хватает, чтобы она продолжила свой рассказ:

- Я взяла лопату и пошла на холм... там, говорят, обитают привидения и происходят всякие странные вещи.

Пока она говорит, я изучаю сталагмиты и сталактиты, преграждающие выход из ее камеры. Если кто-то очень сильный ударит чем-то очень тяжелым по одному из них, то его, возможно, получится сломать. Однако темница была создана для того, чтобы содержать любых пленников - и даже огров, - а значит, одна я точно не справлюсь.

- А потом эти монстры схватили меня и сказали, что я должна предстать перед их королевой, которая вынесет мне наказание. Они начали строить предположения, что именно она прикажет со мной сделать. Все их идеи были похожи на кадры из фильма «Пила». - Девушка издает странный смешок, и я понимаю, что она борется с подступающей истерикой. - Ты понятия не имеешь, о чем я, да?

Поскольку я жила в мире смертных, то хорошо представляю, о чем она говорит, но не вижу смысла произносить это вслух. Не стоит ей раздумывать о том, что с ней могли сделать.

- Подожди тут.

Она трет рукой лицо.

- Ты должна мне помочь.

В конце коридора нахожу камеру Гиацинта. Он сидит на усыпанном соломой полу. Рядом с ним стоит поднос с фруктами и сладостями, а также миска вина, поставленная так, чтобы он мог лакать из нее, словно пес. Он

поднимает на меня взгляд, и его аметистовые глаза удивленно округляются. Я тоже изумлена, потому что не вижу на его лице уздечки.

- Где она? - выпаливаю я. Меня охватывает ужас при мысли, что ею могла завладеть королева Аннет.

- Уздечка? - Он потирает щеку крылом. Я замечаю, что на его горле появилось несколько новых перьев. Чары распространяются медленно, но это все равно происходит. - Принц опасался, что она попадет в руки обитателей Двора Бабочек, и поэтому Тирнан ее снял.

- Так она сейчас у Оука? - спрашиваю я и думаю об истинной причине, которая побудила его отдать этот приказ. Пытаюсь понять, что он планирует с ней делать.

Гиацинт кивает.

- Наверное, - отвечает он, а затем вздыхает. - Одно я знаю точно: мне не придется ее надевать, пока мы не покинем Двор Бабочек. Мы что, уже отправляемся? Вы за этим пришли?

Я качаю головой.

- Королева Аннет тебя о чем-нибудь просила?

Он делает два шага к решетке.

- Я думаю, она хочет задержать здесь Оука, чтобы выяснить, получит ли она какую-то выгоду, если вернет его Верховному двору. По крайней мере, я так понял из разговоров стражников.

- Думаешь, сестра хочет вернуть его домой?

Гиацинт пожимает плечами.

- Если это так, королева Аннет может добиться награды, скрутив принцу руки и отправив назад. Но если окажется, что Верховные король и королева поддерживают его поход, то злить их - не самая хорошая затея. Ей нужно время, чтобы все разведать, поэтому она и медлит.

Я киваю, обдумывая полученную информацию.

- Если Эльфхейм хочет нас остановить...

«Если Верховный двор пленит принца, неважно, из-за любви или злости, кто тогда остановит леди Ноури? Меня тоже схватят? А если нет, как быстро меня найдет Богдана?»

- Не знаю, - отвечает Гиацинт на один из моих невысказанных вопросов или, быть может, сразу на все.

Я понижаю голос еще сильнее:

- Расскажи мне о силах ганканы, которыми обладает принц. И что было в сообщении, которое прислала ему леди Ноури. Уздечка тебя больше не сковывает.

- Освободите меня, - просит он, напряженно глядя на меня. - Выпустите меня отсюда, и я расскажу все, что знаю.

Разумеется. Зачем бы ему еще пытаться заинтересовать меня сведениями, которые ему известны? Уж точно не ради моего благополучия. Он просто хотел сбежать.

Я должна сосредоточиться на собственном выживании. Я пришла в темницу не для этого. Если помогу Гиацинту, то добьюсь одного: уздечку наверняка наденут на меня.

Однако я не могу развернуться и уйти, оставив его в клетке. Ни Оук, ни Тирнан не проявляли жестокости, пока он был их пленником, но мое сердце все равно сжимается от ужаса. Не исключено, что при Дворе Бабочек с ним будут обращаться гораздо хуже.

Вот только Оук меня никогда не простит.

Хотя... ему не обязательно знать, что Гиацинту помогла именно я. Никто, кроме Озерного Джека, не видел, как я захожу сюда. А Джек вряд ли захочет выдавать меня, потому как сам в этом замешан.

Возможно, я смогу сохранить свой поступок в тайне так же, как Оук хранил тайны от меня.

- Пообещай, что не передашь никому - особенно леди Ноури - никаких сведений ни обо мне, ни об Оуке, ни о Тирнани, которые могут подвергнуть нас опасности или выдать наши планы.

Я пытаюсь убедить себя, что мои действия пойдут принцу на пользу, что всем будет только лучше, если замыслам королевы Аннет что-нибудь помешает. В конце концов, если Гиацинт исчезнет из ее темницы после того, как она настояла на его заключении, она вряд ли сможет назвать себя хорошей хозяйкой.

Если обо всем узнает Оук, то сделает совсем другие выводы. Он решит, что я поцеловала его, только чтобы отвлечь его внимание, а потом воткнуть нож в спину. Решит, что все слова Тирнана обо мне - правда.

Но если я оставлю все как есть, королева Аннет наверняка оставит Гиацинта в темнице, надеясь задержать Оука или заставить его вернуться к ее Двору. Мне невыносима сама мысль о том, что кого-то будут держать в заточении, как когда-то держали меня, и никто не придет ему на помощь.

- Помоги мне сбежать, и я не передам никому - особенно леди Ноури - никаких сведений ни о тебе, ни об Оуке, ни о Тирнани, которые могут подвергнуть вас опасности или выдать ваши планы. - Гиацинт с готовностью повторяет клятву, не упуская ни слова.

Важность этого мгновения грузом наваливается на мои плечи.

– Как мне тебя отсюда вытащить? – спрашиваю я, пытаюсь сосредоточиться на своих действиях, а не на ужасе, который внезапно охватывает меня. После этого моя судьба окажется в моих собственных руках – и в руках Гиацинта. Я гоню от себя эти мысли и изучаю сталагмиты в поисках хоть какого-нибудь зазора. – Эти челюсти должны как-то открываться, но я не могу понять, как именно.

Гиацинт просовывает палец между похожими на зубы сталактитами и указывает на потолок.

– На камнях должно быть что-то написано. Один из стражников смотрел вверх, когда произносил заклинание, словно зачитывал его. А еще шаркал ногами, значит, нужно стоять на каком-то определенном месте.

– Ты не слышал, что он говорит? – изумленно спрашиваю я.

Он качает головой.

– Наверное, так работают чары. Я видел, как движутся его губы, но не слышал ни звука.

Я прищуриваюсь и замечаю несколько тонко нацарапанных строчек. Делаю два шага назад, чтобы различить их. Однако это не пароль, открывающий вход. Загадка. Я приглядываюсь и понимаю, что над каждой камерой своя надпись.

Полагаю, что если каждая камера открывается и закрывается при помощи определенного слова или фразы, то разумно написать что-то вроде памятки, особенно учитывая, что на службу постоянно приходят новые стражники. Ведь не все обладают идеальной памятью, и существует риск, что пароль забудут, – тогда камера навеки выйдет из строя.

– «Она дочь солнца, – читаю я, – но рождена для ночи и рыдает от огня. Если вдруг она погибнет раньше времени, отруби ей голову, и она возродится вновь».

– Загадка, – стонет Гиацинт.

Я киваю и думаю о том, как сильно фейри любят игры. Думаю о том, что Хабетрот назвала Оука Солнечным принцем. О том, как мы с моей не-семьей играли в «Скрабл» и «Бананаграммы». А еще о стихах, которые находила в учебниках Бэкс, заучивала наизусть и рассказывала белкам.

Пытаюсь привести мысли в порядок.

– Это луна? – Ничего не происходит. Опустив взгляд, замечаю, что в шаге от того места, где я стою, выгравирован круг. Наступаю на него и снова говорю: – Луна.

На этот раз раздается скрип, но вместо того чтобы открыться, камера сжимается, как будто хочет впитаться в пленника зубами.

Гиацинт, охваченный паникой, бьет кулаком по каменным прутьям.

- Как можно отрубить голову луне?

- Она истончается до тонкой полоски, - отвечаю я, испытывая ужас от того, что едва не сделала. - Но потом возвращается обратно. И ее можно назвать дочерью солнца. Она ведь отражает свет и все такое.

Но сколько бы я ни объясняла, почему выбрала именно этот ответ, факт остается фактом: из-за меня его чуть не раздавило. Даже сейчас, когда камера больше не движется, мне страшно, что она снова начнет сжиматься и расплющит Гиацинта.

- Будь осторожнее! - шипит он.

- Попробуй сам догадаться! - рычу я.

Он ничего не отвечает.

Продолжаю размышлять. Может быть, это роза? Я смутно припоминаю, как однажды мы с не-мамой были в гостях у ее подруги. Мы играли во дворе, а не-мамина подруга тем временем обрезала розовые кусты. Они говорили о том, что если срезать цветы, то в следующем году их станет еще больше. Фраза «дочь солнца» тоже подходит, ведь все растения любят свет, правильно? А огонь им не нравится. И люди считают розу символом любви. Может быть, она рождена для ночи, потому что это самое романтическое время суток?

Последнее предположение кажется притянутым за уши, но ничего лучше мне в голову не приходит.

- Придумала кое-что, - говорю я дрожащим от неуверенности голосом.

Гиацинт окидывает меня настороженным взглядом и вздыхает.

- Давайте, - произносит он.

Я встаю на нужное место и делаю глубокий вдох.

- Роза.

Зубья решетки смыкаются, а потолок опускается так стремительно, что Гиацинту приходится вжаться в пол, чтобы избежать удара. Я слышу какой-то звук со стороны камеры мерроу - возможно, он смеется. Однако однокрылый солдат не издает ни звука.

- Ты ранен? - спрашиваю я.

- Пока нет, - осторожно отзывается он. - Но места тут осталось немного. Если камера сожмется еще сильнее, то расколется меня, как орех.

Я чувствовала себя совершенно иначе, когда лежала в засаде и ждала глейстиг, чтобы развеять ее чары. Или когда рыскала по домам смертных. Даже когда убегала от ведьмы. Тогда в опасности была я, но сейчас от моей ошибки жизнь другого может угаснуть, словно...

Дочь солнца. Рождена для ночи. Отруби ей голову, и она возродится.

- Свеча, - выдыхаю я.

Каменный свод поднимается с похожим на стон звуком, а прутья расходятся, будто пасть или ловушка огромного плотоядного цветка. Мы смотрим друг на друга, и я замечаю, как ужас медленно отпускает Гиацинта. Рассмеявшись, он одним движением вскакивает на ноги, приобнимает меня рукой и кружит на месте, а потом целует в затылок.

- Что за чудесная, удивительная девушка! Вы справились!

- Нам еще нужно как-то пробраться мимо стражи, - напоминаю ему, ощущая неловкость от его похвалы.

- Вы освободили меня из темницы, а я выведу нас из-под холма, - говорит он уверенным тоном. Мне кажется, он гордится тем, что на это способен.

- Но сначала, - говорю я, - расскажи мне все, что знаешь об Оуке. И на этот раз ничего не утаивай.

- Расскажу по пути, - отвечает он, недовольно скривив лицо.

Я отрицательно качаю головой.

- Сейчас.

- Что ты хочешь, чтобы он тебе рассказал? - доносится до нас голос смертной девушки, и Гиацинт бросает на меня полный негодования взгляд.

- Не здесь, - произносит он и округляет глаза, давая понять, что причины его ответа очевидны. «Девушка слышит нас. Мерроу тоже».

- Мы освободим их, так что это не имеет значения, - сообщаю я. В конце концов, если меня поймают, мне в любом случае несдобровать.

Он смотрит на меня широко распахнутыми глазами.

- Неразумное решение.

- Меня зовут Гвен, - кричит девушка. - Пожалуйста. Обещаю, я никому не расскажу о том, что здесь услышала. Если заберете меня с собой, я сделаю все, что прикажете.

Подняв голову, читаю надпись над входом в ее камеру. Еще одна загадка.

«Он прожорлив, хотя у него нет пасти. Если дать ему наесться вдоволь, он быстро разрастется до огромных размеров. Но стоит его напоить, и он тут же умрет».

У него нет рта, но он способен есть...

- Рэн, вы меня слышали? - настаивает Гиацинт.

- Они свидетели, - говорю ему. - Оставлять свидетелей было бы неразумно.
- Тогда дайте мне нож, - нахмурившись, отвечает он. - Я о них позабочусь.

Гвен вплотную подошла к ограде из сталагмитов.

- Подожди, - произносит она звенящим от отчаянья голосом. - Я тебе помогу. Я много чего умею делать.

«Например, жить в мире смертных». Я не хочу задевать гордость Гиацинта, но она может спрятать его там, где народ вряд ли станет искать. Вместе у них больше шансов на побег, чем поодиночке.

- Дайте нож, - повторяет Гиацинт и протягивает руку, как будто всерьез рассчитывает, что я соглашусь и позволю ему это сделать.

Нахмурившись, оборачиваюсь к нему.

- Ты еще не рассказал мне ничего полезного о принце.

- Что ж, хорошо, - отзывается он. - Когда леди Ноури пленила Мадока, она отправила Верховному двору сообщение, в котором попросила что-то в обмен на свободу старого генерала. Не знаю, чего она хотела, но король и королева ей отказали.

Я киваю. Оук говорил, что желает победить леди Ноури, но если они обменивались сообщениями, то он, возможно, хочет ее как-то задобрить. На мгновение задумываюсь, не меня ли она попросила в обмен на Мадока. Но если это так, принцу не нужно идти к Чертополоховой ведьме. Он прекрасно знает, где я нахожусь. К тому же Верховный двор отдал бы ей меня, не задумываясь.

- Что насчет сил ганканы?

Гиацинт обреченно вздыхает. Ему явно не терпится убраться отсюда подальше.

- Расскажу вам кратко, что мне известно. Оук унаследовал часть сил Лириопы. Она была способна разжигать в сердцах оказавшихся рядом с ней людей сильные чувства: верность, желание, восхищение. Не знаю, умела ли она контролировать свои способности. Отчасти они напоминали прилив, который с головой накрывал тех, кто стоял на мелководье. Оук будет использовать вас, пока вы не израсходуете все свои силы. Будет манипулировать вами, пока вы не перестанете понимать, что реально, а что нет.

Я вспоминаю, что Тирнан говорил мне об отце Гиацинта.

- Забудьте об этом походе. Вы никогда не узнаете, что Оук скрывает за своими улыбками, - добавляет Гиацинт. - Вы разменная монета, а он принц, привыкший разбрасываться золотом.

Снова перевожу взгляд на загадку над дверью Гвен. Внезапно мне кажется, что решить ее гораздо проще, чем другие проблемы в моей жизни.

Что может есть, но при этом не пьет? Я смотрю на воду и на покрытый патиной ковш. Думаю о прозорливости. Представляю себе голодные оскаленные пасти.

Пасти, похожие на зубастые решетки, готовые поглотить Гвен, если я отвечу неверно. Камера, в которой был заключен Гиацинт, дала мне три попытки, но в камере Гвен потолок ниже. Судя по всему, у меня есть только два шанса ответить правильно.

К тому же в любую секунду могут вернуться стражники, а это значит, что у меня еще меньше времени.

Я ужасно боюсь произнести неверный ответ и вместе с тем переживаю, что нас поймут. Обе эти мысли отвлекают меня, создавая петлю нервозности.

Но стоит его напоить, и он тут же умрет.

Вспоминаю, как обливала мерроу водой. И думаю о море.

Возвращаюсь мыслями к ответу на предыдущую загадку. Свеча. Она прозорлива, а если ее напоить, то пламя погаснет. Может ли быть такое, что ответ на обе загадки одинаковый? Может ли быть такое, что все камеры открываются при помощи одного пароля?

Я уже собираюсь открыть рот, но осторожность меня останавливает. Если дать ему наесться вдоволь, он быстро разрастется до огромных размеров. Свечи не растут. Еще чуть-чуть, и я снова бы произнесла неверный ответ.

Нет, это не свеча, но что-то на нее похожее. Свеча не может разрастись, а вот ее пламя – вполне.

– Огонь, – шепчу я, и камера Гвен открывается, выпуская ее из своей пасти.

Спотыкаясь, она выходит наружу и осматривается, как будто боится, что ее хотят обмануть. Затем окидывает Гиацинта настороженным взглядом, словно беспокоясь, что он все-таки решит накинуться на нее с ножом.

– Возьмешь ее с собой, – сообщаю солдату. – Вместо меня.

Он смотрит на меня так, будто я сошла с ума.

– И зачем мне это делать?

– Потому что я прошу тебя, а до этого освободила тебя из темницы, – говорю я и сверлю его взглядом, в который пытаюсь вложить как можно больше суровости.

Однако я недостаточно убедительна.

– Когда называли свою цену, вы ни слова не сказали о помощи глупой смертной девчонке.

Я чувствую, как паника узлом скручивается в животе.

- А что, если я сниму с тебя чары?

- Это невозможно, - отвечает он. - Даже Оуку не удалось избавиться от них навсегда, а он принадлежит Верховному двору.

Однако у принца не так много опыта в разрушении чар. Да и, возможно, он не слишком-то хотел развеять их до конца.

- Но если у меня получится?..

Гиацинт неохотно кивает.

Я оборачиваюсь к Гвен и оскаливаю зубы. Она вздрагивает, так что я довольна произведенным эффектом.

- Разгадай загадку, чтобы освободить мерроу. И смотри не ошибись.

А затем тянусь к крылу Гиацинта.

Чувствую прикосновение перьев, мягкость и легкость костей, скрытых под ними. Наконец ощущаю заклятье, которое заново сплетает себя внутри Гиацинта, будто живой организм.

Я прикасаюсь к этой магии и поражаюсь тому, насколько липкие ее нити, - будто рвешь паутину. Чем сильнее я тяну, тем яростнее чары цепляются за меня, пытаюсь изменить и мой организм тоже. Я чувствую, как они манят меня, переливаясь и полыхая огнем, и дергают за что-то внутри.

- Что вы делаете? - спрашивает Гиацинт, высвобождая крыло из моих пальцев.

Я открываю глаза, только сейчас осознав, что успела их закрыть.

- Было больно?

- Нет... Не знаю, - отвечает он. - Мне казалось, что ваши пальцы.. проникли под кожу.

Я делаю вдох и снова пытаюсь разрушить чары. Но каждый раз, когда тяну за нити заклятья, они проскальзывают сквозь мои пальцы. И каждый раз меня затягивает все глубже, пока мне не начинает казаться, что я задыхаюсь среди перьев. Начинаю тонуть. Узел внутри меня - в самой сердцевине моей магии - начинает развязываться.

- Остановитесь, - просит Гиацинт и трясет меня за плечо. - Достаточно.

Я понимаю, что лежу на полу, а он стоит на коленях рядом со мной. Никак не могу отдышаться.

В сравнении с паутиной этого заклинания чары глейстиг кажутся простыми. Я скриплю зубами от досады. Может быть, у меня и неплохие навыки для фейри-

одиночки, живущей в мире смертных, но было слишком самоуверенно полагать, что я способна справиться с магией Верховного двора.

Вижу Гвен и мерроу в нескольких футах от себя. Они наблюдают за мной; мерроу моргает, и мгновение спустя дергаются его мигательные перепонки.

- Мы решили загадку вместе, - сообщает Гиацинт и, глядя на Гвен, хмурится. - Пойдемте отсюда.

- Но... - начинаю я.

- Я возьму ее с собой, - перебивает меня он. - Смертную девчонку. Выведу из-под холма и ее, и это существо. Только вставайте побыстрее.

Мне и правда нужно подняться на ноги. Но слова Гиацинта доносятся до меня как будто издалека, потому что я снова дергаю за нити магии. На этот раз, когда заклятье пытается затянуть меня, я хватаю его сама. Позволяю ему утащить меня вниз и мгновенно вбираю в себя всю его силу.

Мир вокруг замирает. В моих легких больше не осталось воздуха. Грудь болит так, словно сердце не может биться. Словно что-то внутри меня трещит по швам. Словно я вот-вот распадусь на части.

Я сосредотачиваюсь на чарах. Сражаюсь с этим липким, цепким заклятьем и давлу на него, пока оно не превращается в нечто твердое, тяжелое и холодное. А потом сжимаю хватку еще сильнее, обращая его в ничто.

Открыв глаза, понимаю, что впиваюсь поломанными ногтями в руку Гиацинта. Это именно рука - не крыло, - и на ней нет ни единого перышка. Солдат по-прежнему стоит на коленях. Я дрожу всем телом, и у меня так кружится голова, что я с трудом вспоминаю, где нахожусь.

- У вас получилось. Вы разрушили чары. Миледи, я присягаю вам в верности. - До меня не сразу доходит смысл его слов. Когда я наконец понимаю, что он сказал, меня охватывает волна ужаса. - Вам, и только вам одной. Я был не прав, что сомневался в вас.

- Нет, - с трудом выдавливаю я.

Мне не нужна такая ответственность. Я видела, что власть творит с людьми. Видела, как приносившие подобные клятвы начинали тяготиться своими обязательствами и желать смерти тем, кому должны быть верны. Никогда в жизни я не ощущала себя такой несвободной, как во время своего правления.

- Клянусь вечно служить вам, - продолжает Гиацинт, не обращая внимания на мои возражения, и прижимается сухими губами к тыльной стороне моей ладони. Темно-каштановые волосы спадают ему на лицо, словно шелковый занавес, и касаются моей руки.

Качаю головой, но клятва уже принесена. Я слишком устала, чтобы объяснить, почему она меня беспокоит. Мысли расплываются и путаются.

Я поднимаю взгляд на трех пленников, которых только что освободила, и внезапно со всей ясностью понимаю, что натворила. Я и не представляла,

как сильно изменилась. Я больше не та испуганная девочка из Двора Зубов, вечно искавшая, где бы спрятаться. Я успела стать бунтаркой, пока развеивала заклятья, наложенные на смертных.

На мгновение чувствую злобную радость. Не могу сказать, что мне нравится чувствовать себя в опасности, но приятно стать причиной событий, а не песчинкой, которую куда-то несет их бурный поток.

- Сними обувь, - говорю девушке. Мой голос хрипит еще сильнее, чем раньше.

Она опускает взгляд на свои кроссовки.

- Зачем?

Бросаю на нее требовательный взгляд, и она тут же разувается.

Я поднимаюсь с пола, пытаюсь вспомнить план, который так и не додумала до конца. Меня ведет в сторону, и Гиацинт тут же подхватывает меня за руку. Гордость говорит мне отругать его за это, однако моя благодарность слишком велика.

- Чтобы твоих шагов не было слышно, - объясняю я. - Вы втроем можете спрятаться за корытом с водой. Здесь темно, и если пригнетесь, вас не заметят.

- А вы? - после секундной паузы спрашивает Гиацинт.

Качаю головой.

- Я же говорила, что не пойду с вами. Я отвлеку стражников. Вы точно сможете выбраться отсюда?

Гиацинт коротко кивает. Он ведь обученный солдат, он должен знать, как вести себя в ситуациях, отдаленно похожих на эту.

- Если вы останетесь здесь, то подвергнете себя огромной опасности, - говорит он, нахмурившись.

- Я никуда не пойду.

- Он не простит вас за это.

Если Оук узнает о моем поступке, скорее всего, так и будет. Однако мне по-прежнему необходимо бросить вызов леди Ноури, а иначе она выследит меня сама. И ничто этого не изменит.

- Ты принес мне клятву, - напоминаю Гиацинту, хотя мои страхи эхом вторят его словам. - Всего несколько мгновений назад. Я приказываю вам с Гвен выбраться из Двора Бабочек живыми. И отвести мерроу в морскую пещеру. Это по пути.

– Прикажите мне после этого отправиться на север, к леди Ноури. – Гиацинт опускает голос почти до шепота. – Если вы туда доберетесь, у вас хотя бы будет союзник.

– Именно по этой причине и не нужно приносить пафосных клятв верности, – рычу в ответ. – Тебе, скорее всего, прикажут совсем не то, чего ты хочешь.

– Я слышала о фейри и сделках с ними, – говорит Гвен, совершая глупость. – Ты и у меня что-то попросишь, да?

Окидываю ее внимательным взглядом. Я не собиралась ничего от нее требовать, но это было не очень разумно с моей стороны. Вероятно, у нее с собой мало вещей, но с ее одеждой и кроссовками мне будет легче вернуться в мир смертных, если возникнет такая необходимость. К тому же у нее должно быть кое-что еще.

– У тебя есть телефон?

Кажется, Гвен удивлена.

– Я думала, ты попросишь год моей жизни или воспоминание, которым я дорожу больше всего. Или, может быть, мой голос.

И зачем мне все это нужно?

– Ты предпочтешь отдать мне год жизни?

– Пожалуй, нет. – Гвен лезет в карман и достает телефон, а потом снимает портативную зарядку с цепочки для ключей. – Только здесь нет связи.

– Дай знать, когда вы с Гиацинтом окажетесь в безопасности, – прошу я, забирая у Гвен телефон. Маленький аппарат из металла и стекла кажется почти невесомым. Я очень давно не держала в руках ничего похожего.

– Я хотела позвонить своему парню, – говорит она мне. – Один раз он поднял трубку, и оттуда доносилась их музыка. Если он позвонит...

– Я скажу, чтобы он выбирался отсюда, – перебиваю ее. – Теперь прячьтесь. А когда стражники зайдут в темницу, сразу бегите.

Гиацинт бросает на меня красноречивый взгляд и уводит смертную во тьму.

В следующую секунду мою руку берет мерроу.

– Земная госпожа, – говорит он. Его голос хрипит даже сильнее, чем мой, а кожа холодна на ощупь. – Знания – единственный подарок, который я могу вам преподнести. Среди волн скоро разразится война. Подводная королева ослабла, а у ее дитя сил еще меньше. Когда вода обогрится кровью, земле лучше держаться в стороне. Цирен Кроин уже близко.

Он умолкает и, покачиваясь из стороны в сторону, направляется к корыту.

Выслушав его предостережение, иду к двери с медными вставками и поворачиваю ручку. Я все еще пошатываюсь и никак не могу отдышаться, словно меня только что отпустила длительная лихорадка. Разрушение чар еще никогда не сказывалось на мне так, и это пугает меня.

Однако боган и красноволосая женщина-рыцарь внушают мне куда больший страх. При виде меня стражница тянется за мечом, который снова висит у нее на поясе. Я лишь надеюсь, что Озерный Джек просто бросил его, а не его поймали.

– Как ты.. – начинает боган.

Я перебиваю его самым решительным тоном, на который только способна:

– Заколдованного солдата, пленника принца, нет в камере! – Это правда, потому что я сама его выпустила.

– Но что ты делаешь в месте, где тебе не положено находиться? – спрашивает красноволосая женщина.

– Когда я пришла, вход никто не охранял, – отвечаю я, позволяя упреку повиснуть в воздухе.

Щеки стражницы заливают краска, и она торопливо проходит мимо меня. Шагает к дальнему концу темницы, где расположена камера Гиацинта. Я следую за ней, старательно отводя взгляд от окутанного тьмой ко-рыта.

– Ну что? – спрашиваю я, оперев руку в бок.

Паника в их глазах подсказывает мне, что королева Аннет недаром заслужила репутацию жестокой правительницы.

– Девчонка, – выдыхает красноволосая стражница, увидев, что смертная тоже исчезла из камеры.

– И подводный шпион. – Боган произносит пароль, заходит в камеру мерроу и принимается по ней вышагивать. Выпустив всех пленников, я по крайней мере сбила их с толку. Им остается только теряться в догадках о том, что здесь произошло.

– Ты ничего не видела? – спрашивает меня рыцарь.

– А что я должна была увидеть? – отвечаю вопросом на вопрос. – Что же такого увидели вы, раз посмели покинуть свой пост?

Боган бросает на женщину многозначительный взгляд, явно призывая ее к молчанию. Пауза затягивается. Наконец стражница обращается ко мне:

– Никому об этом не рассказывай. Мы поймаем пленников. Они ни за что не выберутся из Двора Бабочек.

Я медленно киваю, будто обдумывая ее слова, а затем приподнимаю подбородок, как это делают все джентри. Как это делала леди Ноури. Если бы я по-прежнему выглядела как оборванка со спутанными волосами, меня бы

тут же раскусили, но сейчас я вижу одно: стражники мне верят. Возможно, это платье все же заслужит мою симпатию, причем не только благодаря красоте.

– Мне нужно вернуться к принцу, – говорю я. – Я не стану докладывать ему о случившемся, но если вы не найдете Гиацинта до рассвета, когда мы отправимся на поиски Чертополоховой ведьмы, то его исчезновение уже нельзя будет скрыть.

Я выхожу в коридор, чувствуя, как колотится сердце. Возвращаюсь тем же путем, которым пришла сюда, и прижимаю руки к груди, чтобы они перестали дрожать. Снова оказавшись на пиру, направляюсь к столу и наливаю себе большой бокал зеленого вина. Оно пахнет скошенной травой и тут же ударяет мне в голову, вытесняя изо рта кислый привкус адреналина.

Замечаю Оука. Держа в руке бутылку вина, он приобнимает даму с кошачьей головой, которую я видела, когда покидала пир. Они кружатся в танце, а девушка своими когтистыми пальцами гладит его по золотым кудрям. Наступает смена партнеров, и место фейри-кошки занимает пожилая женщина.

Принц подносит ее морщинистую руку к губам. Когда она наклоняется, чтобы поцеловать его в шею, он только смеется, а затем начинает исполнять гавот, ведя ее за собой. Хмельная улыбка ни на секунду ни сходит с его лица.

Все это длится до тех пор, пока огр, танцующий с фейри-кошкой, вдруг не выводит ее из круга и не начинает грубо толкать сквозь толпу по направлению к другому огру.

Оук замирает, потом покидает свою партнершу и широкими шагами направляется к ним.

Я следую за принцем, но не так быстро, потому что толпа не расступается передо мной.

Когда я наконец оказываюсь рядом, дама с головой кошки стоит за спиной Оука, шипя, словно змея.

– Отдай ее мне, – говорит один из огров. – Эту маленькую воровку нужно поколотить, чтобы выбить из нее дурные наклонности.

– Воровку? Могу поверить лишь в то, что она похищает мужские сердца, – произносит Оук, заставляя фейри-кошку улыбнуться. На ней наряд из нежно-розового шелка с пышной юбкой, под которой явно скрывается каркас-панье. С мохнатых ушей свисают хрустальные серьги. Она выглядит слишком богато, чтобы прибегать к воровству.

– Думаешь, раз в твоих жилах течет королевская кровь, ты лучше нас? – цедит огр, впиваясь длинным ногтем в плечо принца. – Может, так оно и есть. Мы не узнаем наверняка, пока не попробуем ее на вкус.

Пьяно покачиваясь, Оук отталкивает от себя огра.

- Ты не почувствуешь разницу во вкусе, потому что для тебя она слишком тонка, - отвечает он с неприкрытым презрением в голосе.

Дама с кошачьей головой прижимает ко рту носовой платок и осторожно скрывается в толпе, видимо, не желая узнать, к чему приведет заступничество Оука.

- Пустить тебе кровь и прояснить этот вопрос не составит никакого труда, - говорит один из огров. Другой смеется и подходит поближе. - Ну как, попробуем?

Принц делает шаг назад, но второй огр стоит прямо за его спиной.

- Это будет ошибкой с вашей стороны.

Оуку ни в коем случае нельзя показывать им своего страха. Запах слабости дурманит сильнее запаха крови.

Если только он не хочет, чтобы его ударили.

Стоит ему вступить в драку, и он нарушит гостевой этикет. А если один из огров накинется на него первым, то получится, что оплошность допустили сами хозяева. Хотя, если судить по размеру огров, одного удара будет достаточно, чтобы снести голову принца с плеч. Они не только огромны, но еще и обучены чинить насилие. А Оук не смог даже перехватить мою руку, когда я его поцарапала.

Видимо, незаметно для себя я подаюсь вперед, потому что принц тут же переводит взгляд на меня. Один из огров оборачивается в мою сторону и усмехается.

- Кто это у нас тут? - спрашивает он. - Выглядит аппетитно. Твоя девчонка? Раз ты вступился за воровку, может, и нам показать тебе, каково это - когда у тебя что-то крадут?

В голосе Оука появляются стальные нотки:

- Вы так безмозглы, что не способны отличить камень от конфеты, пока не сломаете об него зубы, но запомните одно: ее трогать нельзя!

- Что ты сказал? - фыркает его приятель.

Оук приподнимает брови.

- Ты не очень-то силен в обмене остротами, да? Я лишь хотел подчеркнуть, что твой друг глупец, тупица, болван, остолоп, дубина стоеросовая...

Огр замахивается кулаком по щеке Оука с такой силой, что тот едва не теряет равновесие, а потом наносит еще один удар.

Изо рта принца хлещет кровь. В глазах загорается странный огонь.

Еще один удар.

Почему он не защищается? Даже если Оук хотел, чтобы огры атаковали его первыми, это уже произошло. Теперь он имеет полное право дать сдачи.

- Королева Аннет накажет вас за то, что вы напали на наследного принца! - кричу я, надеясь, что огр образумится прежде, чем Оук пострадает еще сильнее.

Услышав мои слова, второй огр кладет руку на плечо своего приятеля, чтобы удержать от третьего удара.

- С него уже хватит.

- Уверены? - интересуется Оук, вытирая рот тыльной стороной ладони. Его улыбка становится еще шире, обнажая окровавленные зубы.

Я оборачиваюсь к нему, не веря своим глазам.

Оук выпрямляет спину, не обращая внимания на синяк, расцветающий у него под глазом, и откидывает волосы с лица. Судя по его виду, он едва способен соображать.

- Ударьте меня еще раз, - подзадоривает их принц.

Огры обмениваются взглядами. Тот из них, кто останавливал своего друга, явно нервничает. Но задира снова сжимает руку в кулак.

- Ну же, давайте. - Улыбка на лице Оука будто принадлежит кому-то другому. Она совсем не похожа на ту, которой он одаривал своих партнеров по танцам. Или на ту, что была адресована мне. Это улыбка наполнена угрозой. - Ударь же меня! - Его глаза сияют, словно лезвие клинка.

- Прекратите! - кричу я так громко, что ко мне оборачивается еще несколько гостей. - Перестаньте сейчас же!

Оук кажется опечаленным, словно я повысила голос на него одного.

- Прошу прощения, - произносит он.

Огры позволяют Оуку подойти ко мне. Он слегка пошатывается - может, просто пьян или у него сотрясение, не знаю.

- Ты ранен, - глупо говорю я.

- Я потерял тебя среди толпы, - отзывается Оук. Среди его веснушек виднеется несколько капель крови, а в уголке губ багровеет синяк.

В уголке тех самых губ, которые я совсем недавно целовала.

Киваю, слишком ошеломленная, чтобы сделать или сказать что-то еще. Мое сердце все еще отчаянно колотится в груди.

- Мы с тобой сегодня учились танцевать. Давай перейдем к практике? - спрашивает он.

- Танцевать? - переспрашиваю я. Мой голос лишь немного тоньше обычного.

Он переводит взгляд на скачущих и выделывающих танцевальные па фейри.

Я только что предала его и до сих пор пребываю в шоке.

Словно зачарованная, я беру принца за руку и чувствую только одно: тепло его пальцев на своей холодной коже. Смотрю в его янтарные лисьи глаза с широкими, темными зрачками. Он прикусывает губу, как будто немного нервничает. Я дотрагиваюсь до его щеки, покрытой веснушками и запятанной кровью.

Он немного дрожит. Наверное, если бы я совершила то, что только что сделал он, тоже бы дрожала.

- Ваше высочество, - раздаётся чей-то голос.

Я разжимаю его руку. Сквозь толпу к нам пробирается красноволосая женщина-рыцарь, за которой следуют три хорошо вооруженных солдата. На их лицах застыло мрачное выражение.

У меня сжимается сердце.

Женщина кланяется принцу.

- Ваше высочество, меня зовут Ревиндра, и я состою в страже королевы Аннет. Хочу сообщить, что ваша... что один из ваших спутников проник в темницу и выпустил шпиона леди Ноури, а также одну из смертных королевы Аннет и мерроу из Подводного королевства.

Я молчу. Мне нечего сказать.

- Какими доказательствами вы обладаете? - спрашивает Оук, бросая взгляд в мою сторону.

- У нас есть признание келпи, который замешан в этом деле. Ему отплатили вот этим. - Ревиндра разжимает ладонь, на которой лежит серебряная лисичка с хризолитовыми глазами.

Оук стискивает зубы.

- Рэн?

Я не знаю, как объяснить ему то, что сделала.

Оук берет игрушку и рассеянно рассматривает ее.

- Никогда не думал, что вновь увижу эту вещицу.

- Мы пришли сюда, чтобы забрать Сурен, - продолжает Ревиндра. - И если вы попытаетесь нам помешать, мы применим силу.

Оук окидывает меня ледяным взглядом - таким же, каким до этого удостоил двоих огров.

- Что вы, что вы, - отзывается он. - Я ни в коем случае не стану вам препятствовать.

Глава 8

Когда мне было четырнадцать, я научилась заваривать чай, нагревая над костром воду с сосновыми иголками и цветками монарды.

- Хотите чашечку, мистер Лис? - вежливо спрашивала я у своего игрушечного лисенка, словно мы находились на званом ужине.

Он каждый раз отказывался. С тех пор как выкрала мистера Лиса из коробки, хранившейся в доме моих не-родителей, я каждую ночь засыпала в обнимку с ним, из-за чего его мех запачкался грязью и мхом.

Но это было не самое страшное. Несколько раз я оставила его в своем шалаше, чтобы посидеть под окнами школы Бэкс или местного колледжа, где я тихо повторяла обрывки исторических фактов и стихи, которые вряд ли бы мне когда-нибудь пригодились, или решала примеры, чертя цифры на земле. Однажды вечером я вернулась и обнаружила, что на лисенка напала белка, видимо, искавшая материалы для гнезда, и он лишился большей части внутренностей.

После этого я больше никогда не покидала свой лагерь. Я читала ему взятый из библиотеки роман об обездоленной гувернантке, потом принялась за книгу под названием «Травы и ягоды юго-восточной части Америки». Там было много информации о целебных растениях и лечении обморожения, и я надеялась, что, слушая мой голос, он почувствует себя немного лучше.

Мистер Лис выглядел потрепанным, как человеческая кожа, которую Богдана вывешивает сушиться после убийства.

- Мы снова набьем ваш животик, мистер Лис, - пообещала ему. - Может быть, найдем какие-нибудь перышки.

Плюхнувшись на землю, я заметила, что на дереве над нами сидит птица. Дикая природа научила меня быть быстрой и безжалостной, поэтому я с легкостью могла бы поймать ее, но засомневалась. Вдруг в ее перьях водятся какие-нибудь паразиты? Возможно, стоило забраться в дом не-родителей и распотрошить одну из подушек.

Проживая в лесу, я часто вспоминала об играх, которые мы придумывали вместе с Ребеккой. К примеру, мы часто разыгрывали сценки из жизни сказочных принцесс. Мы даже раздобыли реквизит: ржавый топор, который выглядел так, будто до нас его никто ни разу не доставал из гаража; две

бумажные короны, вырезанные мною из газет и украшенные блестками; и немного подгнившее, но сияющее от воска яблоко.

- Сначала я буду лесорубом, а ты будешь молить, чтобы я тебя пощадила, - сказала мне Ребекка. - Я сжалюсь над тобой. Ты такая красивая и печальная, что вместо тебя я убью оленя.

Мы разыграли эту сценку, и Ребекка ударила топором по зарослям сорняков.

- А теперь я буду злой королевой, - предложила я. - А ты можешь притвориться, что даешь мне...

- Нет, это я буду злой королевой, - перебила меня Ребекка. - И принцем тоже. И лесником.

- Но так нечестно, - заныла я. Порой Ребекка любила покомандовать. - Ты выбираешь все самые интересные роли, а мне остается только плакать и спать.

- Тебе достанется яблоко, - заметила Ребекка. - И корона. К тому же ты сама сказала, что хочешь быть принцессой. Принцессы именно этим и занимаются.

Надкусывают ядовитые яблоки. Засыпают.

Плачут.

Я услышала шорох и подняла голову.

- Сурен? - донесся до меня чей-то крик. Меня никто не должен был звать. Никто не должен был знать мое имя.

- Оставайтесь здесь, мистер Лис, - сказала я и засунула лисенка в дальний угол шалаша, а затем поползла в ту сторону, откуда раздался голос. Только для того, чтобы увидеть Оука, наследника Эльфхейма, стоящего посреди лесной поляны. Я помнила его смешливой мальчишкой, но теперь он стал высоким и поджарым юношей - обычно так выглядят дети, которые вырастают внезапно и слишком быстро. Когда он пошевелился, его движения показались мне неуверенными, словно у жеребенка, еще не привыкшего к своему телу. Ему, наверное, было около тринадцати. И он не имел никаких оснований блуждать по моему лесу.

Я спряталась в зарослях папоротника.

- Что вам нужно?

Он обернулся на звук моего голоса.

- Сурен? - повторил он. - Это ты?

Оук был облачен в синий жилет с серебряной шнуровкой вместо пуговиц, из-под которого виднелась красивая льняная рубашка. Копытца украшали серебряные колпачки, сочетавшиеся с двумя серебряными кольцами, продетыми

в краешек его заостренного уха. Сливочно-белокурые локоны, отливавшие темным золотом, развевались вокруг его лица.

Я опустила взгляд, чтобы осмотреть себя. Мои босые ноги практически почернели от грязи. Я забыла, когда в последний раз стирала платье. Ткань в районе талии была испачкана кровью – я испачкала ее, когда поранила руку шипом. На подоле виднелись пятна от травы.

Я вспомнила, как принц нашел меня привязанной к столбу у лагеря Двора Зубов. Тогда я скорее напоминала животное. Внезапно я осознала, что если он снова начнет меня жалеть, то я просто не вынесу этого.

– Да, это я, – отозвалась я. – А теперь уходите.

– Но я ведь только тебя нашел. Я хочу поговорить. – Его голос звучал искренне. Даже создавалось впечатление, что он считает себя моим другом, несмотря на то, что мы не виделись много лет.

– И чем вы одарите меня, если я соглашусь, принц Эльфхейма?

Он поморщился, услышав официальное обращение.

– Как насчет моей компании и приятной беседы?

– Но почему? – И хотя мои слова прозвучали недружелюбно, я искренне хотела узнать ответ на вопрос.

Прошло несколько секунд, прежде чем он заговорил:

– Потому что вы единственная, кого я знаю, в чьих жилах тоже течет королевская кровь.

– Я не такая, как вы.

– Вы сбежали, – проговорил он. – Я тоже хочу сбежать.

Я устроилась поудобнее. Я не то чтобы сбежала – мне просто некуда было идти. Сжав в пальцах травинку, я сорвала ее. Оук обладал всем, чего только мог пожелать, разве не так?

– Почему? – снова спросила я.

– Потому что я устал от того, что все вокруг пытаются меня убить.

– Мне казалось, многие бы обрадовались, взойди вы на трон вместо вашей сестры.

Чего можно было добиться, убив принца? Его легко заменить. Если бы Джуд понадобился новый наследник, почему бы ей просто не завести ребенка? Будучи смертной, она наверняка могла родить немало детей.

Оук принялся нервно раскапывать землю вокруг какого-то растения, ковыряя ее мысом копытца.

- Ну, некоторые хотят защитить Кардана. Они думают, Джуд хочет его убить, а моя смерть может заставить ее передумать. Другие полагают, что, избавившись от меня, приблизятся на шаг к тому, чтобы избавиться от нее.

- Но в этом нет никакого смысла, - сказала я.

- Не изволите выйти наружу, чтобы мы могли поговорить? - Принц нахмурился и обернулся, пытаясь разглядеть меня среди деревьев и кустов.

- Для этого вам вовсе не обязательно меня видеть, - сообщила ему.

- Ладно. - Он сел на ковер из листьев и мха, упершись щекой в согнутое колено. - Меня пытались убить. Снова. При помощи яда. В очередной раз. Потом другие заговорщики хотели втянуть меня в свой план, согласно которому мы должны были убить мою сестру и Кардана, чтобы я мог править вместо них. Когда я отказался, они решили убить меня. Теперь уже ножом.

- Отравленным?

Он рассмеялся.

- Нет, обычным. Но было больно.

Я еле слышно охнула. Когда он упомянул о покушениях на свою жизнь, я решила, что их каким-то образом предотвратили. Я и подумать не могла, что он едва не умер.

- Поэтому я хочу сбежать из Фейриленда, - продолжил он. - Как это сделали вы.

Я никогда не считала себя беглянкой. Я была той, кому просто некуда податься. Я ждала, пока вырасту. Или перестану бояться. Или обрету больше силы.

- Принц Эльфхейма не может просто взять и исчезнуть.

- Мне кажется, если это случится, всем станет только лучше, - ответил он.

- Из-за меня изгнали отца. Если бы не я, то мама вообще не вышла бы за него замуж. А когда я был маленьким, одной из моих сестер и ее подруге пришлось заботиться обо мне, хотя они сами едва успели попрощаться с детством. Другую мою сестру множество раз пытались убить, потому что она защищала меня. Без меня всем станет легче. Они сами это поймут.

- Не поймут, - возразила я, пытаясь не обращать внимания на волну зависти, накотившую на меня от мысли, что по нему будут скучать.

- Позвольте мне остаться в вашем лесу вместе с вами, - выдохнул он.

Я представила себе, как это могло бы быть. Он бы принимал участие в наших с мистером Лисом чаепитиях. Я бы показала ему места, где растет самая сладкая ежевика. Мы бы ели лопухи, красный клевер и грибы-зонтики. А ночью лежали на спине и перешептывались. Он бы рассказывал мне о созвездиях, магических теориях и сюжетах телешоу, которые смотрел, пока жил в мире смертных. А я бы поведала ему все свои сокровенные секреты.

На мгновение мне показалось, что это возможно.

Но в конце концов за ним придут, так же как леди Ноури и лорд Джарел пришли за мной. Если повезет, его обнаружат стражники Эльфхейма и уведут домой по приказу королевы. А если нет, то однажды ночью в его плоть вопьется вражеский нож.

Ему здесь не место. Принцу не пристало спать в грязи и бороться за выживание, претерпевая множество лишений.

– Нет, – сказала я, сделав над собой усилие. – Уходите домой.

На его лице отразилась обида. Он искренне не ожидал услышать такой ответ, и это ранило его.

– Но почему? – спросил он так растерянно, что мне вдруг захотелось вернуть свои слова назад.

– Когда вы нашли меня привязанной к столбу, я хотела причинить вам боль, – ответила я, ненавидя себя за это. – Вы мне не друг.

«Я не хочу, чтобы вы здесь оставались» – вот что мне следовало сказать. Однако я не могла произнести эти слова, потому что они были ложью.

– А, – проговорил принц, – вот как.

Я вздохнула и, поддавшись искушению, выпалила:

– Вы можете остаться на ночь. Но утром возвращайтесь домой. Если не уйдете сами, я вас заставлю. Использую последнее желание, которое вы задолжали мне, когда проиграли в «Рыбку».

– А если я уйду, но потом снова вернусь? – поинтересовался он, пытаясь скрыть обиду.

– Вы не сможете. – Когда он придет домой, мать и сестры будут его ждать. Наверняка они очень испугались, узнав о его исчезновении. Они заставят его пообещать, что он больше никогда так не поступит. – Вы для этого слишком горды.

Он промолчал в ответ.

– Сидите на месте и не двигайтесь, – указала я, осторожно уходя прочь.

В конце концов, этой ночью он был моим гостем. И хотя я не считала его своим другом, это не означало, что я не могла быть другом ему. Я сделала для него чашку свежего, горячего чая. Поставила ее на камень неподалеку от места, где он сидел, а рядом с ней положила несколько листьев, на которые насыпала горсть ежевики.

– Хотите чаю, принц? – спросила я. – Можете взять его вот здесь.

- С удовольствием, - отозвался он и пошел на мой голос. Обнаружив мой подарок, он уселся на камень, поставил чашку на ногу и взял ежевику на ладонь. - А вы попьете чай со мной?

- Да, - ответила я.

Он кивнул, но в этот раз не стал просить меня выйти к нему.

- Расскажите мне о созвездиях, - попросила я.

- Мне казалось, я вам не нравлюсь, - сказал он.

- Я могу сделать вид, что нравитесь, - отозвалась я. - На одну ночь.

И он начал описывать созвездия над нашими головами, а потом рассказал мне историю о ребенке джентри, который решил, что звезды предвещают ему огромный успех, но, как оказалось, он смотрел на свой гороскоп вверх ногами.

Я пересказала ему сюжет фильма, который видела много лет назад, и мы вместе посмеялись над смешными моментами. Когда он лег среди кустов ситника и закрыл глаза, я подкралась к нему и аккуратно прикрыла сухими листьями, чтобы он не замерз.

На следующий день, когда я проснулась, его уже не было.

Глава 9

Меня протащили по коридорам и привели, вопреки моим ожиданиям, не в темницу, а в спальню, где я готовилась к пиру. Мой рюкзак по-прежнему висит там, где я его оставила, а гребень, которым меня расчесывал Оук, лежит на комод. Ревиндра, красноволосая женщина-рыцарь, толкает меня так сильно, что я падаю и ударяюсь плечом о пол. Потом она дважды бьет меня ногой в живот.

Задыхаясь от боли, я сворачиваюсь в клубок и нашариваю в складках платья карман, в котором лежат ножницы, украденные из комнаты Хабетрот.

При Дворе Зубов я кое-чему научилась. Сначала мне казалось, что если попытаюсь постоять за себя, то мне лишний раз причинят боль. Именно такой урок мне хотели преподать, но я быстро поняла: что бы я ни сделала, мне все равно будет больно. Уж лучше ударить в ответ, если представится такая возможность. Лучше пусть сомневаются и помнят о том, что им придется заплатить за свои пос- тупки.

Ревиндра одета в броню, и поэтому, рванувшись к ней, я целюсь в самое незащищенное место на ее теле - в лицо.

Острые ножниц царапает ей щеку до уголка губ. Округлив глаза, она с яростным воплем отшатывается от меня, вытирает лицо рукой и разглядывает свои пальцы, словно не может поверить, что влага, которую она чувствует, может быть ее собственной кровью. Другой рыцарь хватается за горло и удерживает, пока третий придавливает мое запястье к полу. Закричав от боли, я выпускаю из руки ножницы.

«Если вы проткнете меня ими, это будет сродни оскорблению», – сказал мне Озерный Джек. Надеюсь, он был прав.

Когда Ревиндра бьет меня ногой в затылок, я даже не пытаюсь сдержать стон. При Дворе Зубов любили, когда я кричала, плакала навзрыд и выла. Им нравилось видеть синяки, кровь и оголенные кости. За сегодняшний день я опозорила Ревиндру дважды. Разумеется, она злится. Теперь мне придется делать исключительно то, что она желает.

По крайней мере, пока она не даст мне еще одну возможность.

– Какое бы наказание для тебя ни выбрали, жалкая букашка, я с радостью его исполню, – произносит она. – И сделаю это с неспешной тщательностью.

Я шиплю на нее, но, когда она снова приближается ко мне, торопливо отползаю назад.

– Увидимся в самое ближайшее время, – говорит она и выходит из комнаты вместе с остальными рыцарями.

Я забираюсь на кровать и сворачиваюсь в клубок, ощущая себя несчастной.

Я должна была держать себя в руках и знаю об этом. Если я испытываю удовлетворение, причиняя другим боль, значит, я похожа на леди Ноури и лорда Джарела гораздо сильнее, чем мне хотелось бы считать.

Мне нужно как-то отвлечься от жгучей боли в запястье. Нужно найти причину не думать о выражении на лице Оука, когда он взял в руку свою старую игрушку. Нужно перестать оценивать вероятность того, что меня казнят одним из способов, которые так напугали Гвен. Вот почему я опускаю руку в карман и нащупываю там ее телефон. Стекло, к счастью, не треснуло. Провожу пальцами по мобильному, и он включается, но я не вижу обещанного сообщения от Гиацинта. Вглядываясь в ярко светящийся экран, вспоминаю свой домашний номер. Не-родители заставляли меня повторять его снова и снова еще в те времена, когда Бэкс была Ребеккой, а я – их дочерью.

Мы находимся глубоко под землей, поэтому сигнал очень слабый. Всего одна полоска – иногда две, если наклонить телефон под каким-то определенным углом. Я набираю номер, совершенно не ожидая, что звонок пройдет.

– Алло. – Сквозь помехи слышу голос не-мамы, и мне кажется, что она никогда не была от меня так далеко. Зря я это сделала. Скоро за мной придут, чтобы снова причинить боль, и к тому моменту мне следует освободиться от эмоций, а не-мамин голос пробуждает во мне слишком много чувств. Лучше отрешиться от мира, вырваться за пределы своего тела и стать ничем среди бесконечного мрака пустоты.

Но я хочу услышать ее, ведь, возможно, другого шанса уже не представится.

- Мама? - произношу я тихо, не рассчитывая, что она расслышит - с таким-то качеством связи.

- Кто это? - спрашивает она строгим голосом, будто подозревает, что я ее разыгрываю.

Молчу, ощущая приступ тошноты. Конечно, она думает, что я ошиблась номером или хочу побаловаться. Она помнит лишь об одной своей дочери. Однако я медлю еще несколько мгновений, чувствуя вкус подступающих к горлу слез. Считаю не-мамины вдохи.

Она не сбрасывает звонок. Включив громкую связь, я кладу телефон на кровать и ложусь рядом.

- Ты еще здесь? - Ее голос немного дрожит.

- Да, - шепчу я.

- Рэн? - спрашивает она.

Я тут же вешаю трубку. Мне слишком страшно услышать, что еще она может сказать. Лучше сохраню в сердце то, как она назвала меня по имени.

Прижимаю ладонь к холодной каменной стене, чтобы вернуться в реальность, чтобы попытаться вспомнить, каково это - ничего не чувствовать.

Не знаю, как долго я так лежу, но в какой-то момент проваливаюсь в дремоту. Проснувшись, не сразу вспоминаю, что со мной случилось. Когтистый, липкий страх проникает в мое нутро. Мыслям приходится проталкиваться сквозь него, как через туман.

Однако они достигают цели. Я вспоминаю, как поцеловала Оука. Каждый раз, воскрешая в памяти то, что сделала, морщусь от стыда. Что он обо мне подумал, когда я накинулась на него? Почему ответил на поцелуй вместо того, чтобы меня усмирить?

Потом перед моим внутренним взором предстает воспоминание о том, как Гиацинт просил меня пойти с ним, предостерегая, что здесь меня ждут одни лишь опасности.

И среди всех этих мыслей в моих ушах снова и снова звучит не-мамин голос, произносящий мое имя.

Когда я наконец слышу скрежет каменной двери по полу и скрип петель, то чувствую себя загнанным зверем, готовым атаковать. Опускаю телефон в карман и поднимаюсь с кровати, поправляя платье.

Снова вижу перед собой красноволосую Ревиндру.

- Тебе приказано предстать перед королевой для допроса.

Я ничего не отвечаю, но, когда она пытается схватить меня за руку, предостерегающе шиплю.

– Вперед, – приказывает она, толкая меня в плечо. – И не забывай, какое удовольствие доставишь мне, если откажешься подчиняться.

В коридоре нас ждут еще два рыцаря. Они приводят меня в зал для аудиенций, где королева Аннет восседает на троне, покрытым мучнисто-белыми бабочками. Каждая из них то и дело взмахивает крыльями, что создает эффект подвижного ковра. Королева одета в черное платье – более простое, чем то, которое я видела на ней в последний раз, – а вот Оук так и не сменил одежду, будто вовсе не ложился спать. Его руки сложены за спиной. Тирнан стоит рядом с принцем, сохраняя каменное выражение лица.

Лишь сейчас, когда Оук серьезен, я понимаю, как привыкла к его непринужденным улыбкам. Под его глазом багровеет синяк.

Я вспоминаю, как он отшатнулся назад, когда кулак огра врезался ему в щеку. На его зубах краснела кровь, а он стоял словно в ожидании, когда его ударят еще раз.

– Ты меня обокрала. – В глазах Аннет сверкает едва скрываемая ярость. Она наверняка воспринимает потерю смертной и мерроу как позор, не говоря уже о том, что она упустила Гиацинта, которого едва ли не силой забрала у Оука. Думаю, ей особенно не нравится то, что я унизила ее перед наследником Верховного двора, хоть и дала ей повод задержать его еще ненадолго. Однако она никак не может доказать, что принц причастен к моим деяниям.

По крайней мере, я так думаю.

Если даже Ревиндра злится на меня, гнев Аннет будет гораздо неистовее и несравненно опаснее.

– Ты отрицаешь свою вину? – продолжает королева, глядя на меня так, как ястреб смотрит на крысу, которую готовится схватить.

Я бросаю взгляд на Оука, наблюдающего за мной с лихорадочным напряжением.

– Не могу, – выдавливаю я. Дрожу всем телом. Прикусываю щеку, чтобы боль помогла мне вернуться в реальность. Я слишком хорошо помню, каково это – ждать очередного наказания от капризного правителя.

– Итак, – произносит Неблагая королева. – Похоже, ты в стоворе с врагами Эльфхейма.

Я не позволю ей повесить на меня это обвинение.

– Нет.

– Тогда ответь мне: ты можешь поклясться, что абсолютно верна принцу во всех своих мыслях и действиях?

Я хочу ответить, но не могу вымолвить ни слова. Снова перевожу взгляд на Оука. Чувствую, как вокруг меня захлопывается ловушка.

- Никто не способен принести такую клятву.

- А-а-а, - протягивает Аннет. - Как интересно.

Должен быть какой-то ответ, который не поставит меня в еще более затруднительное положение.

- Принцу не нужен Гиацинт, пока у него есть я.

- Вот только теперь ты в моих руках, - отзывается королева Аннет, и Оук украдкой смотрит на нее.

- Разве он не отправится немедленно к леди Ноури, чтобы в деталях поведать о нашем плане? - спрашивает Оук. Он заговаривает впервые с тех пор, как я вошла в зал. Услышав его голос, я вздрагиваю.

Отрицательно качаю головой.

- Он принес мне клятву.

Королева Аннет обращивается к принцу:

- Ваша дама сердца не только увела пленника у вас из-под носа, но еще и использует его, чтобы собрать свою собственную маленькую армию.

Краска приливает к моим щекам. С каждым словом, которое я произношу, мой поступок выглядит в их глазах все хуже. Гораздо, гораздо хуже.

- Было нечестно запереть Гиацинта в темнице.

- Кто ты такая, чтобы указывать тем, кто выше тебя по положению, что честно, а что нет? Ты, вероломное дитя, дочь изменницы, должна быть благодарна, что тебя не превратили в рыбу и не съели на обед, после того как ты предала Верховный двор!

Я закусываю губу, пронзая кожу острыми зубами. Ощущаю вкус собственной крови.

- Ты правда освободила его по этой причине? - спрашивает Оук, глядя на меня с непривычной свирепостью.

Я коротко киваю, и его лицо приобретает отстраненное выражение. Интересно, разозлило ли его то, что меня назвали его дамой сердца?

- Озерный Джек сообщил, что ты собиралась улизнуть вместе с Гиацинтом, - продолжает королева. - Ему не терпелось поведать нам все о вашем бегстве. Но тем не менее ты здесь. Что-то помешало вашему плану или ты задержалась, чтобы совершить еще одно предательство?

Я всей своей душой надеюсь, что пруд Озерного Джека пересохнет.

- Это неправда, - отвечаю я.

- Да что ты говоришь? - вопрошает Аннет. - Ты не собиралась бежать вместе с ним?

- Нет, - произношу я. - Никогда.

Она подается вперед, сдвигаясь на край своего покрытого бабочками трона.

- И почему же?

Я смотрю на Оука.

- Потому что у меня есть свои причины продолжать этот поход.

Королева Аннет фыркает.

- Какая храбрая маленькая предательница.

- Как ты убедила Джека помочь тебе? - спрашивает Оук мягким голосом. - Он правда сделал это ради игрушки? Я отдал бы ему гораздо больше серебра, если бы он сообщил мне о твоих планах.

- Он сделал это ради собственной гордости, - говорю я.

Оук кивает.

- Теперь я начинаю понимать свои ошибки.

- А что насчет смертной? - спрашивает королева Аннет. - Зачем ты вмешалась в ее судьбу? Почему выпустила мерроу?

- Он умирал без воды. А Гвен всего лишь пыталась спасти своего возлюбленного. - Пусть я и нарушила кодекс правил фейри, но хотя бы в том, что касается освобождения Гвен, моя совесть чиста.

- Смертным свойственно лгать, - фыркает Неблагая королева.

- Но это не значит, что каждое их слово - ложь, - парирую я. Мой голос дрожит, но я заставляю себя продолжить: - При вашем дворе есть юноша-музыкант, который не возвращался в мир смертных уже много дней, но из-за чар считает, что прошло гораздо меньше времени?

- А даже если это так? - отзывается королева Аннет. Более однозначного признания из нее не выбить. - Лгунья она или нет, но ты все равно займешь ее место. Ты причинила вред Двору Бабочек и заплатишь за это собственной кожей.

Меня охватывает дрожь, с которой я ничего не могу поделать.

Стиснув челюсть, Оук переводит взгляд на Неблагую королеву. Однако, когда он начинает говорить, его голос звучит беззаботно:

- Боюсь, она не может у вас остаться.

– Неужели? – спрашивает королева Аннет тоном женщины, убившей большинство своих бывших возлюбленных и готовой совершить еще одно убийство, если ее вынудят.

Губы принца расплываются в очаровательной улыбке – той самой, с помощью которой он может убедить утку принести ему яйца из собственного гнезда, чтобы он съел их на завтрак. Той самой, благодаря которой напряженные переговоры о судьбе пленницы начинают казаться не более чем игрой.

– Возможно, вы недовольны побегом Гиацинта, но пострадавшая сторона здесь я. Пусть Рэн выкрала его из вашей темницы, он все-таки был моим пленником. Нельзя сказать, что вы здесь пострадавшая сторона. – Он пожимает плечами, словно извиняясь перед ней. – Однако мы можем найти для вас другую смертную или еще одного мерроу. Или, может быть, что-нибудь получше.

Какое сладкоречие. Я думаю о том, как Оук разговаривал с огром на пиру – он ведь мог воспользоваться тем же тоном, что и сейчас, но почему-то не стал. Неблагая королева, похоже, поддается чарам принца. Выражение ее лица смягчается, а уголки губ уже не так напряжены от сдерживаемого гнева.

Обладание таким голосом – пугающая сила.

Аннет улыбается.

– Давайте устроим соревнование. Если вы победите, я верну вам и девчонку, и келпи. А если потерпите поражение, они останутся у меня – и вы тоже, пока Эльфхейм не заплатит за вас выкуп.

– Что за соревнование? – заинтригованно спрашивает Оук.

– Я предоставлю выбор вам, – говорит она. – Мы можем сыграть в игру на удачу, в которой у нас будут равные шансы на победу. Либо вы можете сразиться в поединке с бойцом, которого я выберу, и сделать ставку на свои воинские навыки.

В лисьих глазах принца загорается странный огонек.

– Я выбираю поединок.

– Я буду сражаться вместо вас, – вызывается Тирнан.

Королева Аннет открывает рот, чтобы возразить, но Оук опережает ее:

– Нет, сражаться буду я. Ведь именно этого желает королева.

Я делаю крошечный шаг к нему. Наверняка Аннет слышала о том, как плохо он показал себя во вчерашней драке.

– Поединок – это не соревнование, – говорю я, пытаюсь его предостеречь. – Это не игра.

– Разумеется, это игра, – отзывается Оук, и я снова вспоминаю, что он привык быть всеми любимым принцем и всегда с легкостью добиваться желаемого. Вряд ли он понимает, что его ждет далеко не такой учтивый поединок, как те, которые устраиваются в Эльфхейме, где можно поплакаться или признать поражение. Здесь к нему не станут относиться почтительно. Здесь никто не будет притворяться побежденным. – Сражаемся до первой крови?

– Почти. – Королева Аннет смеется, подтверждая все мои страхи. – Мы Неблагие. Мы хотим, чтобы схватка была веселой.

– Значит, бьемся насмерть? – спрашивает Оук таким голосом, словно эта мысль кажется ему смехотворной.

– Верховная королева заберет мою жизнь, если вы лишитесь вашей, – говорит Аннет. – Но я думаю, мы можем сойтись на том, что вы будете сражаться до тех пор, пока один из вас не признает поражение. Какое оружие вы выберете?

Принц опускает руку, нащупывая висящий у него на боку тонкий, как игла, меч. Затем смыкает пальцы на изысканно украшенной рукояти.

– Рапиру.

– Какая милая вещица, – произносит королева Аннет таким голосом, словно он вызвался сражаться шпилькой для волос.

– Вы уверены, что хотите решить этот вопрос поединком? – спрашивает Оук, окидывая королеву внимательным взглядом. – Мы могли бы выбрать любую другую игру, которая требует определенных умений, – отгадывание загадок или, может быть, конкурс с поцелуями? Мой отец говорил, что сражение, однажды начавшись, становится живым существом и больше не поддается контролю.

Тирнан сжимает губы в тонкую полоску.

– Проведем поединок завтра, когда начнут стучаться сумерки? – предлагает королева Аннет. – В таком случае и у вас, и у меня будет возможность передумать.

Оук качает головой, отказываясь от отсрочки.

– Прошу меня простить, но мы должны отправиться к Чертополоховой ведьме как можно скорее. Это очень важно. Я хотел бы сразиться в поединке и сразу же пуститься в путь.

Услышав его слова, некоторые из придворных прикрывают ладонями улыбки, но королева Аннет остается серьезной.

– Вы так уверены, что победите?

Он широко ухмыляется, словно оценил шутку, пусть она и отпущена на его счет.

- Каким бы ни был итог, я хочу его ускорить.

Королева смотрит на него как на глупца.

- Вы даже не потратите время, чтобы облачиться в броню?

- Тирнан принесет ее сюда, - говорит он, кивком указывая на рыцаря. - А надевать ее не так уж долго.

Королева Аннет встает и жестом подзывает красноволосую женщину.

- Тогда мы не станем вас задерживать. Ревиндра, приведи Ноглана и попроси его взять самый маленький и тонкий из его мечей. Раз принц торопится, придется обойтись тем, что ему удастся найти.

Тирнан наклоняется ко мне и, понизив голос так, чтобы только я могла слышать, говорит:

- Нужно было бежать с Гиацинтом.

Я опускаю взгляд на свои ноги, на сапоги, которые Двор Бабочек подарил мне по просьбе принца. Если бы я могла дотронуться до волос, то почувствовала бы под пальцами косу, которую он совсем недавно заплел. Если он погибнет, это будет только моя вина.

Вскоре зал заполняется зрителями. Нечасто представляется возможность увидеть, как наследнику Эльфхейма пускают кровь.

Пока Тирнан помогает Оуку надеть кольчугу, толпа расступается, чтобы пропустить огра, которого я тут же узнаю. Это он прошлой ночью дважды ударил Оука. Огр широко ухмыляется, шагая по залу надменной, неторопливой походкой. Его фигура возвышается над собравшимися зрителями. На нем кожаный нагрудник со стальными вставками, тяжелые штаны заправлены в сапоги. Руки ничем не защищены. Нижние клыки врезаются в верхнюю губу. Видимо, это и есть Ноглан.

Он кланяется королеве, а затем замечает меня.

- Привет, крошка, - произносит он.

Я вливаюсь ногтями в свою ладонь.

Огр переводит взгляд на принца.

- Видимо, в прошлый раз я недостаточно сильно тебя ударил. Ну ничего, я это исправлю.

Королева Аннет сцепляет руки в замок.

- Освободите место для поединка.

Придворные становятся в широкий круг, внутри которого остается пустой участок утрамбованной земли.

- Ты не обязан это делать, - шепчу Оуку. - Оставь меня им. Оставь Джека.

Он бросает на меня косой взгляд. Его лицо серьезно.

- Я не могу.

Ах да, точно. Я нужна ему для спасения отца. Нужна настолько, что он готов поцеловать меня. Насколько, что он готов пролить кровь, только чтобы удержать меня при себе.

Оук широким шагом идет в сторону, противоположную той, которую выбрал противник. Огр перешучивается с несколькими зрителями из кровожадной, жаждущей увидеть бой толпы - я понимаю это по их смеху, но стою слишком далеко, чтобы услышать, что именно он говорит.

Я вспоминаю отца Оука, которого видела на военных советах. Чаще всего он даже не удостоивал меня взглядом, словно я была охотничьей собакой, лежащей под столом в ожидании, когда ей бросят кость. Но однажды ночью он увидел, как я сижу в холодном углу и перебираю пальцами свои путы. Он опустился на колени рядом со мной и дал чашу с горячим пряным вином, которое до этого пил сам. Поднявшись, он положил свою большую теплую руку мне на затылок.

Я хотела бы сказать Оуку, что Мадок недостойн его любви, но не уверена, что смогу.

Дама с кошачьей головой протискивается сквозь толпу и протягивает Оуку знак своей симпатии - прозрачный носовой платок. Принц кланяется, принимая дар, и позволяет ей обвязать им свою руку.

Королева Аннет усаживает на раскрытую ладонь белую бабочку.

- Если он пострадает... - говорит мне Тирнан, не утруждая себя тем, чтобы закончить угрозу.

- Поединок начнется, как только взлетит бабочка, - объявляет королева.

Оук кивает и достает из ножен клинок.

Золотистая броня, острая рапира и жесткие линии его фигуры удивительно контрастируют с мягкостью рта и янтарных глаз. Он бьет копытцем по утрамбованной земле и принимает боевую стойку, повернувшись к противнику боком.

- Пришлось позаимствовать зубочистку, - рычит огр Ноглан и поднимает меч, который в его руке кажется совсем крохотным, но значительно превосходит по размеру оружие принца. У Оука рослая фигура, но противник как минимум на фут выше и в три раза шире него. На оголенных руках огра перекатываются бугры мышц, словно под кожей хранится гряда камней.

В это мгновение в глазах Оука мелькает нечто похожее на сомнение. Возможно, он наконец-то понял, какая опасность ему грозит.

Бабочка взлетает с ладони королевы.

Выражение лица Оука меняется: он не улыбается и не хмурится. Он выглядит безучастным, лишенным всяких эмоций. Я гадаю, скрывается ли за этим безразличием страх.

Огр широкими шагами приближается к принцу, держа свой тонкий меч так, словно это бита.

– Не робей, мальчик, – цедит Ноглан. – Давай посмотрим, на что ты способен. – Он взмахивает мечом, целясь в голову Оука.

Принц реагирует незамедлительно. Уклоняется от удара и направляет кончик рапиры в плечо огра. Когда он отводит оружие назад, Ноглан издает громкий рев, по его руке стекает струйка крови.

Толпа задерживает дыхание. Я стою как громом пораженная. Может, ему просто повезло?

Но тут же понимаю, что это не так. Оук резко поворачивается и наносит режущий удар по животу огра – ровно в том месте, где заканчивается нагрудник. Движения принца выверены и просчитаны. Он быстрее любого, кого мне доводилось видеть в бою.

Я успеваю заметить полоску влажной розовой плоти, а затем Ноглан падает на землю, врезаясь в стоящих в первых рядах зрителей. Среди толпы раздаются крики и изумленные вздохи.

Оук отходит в противоположную сторону.

– Не нужно подниматься, – предупреждает он дрожащим голосом. – Давай закончим с этим. Признай поражение.

Однако Ноглан, фыркая от боли, вскакивает на ноги. На его штанах разрастается кровавое пятно, но он не обращает на это внимания.

– Я выпотрошу твои...

– Нет, – перебивает его принц.

Огр несется на Оука, рассекая мечом воздух. Принц взмахивает рапирой так, что она скользит вверх по вражескому клинку, и острый кончик вонзается в шею огра.

Ноглан прижимает руку к горлу. Между его пальцами струится кровь. Я замечаю то мгновение, когда в его глазах гаснет свет, словно брошенный в море факел. Огр оседает на землю. Зрители ревут, и на их лицах отражается изумление. В воздухе висит тяжелый запах смерти.

Оук вытирает окровавленный клинок перчаткой и убирает его в ножны.

Королева Аннет наверняка наслышана о том, что Оук не смог защитить себя от нападков Ноглана, и пришла к тому же выводу, что и я: боец из него никудышный. Что за его легкомысленной улыбкой не скрывается никакой

угрозы. Что он – изнеженный принц Фейриленда, которого баловали сестры и опекала мать, принц, ничего не знавший о предательских планах отца.

Я думала, он даже не знает, как правильно обращаться с мечом. Он вел себя как глупец, и его враги поверили, что он и правда является таковым.

Как я могла забыть, что его с ранних лет обучали искусству стратегии и обмана? Да, когда началась кровавая борьба за трон, он был еще совсем ребенком, но не настолько маленьким, чтобы ничего не запомнить. Как я не подумала, что искусству боя его обучали и отец, и сестра? Или что, будучи излюбленной целью наемных убийц, он имел основания научиться себя защищать?

Королева Аннет помрачнела. Она рассчитывала, что поединок пройдет так, как задумала она: Ноглан поколотит принца, ее имя будет очищено от позора, а мы останемся в темнице, пока она не получит весточку от доверенных лиц из Верховного двора.

Тирнан бросает на меня полный ярости взгляд и качает головой:

– Надеюсь, ты довольна тем, что натворила.

Не могу взять в толк, что он имеет в виду. Оук совершенно точно не пострадал.

Увидев непонимание на моем лице, он злится еще сильнее.

– Оука всегда учили сражаться насмерть. Он не знает, как вести дуэль элегантно. Не умеет хвастать красивыми движениями. Он способен лишь нести смерть. И стоит начать, его уже не остановить. Мне кажется, это просто выше его сил.

Меня охватывает дрожь. Я вспоминаю отрешенность на его лице, жуткую гримасу, которая исказила его черты, когда он увидел лежащее на земле тело Ноглана. Он словно сам не верил в то, что совершил.

– Я так долго мечтала о ребенке. – Королева Аннет переводит взгляд на меня, а затем снова смотрит на Оука. Похоже, она успела немного оправиться от шока и поняла, что ей необходимо что-то сказать. – Теперь, когда он скоро появится на свет, я надеюсь, что он сделает для меня столько же, сколько вы делаете для своего короля. Мне приятно видеть представителя рода Зеленого Вереска, который может за себя постоять.

Полагаю, последнее замечание – это шпилька в адрес Верховного короля, известного обыкновением оставлять сражения своей жене.

– Что ж, леди Сурен, я обещала вернуть тебя принцу, однако, помнится, я не уточняла, что ты при этом будешь жива. – Неблагая королева улыбается, но радостной не выглядит. – Ты, видно, любишь загадки, раз тебе удалось столь успешно справиться с ними в моей темнице. Так давай проведем еще одно соревнование, в котором ты сможешь продемонстрировать свои умения. Ответь на загадку, или разделишь описанную в ней судьбу, а Оук получит лишь твое безжизненное тело. «Солги, и я обезглавлю тебя. Скажи правду, и я тебя утоплю. Какой ответ спасет тебе жизнь?»

– Королева Аннет, предупреждаю вас: она больше не ваша пленница и вы не вправе играть с ее жизнью, – говорит Оук.

Но улыбка королевы не меркнет. Она ждет, и у меня не остается другого выбора, кроме как сыграть в ее маленькую жестокую игру.

Вот только моя голова как будто опустела.

Я делаю прерывистый вдох. Королева Аннет утверждает, что у загадки есть решение, но в ней описывается только два варианта действий. Меня либо утопят, либо обезглавят. Я либо солгу, либо скажу правду. Любой мой выбор будет иметь печальные последствия.

Но если правда приводит к утоплению, а ложь – к обезглавливанию, я должна найти способ обернуть один из этих вариантов против нее самой.

Я устала, у меня болит все тело. Мои мысли спутались в клубок. Это загадка из серии «яйцо или курица», этакая ловушка, в любом случае сулящая мне смерть? Если я выберу, чтобы меня утопили, и это правда, значит, королеве придется так поступить. Поэтому обезглавливание – судьба, ожидающая лжеца. Следовательно...

– Я отвечу: вы меня обезглавите, – произношу я. Ведь если она это сделает, значит, я сказала правду и она должна была меня утопить. Она не сможет казнить меня, не нарушив условия загадки.

Облегченно выдыхаю. Раз существует логичное решение этой дилеммы, то что бы королева ни собиралась со мной сделать, теперь она обязана меня отпустить.

Аннет натянуто улыбается.

– Оук, получите свою предательницу вместе с благословением Двора Бабочек.
– Принц тут же делает шаг ко мне, но королева продолжает: – Вы можете подумать, что Эльфхейм будет недоволен моими попытками задержать вас здесь, но я гарантирую: ваша сестра разозлится гораздо сильнее, если окажется, что я отпустила вас вместе с леди Сурен, только чтобы та в итоге перерезала вам горло.

Оук морщится.

Аннет замечает его реакцию.

– Именно. – Взмахнув подолом длинной черной юбки, она разворачивается и уходит прочь, держа руку на округлом животе.

– Пойдем, – приказывает мне Оук. На его шее дергается мышца, будто он слишком крепко сжал зубы.

С моей стороны было бы благоразумнее ненавидеть его. Но поскольку у меня не получается, наверное, будет к лучшему, чтобы он ненавидел меня.

Озерного Джека выпускают из холма. Его лицо покрыто синяками. Он подходит к нам, проглатывая остроумные замечания, которые наверняка крутятся у него в голове. Оказавшись перед Оуком, он падает на колени, и это пробуждает в моей памяти неприятные воспоминания о том, как Гиацинт приносил мне клятву верности.

Джек молчит, склонив голову так низко, что его лоб касается копытца Оука. Принц по-прежнему облачен в доспехи. Золотистая кольчуга сияет, что только придает ему величественный и отстраненный вид.

– Накажите меня, как вам будет угодно, – наконец произносит келпи.

Оук протягивает руку и осторожно кладет ее на затылок Джека, словно даруя ему благословение.

– Мой долг перед тобой оплачен, равно как и твой передо мной, – говорит Оук. – С этого мгновения мы не должны друг другу ничего, кроме дружбы.

Я поражаюсь его доброте. Как он может всерьез произносить такие слова, когда он так зол на меня?

Озерный Джек поднимается на ноги.

– Ради вашей дружбы, принц, я готов отнести вас на край земли.

Тирнан фыркает:

– Поскольку Гиацинт похитил Летунью, возможно, вам стоит принять его предложение.

– Оно весьма соблазнительно, – отвечает Оук с легкой улыбкой на губах. – И все же я думаю, что дальше мы пойдем пешком.

Я изучаю мыски своих сапог, стараясь ни с кем не встречаться взглядом.

– Если передумаете, достаточно только позвать, – говорит келпи. – Где бы вы ни были, я приду на ваш зов.

Джек превращается в коня с мшисто-черной шерстью и острыми зубами. Когда его фигура растворяется в вечерних сумерках, я понимаю, что, несмотря на все случившееся, мне жаль с ним расставаться.

На болотах, где живет Чертополоховая ведьма, душно и влажно. В воздухе роятся тучи комаров и мошек. Мои сапоги тонут в вязкой грязи. Деревья оплетены плющом и ядовитыми лианами, заросли которых порой преграждают нам путь. В коричневатой воде что-то шевелится.

- Сядь, - говорит Оук, указывая на пень. Это первое слово, что он сказал мне с тех пор, как мы покинули Двор королевы Аннет. Он вынимает из сумки кисточку и баночку золотой краски. - Вытяни ногу.

Тирнан уходит вперед, чтобы исследовать местность.

Оук чертит дарованный нам символ сначала на подошве одного моего сапога, потом - второго. Он сжимает пальцами мою лодыжку, надежно удерживая ее на весу. К моим щекам приливает предательский жар.

- Я знаю, ты злишься на меня... - начинаю я.

- Почему ты так думаешь? - интересуется он, глядя на меня так, будто держит во рту нечто очень горькое. - Может быть, я рад, что ты дала мне возможность проявить свою худшую сторону.

Я все еще сижу на пне, обдумывая слова Оука, когда подходит Тирнан и вырывает из моей головы клочок волос.

Я вскакиваю на ноги, шипя и оскаливая зубы, и пытаюсь нащупать нож, которого у меня больше нет.

- Ты лучше других знаешь, как работает уздечка. - Тирнан говорит так тихо, что Оук, занятый нанесением символов на свои копытца, его не слышит. Рыцарь держит в руке три пряди моих бледно-синих волос. - Даже не думай предать нас снова.

От этих слов меня пробирает дрожь. Уздечку выковал великий кузнец Гримсен, и она, как и все остальные его творения, скрывает жуткий секрет. Чтобы использовать ее, необязательно на кого-то надевать - достаточно лишь обернуть ее волосами жертвы и прошептать несколько слов. Именно так леди Ноури и лорд Джарел надеялись подчинить себе Верховную королеву вместе с королем-змеем.

Пряди моих волос в руке Тирнана - это напоминание: даже если мне на лицо не натянут уздечку, это не оградит меня от опасности, которую она несет. Я должна быть благодарна, что она еще не на мне.

- Если бы решение принимал я, - продолжает рыцарь, - то оставил бы тебя в темнице Двора Бабочек и рискнул бы бросить вызов леди Ноури самостоятельно.

- Не поздно все исправить, - огрызаюсь я.

- Не искушай меня, - рычит в ответ он. - Если бы не ты, Гиацинт по-прежнему был бы с нами.

Я отлично понимаю, что у него есть причины на меня злиться, но внезапно тоже ощущаю гнев. Наполовину заколдованный, Гиацинт был слишком похож на

прошлую меня. При взгляде на него я вспоминала свое отчаянное желание найти кого-нибудь, кто освободил бы меня, – неважно, заслуживала я того или нет.

– Нельзя искренне любить того, кто заковал тебя в цепи.

Тирнан смотрит на меня свирепым взглядом.

– Думаешь, я поверю, что тебе хоть что-то известно о любви?

Правдивость этих слов ощущается как удар.

Развернувшись, я бреду по грязи и перегною. Громкое пение лягушек напоминает мне о том, что из-за острого языка Тирнана Оук уже лишился преданности Озерного Джека. Рыцарь разбрасывается словами, словно ножами. Безрассудно. Необдуманно.

Он – полная противоположность сладкоречивого принца.

Замечаю ползущую мимо змею, такую же черную, как чудовище, в которое когда-то превратился Верховный король. На поверхности воды показывается нечто похожее на голову крокодила, хотя, возможно, это что-то гораздо более опасное. Кожа существа позеленела от растительности.

Полагаю, мои спутники тоже его видят, но ни один, ни другой не замедляет шага.

Воздух здесь чересчур теплый и спертый, а я ужасно устала после событий вчерашней ночи. Мои ребра болят в том месте, куда ударил сапог Ревиндры. Однако я закусываю щеку и упрямо двигаюсь вперед.

Проходит много времени, прежде чем мы наконец оказываемся на поляне, где стоит несколько ржавых стульев. Все они разные, но явно были сделаны смертными. Немного поодаль морщинистая фейри сидит на корточках у костра и жарит на вертеле освежеванную крысу. Чертополоховая ведьма медленно вращает металлический прут, и крошечные капельки жира с шипением падают в огонь.

Волосы, в которые вплетены сорняки и покрытые шипами ветви, укрывают ее подобно плащу. Из-под спутанной гривы на нас смотрят большие черные глаза. На ведьме надето платье из тускло-коричневой ткани и древесной коры. Когда она шевелится, я замечаю, что у нее босые ноги, а на нескольких пальцах поблескивают кольца.

– Путники, – хриплым голосом говорит она. – Вижу, вы смогли пробраться сквозь мои болота. Ради чего пришли сюда?

Оук выступает вперед и кланяется.

– Достопочтенная госпожа, та, что способна найти любую пропажу, мы пришли просить вас использовать свою силу, чтобы помочь нам. – Он достает из своей сумки бутылку медового вина, упаковку посыпанных пудрой пончиков и баночку масла с перцем чили, а затем ставит все дары на землю перед ведьмой. – Мы принесли дары.

Чертополоховая ведьма окидывает нас внимательным взглядом. Кажется, она не слишком-то впечатлена. Но когда очередь доходит до меня, то на ее лице отражается откровенное недоверие.

Оук косится на меня, озадаченно хмурясь.

- Это Рэн.

Ведьма сплевывает в огонь.

- Ноль. Никто. Ничто. Вот чем ты являешься. Ты - Ноль-Никто-Ничто. - Произнеся эти слова, она взмахом руки указывает на подарки принца. - Какого вы обо мне мнения, раз надеетесь купить мою помощь по столь низкой цене?

Оук откашливается, явно недовольный тем, как идет разговор.

- Мы хотим узнать о костях Мэб и о сердце Меллит. А еще мы хотим кое-что найти.

Сердце Меллит? Я вспоминаю о предостережении Гиацинта и о неведомом послании от леди Ноури. Может быть, это и есть выкуп, который она просила за Мадока? Раньше я ничего о нем не слышала.

Вглядываюсь в лицо принца: линии его рта мягкие, но во взгляде чувствуется жесткость. Насколько ему, должно быть, важно придерживаться роли никчемного придворного-неженки, если, проявив свои истинные способности, он может поставить под угрозу жизнь сестры?

Мне интересно, сколько раз он убивал.

- А-а-а, - протягивает Чертополоховая ведьма. - Здесь есть о чем рассказать.

- Кости Мэб были украдены из катакомб под дворцом Эльфхейма, - сообщает принц. - Вместе с драгоценным ларцом, в котором они лежали.

Чертополоховая ведьма не отводит от него взгляда чернильных глаз.

- И вы желаете их вернуть? Вот что вы хотите найти с моей помощью?

- Я знаю, где сейчас находятся кости. - Оук говорит спокойно, но его лоб слегка наморщен, а губы поджаты. Во всем его облике читается мрачная решимость: он намерен вернуть отца, и неважно, какой ценой. - Но мне неведомо, как леди Ноури собирается использовать их для осуществления своих планов. Я также не могу понять, почему сердце Меллит имеет значение. Бафен, наш придворный астролог, поведал мне лишь часть этой истории. Когда я попросил у матушки Мэрроу рассказать мне подробности, она посоветовала обратиться к вам.

Чертополоховая ведьма поднимается на ноги и, шаркая, подходит к одному из стульев. Ее тело скрыто плащом из волос и вплетенных в них ветвей и

листьев. Интересно, если бы я прожила в лесу достаточно долго, мои волосы тоже превратились бы в подобное одеяние?

– Присядьте у костра, и я поведаю вам историю.

Мы придвигаем стулья ближе к огню и усаживаемся на них. При свете пламени Чертополоховая ведьма кажется еще более древней и гораздо менее похожей на человека.

– Мэб родилась, когда мир еще был молод, – начинает она. – В те времена фейри отличались как большими размерами, так и огромной мощью, в отличие от нас, живущих в эпоху железа. Тогда великаны были высотой с гору, тролли походили на деревья, а ведьмы – такие как я – умели создавать что угодно из ничего.

Раз в сто лет проводится магический совет, где все мы – ведьмы и волшебники, кузнецы и творцы – собираемся, чтобы отточить свое ремесло. Посторонним не дозволено там присутствовать, но Мэб все же осмелилась прийти. Она молила нас о том, чего хотела больше всего на свете, – о даре созидания. Она жаждала не обычных чар или маленьких чудес, а великой магии, той, которой обладали мы одни. Почти все отказали ей, кроме одной ведьмы.

Та ведьма и наделила ее способностью создавать из пустоты то, что она пожелает. А взамен попросила забрать свою дочь и воспитать девочку как наследницу короны. Сначала Мэб держала обещание. Она взяла себе титул Дубовой королевы, объединила под своим флагом маленькие Благие двory и принялась наделять сознанием все живущее. Деревья вырывали из земли свои корни, стоило ей попросить. Трава бежала по земле, распугивая всех ее врагов. По мановению ее руки рождались фейри, никогда не существовавшие прежде. И наконец она подняла с морского дна три острова Эльфхейма.

Оук хмурится, рассматривая землю.

– Верховный король унаследовал некоторые из ее способностей? Вот почему он может...

– Терпение, юноша, – перебивает его Чертополоховая ведьма. – Мне все равно, принц вы или нет. Я либо поведаю вам историю от начала до конца, либо не стану рассказывать вовсе.

Губы Оука расплываются в извиняющейся улыбке, в которой чувствуется примесь озорства.

– Если я немного тороплю события, то только потому, что история невероятно интересна, а рассказчица талантлива и красноречива.

Ведьма улыбается, обнажая треснувший зуб.

– Лъстец.

Тирнан, судя по его виду, заинтересован историей. Он сидит, опершись локтем на ручку стула и положив голову на тыльную сторону ладони. Когда он позволяет себе расслабиться, то становится совсем другим человеком. Не

таким взрослым, каким хочет выглядеть в глазах окружающих. В нем проступает ранимость, и складывается ощущение, что в его душе живут гораздо более глубокие и отчаянные чувства, чем он пытается всем показать.

Чертополоховая ведьма откашливается и заговаривает вновь:

– Мэб назвала девочку Меллит, что означает «проклятье матери». Не самое многообещающее начало. Однако, когда у нее родилась собственная дочь, она начала придумывать способы увильнуть от сделки.

– Это была Кловис, – догадывается Оук. – Королева, правившая до моего дедушки Элдреда.

Чертополоховая ведьма склоняет голову набок.

– Верно. В итоге Мэб придумала простой трюк. Она снова и снова хвасталась, что знает, как сделать Кловис королевой, пока слухи не дошли до той самой ведьмы, с которой она заключила сделку. Ведьма пришла в ярость и поклялась убить Кловис. Однажды ночью, подкравшись к детской постельке во дворце Мэб, она набросилась на лежавшую там девочку и лишь тогда поняла, что убила собственную дочь. Мэб ее перехитрила.

Меня охватывает дрожь. Несчастливая девочка. Точнее, несчастные девочки. В конце концов, если бы ведьма оказалась немного проникательнее, второй ребенок тоже мог бы погибнуть. Если с одной из пешек обращаются лучше, чем с остальными, это еще не гарантирует ей безопасность на шахматной доске.

Чертополоховая ведьма продолжает рассказ:

– Но прежде чем сердце ребенка остановилось, ведьма успела наложить на него заклятье, поскольку в жилах девочки тоже текла магия. Она наделила ее сердце силой истребления, уничтожения и разрушения. А потом прокляла Мэб, чтобы сердце ее ребенка стало навеки связано с силами королевы. Та была обязана хранить его рядом с собой, чтобы ее магия не угасала. Стоило бы ей нарушить условие, и артефакт стер бы с лица земли все, что она создала. Поговаривают, Мэб прокляла ведьму в ответ, но эта часть истории покрыта туманом. Возможно, так оно и было, а может, и нет. Нас не так-то легко проклясть.

Чертополоховая ведьма пожимает плечами и протыкает крысу палочкой.

– Что дальше приключилось с Мэб, вы и сами знаете. Она заключила союз с фейри-одиночками и основала род Зеленого Вереска. Крошечная часть силы Мэб перешла к ее внуку Элдреду – вот почему у него родилось столько детей, хотя фейри обычно нелегко продолжить род, – и нынешнему Верховному королю Кардану, которому удалось поднять из глубин моря четвертый остров. Однако значительная часть сил Мэб заключена в ее останках, хранившихся в ларце.

Оук хмурится.

– Получается, оно зачем-то нужно леди Ноури. Сердце Меллит.

Чертополоховая ведьма отковыривает кусочек от крысы, кладет его в рот и принимается жевать.

- Похоже, что так.

- На что она способна без него? - уточняет Тирнан.

- Кости Мэб можно растолочь в порошок и использовать, чтобы творить сложные и мощные заклинания, - отвечает ведьма. - Но когда порошок подойдет к концу, сила костей иссякнет, и без сердца Меллит все, что было создано с их помощью, просто исчезнет. - Она выдерживает драматическую паузу, но Оук помнит, как она пожурела его за нетерпеливость, и не торопит ее. - Однако, - протягивает Чертополоховая ведьма, - прежде чем все это исчезнет, может пройти много времени.

- Значит, леди Ноури может обойтись и без сердца Меллит? - спрашиваю я.

Ведьма переводит на меня сердитый взгляд.

- Сила этих костей велика. Эльфхейму нужно было тщательнее их охранять. Но если добавить к ним сердце, то они станут гораздо полезнее. К тому же никому доподлинно не известно, на что способно сердце само по себе. В нем тоже заключена огромная мощь, по сути своей противоположная той, которой обладала Мэб. Если леди Ноури сумеет ее применить, то сможет стать одновременно и Дубовой, и Тисовой королевой.

Какая ужасная перспектива. Не сомневаюсь, что леди Ноури больше всего на свете жаждет обрести силу разрушения. А если она сможет подчинить себе оба артефакта, то станет более опасной, чем сама Мэб. Леди Ноури заставит исчезнуть всех, кто когда-то обидел ее, включая Верховный двор. И меня тоже.

- Такое и правда возможно?

- Откуда мне знать? - вопрошает Чертополоховая ведьма. - Открывайте вино.

Оук достает нож, разрезает фольгу, а потом втыкает острие в пробку и выкручивает ее.

- У вас есть стакан?

Я полагаю, что ведьма примется пить прямо из горла, но она поднимается со стула и медленно уходит прочь. Вскоре она возвращается, и у нее в руках я замечаю четыре грязные баночки, надколотое блюдо и корзинку, в которой лежат две дыни - зеленая и коричневая.

Оук разливает вино. Чертополоховая ведьма снимает крысу с вертела и кладет на блюдо, после чего принимается нарезать дыню.

- Сердце Меллит должно было храниться вместе с костями Мэб под замком Эльфхейма, - говорит принц. - Но его там нет. Вы можете сказать мне, где оно?

Ведьма раскладывает еду и, удовлетворившись результатом, пододвигает блюдо поближе к нам. Затем она берет свою баночку с вином, делает долгий глоток и причмокивает губами.

– Хотите, чтобы я определила его местоположение с помощью ивового прута? Хотите, чтобы я пустила яичную скорлупу вниз по течению и предсказала вашу судьбу? Но что потом?

Тирнан отрывает от крысы ножку и начинает аккуратно ее обглаживать. Оук угощается ломтиком дыни. Я решаю съесть пончик.

– Я вижу тебя, противоестественное существо, – сообщает мне Чертополоховая ведьма.

Прищурившись, смотрю на нее. Вероятно, она злится из-за того, что я взяла пончик.

– Потом я воспользуюсь желанием леди Ноури заполучить его, чтобы вернуть своего отца. Что еще я могу сделать? – спрашивает Оук.

Ведьма изгибает губы в зловещей улыбке. Она поедает хвост крысы, с хрустом разгрызая косточки.

– Не сомневаюсь, что вы и сами знаете ответ, принц Эльфхейма. Вы захватите власть. В ваших жилах течет кровь Мэб. Украдите ее останки, отыщите сердце Меллит, и не исключено, что вы тоже станете и Дубовым, и Тисовым королем.

Если это случится, сестра Оука, несомненно, его простит. Он вернется не просто героем. Он вернется богом.

Когда мы заканчиваем с трапезой, Чертополоховая ведьма поднимается на ноги и стряхивает с юбки кусочки жженого меха и сахарную пудру.

– Идемте, – говорит она принцу. – И я дам ответ, за которым вы пришли.

Тирнан тоже начинает вставать, но ведьма жестом останавливает его.

– Ко мне за помощью обратился принц Оук, – произносит она. – Именно он обретет желанные знания, но ему также придется отдать кое-что взамен.

– Я заплачу за него, – выпаливает Тирнан. – Какой бы ни была цена.

Оук качает головой.

– Я не позволю. Ты и так много для меня сделал.

– Какой смысл брать меня в поход в качестве охранника, если вы не позволяете мне рисковать собой вместо вас? – спрашивает Тирнан, явно имея в виду поединок при Дворе Бабочек. Видимо, он все еще переживает из-за того происшествия. – Только не нужно этих глупостей, что в компании путь становится легче!

- Если я не вернусь, заблудившись среди болот, то разрешаю тебе на меня злиться, - отзывается Оук.

Челюсть Тирнана дергается: он хочет что-то ответить, но сдерживается.

- Что вы хотите взамен за свою помощь? - спрашивает Оук у ведьмы.

Ее губы расплываются в широкой ухмылке, а в черных глазах загорается огонек.

- О-о-о, сколько всего я могу пожелать! Быть может, частицу вашей удачи? Или самую сокровенную мечту? Однако я узнала ваше будущее по яичной скорлупе, и вот что я хочу: став королем, отдайте мне первую же вещь, о которой я вас попрошу.

Я думаю об истории, которую мы только что услышали, и о том, как опасно заключать сделки с ведьмами.

- Договорились, - легко соглашается Оук. - Но это не имеет значения, потому что мне никогда не быть королем.

Чертополоховая ведьма таинственно улыбается, и по моей коже бегут мурашки. В следующее мгновение она жестом просит Оука следовать за ней.

Я наблюдаю за тем, как они уходят. Копытца Оука увязают в грязи. Он протягивает ведьме руку на случай, если понадобится ее поддержать. Но помощь ей не нужна: она семенит по поляне с величайшим проворством.

Я беру еще один пончик, не глядя в сторону Тирнана. Знаю, что он все еще в ярости из-за побега Гиацинта, а сейчас он зол и на Оука тоже. Не хочу давать ему лишний повод накинуться на меня с ругательствами.

Мы сидим в тишине. Наблюдаю, как похожее на крокодила существо снова всплывает на поверхность. Оно больше, чем мне казалось раньше. Судя по всему, оно следовало за нами, а теперь смотрит на меня единственным зеленым, как водоросли, глазом. Интересно, ожидало ли оно, что мы заблудимся среди болот? И что бы с нами случилось, если бы мы действительно там потерялись?

Проходит несколько долгих минут, прежде чем они оба возвращаются. Ведьма держит в руке сучковатый ивовый прут, размахивая им в такт своим шагам. Оук выглядит несчастным и встревоженным.

- Сердце Меллит находится в таком месте, где леди Ноури вряд ли удастся его отыскать, - сообщает он, подойдя к нам достаточно близко, чтобы мы его услышали. - Мы тоже не станем напрасно тратить время на то, что не сможем получить. А теперь нам пора.

- Ты же не собирался отдавать ей сердце, правда? - спрашиваю я.

Он избегает моего взгляда.

- Мне нужно лишь одно: чтобы леди Ноури не заполучила его. Ничего больше.

- Но... - начинает Тирнан.

Оук прерывает его пристальным взглядом.

В сообщении, о котором говорил Гиацинт, леди Ноури наверняка требовала сердце Меллит в обмен на Мадока. Если Оук хотя бы на секунду задумывался о том, чтобы согласиться на ее условия, то у меня есть все причины радоваться, что артефакт находится вне пределов его досягаемости. Но нельзя забывать, что, как бы Оук ни хотел победить леди Ноури, у нее есть чем его шантажировать. В решающий момент он может принять ее сторону, а не мою.

На краю болота нас поджидает хоб в совином обличье, сидящий на корнях мангрового дерева, толстых и длинных, как веревки. Неподалеку виднеется поляна, поросшая крестовником, цветы которого желты, как оградительная лента.

Оук поворачивается ко мне с мрачным и решительным видом.

- Дальше ты с нами не идешь, Рэн.

Он ведь это не серьезно. Он дрался на поединке и победил огра, только чтобы оставить меня при себе.

Тирнан переводит взгляд на принца. Судя по его виду, он удивлен не меньше меня.

- Но я нужна вам. - Мне и самой стыдно от того, как жалобно звучит мой голос.

Оук качает головой.

- Брать тебя с собой слишком рискованно. Я не собираюсь устилать нашу дорогу на север трупами, каждый день сражаясь на поединках.

- Но ведь только она может отдавать приказы леди Ноури, - скрепя сердце произносит Тирнан. - Без нее весь наш поход становится бессмысленным.

- Она нам не нужна! - кричит Оук. Я в первый раз вижу, как он теряет контроль над своими эмоциями. - Не хочу, чтобы она оставалась с нами.

Его слова ранят. От мысли о том, что он не способен лгать, мне становится еще больнее.

- Пожалуйста. - Я обхватываю себя руками. - Я не собиралась убежать с Гиацинтом. Этот поход важен для меня так же, как и для вас.

Оук тяжело вздыхает, и я вдруг замечаю, что он выглядит еще более изможденным, чем я. Синяк под его глазом потемнел и уже начал желтеть по краям, распространяясь на веко.

- Надеюсь, ты не станешь и дальше помогать нам так же, как при Дворе Бабочек, - говорит принц, откидывая с лица прядь волос.

– Я помогала пленникам, – напоминаю ему. – Пусть это и доставило тебе неудобства.

Несколько долгих секунд мы молча смотрим друг на друга. Мое сердце колотится так, будто я только что остановилась после сумасшедшего бега.

– Отсюда мы направимся напрямиком на север, – сообщает он, отворачиваясь. – Неподалеку от человеческого города Портленд в штате Мэн находится рынок фейри. Мне доводилось его посещать; он расположен недалеко от островов Эльфхейма. Там Тирнан купит лодку, а мы достанем все необходимое для того, чтобы пересечь море и отправиться в земли леди Ноури.

Тирнан кивает.

– Это хорошее место для начала пути. Если кто-то следит за нами, он потеряет наш след среди толпы.

– Вот и хорошо, – произносит Оук. – Добравшись до Сырого рынка, мы решим судьбу Рэн.

– Но... – начинаю я.

– Путь займет четыре дня, – продолжает он. – Будем продвигаться на север вдоль побережья. Нам предстоит пересечь территорию Двора Термитов, Двора Цикад и полудюжины других Дворов. У тебя будет достаточно времени, чтобы убедить меня, что я совершаю ошибку.

Оук подходит к зарослям крестовника, срывает стебель и превращает его в тощего зверя с кружевной гривой. Повторив свои действия еще раз, он жестом предлагает нам сесть на коней.

– Мы доберемся до цели гораздо быстрее, если будем перемещаться по воздуху.

– Ненавижу этих существ, – жалуется Тирнан, забрасывая ногу на спину одного из них.

Хоб в обличье совы садится на руку принцу, и тот что-то шепчет ему. Хоб улетает прочь – видимо, по какому-то тайному поручению.

Я забираюсь на скакуна из крестовника позади Оука и обхватываю его талию руками. Мне стыдно из-за того, с какой легкостью он хотел от меня отказаться, но еще я испытываю гнев. Пусть Оук и искусен в бою, пусть Тирнан верен и надежен, пусть они оба очень умны, но их все-таки двое. Принц должен понять, что взять меня с собой – разумное решение.

Как только мы поднимаемся в воздух, я осознаю, что кони из крестовника нервнируют меня не меньше, чем Тирнана. Они похожи на живых существ, и хотя не являются иллюзией, но не такие, какими кажутся. Когда перестанут быть нужны, снова станут стебельками крестовника и упадут на землю. В них не останется воспоминаний о случившемся, и они не будут ничем отличаться от любой другой сорванной травинки. Они полуживые существа – как и те, которых создала леди Ноури.

Я стараюсь не сжимать Оука слишком крепко. Несмотря на то что мы путешествуем верхом на очень странном скакуне, я чувствую восторг от полета. В темном, усеянном звездами небе отражаются огни смертного мира, который проносится где-то внизу.

Мы скользим сквозь ночь. Ветер треплет мою прическу, и несколько кос расплетаются. Пусть Тирнан и не доверяет коням из крестовника, они с Оуком сидят на них верхом с непринужденной легкостью. При свете луны черты Оука кажутся более эльфийскими: его скулы и уши как будто заостряются.

Мы разбиваем лагерь в сосновом лесу, наполненном пьянящим запахом смолы, на ковре из иголок неподалеку от неширокой реки. Оук уговаривает угрюмого Тирнана рассказать нам о рыцарских турнирах. К моему удивлению, некоторые из его историй весьма забавны, а сам Тирнан заметно робеет, оказавшись в центре внимания.

Река местами достаточно глубока, чтобы в ней купаться. Оук снимает доспехи, заходит в нее и начинает тереть свое тело песком, который зачерпывает с берега. Тирнан тем временем заваривает чай из сосновых иголок.

Я стараюсь не смотреть на принца, но краем глаза все-таки замечаю бледную кожу, мокрые волосы и покрытую шрамами грудь.

Когда подходит моя очередь, умываю раскрасневшееся лицо и наотрез отказываюсь снимать платье.

Весь следующий день и часть ночи мы летим. Останавливаемся на лугу, ужинаем хлебом с сыром и засыпаем под звездами. Я нахожу утиные яйца, и Тирнан жарит их вместе с диким луком. Оук рассказывает о мире смертных и о том, как провел там свой первый год: он пользовался магией по глупым поводам и едва не устроил себе и сестре большие неприятности.

Третью ночь мы проводим в заброшенном здании. Становится прохладно, и мы сооружаем костер из картона и нескольких деревяшек.

Оук усаживается рядом с огнем, вытянув ноги и выгнув спину, словно кот, который собирается вылизывать шерсть.

– Рэн, не могла бы ты поведать нам что-нибудь о своей жизни?

Тирнан качает головой, как будто не верит, что я соглашусь.

Увидев выражение его лица, я принимаю решение. Сначала немного запинаясь, но все же рассказываю им историю о глейстиг и ее жертвах. Наверное, отчасти я делаю это из духа противоречия. Хочу узнать, будут ли они осуждать меня за то, что я помогала смертным, лишая выгоды фейри. Но они слушают внимательно и даже смеются, когда узнают, как мне удавалось ее обхитрить. Замолчав, с удивлением понимаю, что на сердце стало легче.

Принц, сидящий по другую сторону костра, наблюдает за мной, и в его непроницаемых глазах отражаются отблески пламени.

«Прости меня, – думаю я. – Позволь пойти с тобой».

На следующий день Тирнан надевает золотистую кольчугу Оука и уносится прочь, чтобы увести возможных преследователей по ложному следу. Мы условились встретиться в определенном месте неподалеку от Сырого рынка. Внезапно я осознаю, что у меня останется всего одна ночь, чтобы убедить их не прогонять меня.

Пока мы летим, я обдумываю свои аргументы. Размышляю, не изложить ли их Оуку прямо сейчас, когда он не может от меня сбежать, но понимаю, что ветер унесет половину моих слов. Начинает моросить дождь. Наша одежда намокает и неприятно холодит кожу.

На закате замечаю, что к нам подступает тьма, не связанная с приходом ночи. Впереди стучатся тучи, стремительно расплываясь по небу и окрашивая его в неприятный зеленовато-серый оттенок. Вспышка молнии осветила все вокруг. Тучи словно тянутся до самой стратосферы. Их верхний слой формой напоминает наковальню.

Под ней закручивается поток ветра, образуя торнадо.

Я вскрикиваю, но мой голос тонет в этом шуме. Воздух вокруг нас начинает сгущаться, и Оук пускает коня вниз. Мы ныряем в туманное пространство туч, и я чувствую, как в мои легкие проникает мокрая, тяжелая взвесь. Нашего скакуна охватывает дрожь, а в следующее мгновение он внезапно ныряет вниз и начинает стремительно падать.

Мы несемся по воздуху с такой скоростью, что крик застревает у меня в горле. Я могу лишь изо всех сил сжать руки вокруг Оука и повиснуть на его крепком теле. В моих ушах грохочет гром, пока мы стремительно падаем сквозь пелену дождя. Капли больно бьют по коже. Волосы липнут ко лбу и щекам, а пальцы скользят так, что держаться становится все сложнее. Я трусливо зажмуриваю глаза и прижимаюсь лицом к его спине.

– Рэн! – кричит он, предупреждая об опасности.

Я открываю глаза, а в следующее мгновение мы врезаемся в землю.

Я падаю в грязь, и от удара у меня перехватывает дыхание. Наш конь сжимается, пока не становится увядшим стебельком под моими расшибленными ладонями.

У меня болит все тело, но, когда я пытаюсь пошевелиться, хуже не становится. Кажется, я ничего не сломала.

Дрожа, встаю с земли и протягиваю руку, чтобы помочь Оуку. Он сжимает мою ладонь и тоже поднимается на ноги. Его волосы потемнели от влаги, и на ресницах застыли капельки дождя. Вся его одежда промокла, а поцарапанное колено кровоточит.

Он осторожно прикасается к моей щеке.

– Ты... Я думал, что ты...

Я смотрю ему в глаза, озадаченная выражением его лица.

- Ты не пострадала? - спрашивает он.

Отрицательно качаю головой.

Принц резко отворачивается от меня.

- Нужно добраться до условленного места, - произносит он. - Я уверен, это рядом.

- Нужно где-то переждать грозу! - Мне приходится кричать, чтобы он услышал меня сквозь ветер. Грохочет гром. Небо над нашими головами пронзает молния и ударяет в дерево неподалеку от нас. Я вижу дымок, поднимающийся от того места, куда она попала, прежде чем дождь успевает погасить огонь. - Найдем Тирнана, когда она закончится.

- Давай хотя бы пойдём в нужном направлении. - Оук поднимает сумку, закидывает ее на плечо и бредет в глубину леса, пригнув голову и пытаясь укрыться от дождя под ветками деревьев. Он не оборачивается, чтобы посмотреть, иду ли я следом.

Некоторое время спустя замечаю подходящее место.

- Туда! - Я указываю на берег оврага, на котором виднеется несколько больших камней. Два дерева стоят меньше чем в шести футах друг от друга, почти соприкасаясь ветвями. - Можем соорудить навес.

Оук устало вздыхает.

- Ты у нас эксперт в таких делах. Скажи мне, что делать.

- Нам нужны две очень большие палки, - говорю я, показывая руками нужный размер. - Они должны быть немного длиннее расстояния между деревьями. Примерно с твой рост.

Отойдя на несколько ярдов, нахожу неплохую палку. Она уже немного подгнила, но я все равно подбираю ее. Оук тем временем с помощью магии согнул еще одну. Я отрываю полоски ткани от подола платья, стараясь не думать о том, как сильно оно мне нравилось.

- Свяжи вот здесь, - указываю ему и начинаю обматывать их с другого конца.

Установив конструкцию между деревьями, я подпираю ее палками поменьше, чтобы она напоминала крышу. Потом уплотняю ее мхом и листьями.

Конечно, навес протекает, но это лучше, чем вообще ничего. Когда мы залезаем под него, Оук уже дрожит от холода. Снаружи грохочет гром и завывает ветер. Я затаскиваю в наше убежище большое бревно и принимаюсь обдирать с него кору, стараясь добраться до сухой древесины.

Увидев, как медленно идет моя работа, Оук засовывает руку в сапог, достает оттуда нож и протягивает мне.

- Пожалуйста, не заставляй меня об этом пожалеть.

- Она хотела задержать тебя, - тихо произношу я, понимая, что он вряд ли хочет слышать мои оправдания.

- Королева Аннет? - уточняет он. - Я знаю.

- И ты думаешь, ей это почти удалось по моей вине?

Внутри бревно и правда оказывается более-менее сухим. Я срезаю с него щепку за щепкой и пирамидой укладываю на камни, стараясь по возможности уберечь от воды.

Оук откидывает мокрые волосы с лица, так что теперь я вижу его странные лисьи глаза. Они словно золото, пронзенное медью.

- Ты могла бы сообщить мне, что собираешься сделать.

Я тарашусь на него, не веря своим ушам.

- Гиацинт что-то рассказал тебе про меня, верно? - спрашивает Оук.

Я вздрагиваю, и дело тут вовсе не в холоде.

- Он сказал, что ты обладаешь магией, которая заставляет людей любить тебя.

Оук раздраженно фыркает.

- И ты в это поверила?

- В то, что ты унаследовал удивительную способность располагать к себе людей и убеждать их поступать так, как тебе хочется? Почему бы мне в это не поверить?

Он приподнимает брови, но отвечает не сразу. Вокруг нас шумит дождь. Раскаты грома постепенно стихают, все больше удаляясь от нас.

- Моя родная мать, Лириопа, погибла до моего рождения. После того как ее отравили по приказу принца Дайна, Ориана вырезала меня из ее живота. Ты права: ходят слухи, что Лириопа была ганканой и что ей удалось своими сладкими речами расположить к себе как Верховного короля, так и его сына. Только вот дар этот сослужил ей дурную службу. Она поплатилась жизнью за свое очарование.

Я молчу, но он сам отвечает на мой невысказанный вопрос:

- Ее отравили румяным грибом. Яд действует так, что ты остаешься в сознании все то время, пока жизненные процессы в теле замедляются и наконец останавливаются. Он попал в мои вены, прежде чем я родился... если можно назвать рождением процесс, когда тебя выдирают из чрева мертвой матери.

- Получается, Лириопа и принц Дайн...

- Были моими матерью и отцом, да, - подтверждает он. Я знала, что Оук принадлежит роду Зеленого Вереска, но не была посвящена в детали. С таким жутким наследием за плечами неудивительно, что Оук считает Мадока прекрасным отцом и боготворит мать, которая спасла его и вырастила. - Какая бы сила ни досталась мне от Лириопы, я ее не использую.

- Ты уверен? - уточняю я. - Может, ты не способен повлиять на свою силу. Вероятно, ты сам не знаешь, что пользуешься ею.

Его губы медленно расползаются в улыбке, словно я только что ему в чем-то призналась.

- Мне кажется, ты просто хочешь верить, что поцеловала меня под действием чар.

Я отвожу взгляд, чувствуя, как к щекам приливает краска стыда.

- Может быть, я сделала это, чтобы отвлечь тебя.

- Пусть так. Главное, чтобы ты поняла, что сделала это сама.

Нахмурившись, я рассматриваю землю. Как далеко он зашел бы, если бы я тогда не отстранилась? Отвел бы меня в спальню, испытывая отвращение к тому, что делает? А я смогла бы понять его истинные чувства?

- Но ты тоже...

Меня перебивает звук шагов. Я замечаю Тирнана, стоящего перед навесом. По его лицу стекают капли, и он отчаянно моргает, глядя на нас.

- Вы живы.

Пошатываясь, рыцарь забирается в наше убежище и обессиленно опускается на землю. В его мантии прожжена дыра.

- Что произошло? - спрашивает Оук, осматривая руку Тирнана. Его кожа покраснела, но более опасных повреждений не видно.

- Рядом со мной ударила молния. - Тирнан вздрагивает. - Эта гроза образовалась не сама по себе.

- Да, - соглашается Оук.

Я вдруг вспоминаю прощальные слова Богданы. «Я вернусь за тобой. И когда это случится, лучше не убегай».

- Если завтра мы доберемся до рынка и достанем лодку, - говорит Тирнан Оуку, - то сможем попросить у Подводного королевства, чтобы нам помогли пересечь Лабрадорское море быстро и без происшествий.

- Мерроу сказал мне... - Я осекаюсь, потому что они оба с удивлением на меня смотрят.

- Продолжай, - подбадривает меня Оук.

Я пытаюсь вспомнить, что именно говорил мерроу, но не могу.

- В море какая-то беда... с королевой и ее дочерью. А еще он говорил, что нужно беречься кого-то, но имя мне было не знакомо.

Оук бросает взгляд на Тирнана и хмурится.

- Тогда, может быть, стоит рискнуть и отказаться от идеи просить Подводное королевство о помощи.

- Не уверен, что доверяю информатору Рэн, - говорит Тирнан. - Как бы то ни было, когда доберемся до суши, дальше сможем идти пешком. Цитадель расположена примерно в тридцати милях от берега.

- Леди Ноури наверняка расставила патрули палочников повсюду, кроме Каменного леса, - произносит Оук.

Рыцарь качает головой.

- Идти через лес - очень плохой план. Это место зачаровано, а король троллей безумен.

- Именно поэтому никто не станет нас там искать, - говорит Оук тоном игрока, который только что сделал отличный ход.

Тирнан раздраженно машет рукой.

- Что ж, пойдём через Каменный лес. Но когда мы окажемся на краю гибели, не забудьте передо мной извиниться.

Оук встает.

- А пока я еще не успел обречь нас на смерть, я хотел бы пополнить наши запасы еды и одежды. Вряд ли я смогу намочнуть или замерзнуть еще сильнее. К тому же, когда мы были в воздухе, я видел окраину городка смертных.

- Может быть, ураганный ветер прочистит вам голову, - ворчит рыцарь, плотнее укутываясь в мокрую мантию. Похоже, он даже не собирается сопровождать принца.

Оук склоняется в изысканном поклоне, а потом поворачивается ко мне.

- В отличие от Гиацинта, он вряд ли захочет принести тебе клятву. Но если ты сможешь развести костер, то шансы возрастут.

- Это нечестно, - рычит Тирнан.

Рассмеявшись, Оук выходит из-под навеса и скрывается в пропитанном влагой лесу.

Расчищаю на земле место для костра и укладываю туда сухие щепки, которые я нарезала из сердцевины бревна. Затем роюсь в карманах, пока не нащупываю спичечный коробок, украденный из мотеля. Я надеюсь, что он не слишком намок, и чиркаю спичкой по фосфорной полоске. Когда огонек загорается, я прикрываю его ладонью и пытаюсь разжечь сухую древесину.

Тирнан хмуро наблюдает за мной.

- Вы ведь друзья, - говорю я, бросив взгляд в том направлении, куда ушел принц. - Ты и он.

Рыцарь смотрит на костер, который начинает потихоньку дымиться.

- Думаю, да.

- Но ты еще и его охранник, верно?

Возможно, он обидится на этот вопрос - или на то, что я вообще с ним заговорила, - но мне любопытно, и я устала вечно быть в неведении.

Тирнан протягивает руку к костру, чтобы проверить, хорошо ли разгорается огонь.

- До меня было еще трое. Двое погибли, защищая его. Третьему заплатили, чтобы он напал на принца, - после этого у Оука на горле остался шрам. В четырнадцать он вдруг решил, что ему больше не нужны охранники. Но его сестра все равно приставила к нему меня. Сначала он таскал меня за собой по нелепым кутежам, словно рассчитывал смутить меня настолько, чтобы я захотел уволиться. Потом он опробовал другую стратегию: по несколько недель кряду не выходил из дома. Видимо, надеялся, что я откажусь от этой работы из-за невыносимой скуки. Но я остался. Я гордился тем, что выбрали именно меня. И мне казалось, что Оук - всего-навсего избалованный ребенок.

- Он хотел, чтобы ты так думал, - говорю я, не в силах забыть о том, как недавно попала на ту же уловку.

Он согласно кивает.

- Но тогда я этого еще не знал. Мне только исполнилось двадцать, и я был глупее, чем мне хотелось бы помнить. Но это все неважно, потому что через год произошло нечто ужасное. Какой-то смертный попытался заколоть Оука. Я схватил его, но оказалось, что он - лишь отвлечение внимания. К моему стыду, это сработало. С другой стороны переулка к нам бросились полдюжины красных колпаков и гоблинов, вооруженных до зубов. Я сказал принцу бежать, но он остался и ринулся в бой. Я никогда не видел ничего подобного. Его движения были быстрыми и умелыми. А еще жестокими. Однако к тому времени, когда драка закончилась, его дважды ранили в живот и один раз - в бедро. Я понимал, что подвел его. Он мог с легкостью избавиться от меня. Достаточно было рассказать кому-нибудь правду о том, что случилось той ночью. Но он промолчал. Купил целительную мазь на Мандрагоровом рынке, чтобы никто ни о чем не догадался. Не знаю, когда Оук стал считать меня своим другом, но для меня наша дружба началась именно тогда.

Я смотрю на огонь, вспоминая, как однажды Оук приходил в мой лес. Это случилось за год до его знакомства с Тирнаном. Видимо, он отправился ко мне сразу после покушения, которое устроил его собственный охранник. Если бы я тогда вышла из кустов, то, может быть, заметила бы на его горле свежий шрам.

Тирнан качает головой.

– К сожалению, прошло еще много времени, прежде чем я догадался, почему он отказывался от охранника. Он завел себе новое хобби. Решил стать приманкой для амбициозных убийц – для тех, кто хотел попробовать подобраться к королевской семье. Он делал все возможное, чтобы наемники охотились именно за ним.

Я думаю о словах Оука, которые он сказал мне тогда в лесу. «Меня пытались убить. Снова. При помощи яда. В очередной раз». Он был явно расстроен из-за покушений на свою жизнь. Зачем же он начал стремиться к тому, чтобы их число только росло?

– Они знают об этом?

Тирнан даже не спрашивает, кого я имею в виду.

– Определенно нет. Но мне бы хотелось, чтобы королевская семья наконец-то догадалась о том, что происходит. Утомительно наблюдать, как кто-то пытается быть кораблем, о который разобьются скалы.

Вспоминаю, как Оук не позволил Тирнану сражаться вместо себя при Дворе Бабочек и как настоял на том, что сам оплатит долг перед Чертополоховой ведьмой. Когда они только нашли меня, я думала, что Тирнан устал защищать Оука, но теперь вижу, сколько усилий он прикладывает, сражаясь за возможность это делать.

– Во время войны Гиацинт жил в лагере вместе с солдатами из Двора Зубов, – продолжает Тирнан, и я бросаю на него взгляд из-под ресниц, пытаюсь понять, почему он сменил тему. – Он немного рассказывал мне про этот Двор. Не лучшее место для ребенка.

Я хмурюсь, изучая свои руки, но не могу ответить ему молчанием.

– Не лучшее место для кого бы то ни было.

– Как думаешь, какую участь они для тебя готовили?

Сгибаю ноги в коленях и, уткнувшись в них подбородком,жимаю плечами.

– Они хотели, чтобы ты вышла замуж за принца, а потом убила его, так ведь? – В его голосе не звучит обвинительных ноток. Ему просто любопытно.

– Мне кажется, они рассчитывали, что мы оба проживем не очень-то долго.

Тирнан ничего не отвечает на это.

Я наблюдаю, как потрескивает пламя костра.

Так проходит некоторое время. Я то и дело подбрасываю в костер деревяшки. Смотрю, как они загораются и как огонь выплевывает в воздух красные искры, похожие на светлячков.

Однако мне не сидится на месте. Прожив в лесу столько лет, я привыкла постоянно что-то собирать. Пусть я немного могу сделать, чтобы искупить свою вину за освобождение пленников, но способна по крайней мере обустроить наше пристанище.

- Наберу еще бревен, - сообщаю я, поднимаясь на ноги. - И попробую найти какие-нибудь съедобные ягоды или травы.

- Помни, у меня есть три пряди твоих волос, - говорит рыцарь, но я не слышу в его голосе реальной угрозы.

Я закатываю глаза и собираюсь уходить.

Тирнан бросает на меня странный взгляд, снова укутываясь в промокшую мантию.

Ночь окутывает меня, и я принохиваюсь, упиваясь ароматами незнакомого леса. Не успеваю зайти далеко, как уже нахожу заросли кислицы и смилакса. Собираю и то и другое, засовывая добычу в карманы нового платья. Карманы! Теперь, когда они у меня есть, я не понимаю, как все это время обходилась без них.

Достаю телефон - просто так, без особой цели. Экран не загорается. Мобильный сел, и зарядить его смогу, только если мы снова остановимся в каком-нибудь жилище смертных.

Я засовываю его обратно в карман. Возможно, это даже к лучшему, что он не работает. Так я могу представить, что Гиацинт и Гвен в безопасности и что моя не-мама была рада меня слышать. Может быть, она даже пыталась мне перезвонить.

Бреду дальше в лесную чащу. Нахожу усеянную плодами локву и обрываю их горстями - наполняю рюкзак, а несколько штук отправляю прямо в рот. Затем продолжаю путь, надеясь раздобыть лисичек.

Раздается шорох. Я поднимаю взгляд, ожидая увидеть Тирнана.

Но между деревьями стоит Богдана, чьи длинные пальцы переплетаются с их ветвями. Грозная ведьма смотрит на меня блестящими черными глазами и улыбается, обнажая острые надколотые зубы.

Следующие несколько секунд я слышу лишь шум крови в ушах.

Поднимаю с земли ветку и выставляю ее перед собой, словно битую.

В это мгновение ведьма нарушает тишину:

- Довольно глупостей, дитя. Я пришла поговорить.

Я размышляю, как ей удалось найти меня. При Дворе королевы Аннет был шпион? Или, быть может, меня выдала Чертополоховая ведьма из уважения к другой представительнице древней силы?

– Чего ты хочешь? – рычу я, снова чувствуя себя зверем, несмотря на роскошное платье. – Явилась убить меня по приказу моей матери? Тогда поведай, как мне предстоит умереть.

Ведьма приподнимает брови:

– Ого, вы только посмотрите, кто у нас тут вырос и научился разбрасываться обвинениями.

Я заставляю себя дышать. Ощущаю тяжесть и сырость ветки, которую держу в руке.

– Я пришла за тобой, – сообщает Богдана. – Драться со мной не имеет смысла, дитя. Тебе пора понять, кто на твоей стороне, а кто – нет.

Делаю шаг назад, пытаюсь увеличить расстояние между нами.

– Хочешь сказать, что ты на моей стороне?

– Все возможно, – отзывается Грозовая ведьма. – Ты должна понимать, что лучше быть моим союзником, чем врагом.

Я отхожу еще на один шаг, и она устремляется ко мне, рассекая ногтями воздух.

Со всей силы ударяю ее веткой по плечу, а потом бегу. Несусь сквозь ночь, между деревьями, скользя сапогами по грязи, царапая кожу о колючие кусты и цепляясь одеждой за сучья.

Неудачно становлюсь ногой в лужу и, поскользнувшись, падаю на четвереньки. Тут же вскакиваю и бегу дальше, но в следующее мгновение ощущаю на спине вес Богданы.

Мы валимся на землю и катимся по ковру из сырых листьев и сосновых иголок. Я чувствую, как камешки тревожат мои ушибы и синяки. Как ногти ведьмы впиваются в мою кожу.

Богдана хватает меня за подбородок своими длинными пальцами и прижимает мою голову к лесной подстилке.

– Ты должна испытывать отвращение, путешествуя с принцем Эльфхейма. – Наши лица разделяет всего несколько дюймов, и я кожей чувствую жар ее дыхания. – Если бы ты стала тогда его женой, то могла бы заставить его ежиться от ужаса, сидя у твоих ног. А теперь вынуждена исполнять его приказы. Разве это не оскорбление? Но если он тебе и вправду противен, то ты отлично скрываешь свои чувства.

Я пинаюсь, пытаюсь вырваться. Ногти ведьмы царапают мне горло, оставляя на коже полыхающие болью следы.

- Но, возможно, он тебе вовсе не противен, - продолжает Богдана, всматриваясь в мои глаза, словно видит там что-то еще, помимо собственного отражения. - Говорят, его лик подобен солнцу, и стоит ему попросить, цветы готовы распустить бутоны посреди ночи. Он похитит твое сердце.

- Сомневаюсь, что мое сердце представляет для него хоть малейший интерес, - отвечаю я и дергаюсь, стараясь освободиться от ее хватки.

На этот раз ведьма отпускает меня, но тут же хватает за косу. Потянув за нее, словно за поводок, она рывком поднимает меня на ноги.

Я опускаю руку в карман, нащупываю там нож, который одолжил мне Оук, и вытаскиваю его из чехла.

Когда ведьма видит, что я направляю на нее оружие, в ее глазах загорается злой огонек.

- Твой настоящий враг - принц!

- Я тебе не верю! - кричу я и одним движением отсекаю косу, за которую она меня держит, после чего снова бросаюсь бежать.

Она снова гонится за мной.

- Постой! - кричит она, но я продолжаю нестись вперед. Продираюсь сквозь заросли кустов. Я уже давно не знаю, куда бегу, но вроде движусь в направлении нашего навеса. Надеюсь, что город, о котором говорил Оук, где-то впереди. - Остановись! - выкрикивает она вновь. - Выслушай меня, а когда я договорю, сама решишь: остаться или ухо- дить.

Уже дважды я едва не оказалась в ее руках. Останавливаюсь и оборачиваюсь к ней, все еще сжимая в ладони нож.

- И ты не причинишь вреда ни мне, ни моим спутникам?

Ее губы искривляются в злой улыбке.

- Не сегодня.

Я киваю, но все равно слежу, чтобы между нами оставалось побольше пространства.

- Прислушайся к тому, что я скажу, дитя, - произносит она. - Пока не слишком поздно.

- Слушаю, - отзываюсь я.

Улыбка ведьмы становится шире.

- Держу пари, твой принц не рассказал тебе о сделке, которую предложила леди Ноури. Она пообещала отдать ему Мадока взамен на то, что он взял с собой, отправляясь на север. Это одна глупенькая девчонка. Ты.

Я качаю головой. Это не может быть правдой.

Нет, леди Ноури наверняка потребовала сердце Меллит. Поэтому Оук отправился к Чертополоховой ведьме. Зачем я нужна леди Ноури, если могу ею повелевать? Но потом я вспоминаю слова, которые Оук произнес в заброшенном доме неподалеку от моего леса. «Вы – ее главная уязвимость. Какие бы планы она ни строила, у нее есть серьезные основания желать вам смерти».

Если я нужна леди Ноури, то только мертвой.

А ведь правда: когда я разговаривала с Гиацинтом в темнице, то подумала, что она просила в обмен на Мадока именно меня, но потом отбросила эту мысль. Мне не хотелось верить, что такое возможно.

Но чем больше размышляю об этом, тем яснее понимаю, что Оук ни разу не сказал, что леди Ноури потребовала сердце Меллит. Он лишь упоминал, что надеется использовать ее желание заполучить этот артефакт против нее самой. И что планирует перехитрить ее.

Если леди Ноури в самом деле потребовала меня, тогда становится понятно, почему принц скрывал столько деталей своего плана. Почему вызвался рискнуть собственной шеей, чтобы вырвать меня из рук королевы Аннет. И даже почему он отправился на поиски сердца Меллит. Видимо, хотел предложить леди Ноури обменять Мадока на что-то другое.

Видимо, он разрывался между желанием спасти отца и мыслью о том, что отдать меня леди Ноури – чудовищный поступок.

«Добравшись до Сырого рынка, мы решим судьбу Рэн» – вот что он сказал. И теперь я знаю, к какому решению он придет.

– Не забывай о том, кто ты, – говорит Богдана, тыкая пальцем мне в бок. – Ты ему не прислуга. Ты королева.

– Уже нет, – напоминаю я.

– Ты останешься ею навсегда.

Но все мои мысли сосредоточены на Оуке, на власти, которой я обладаю над леди Ноури, и на том, что моя смерть может спасти жизнь Мадока.

– Я не понимаю.. Если Оук исполнял указания леди Ноури, зачем она отравила за нами палочников?

Богдана широко улыбается:

– Это послание предназначалось Верховной королеве, а не Оуку. К тому времени, когда принц отправился в поход, леди Ноури устала ждать. Тебе пора очнуться и понять, в какой опасности ты находишься.

– Хочешь сказать, мне сейчас угрожает кто-то, помимо тебя?

- Я расскажу тебе историю, - произносит Богдана, игнорируя мои слова. - Конечно, я поведала бы тебе гораздо больше, если бы меня не сковывали некоторые ограничения.

Я непонимающе мигаю. Мне трудно сосредоточиться на том, что она говорит, когда в воздухе висят ее обвинения в адрес Оука.

- Это своего рода сказка, - начинает Грозовая ведьма. - Давным-давно жила-была королева, отчаянно желавшая родить ребенка. Она была третьей избранницей короля, который убил двух своих предыдущих жен за то, что они не смогли зачать младенца, поэтому она знала, какой будет ее судьба, если ей не удастся подарить ему наследника. Король отличался от большинства сказочных правителей: он мечтал о ребенке не из семейных чувств, а потому, что хотел захватить Верховный двор с помощью своего отпрыска. Тем не менее сила его желания иметь наследника была ничуть не меньше. Королева обращалась и к алхимикам, и к предсказателям, и к ведьмам. Будучи сведущей в магии, она сама плела заклятья, высчитывала благоприятные ночи, чтобы возлечь со своим мужем на кровати, устланной волшебными травами. Но утроба королевы оставалась бесплодной.

Никогда раньше мне не рассказывали ни о том, как я появилась на свет, ни об опасности, которой подвергалась леди Ноури со стороны лорда Джарела. Я слышу все это в первый раз, и у меня по коже бегут мурашки от дурного предчувствия: мне вряд ли понравится то, что последует дальше.

Богдана указывает на меня когтистым пальцем. В небе позади нее сверкает молния.

- Спустя время они отыскали мудрую старую ведьму. Она сказала, что подарит им желанного ребенка, но они должны в точности следовать всем ее указаниям. Они пообещали ей любую награду, а она лишь улыбнулась в ответ, ведь никогда ни о чем не забывала.

- Что ты... - начинаю я, но она жестом приказывает молчать, и я проглатываю свой вопрос.

- Мудрая старая ведьма наказала им набрать снега и слепить из него свою будущую дочь. Они послушались. У них получилась хрупкая девочка с камушками вместо глаз, замерзшими розовыми лепестками вместо губ и острыми ушками, присущими их народу. Закончив работу, они улыбнулись друг другу, замороженные ее красотой. Ведьма тоже улыбнулась, но совсем по другой причине.

Это похоже на дурацкую шутку. Мое тело состоит не из снега. Я не какое-то странное существо, слепленное по желанию лорда Джарела и леди Ноури. Я никогда не замораживала их своей красотой.

И все же Богдана не просто так рассказывает мне эту историю. Может, я на самом деле слуга? Душа, которой подарили тело. Полумертвая фея, одна из тех, кто стонет под окнами домов или предвещает скорую кончину, появляясь в зеркале.

- «Теперь мы должны вдохнуть в нее жизнь, - сказала им ведьма. - Для этого вам надо дать ей по капле своей крови, поскольку она будет вашей

дочерью. Кроме того, понадобится моя магия». Выполнить первое условие было легко: король и королева укололи себе пальцы и обагрили снег кровью. Со вторым тоже не возникло проблем, ибо я прибегла к волшебству по собственной воле. Когда мое дыхание коснулось девочки, в ней разгорелась искра жизни, и король с королевой увидели, как дрогнули ее ресницы и шевельнулись длинные локоны. Девочка задвигалась. У нее были тонкие ручки и ножки – бледно-голубые, словно отражение неба на снегу, из которого ее слепили. Ее волосы, немного темнее кожи, напоминали цветы, что росли неподалеку. Ее глаза походили на покрывавший камешки мох, а губы были цвета только что пролитой крови. «Ты станешь нам дочерью, – сказали ей король с королевой, – и подаришь Эльфхейм». Но когда девочка впервые открыла рот и заговорила, они испугались существа, которое создали.

Я трясую головой:

– Ты лжешь. Я не могла появиться на свет вот так!

Я не хочу быть существом, слепленным их руками и оживленным их кровью. Отказываюсь верить, что меня, словно куклу, сделали из снега и палочек. Что я – лишь набор разных деталей. Нечто даже более странное, чем слуга.

– Зачем ты рассказываешь мне об этом сейчас? – спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Почему вообще решила все это рассказать?

– Потому что ты нужна мне, – отвечает Богдана. – Леди Ноури не единственная, кто может захватить власть. Я тоже на это способна. Помни: ты обязана мне жизнью гораздо больше, чем ей. Отрекись от всех остальных. Идем со мной, и мы сумеем получить все, что только захотим.

Я вспоминаю рассказ Чертополоховой ведьмы о Мэб и сердце Меллит. А что, если ведьмой, убившей собственную дочь, была Богдана? Возможно, мне просто кажется, поскольку я услышала историю совсем недавно, но, с другой стороны, кто-то ведь должен был рассказать леди Ноури о костях Мэб. Кто-то, кто хорошо помнил то, что случилось в далеком прошлом, и знал истинную ценность этого артефакта.

Если я права, уверенность Богданы в том, что я обязана ей жизнью, представляет для меня куда большую опасность. Она убила собственное дитя, и хотя это произошло случайно, могу лишь представить, как она может поступить с кем-то наподобие меня.

Да и моя способность отдавать леди Ноури приказы скорее проклятие, нежели дар. Любой, кто захочет добраться до костей Мэб, решит, что я самое верное средство завладеть ими.

– Ты упоминала об ограничениях, – говорю я. – Что ты имела в виду?

Грозная ведьма бросает на меня яростный взгляд.

– Скажем так, я не могу причинить вред этому мальчишке-принцу, да и вообще никому из рода Зеленого Вереска.

Я вздрагиваю. Это объясняет, почему в прошлый раз она сбежала, стоило Оуку появиться. И почему наслала молнию только на Тирнана. Мэб вполне

могла наложить подобное заклинание на ведьму, которая намеревалась убить ее дочь.

Я должна обуздать свои дикие мысли.

- В ту ночь ты приходила к дому моей не-семьи, чтобы рассказать мне, как я появилась на свет?

Ее губы изгибаются в кривой, устрашающей улыбке.

- Я хотела сообщить, что Оук идет за тобой, чтобы ты могла избежать этой встречи.

- А предупредить меня о палочниках леди Ноури ты не собиралась? - интересуюсь я.

Богдана фыркает.

- Я не сомневалась, что ты с ними справишься. К тому же они могли пробудить твою истинную сущность.

Скорее пронзили бы меня парой десятков стрел. Я уже не говорю о том, что паук-палочник мог разорвать меня на части.

- Ты рассказала мне свою историю. Я ее выслушала. А теперь уйду. Таков был уговор.

Ведьма сверлит меня пристальным взглядом.

- Уверена? - Она задает вопрос таким утробным голосом, что я уверена в одном: мой ответ будет иметь последствия.

Я киваю, словно это безопаснее, чем отвечать вслух, и поворачиваюсь, чтобы уйти.

- А ведь девчонка меня видела.

Я застываю на месте.

- Какая девчонка?

Ведьма хитро улыбается.

- Та смертная, вокруг дома которой ты постоянно шастаешь.

- Бэкс? - Я ведь была уверена, что она спит. Как она, наверное, испугалась, увидев во дворе чудовище!

- После того как принц принялся размахивать зубочисткой, которую он считает мечом, я решила вернуться к дому девчонки. Когда искала тебя, мне показалось, что я увидела в окне ее лицо. Но в итоге я встретила ее на улице.

Я едва могу дышать.

- Она даже не закричала. Такая храбрая малышка. - Ведьме явно нравится мучить меня, растягивая ожидание. - Она сказала, что ищет тебя.

- Меня?

- Я ответила, что, когда видела тебя в последний раз, ты была в плену у принца. Конечно же, она сразу захотела помочь. Но смертные портят едва ли не все, за что берутся, ты не находишь?

- Что ты с ней сделала? - еле слышно выдыхаю я.

- Всего лишь дала несколько советов, - говорит Богдана, скрываясь под тенью деревьев. - А теперь дам совет тебе. Беги от мальчишки-принца, пока не поздно. И когда мы встретимся снова, лучше подчиняйся моим приказам. Иначе я задую искру, которую зажгла в твоём теле, и убью твоих дорогих не-родственников одного за другим прямо у тебя на глазах.

Я дрожу всем телом.

- Не смей трогать...

В этот момент из-за деревьев появляется Тирнан.

- Предательница! - кричит он мне. - Вот я и поймал тебя!

Глава 11

Тирнан стоит на противоположном краю поляны, держа в руке обнаженный меч. Я делаю шаг назад, сомневаясь, остаться мне или бежать.

Богдана успела скрыться в тени леса, и теперь о ней напоминает лишь отдаленный шелест дождя.

Приподнимаю руки в защитном жесте и начинаю яростно качать головой.

- Ты все неправильно понял. Богдана появилась внезапно, и я пыталась убежать, но она сказала, что хочет поговорить...

Рыцарь всматривается в тени между деревьями, как будто рассчитывает, что Грозовая ведьма по-прежнему бродит где-то там.

- Ты явно вступила с ней в тайный стовор.

От обилия мыслей у меня кружится голова. Я вспоминаю, как озадачен был Тирнан, когда Оук сказал, что не возьмет меня с собой на север. Думаю о

том, как хитро он заставил меня поверить, что я иду в этот поход по собственной воле.

Когда мы ночевали в мотеле, Тирнан привязал меня к кровати. Он вообще почти никогда не разговаривал со мной. И теперь я, кажется, поняла причину. Он всегда смотрел на меня как на жертвенное животное, к которому нельзя привязываться. Как я могла объяснить ему, что произошло, если правда тут же вскроет их обман?

– Она посоветовала мне не идти на север, – говорю я. – А еще сказала, что я должна помочь ей, а не Оуку. Но я отказалась.

Он хмурится, наверняка думая о всех тех вещах, которые не сможет отрицать, задай я ему прямой вопрос. Мы вместе возвращаемся к лагерю. По пути я подбираю сучья для костра.

Как бы жутко мне ни было от того, что Оук хочет отдать меня леди Ноури, еще сильнее я содрогаюсь, вспоминая историю своего появления на свет. Неужели от веток, которые я несу в руках, меня отличает лишь капля магии? Возможно ли, что я, как и конь из крестовника, наделена одним только подобием жизни?

От этих мыслей мне делается тошно и страшно.

Когда мы подходим к лагерю, Тирнан решает перенести костер из-под навеса, чтобы тот не загорелся, когда окончательно высохнет. Желая чем-то занять руки, я принимаюсь переплетать ветки между собой и скреплять их лоскутами платья, чтобы сделать некое подобие лежанки. Вокруг по-прежнему сыро, и с каждым порывом ветра с деревьев срывается град капель, из-за которых костер дымится и шипит. Я стараюсь сосредоточиться на том, что делаю, и ни о чем больше не думать.

Наконец наши вещи начинают подсыхать, и Тирнан растягивается на влажной лежанке. Он скинул грязные, промокшие сапоги и теперь греет у костра ноги.

– Что она предложила тебе за помощь?

Я протягиваю руку к огню. Интересно, могу ли я растаять, раз целиком и полностью создана из снега? Пламя обжигает меня, но ничего особенного не происходит: кончики моих пальцев просто краснеют и начинают жечь.

– Прекрати, – говорит Тирнан.

Я перевожу на него взгляд.

– Тогда Богдана не станет убивать меня и мою семью.

– Соблазнительно, – отзывается он.

– Я бы предпочла, чтобы все те, кому хочется воспользоваться моей властью над леди Ноури, вели себя повежливее, – произношу я, зная, что он собирается воспользоваться мной совсем в других целях.

Мне кажется, по моему тону Тирнан догадывается, что я что-то скрываю. Но я уверена, что он не сможет понять, в чем именно дело. Ему ничего не известно ни о моей истинной сущности, ни о причинах, по которым Грозовая ведьма полагает, что я у нее в долгу. А если он задастся вопросом, рассказала ли она мне о моей роли в выкупе Мадока, то постарается убедить себя в обратном. Если ему неприятно было смотреть мне в лицо, когда он считал меня ничего не подозревающей жертвой, то насколько же труднее будет глядеть на меня с пониманием того, что я обо всем знаю?

И в то же время я не тешу себя иллюзиями, что Богдана стала бы мне надежной союзницей. Я с легкостью представляю, как одной лунной ночью Бэкс встречается перед собственным домом Грозовую ведьму. У не-сестры, наверное, голова закружилась от ужаса – я чувствовала себя именно так, впервые увидев представителей волшебного народа.

Но как бы сильно Бэкс ни боялась, этого недостаточно. Мне вдруг отчаянно хочется улизнуть из лагеря и найти место, где я могла бы зарядить телефон, лежащий в кармане моего платья. Чтобы позвонить не-сестре. Предостеречь ее.

Я встаю и протягиваю руку к мантии Тирнана. Он бросает на меня недоверчивый взгляд.

– Нужно повесить ее, чтобы просохла.

Он расстегивает застежку и позволяет мне взять мантию. Я отхожу на пару шагов и вешаю ее на ветке, ощупывая ткань в поисках пряжей своих волос. Они такие тонкие, что их очень просто спрятать. Надеюсь, потерять их тоже будет несложно, но, к сожалению, ничего не нахожу.

Раздающийся мелодичный свист оповещает нас о возвращении Оука. Волосы принца высохли; кроме того, он успел переодеться в джинсы, которые ему немного коротковаты, и вязаный свитер цвета топленого молока. На одном его плече висит походный рюкзак, а на другом сидит хоб в совином обличье.

Существо смотрит на меня с явной неприязнью, издает низкий свист и, взлетев, садится на верхнюю ветку одного из деревьев.

Оук опускает рюкзак около костра.

– Этот городок наверняка показался бы мне прелестным, попади я туда днем, однако ночью он лишен части очарования. Я нашел вегетарианский магазин под названием «Церковь Сейтана» и фруктовый ларек, в котором продаются персики на развес. Оба оказались закрыты. Неподалеку находился автовокзал, где мне предложили заплатить деньги за разные виды развлечений. Увы, ни один из вариантов мне не подходил.

Я поднимаю взгляд на луну, сияющую в прояснившемся небе. Когда мы сели на коней из крестовника, день клонился к вечеру, а значит, сейчас уже далеко за полночь.

Оук принимается разбирать рюкзак. Сначала он расстилает на земле два брезентовых полотна и выкладывает на них продукты и стопку человеческой одежды. Ни на одной вещи нет этикетки, а в брезенте виднеется маленькая

дырка. Он принес пластиковый контейнер с наполовину съеденной курицей-гриль, персики – хоть и сказал, что ларек был закрыт, – а также хлеб, орехи и финики, сложенные в мятый пакет из хозяйственного магазина. Кроме того, имеется галлон свежей воды, которую Оук в первую очередь предлагает Тирнану. Рыцарь с благодарностью отхлебывает из бутылки, которая, судя по наклейке, когда-то была наполнена молоком.

– Где ты все это достал? – спрашиваю я, потому что он явно не мог найти эти вещи на полках магазина. Мой голос звучит более раздраженно, чем мне хотелось бы.

Оук одаривает меня озорной улыбкой.

– Рядом с фруктовым ларьком я встретил чудесную семью. Они не смогли пройти мимо незнакомца, попавшего в грозу ветреной ночью, и проявили невероятную щедрость. Позволили мне принять душ у себя дома. Даже дали фен, чтобы я высушил волосы.

– Какой же вы пижон, – фыркает Тирнан.

– Да, я такой, – подтверждает Оук. Он через голову снимает свою старую сумку и кладет у костра, но немного в стороне от даров из рюкзака. Видимо, в ней он хранит уздечку. – В общем, я убедил этих прекрасных людей подарить мне пару вещей, хранившихся в их гараже, и немного еды из холодильника. Ничего слишком дорогого или важного.

Меня охватывает дрожь при мысли о том, что он зачаровал этих людей или заставил их полюбить себя. Я представляю женщину, мужчину и их ребенка, застывших на собственной кухне, словно во сне наяву. На высоком стульчике сидит малыш. Он плачет, пока его родители приносят принцу еду и одежду. Крики доносятся до них будто издалека и постепенно смолкают.

– Ты не причинил им вреда? – спрашиваю я.

Оук поднимает на меня удивленный взгляд.

– Конечно, нет.

Однако я не уверена, что он в полной мере понимает значение фразы «причинить вред». Встряхиваю головой, пытаюсь избавиться от картин, которые рисует мое воображение. Если он собирается жестоко обойтись со мной, это вовсе не значит, что он плохо поступил и с ними тоже.

Покопавшись в стопке одежды, Оук протягивает мне черный свитер, легинсы и новые носки.

– Надеюсь, эти вещи подойдут для путешествия. – Кажется, Оук замечает отразившееся у меня на лице недоверие. – Как только мы вернемся с севера, – обещает он, положив руку на сердце, – эти люди найдут в своих ботинках россыпи чистейших крупных рубинов. Продав их, они смогут приобрести новые легинсы и курицу-гриль.

По его театральному жесту я понимаю, что он не придает большого значения этой клятве, считая ее дурацкой.

– И куда они пойдут, чтобы продать эти рубины? – интересуюсь я. – Нельзя оставить им что-то попрacticalнее?

Он закатывает глаза.

– Как принц Фейриленда, я отказываюсь оставлять им наличные. Это безвкусица.

Тирнан только качает головой и, покопавшись в запасах еды, останавливает выбор на горсти орехов.

– Подарочные карты и того хуже, – продолжает Оук, не дождавшись от меня ответа. – Если оставляю им подарочную карту, то навлеку позор на всю династию Зеленого Вереска.

Я не могу сдержать улыбку, хотя на сердце по-прежнему тяжело.

– Как же ты любишь валять дурака.

Еще несколько часов назад я бы обрадовалась его шуткам. После всего случившегося при Дворе Бабочек они показались бы мне щедростью с его стороны. Но это было до того, как я узнала, что он собирается обменять меня на отца, словно нелепую подарочную карту.

Я отрываю от курицы крылышко. Сдираю зубами кожу, потом мясо, а затем хрущу птичьими косточками. Острый кусок царапает мне язык, но я продолжаю жевать. Пока мой рот занят, мне не придется ничего говорить.

Закончив с ужином, беру принесенную Оуком одежду и прячусь за деревом, чтобы переодеться. Мое прекрасное новое платье покрыто слоем грязи, а подол ободран вдоль края. Похоже, совсем скоро оно будет выглядеть еще хуже, чем мои прежние обноски. Сняв его, я чувствую, какая холодная и мокрая у меня кожа.

Прошло много лет с тех пор, как я надевала одежду смертных. Когда я была ребенком, то часто ходила в легинсах, рубашках и блестящих кроссовках с радужными шнурками. Детская версия меня была бы в восторге от синих волос, дарованных самой природой.

Я натягивая свитер через голову и слышу, как Тирнан что-то шепчет Оуку на ухо – наверное, рассказывает, что застал меня в компании Богданы.

Вернувшись под навес, я чувствую на своих плечах тяжелый груз подозрений. Интриги леди Ноури, Богданы и Оука безостановочно роятся в моей голове, и я вдруг со всей ясностью понимаю: нельзя просто сидеть и ждать, пока меня настигнет судьба.

Мне нужно уходить сейчас, пока они не догадались, что я обо всем знаю. Пока Оук не признался самому себе, что и правда собирается отдать меня леди Ноури. Пока не надел на меня поводок, решив, что это все упростит. Пока я не сошла с ума, ожидая неизбежного удара и гадая, смогу ли найти способ от него уклониться.

Лучше я отправлюсь на север одна и убью мать, вылепившую меня из снега и наполнившую мое сердце ненавистью. Только тогда я буду в безопасности – от нее, от всех тех, кто хочет воспользоваться моей властью над ней, не важно по каким причинам. Я одиночка. Мне суждено быть одной. Один на один с собой я сильнее. Стоило забыть об этом, как я сразу попала в беду.

Приняв решение, я испытываю облегчение – впервые с тех пор, как Богдана нашла меня в лесу. Теперь я с наслаждением вгрызаюсь в сладкий персик, истекающий липким нектаром, и пью воду с легким привкусом пластика.

Тирнан вздыхает.

– Допустим, мы как-нибудь проберемся через Каменный лес, – начинает он. – Предположим, нам не помешают ни глубокие ямы, ведущие к каменным мешкам; ни деревья, которые перемещаются, чтобы сбивать странников с пути; ни ледяные пауки, расставляющие для своих жертв мерзлую паутину; ни безумный король, ни наложенные на это место чары. Но что потом? С нами теперь нет Гиацинта. Как мы попадем в Цитадель Ледяной Иглы?

– Говорят, Цитадель очень красива, – произносит Оук. – Это правда, Рэн?

Когда свет проходит сквозь лед, то по холодным коридорам замка пляшут радуги. Стены почти прозрачные, словно все это место – одно большое затуманенное окно. Попав туда впервые, я подумала: это все равно что жить внутри сверкающего алмаза.

– Ничуть, – отвечаю я. – Уродливое место.

Мои слова удивляют Тирнана. И я понимаю почему: если он выкрал у леди Ноури Гиацинта, то прекрасно знает, как выглядит Цитадель.

Но когда я думаю о ней, то в моей памяти всплывают страшные картины. Леди Ноури обожала делать так, чтобы люди предавали самих себя, и достигла совершенства в этом искусстве. Она вынуждала просителей и пленников жертвовать тем, что было им дорого. Разбивать свои инструменты. Ломать себе пальцы. Сворачивать шеи тем, кого они любили больше всего на свете.

Все, что попадало в Цитадель, было обречено, но первой всегда умирала надежда.

«Смейся, дитя!» – приказала мне леди Ноури незадолго до нашего похода на Эльфхейм. Не помню, над чем именно я должна была смеяться, но не сомневаюсь, что это было нечто ужасное.

Однако к тому времени я так глубоко погрузилась в себя, что леди Ноури не была уверена, расслышала ли я ее. Она дала мне пощечину, а я впилась в ее руку зубами, прокусив кожу. Мне кажется, именно тогда я впервые заметила на ее лице страх.

Я должна вернуться туда. В этот стылый дворец, где уже ничто не сможет меня достать. Где я буду способна на все.

- Для начала, - говорит Оук, - давайте сосредоточимся на том, чтобы добраться до Сырого рынка. Даже если мы встретим кусты крестовника, думаю, рисковать не стоит. Дальше пойдем пешком.

- Я отправлюсь первым, - вызывается Тирнан. - Попытаюсь достать нам лодку. А вы идите другим путем, чтобы запутать следы.

Где-то в одежде Тирнана - или в его сумке - хранятся пряди моих волос. Но даже если мне удастся их отыскать, это еще не гарантирует мне безопасность. Что, если к мантии, которую Оук накидывал мне на плечи, прилип еще один волосок? Или, быть может, принц сохранил парочку, когда причесывал меня перед пиром у Королевы Аннет?

Я перевожу взгляд на сумку принца. Мне не придется беспокоиться о волосах, если с ними ничего нельзя будет сделать. Если мне удастся выкрасть уздечку и сбежать, то я смогу надеть ее на леди Ноури, когда доберусь до Цитадели.

Оук сидит у огня, напевая себе под нос. До меня доносятся лишь обрывки: что-то про маятник и ткань, которая начинает изнашиваться. Отблески огня пляшут на его волосах, из-за чего они кажутся сейчас темно-золотыми. Полутень делает его черты заостренными и жесткими.

Такая красота, как у него, вызывает у людей желание что-нибудь разбить.

Ночью, когда они будут спать, я украду уздечку. Оук вроде бы упоминал автовокзал, который был открыт, несмотря на поздний час? Я отправлюсь прямо туда и начну свой путь, будто я простая смертная. У меня есть телефон. Я воспользуюсь им и предупрежу свою не-семью о нависшей над ними опасности.

Пока я обдумываю план, Оук рассказывает Тирнану о знакомой русалке с волосами цвета лунной дорожки на воде. Он думает, что если ему удастся с ней поговорить, то она объяснит ему, что сейчас происходит в Подводном королевстве.

Наконец, я сворачиваюсь клубочком на своем одеяле и наблюдаю, как Тирнан прикрывает навес брезентом, который принес Оук. Потом рыцарь залезает на дерево и устраивается среди его веток, словно в колыбели.

- Я буду первым нести караул, - неохотно вызывается он.

- Тич способен пару часов последить за нашим лагерем, - говорит Оук, кивком головы указывая на сидящего на дереве хоба с лицом совы. Тот кивает, поворачивая голову под неестественным градусом.

Я пытаюсь справиться с подступающей паникой. Конечно, улизнуть от Тича будет легче, чем от Тирнана, но я не рассчитывала, что кто-то вообще останется охранять лагерь. Я задумываюсь, какие еще важные детали могла упустить. Сколько еще глупых ошибок мне предстоит совершить?

Оук заворачивается в непросохшую мантию. Смотрит на меня так, будто хочет что-то сказать, но я отвожу взгляд, и он укладывается спать. Я этому рада. Я скрываю свои чувства хуже, чем мне бы хотелось.

Принимаюсь считать звезды, продвигаясь с востока на запад. Это непросто, поскольку я иногда сбиваюсь, и приходится начинать заново. Но зато я могу хоть как-то убить время.

Потом закрываю глаза и начинаю считать до тысячи.

Дойдя до девятисот девяноста девяти, я приподнимаюсь и сажусь. Слышу глубокое, ровное дыхание Тирнана и Оука – похоже, они крепко спят. На ветке дерева вижу Тича, который вглядывается в темноту своими золотистыми глазами, время от времени моргая.

Я подкрадываюсь к сумке Оука, лежащей рядом с его мечом. От костра остались лишь тлеющие угольки. Смотрю на освещенное звездами лицо принца. Сон стер с него все следы забот и тревог.

Опустившись на колени, засовываю руку в сумку. Нащупываю книгу в мягкой обложке, злаковые батончики, свечи, свиток и еще несколько ножей. Прикасаюсь наконец к гладкому кожаному ремешку, и меня охватывает дрожь. Кажется, что наложенные на уздечку чары испускают искры.

Я достаю уздечку из сумки так аккуратно и медленно, как только могу.

Где-то неподалеку тьякает лиса. Из папоротников доносится лягушачье кваканье.

Набравшись смелости, поднимаю взгляд на хоба, но он по-прежнему высматривает опасность за пределами лагеря. Убеждаю себя, что у него нет причин подозревать меня. Наверняка он думает, что я ищу, чем бы перекусить. Я не представляю угрозы.

В отличие от Оука, у меня нет сумки, куда можно спрятать уздечку. Однако у меня есть шарф. Завернув ее, перевязываю ткань вокруг талии наподобие пояса. Сердце скачет в моей груди, словно плоский камешек по поверхности пруда.

Я встаю и делаю шаг в полной уверенности, что меня вот-вот поймут. От напряжения и страха кружится голова.

Еще два шага, и вот я вижу границу леса.

В это мгновение за моей спиной раздается сонный голос Оука:

– Рэн?

Я оборачиваюсь, стараясь не паниковать. Нельзя рычать, нельзя убегать. Он не должен понять, как я напугана тем, что он меня поймал.

– Ты не спишь, – говорит он, присаживаясь на одеяле.

– Мысли крутятся в голове и мешают заснуть, – тихо отвечаю я. Это абсолютная правда.

Он жестом подзывает меня к себе. Я неохотно подхожу и сажусь рядом с ним. Оук, наклонившись к костру, ворошит палкой угли.

Помимо своей воли, смотрю на его лицо, такое расслабленное после сна, и вспоминаю, каково это – целовать его. Заставляю себя отвлечься от изгиба его губ и представить, как они искривляются в язвительной насмешке.

«Не хочу, чтобы она оставалась с нами», – вспоминаю его слова. И даже если где-то в глубине души он хочет этого, то лишь потому, что я, как и сказал Гиацинт, разменная монета.

Я делаю глубокий вдох.

– Ты же не собираешься и правда отослать меня прочь?

– Я должен так поступить, – отвечает он. – Как это ни прискорбно, наш план слишком опрометчив и рискован.

Интересно, верит ли он, что я не могу заснуть из-за мыслей о грядущем расставании с ним?

– Я знала это с самого начала.

– Не стоило тебя в это втягивать, – говорит он. Я слышу в его голосе нотки отвращения к себе. Видимо, он слишком устал и уже не может идеально отыгрывать свою роль. Вряд ли ему нравится то, что он собирается сделать. Он не такое чудовище.

– Я могу остановить леди Ноури, – напоминаю ему.

Он улыбается, и в его глазах загорается странный огонек.

– Если бы нам удалось избавиться от взаимного недоверия, мы бы стали отличной командой.

– Это было бы возможно, – соглашаюсь я. – Если бы мы друг в друге не сомневались.

Он осторожно прикасается к моей спине, отчего меня охватывает дрожь.

– Знаешь, что меня в тебе восхищает?

Я искренне не представляю, что за этим последует.

– Ты никогда не перестаешь злиться, – продолжает он. – Чтобы испытывать ненависть, нужна храбрость. Порой это все равно что надеяться.

Когда жила при Дворе Зубов, я не чувствовала себя храброй. Не чувствовала надежды. Я ощущала лишь отчаяние, когтями сжимавшее мне сердце. Я словно тонула в бесконечном море, захлебываясь соленой водой. Мне казалось, что еще одно мгновение, и я позволю себе погрузиться на дно, но каждый раз что-то заставляло меня снова барахтаться в попытке спастись. Возможно, это действительно была ненависть. Ненависть заставляет тебя жить дальше,

даже когда веры в будущее уже не осталось. Я поражена, что Оук способен это понять.

- Ты станешь интересным Верховным королем, - говорю я.

В его взгляде мелькает тревога.

- Однозначно нет. Народ обожает Кардана и до ужаса боится моей сестры, а это чудесное сочетание. Надеюсь, они будут править Эльфхеймом в течение тысячи лет, а потом посадят на трон одного из дюжины своих отпрысков. Мне совершенно необязательно в этом участвовать.

- Ты серьезно не хочешь быть Верховным королем? - озадаченно уточняю я. Для лорда Джарела и леди Ноури этот титул был единственным желанием и наивысшей целью. Главной причиной того, что я появилась на свет. То, как Оук пренебрегает им, словно червивым яблоком, кажется мне едва ли не оскорблением.

Пусть я с ним и согласна.

- Кардан был достаточно сообразителен, чтобы не претендовать на трон, пока я не надел корону ему на голову, - говорит Оук. От этого воспоминания его губы искривляются в улыбке, но через мгновение он снова принимает серьезный вид. - Желание править Эльфхеймом разрушило слишком много жизней. Даже если ты всего лишь наследник короны, это уже довольно неприятно.

- Что ты имеешь в виду? - Я наблюдаю за ним в свете тускло горящего костра. Взлохмаченные золотые кудри падают на щеки, лицо как-то странно напряжено. Еще чуть-чуть, и я поверю, что он рассказывает мне все это, потому что хочет быть моим другом, а не ради того, чтобы притвориться уязвимым и заставить меня потерять бдительность.

Он потягивается, словно кот.

- Некоторые хотят видеть меня на троне, потому как думают, что мною легче манипулировать. Другие готовы пойти на что угодно, лишь бы ими не правила смертная королева. Они не скрывают: стоит мне сказать слово, и в мои уши польется яд их речей, а в кубки моей семьи - настоящая отравка. Что же до моей сестры Джуд, подозреваю, она не хочет иметь детей, чтобы я оставался единственным наследником. Она это отрицает, но я знаю, как хорошо она умеет лгать.

Я представляю Верховную королеву во время решающей битвы, кровь на ее лице, когда она отрубила голову змею, который когда-то был ее возлюбленным. Она сделала это, обрекая себя на поражение, ради спасения презиравшего ее мира.

Что это, если не ненависть, одновременно являющаяся надеждой?

Оук тихонько смеется, чем изрядно меня удивляет.

- Тебе не кажется, что я сегодня чересчур мрачен? Позволь показать тебе фокус.

Я смотрю на него с подозрением. Однако он всего лишь достает из кармана монетку и крутит ее на кончике пальца.

Невольно фыркаю.

Подбросив монетку, Оук ловит ее другой рукой, а потом демонстрирует мне обе ладони. Монетка исчезла.

– Как думаешь, где она?

– Ты отправил ее в Фейриленд при помощи магии? – предполагаю я, но не могу сдержать улыбку.

Ухмыльнувшись, Оук тянется к моему уху, и я чувствую, как моей шеи касается согретый его кожей металл.

Я злюсь на себя за детский восторг, но все равно его испытываю.

– Этому трюку меня научил Таракан, – говорит он, возвращая монету в карман. – Я время от времени тренируюсь.

– Я помню его, – произношу я. – Он служил при вашем Дворе Теней.

Оук кивает.

– А до этого его держали при Дворе Зубов. И не его одного.

Бомба. Ее я тоже помню. Леди Ноури называла ее Лиливер. Зная омерзительные нравы Двора Зубов, могу лишь восхититься их верностью друг другу.

– Им наверняка пришлось многое пережить.

Оук бросает на меня странный взгляд.

– Как и тебе.

– Нам нужно поспать, – через силу выдавливаю я. Если мы сейчас же не закончим разговор, я не удержусь и спрошу, собирается ли он отдать меня леди Ноури. Но тогда он узнает о моем плане и, скорее всего, наденет на меня уздечку.

Он качает головой, как будто отвечает на свои же мысли.

– Разумеется. Ты права.

Я киваю. «Правильно. Засыпай, Оук. Пожалуйста. Усни, прежде чем я передумаю уходить».

И хотя он собирается причинить мне вред, я буду по нему скучать. Мне будет не хватать его отношения к жизни – словно не может произойти ничего настолько ужасного, чтобы нельзя было над этим посмеяться.

Возможно, я даже буду скучать по брюзжанию Тирнана.

Снова ложусь на одеяло и выжидаю, считая до тысячи. Только убедившись, что принц уснул, встаю и уверенно иду в сторону границы леса. Я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть, следят ли за мной совиные глаза хоба. Я должна вести себя так, будто не делаю ничего примечательного и уж точно ничего дурного.

Я отхожу от лагеря на некоторое расстояние, но по-прежнему не слышу, чтобы хоб забил тревогу. Отбрасываю осторожность и несусь сквозь лес, а затем – через город, пока не оказываюсь на автовокзале.

У меня уходит не меньше трех минут, чтобы навести приемлемые чары и стать похожей на смертную. Для верности ощупываю лицо и зубы.

Сделав глубокий вдох, захожу в ярко освещенный зал. Здесь пахнет бензином и дезинфектором. На металлических скамейках сидит несколько человек. Мужчина с огромным мусорным пакетом, судя по всему набитым одеждой. Молодые парень и девушка с одним чемоданом на двоих, которые тихонько перешептываются, склонившись друг к другу. Пожилой джентльмен с тросточкой, посапывающий в уголке, – возможно, он уже опоздал на свой автобус.

Согласно расписанию, следующий рейс идет на северо-запад, в Мичиган. Купить билет с помощью зачарованных денег непросто, потому что в отличие от людей автоматы прекрасно понимают, что ты на самом деле скармливаешь им не купюры, а листья. Поэтому я решаю поступить иначе: достав из мусорного бака чек, накладываю на него заклятье. Сходство с билетом весьма отдаленное, так что мне все равно придется зачаровывать водителя, чтобы он впустил меня, но я буду выглядеть убедительнее, сжимая что-то в руке. Моя магия слишком ненадежна, и подстраховаться не помешает.

Я поднимаю взгляд и замечаю, что за мной следит мужчина в грязных штанах и с неухоженной бородой. Сердце начинает биться быстрее. Я привлекла его внимание, потому что копалась в мусоре, или мне так сильно не повезло наткнуться на смертного, обладающего Истинным Видением? А вдруг он – нечто иное, нечто более опасное?

Я улыбаюсь ему, и мужчина вздрагивает, словно сквозь пелену чар видит мои настоящие острые зубы. В следующее мгновение он отворачивается.

Ставлю телефон Гвен на зарядку и жду.

Смотрю по сторонам. Вот девушка пинает ногой торговый автомат. Юноша мерит шагами площадку снаружи вокзала, что-то бормоча себе под нос. Старичок подбирает с пола монетку в один цент.

Внезапно рядом со мной раздается жужжание. Я опускаю взгляд и понимаю, что телефон наконец-то ожил. Пока он был разряжен, я пропустила десять звонков. Все с незнакомых номеров.

От Гвен пришло три сообщения. В первом написано: «Такой бред писать на собственный номер, да и вообще все кажется чем-то нереальным, но я добралась до дома родителей. Эльф-красавчик вел себя как засранец, но он

рассказал мне про Тирнана, а еще про принца, и я поняла, что у тебя большие проблемы. Сообщи, как ты там».

Ниже приложена фотография Гвен и скрипача, которого я встретила на пиру при Дворе Бабочек. Они сидят на переднем сиденье машины, обнимая друг друга и широко улыбаясь. Следующее сообщение гласит: «МОЙ ЛЮБИМЫЙ ВЕРНУЛСЯ! Он говорит, что проснулся на склоне холма. Он помнит только, как кто-то похожий на дьявола сыпал соль ему на язык. Не знаю, как ты это сделала, но СПАСИБО СПАСИБО СПАСИБО!»

И наконец: «Ты в порядке? Напиши мне, чтобы я (а) знала, что у тебя все хорошо, (б) не думала, что ты мне приснилась».

Я широко улыбаюсь, уставившись в телефон. Люди, которых я спасала от глейстиг, обычно пугались меня не меньше, чем ее. Мне не верится, что я и правда понравилась Гвен. Да, я помогла ей, но только ли в этом дело? Она пишет мне так, словно мы могли бы стать подругами.

Я набираю СМС: «В Фейриленде негде зарядить телефон. Сейчас я на автовокзале, совсем одна. Никаких принцев. Никаких рыцарей. Рада, что у вас с парнем все хорошо».

Моя улыбка меркнет. Я должна позвонить домой. Мне нужно предупредить Бэкс.

По памяти набираю последовательность цифр.

Слышу мужской голос. Трубку поднял не-папа.

– Кто звонит?

Я смотрю на часы, потом на дверь, наполовину ожидая, что в нее вот-вот ворвется Оук и, угрожая мечом, заставит меня вернуться в лес. Я вспоминаю, что уздечка при мне, и даже если принц уже ищет меня, то он понятия не имеет, где я нахожусь.

– Можете, пожалуйста, позвать Бэкс? – прошу я, стараясь говорить спокойно.

Несколько долгих мгновений не-папа молчит, и я уже думаю, что он положит трубку. Но затем слышу, как он зовет мою не-сестру.

Я кусаю ногти, следя за перемещением секундной стрелки по циферблату часов. Затем перевожу взгляд на людей, спящих по залу ожидания.

Бэкс подходит к телефону.

– Да?

– Послушай меня, – говорю я, понизив голос, чтобы не кричать на весь вокзал. – Ты в беде.

Моя не-сестра делает резкий вдох.

- Мама! - кричит она. Следующие ее слова звучат приглушенно, словно она прикрыла рукой динамик. - Она перезвонила. Нет, это она!

Меня охватывает паника: вдруг она сбросит звонок?

- Выслушай меня. Прежде чем то чудовище вернется за тобой. - Прислушайся к этому чудовищу, а не к тому, другому.

- Мама просит дать ей трубку.

От этой мысли мне становится нехорошо.

- Ты. Поговори со мной. По крайней мере, пока. Пожалуйста.

Ее голос доносится издали, как будто она говорит не со мной.

- Подожди. Хорошо, я скажу ей.

- Зачем ты вышла из дома той ночью? - спрашиваю я.

На другой стороне провода повисает пауза, затем раздаются шаги. Слышу, как захлопывается дверь.

- Так, все, теперь я одна.

Я повторяю вопрос. Мне так страшно, что все мое внимание фокусируется на мелочах. К полу прилипла жвачка. Пахнет выхлопными газами. На моих пальцах следы сосновой смолы. Бэкс тяжело дышит в трубку.

- Хотела убедиться, что ты в порядке, - наконец отвечает она.

- Ты помнишь меня? - выдавливаю я.

- Ты прожила с нами семь лет! - В ее тоне слышатся обвинительные нотки. - Когда ты переехала жить к своей родной семье, мы надеялись, что ты будешь звонить нам хоть иногда. Мама каждый год плакала в день твоего рождения - в тот, который она для тебя выбрала.

- Она сказала, чтобы я уходила! - рычу в ответ. Я знаю, что мама не виновата: и она, и папа, и Бэкс находились под чарами. Но разве я могла вернуться, показать им свое чудовищное лицо и позволить им снова меня отвергнуть? - Папа ударил меня ногой.

Я смотрю на часы. Автобус вот-вот подъедет.

Кажется, мои слова разозлили Бэкс.

- Неправда!

Пора заканчивать этот разговор. Я достаю зарядку из розетки, вынимаю другой конец из телефонного разъема и начинаю скручивать шнур. Скоро я отправлюсь на север. Скоро промерзну до глубины души.

- Ты видела Грозовую ведьму, - говорю я. - Что бы она тебе ни сказала, это не вся правда. Ты знаешь, что мама с папой официально меня удочерили и я уже не была сиротой. Я не могла просто взять и вернуться к родным родителям, а они не имели права меня забрать. История не складывается, если подумать. А все потому, что вам с помощью колдовства попытались объяснить необъяснимое.

Бэкс молчит, но я слышу голоса на фоне. Видимо, дверь больше не закрыта.

- Когда я впервые заметила тебя, подумала, что ты призрак, - мягко произносит она.

Чувствую себя дурой. Я ведь была уверена, что никто не видел, как я проскальзываю в дом и покидаю его. Если делать что-то достаточно долго, в конечном итоге обязательно попадешься.

- Когда это произошло?

- Примерно шесть месяцев назад. Я засиделась допоздна, читая книгу, и вдруг заметила, как что-то мелькнуло во дворе. Когда я пригляделась, мне показалось, что я увидела твой призрак, вернувшийся из мира мертвых. Но потом подумала: а вдруг ты попала в беду? И тогда я начала тебя ждать.

- Молоко, - произношу я. - Ты оставляла на крыльце молоко.

- Ты ведь не человек, да? - Она говорит шепотом, как будто ей стыдно задавать этот вопрос.

Я вспоминаю, как удивилась не-мама, услышав мой голос.

- Ты рассказала...

- Нет! - перебивает она меня. - Как ты себе это представляешь? Я ведь сама не знала, что именно увидела. Рэн, кажется, они сейчас очень мной недовольны.

Я бросаю взгляд на часы. Автобус уже, наверное, подъехал. На мгновение у меня замирает сердце: а вдруг я опоздала? Вдруг, разговаривая с Бэкс, я не заметила, как пролетело время? Но, оглядевшись, понимаю, что люди не двигаются со своих мест.

«Автобус задерживается, - убеждаю себя. - Он приедет, просто немного позже». Однако мое сердце стучит все громче, а я вся сжимаюсь и замираю, как будто если не буду двигаться, то тревога перестанет пожирать меня изнутри.

И хотя автобус не единственная причина моего страха, достаточно и ее одной.

- Послушай, - говорю я, ожидая, когда стоянку наконец зальет свет фар. - У меня мало времени. Но раз Богдана знает, где ты живешь, ты в опасности. Насыпь в карманы соли. Ягоды рябины защитят тебя от чар. А еще они не терпят холодное железо. И они не умеют лгать. Мы, - поправляю я. - Мы не умеем лгать.

- Что...

Слышу шуршание ткани, а потом в трубке раздается голос не-мамы.

- Рэн, я понимаю, что ты хочешь поговорить с сестрой. - Она делает ударение на последнем слове, будто думает, что я начну с ней спорить. - Но позволь мне быстро кое-что сказать. Если у тебя проблемы, мы можем помочь. Просто скажи, что происходит. Судя по словам Бэкс, ты живешь на улице.

Услышав эти слова, я едва не начинаю смеяться.

- Я успешно выживаю.

- Но этого недостаточно. - Она громко вздыхает. - Но даже если так, я хотела бы с тобой встретиться. Я постоянно думаю о том, как твои дела. Чем ты занимаешься, хорошо ли кушаешь, не мерзнешь ли.

К глазам подступают слезы, но я не могу представить, как сижу в гостиной не-родителей в своем истинном обличье. Они придут в ужас. Возможно, не станут кричать и выгонять меня, как это было, когда они находились под заклятьем, но ничего хорошего из этой встречи не выйдет. Мне уже не стать дочкой, которую они когда-то любили.

Теперь это невозможно. Не после того, что со мной случилось. Не после того, как я узнала, что создана из снега и палок.

Дорогу озаряет свет фар. Когда раздается скрип тормозов, я уже несусь к стоянке.

- Я никогда не мерзну, - говорю не-маме, и мой голос звенит от злости, которая долгие годы пожирала меня изнутри.

- Рэн, - обиженно произносит она.

Мне ужасно хочется зарыдать, и я даже до конца не понимаю почему.

- Передай Бэкс, чтобы не забывала про соль, рябину и железо, - говорю я на бегу, а затем кладу трубку.

На этой станции выходит только один человек. Поднявшись по ступенькам, протягиваю водителю заколдованный билет и навожу на него чары. «Поверь мне. - Я вкладываю в мольбу все силы, которыми обладаю. - Поверь, что у меня есть билет».

Мужчина рассеянно кивает, и я бросаюсь в конец автобуса, по-прежнему сжимая в руке телефон. Следом за мной входят еще несколько человек, в том числе и мужчина, который так странно на меня смотрел. Я испытываю слишком сложную гамму чувств, чтобы обращать на них хоть какое-то внимание.

Когда я убью леди Ноури или надену на нее уздечку, возможно, снова встречу с Бэкс, не-мамой и не-папой. Если буду уверена, что смогу защитить их от Богданы. Если буду уверена, что смогу защитить их от себя.

Прислонившись щекой к стеклу, нащупываю рукой шарф, просто чтобы дотронуться до кожаных ремешков уздечки и успокоиться, напомнить себе, что у меня есть план. Ныряю пальцами под ткань, затем ощупываю живот, царапая кожу поломанными ногтями. В груди снова поднимается паника.

Уздечка пропала.

На водосточном желобе автовокзала сидит Тич и смотрит на меня золотистыми глазами, время от времени мигая.

Автобус начинает двигаться. Я пытаюсь убедить себя, что у меня еще есть шанс уехать. Что сейчас автобус наберет скорость, которую хоб развить не способен. А Оук и Тирнан не смогут отправиться за мной в погоню.

А потом слышу свист проколотой шины. Автобус резко останавливается, и я понимаю, что бежать мне некуда.

Глава 12

Шагая по лесу в сторону лагеря, я злюсь на весь мир, но особенно на саму себя.

Я ведь своими глазами видела, как Оук переиграл весь Двор Бабочек. Он позволил дважды ударить себя в лицо, чтобы прикинуться тщеславным, беспомощным придворным, навел на себя лоск и выхлебал корыто вина, лишь бы скрыть владение мечом. Оук сам рассказал мне, что трюку с монеткой его обучил Таракан, но я даже не подумала, что гоблин мог посвятить его в гораздо более применимое в быту искусство воровства.

Принц разговаривал со мной, словно ничего не происходит, и в то же время вытаскивал уздечку из-под шарфа на моей талии. Он провернул кражу с такой ловкостью, что я не почувствовала ничего, кроме единственного прикосновения. Убаюканная беседой, я поверила, что одурачила его, хотя на самом деле это он одурачил меня.

Он такой же обманщик, как и вся его семья. Возможно, он даже превзошел их в этом искусстве.

Он никогда не терял бдительности, находясь рядом со мной. Ни единого раза.

Только сейчас, когда стало уже слишком поздно, я поняла, почему его очарование так опасно. Он кажется открытой книгой, хотя его мысли на самом деле непостижимы. Каждая его улыбка – всего лишь маска.

«Может быть, я рад, что ты дала мне возможность проявить свою худшую сторону».

В лагере так же тихо, как и перед моим уходом. Тирнан по-прежнему спит на дереве, чуть слышно похрапывая. Тич следует за мной, сверкая глазами. Я смотрю в сторону Оука. Мне даже хочется, чтобы он набросился на меня с упреками, но в то же самое время я боюсь этого.

Проходя мимо принца, замечаю, что он дышит глубоко и размеренно, хотя готова поспорить: он спит чутко, словно кот. Стоит подобраться к нему слишком близко, и он тут же вскочит на ноги, готовый сразаться.

Возможно, он лишь притворяется, что спит.

Я крадусь к своему одеялу и устало опускаюсь на него. Отчаяние затягивает меня в сон, где я снова хожу кругами по заснеженному полю.

Проснувшись, чувствую запах кофе и булочек с маслом. Оук и Тирнан тихо переговариваются за завтраком. Я слышу, как Тирнан смеется, и задумываюсь, какую часть их беседы занимает обсуждение моей неудавшейся попытки бегства. Интересно, считают ли они мой провал забавным?

Оук надел человеческую одежду поверх золотистой кольчуги, которая немного проглядывает в районе воротника и манжет. Тирнан даже не пытается скрыть доспехи.

Когда принц поднимает на меня взгляд, выражение его лица не меняется ни на долю секунды. Возможно, для него и правда ничего не изменилось. Он всегда рассматривал меня только как потенциального врага или как потенциальную жертву.

Я прикусываю язык до крови.

Он улыбается, и я наконец-то замечаю в его глазах вспышку гнева. Испытываю мрачное удовольствие от того, что он, привыкший скрывать эмоции, все-таки не смог спрятать свою злость. Он подходит ко мне и садится рядом.

– Ты знала, что я плут.

Прежде чем успеваю отреагировать, он прикладывает палец к губам и бросает быстрый взгляд на Тирнана. Лишь спустя секунду я осознаю, что он не сказал рыцарю о том, что я пыталась украсть уздечку. Понятия не имею почему.

Поднявшись на ноги, Тирнан заливает костер водой, и в воздух поднимается облачко пара. День в самом разгаре, и яркая голубизна неба после вчерашней грозы кажется едва ли не агрессивной.

Засунув булочку в рот, я укладываю в рюкзак остатки платья. Одолженный Оуком нож отправляю в сапог.

Тирнан бормочет что-то себе под нос и скрывается в лесной чаще.

- Куда он?

- На Сырой рынок. Попытается выторговать нам лодку. Тирнан считает, что если гоблины узнают, кто я такой, то тут же заломят безумную цену. Мы пойдем другой дорогой и посмотрим, не следят ли за нами. - Он делает паузу. - Ты не против?

Я встаю и стряхиваю с ног крошки. Когда такой вопрос задает некто, предотвративший задуманную тобой кражу и ясно давший понять, что ты являешься его пленницей, на самом деле это никакой не вопрос.

Некоторое время мы идем в тишине.

- Помнишь, я говорил, что мы отлично сработаемся, если начнем доверять друг другу?

Я неохотно киваю.

- Пока нам это не удалось, - напоминает он. - Что будем делать дальше, Рэн?

Я чувствую себя беспомощной, как будто он обыгрывает меня в шахматной партии и вот-вот поставит мне шах и мат.

- Почему ты меня об этом спрашиваешь?

Оук устало вздыхает.

- Хорошо, спрошу прямым текстом. Если ты хотела уйти, почему выбрала именно эту ночь?

Еще одна ловушка.

- Зачем мне отвечать на твои вопросы, если ты сам хранишь столько тайн?

- У всех есть секреты, - говорит он, однако в его голосе звучат нотки отчаяния.

- Секреты, касающиеся меня, - уточняю я.

- Ты предала меня. Попыталась совершить кражу. Ты поговорила с Грозовой ведьмой и буквально через несколько часов стащила мощный магический артефакт и сбежала. Разве я не заслуживаю парочки ответов?

- Я хотела забрать уздечку, - отзываюсь я, - чтобы ты никогда не заставил меня ее носить.

Он ударяет ногой по земле, поднимая в воздухе торнадо из листьев.

- Разве я дал тебе хоть один повод считать, что я собираюсь надеть ее на тебя?

Я хмурюсь и отвожу взгляд.

Он ничего не говорит, ожидая ответа от меня. Тишина затягивается, и, к своему удивлению, я нарушаю ее первой:

- Тирнан сказал, что использует ее против меня, если я снова тебя предам.
- Я пронзаю его злым взглядом.

Оук удивленно мигает и молчит несколько долгих секунд.

- Он не понимает, почему ты освободила Гиацинта и остальных, - наконец произносит принц. - Не верит, что ты сделала это из желания помочь. Там, откуда мы родом, феири обычно не совершают подобных поступков.

Изо всех сил ударяю по камешку мыском сапога.

- Если хочешь уйти, уходи, - говорит Оук, эффектным взмахом руки указывая на деревья вокруг нас.

Вглядываюсь в лесную чащу, но я не настолько глупа, чтобы принять его предложение за чистую монету.

- Тогда почему ты не позволил мне уехать прошлой ночью?

Оук выглядит почти виноватым.

- Потому что я не люблю быть обманутым дурачком. Мне нравятся игры, но я ненавижу проигрывать.

- Что? - Я озадаченно моргаю.

Он нетерпеливо пожимает плечами.

- Это не лучшее мое качество, - отзывается он. - К тому же я подумал, что будет нелишним узнать у тебя, сотрудничаешь ли ты с Богданой.

- Нет, - отвечаю я. Оук бросает на меня выразительный взгляд, и я отвечаю развернуто: - Я не сотрудничаю с леди Ноури и не работаю на нее. Богдана мне не союзница. Я хочу отправиться на север, чтобы не дать леди Ноури создать новых чудовищ. Я бы даже хотела увидеть, как освобождают твоего отца.

- Тогда зачем было уходить? - Именно поэтому с Оуком так трудно иметь дело. Каждым своим словом он предлагает тебе довериться ему, и ты начинаешь чувствовать себя глупо из-за того, что у тебя остаются сомнения. А потом ты сидишь на автовокзале и думаешь, как изящно тебя обвели вокруг пальца.

- Не хотела дожидаться, пока меня отправят в Эльфхейм. Решила, что лучше пойду на север без вас и брошу вызов своей матери. - Не знаю, смогу ли отделаться таким простым объяснением.

Когда Оук оборачивается ко мне, в его лисьих глазах сверкает огонь.

- Эта затея еще глупее нашего изначального плана.

У меня сжимается желудок.

- Вот что я не могу понять, - продолжает он, проводя рукой по лицу. - Я знаю, что должен злиться на тебя, но вместо этого восхищаюсь тем, что ты сделала в темнице Двора Бабочек. Пусть твой поступок и правда доставил мне, как ты выразилась, некоторые неудобства.

Я морщусь, услышав от него собственные слова, и лишь потом осознаю смысл сказанного.

- Ты.. восхищаешься тем, что я сделала?

- Сильнее, чем мне хотелось бы признать. - Оук смотрит на меня с тем же напряженным выражением, которое я видела на его лице, когда он стоял рядом с королевой Аннет. - Ты помогла смертной, мерроу и даже Гиацинту, бросив вызов нам всем, и, насколько я понимаю, ничего не получила взамен.

Не знаю, что тут можно ответить.

- Тебя не тяготило то, что приходилось держать Гиацинта в плену?

- Он покушался на жизнь Верховного короля.

- Что? - Я вспоминаю слова Тирнана о некоем происшествии.

Кажется, Оука забавляет то, насколько я шокирована.

- Однажды отец сказал, что обычно конфликты возникают, когда сталкиваются идеи или желания. Но чаще всего это столкновения между правителями. При этом те, кто следует за своими правителями, могут быть образцами добродетели - вот и получается, что два прекрасных человека приставляют к горлу друг друга кинжалы. Мы с Гиацинтом могли бы стать друзьями, если бы не оказались по разные стороны баррикад.

Несколько долгих секунд обдумываю его слова. Интересно, относятся ли они ко мне в той же мере, что и к Гиацинту? Как бы отреагировал Оук, узнай он, что я всего лишь манекен, сшитый при помощи магии и оживленный ведьмой? Возможно, это бы немного успокоило его совесть.

Я могла бы довериться его слову и попытаться уйти. Однако он не обещал, что не станет гнаться за мной. Не говорил, что не наденет на меня уздечку.

Я могла бы скрыться от них на Сыром рынке. Но у меня нет причин полагать, что фейри помогут мне, а не своему принцу. Они наверняка выдадут меня за пару монет.

Или я могла бы попробовать вытянуть из Оука правду.

- Ты любишь игры, - говорю я. - Не хочешь сыграть со мной?

- Какая ставка?

- Если я выиграю, ты ответишь на мой вопрос. Без увеливаний.

По его взгляду понимаю, что он считает эту ставку крайне высокой. Тем не менее он кивает.

- Что за игру ты предлагаешь?

- Давай как в детстве. Лисичка при тебе. Посмотрим, кто из нас лучше ее бросит.

Оук снова кивает и достает из кармана фигурку. Хризолитовые глаза лисички переливаются в солнечных лучах.

- А если выиграю я?

- Чего ты хочешь?

Он окидывает меня изучающим взглядом, и я отвечаю ему тем же. Его улыбки больше меня не проведут - теперь я вижу сталь, скрывающуюся на дне его глаз.

- Пообещай, что потанцуешь со мной. Иначе наши старания на пиру при Дворе Бабочек пропадут даром.

- Дурацкая ставка, - отвечаю я, краснея.

- Однако таково мое решение, - отзывается он.

Я нервно киваю.

- Хорошо. Начинай первым.

Мы останавливаемся. Он опускается на корточки и расчищает от веток и листьев небольшой участок земли. Я чувствую себя так, словно вернулась в далекое прошлое. Думаю о том, сколько плохого случилось в моей жизни до той встречи с Оуком и сколько плохого случилось в жизни принца после того дня.

Лисичка падает на землю, заваливаясь на бок. Ноль очков.

Оук смотрит на меня, приподняв брови.

Беру лисичку в руки и, затаив дыхание, делаю бросок. Она тоже опускается на бок.

Оук тянется, и я думаю, что он собирается кинуть ее еще раз, но вместо этого кладет ее на спину вверх лапками.

- Ты выиграла.

Я качаю головой, не веря своим ушам.

- Ты выиграла, - повторяет он с нажимом. - Задавай вопрос.

Что ж, отлично. Если он хочет отдать мне победу, с моей стороны будет глупостью не принять ее.

- Леди Ноури в обмен на Мадока потребовала меня? - Собираюсь с силами, готовясь услышать ответ или то, что он решит сказать вместо него. - И ты поэтому ведешь меня на север?

На его лице написано искреннее удивление.

- Это тебе Богдана сказала?

Я киваю.

Он вздыхает.

- Неудивительно, что ты сбежала.

- Это правда?

Оук хмурится.

- Какие именно слова она произнесла? Можешь вспомнить, чтобы я ответил без увиливаний?

- Что леди Ноури пообещала отдать принцу Мадока взамен на то, что он «взял с собой, отправляясь на север». И что это одна «глупенькая девчонка».

- Леди Ноури действительно предложила мне обменять отца на то, что, по мнению Грозовой ведьмы, я взял с собой, отправляясь на север, - отвечает Оук. - Это сердце Меллит. Именно его она и потребовала. Если мне удалось убедить Богдану, что сердце у меня, то это замечательно. Может быть, леди Ноури тоже в это поверит. Но когда Грозовая ведьма разговаривала с тобой, то она специально построила предложение так, чтобы обмануть тебя.

Я размышляю над путаницей слов Богданы, над тем, чего она не говорила. Почему бы ей просто не сказать: «Леди Ноури предложила обменять Мадока на тебя». Если бы она могла это произнести, то так бы и сделала.

- Так, значит, у тебя нет сердца Меллит и ты не собираешься отдавать леди Ноури ни меня, ни его? - Мне нужно, чтобы он проговорил эти слова вслух.

Он широко улыбается.

- Я не собираюсь никому тебя отдавать. Леди Ноури не требовала тебя в обмен на Мадока. А насчет сердца Меллит, я покажу тебе, что хочу сделать, как только доберемся до рынка. Мне кажется, я придумал неплохую хитрость.

Я смотрю в его лисьи глаза, и на меня накатывает такая волна облегчения, что начинает кружиться голова.

Поднимаю взгляд на небо – таким ярко-голубым оно бывает только после грозы – и позволяю себе поверить в то, что я в безопасности. По крайней мере, сейчас. По крайней мере, мне не угрожает он.

Я поднимаю лисичку. Оук, похоже, ничего не замечает и не просит меня ее вернуть, поэтому я опускаю фигурку в карман.

Мы снова отправляемся в путь.

Вскоре между деревьями начинает проступать буйство красок. Видимо, это и есть Сырой рынок. Ветер доносит до меня обрывки песни.

– А что, если, – начинает принц, хитро сверкая глазами, – ради экономии времени мы притворимся, что сыграли еще дважды? Один раз победил я, и ты теперь должна мне танец. Но второй раз выиграла ты, так что можешь задать мне еще один вопрос, если у тебя есть что спросить.

Этими словами он явно поддразнивает меня, и я внезапно готова ответить ему тем же.

– Хорошо. Тогда расскажи мне о своих девушках.

Он приподнимает брови.

– О девушках?

– Тирнан упоминал, что есть две дамы, которых ты особенно хочешь впечатлить. Одну, кажется, зовут Вайолет. А другую – Сиби. Но Тирнан сказал, ты часто в кого-то влюбляешься.

Оук смеется от удивления, но ничего не отрицает.

– При дворе от принца ожидают определенных вещей.

– Ты, верно, шутишь, – говорю я. – Ты влюбляешься из чувства долга?

– Я же говорил: я придворный, искушенный во всех куртуазных искусствах. – Он говорит с улыбкой, признавая абсурдность своих слов.

Я качаю головой и улыбаюсь ему в ответ. Он дурачится, но я не могу понять, какая именно правда скрывается за его шутками.

– У меня и правда есть дурная привычка влюбляться, – продолжает Оук. – С завидной регулярностью и масштабными последствиями. Видишь ли, добром мои романы не заканчиваются никогда.

Мне интересно, напоминает ли ему этот разговор о нашем поцелуе. С другой стороны, это ведь я поцеловала его, а он лишь поддался моему порыву.

– Как такое возможно с твоим-то очарованием? – спрашиваю я.

Он снова смеется.

- Моя сестра Тарин регулярно спрашивает у меня то же самое. Она говорит, я похож на ее покойного мужа, что вполне логично, поскольку он приходился мне сводным братом. А еще это немного пугает, ведь она сама же его и убила.

Я думаю о том, как он говорил о Мадоке. Удивительно, с какой нежностью Оук рассказывает об ужасных поступках, совершенных членами его семьи.

- И в кого же ты влюблялся?

- Ну, например, в тебя, - отвечает принц. - Когда мы были детьми.

- В меня? - переспрашиваю я, не веря своим ушам.

- А ты не знала? - Похоже, изумление на моем лице ужасно его развеселило.

- О да. И хотя ты была старше меня на год и у меня не могло быть никаких надежд, я только и делал, что мечтал о тебе. Когда тебя выслали со Двора, я в течение месяца не брал в рот ничего, кроме чая и тостов.

Его слова так абсурдны, что я могу лишь фыркнуть в ответ.

Оук кладет руку на грудь.

- Ах, а теперь ты еще и смеешься надо мной. Я обречен любить жестоких женщин.

Он не может всерьез рассчитывать, что я поверю в искренность чувств, которые он описывает.

- Хватит говорить ерунду!

- Что ж, ладно, - отвечает он. - Продолжим? Когда я жил со своей сестрой и Хизер, я влюбился в Лару - смертную, которая ходила со мной в одну школу. Иногда мы с ней забирались на ветку клена и делились друг с другом сэндвичами. Однако у нее была злобная подруга, которая распустила про меня сплетни. Они и привели к тому, что Лара меня бросила, предварительно проткнув кожу карандашом.

- Ты и правда любишь жестоких женщин, - замечаю я.

- Еще была пикси по имени Вайолет. Я даже сочинил нелепые стишки, как страстно обожаю ее. К сожалению, она обожала дуэли и делала все возможное, чтобы я как можно чаще сражался за ее честь. Но, что еще печальнее, ни сестре, ни отцу не пришлось в голову научить меня искусству придворного поединка.

Я вспоминаю его отсутствующий взгляд перед дуэлью с огром, слова, брошенные в гнев Тирнаном.

- В итоге все это закончилось тем, что я случайно убил юношу, который нравился ей больше меня.

- Ого, - выдыхаю я. - Это какой-то тройной уровень невезения.

– Потом я влюбился в Сиби, которая хотела сбежать со мной подальше от Двора, но как только мы осуществили это намерение, передумала и принялась рыдать, пока я не отвел ее домой. И, конечно, русалка Лоана. Она не могла вынести того, что у меня нет хвоста, а однажды даже попыталась меня утопить, потому что в равной степени не могла вынести мысль, что я когда-нибудь полюблю другую.

Слушая его истории, я думаю о том, как он рассказывал мне о других тяжелых эпизодах своей жизни. Некоторые смеются в лицо смерти. Он же смеется в лицо отчаянию.

– Сколько лет тебе было?

– Пятнадцать, когда встречался с русалкой, – ответил он. – С тех пор прошло почти три года, так что я наверняка успел стать мудрее.

– Наверняка, – отзываюсь я, раздумывая, так ли это и хочу ли, чтобы это было правдой.

Вход на Сырой рынок образован двумя деревьями, которые склоняются друг к другу, переплетаясь ветвями. Стоит нам нырнуть внутрь, как маскировка спадает и то, что раньше казалось обрывками песни и цветными вспышками, раскрывается во всей своей полноте. Поляна заставлена палатками и магазинчиками. В воздухе висит густой аромат духов, медовых вин и запеченных фруктов. Мы проходим мимо шатра, где продаются лютни и арфы. Продавец пытается зазвать нас к себе, перекрикивая голос одного из музыкальных инструментов, рассказывающий ужасную историю своего создания.

Я замечаю, что рынок тянется до каменистого берега, где расположена небольшая пристань. Там на воде качается одна-единственная лодка. Интересно, ее ли Тирнан пытается выторговать у гоблинов?

Стук молотков и нестройное пение отвлекают меня от этих мыслей. Неподалеку от того места, где мы стоим, находится кузница, перед которой выставлено напоказ несколько мечей. Рядом с ней возвышается майское дерево. Вокруг него, размахивая разноцветными лентами, скачут несколько танцующих созданий. Я замечаю прилавок, на котором разложены мантии всех оттенков неба – от первого румянца рассвета до бездонной черноты ночи, усыпанной блестками звезд. В пекарне продаются плетеные булки, чьи блестящие корочки украшены травами и цветами.

– Нет золота? – выкрикивает продавец с оленьими рогами. – Не страшно! Платите прядью волос, годом своей жизни или сном, который никогда больше не желаете видеть!

– Сюда! – кричит другой. – Даже если сотню лиг пройдешь, других таких пиджаков не сыщешь! Зеленые, словно яд. Красные, точно кровь. Черные, как сердце короля Эльф-хейма!

Оук останавливается купить сыр, завернутый в восковую бумагу, полдюжины яблок и две буханки хлеба. Он приобретает теплую одежду, а также шапки и перчатки. Напоследок добавляет к покупкам веревку, новую сумку и абордажный крюк, лапки которого прижимаются к основанию, словно щупальца плывущего кальмара.

Мы проходим мимо лучника, около которого стоят несколько бочек, наполненных стрелами с различным оперением: из перышек воробья, вороны и даже крапивника. Потом видим палатку с платьями – зелеными, словно панцирь жука, шафрановыми и красными, как гранат. Книжную лавку с рядами старинных томов и пустых, недавно переплетенных книг, кремовые страницы которых так и ждут, когда их заполнят. Через один прилавок алхимик демонстрирует ассортимент ядов, включая отравленные чернила. Рядом с пузырьками расставлены черепа странных форм.

Оук останавливается, чтобы купить немного взрывчатки.

– На всякий случай, – успокаивает меня.

– О, прекрасная дама! – обращается ко мне фейри, продающий драгоценности. У него глаза змеи и раздвоенный язык, который то и дело выскальзывает изо рта, пока он говорит. – Эта шпилька как будто была создана специально для вас!

Она прекрасна. Золото и серебро переплетаются между собой, образуя форму птички, в клюв которой вставлена бусинка. Если бы она лежала на прилавке, я бы даже не заметила ее среди дюжины других недоступных мне вещиц. Но когда ювелир протягивает ее на ладони, то я помимо воли представляю ее своей.

– Мне нечем расплатиться. – С сожалением качаю головой.

Продавец переводит взгляд на Оука. Видимо, думает, что принц – мой возлюбленный.

Оук тут же вживается в роль и тянется за шпилькой.

– Сколько она стоит? Вы принимаете серебро или вам нужно последнее желание моего сердца?

– Серебро в самый раз, – улыбается фейри.

Оук достает из сумки несколько монет. Какая-то часть меня хочет запротестовать, но я все равно позволяю ему купить шпильку и заколоть ею мои волосы. Я чувствую теплое прикосновение его пальцев к шее, но вздрагиваю только после того, как он меня отпускает.

– От души надеюсь, что тебе нравится шпилька и ты приняла ее не из вежливости, – говорит он, сопровождая свои слова строгим взглядом.

– Она мне правда очень нравится, – мягко отвечаю я. – И я вовсе не вежливая.

– Отличное качество! – смеется Оук.

Мы пересекаем широкую лужайку, на которой вовсю идет представление кукольного театра. Собравшись вокруг занавешенной шторкой коробки, народ наблюдает за тем, как искусно вырезанный из бумаги ворон пролетает над

мельницей. Я замечаю несколько смертных детей и замираю, пытаюсь понять, не подменьши ли они.

Бумажный ворон опускается на дерево из раскрашенного папье-маше. Скрытый от глаз кукловод дергает за рычаг, заставляя вороний клюв открываться и закрываться.

Птица поет:

Кар-кар, кар-кар,

Моя мать убила меня,

Отец мой на завтрак скушал меня,

А сестра мои косточки собрала

И в землю под яблоню убрала.

Смотрите, я вылупился из яйца,

Кар-кар, какая красивая птица я!

Я останавливаюсь посмотреть, что будет дальше. Мельнику так нравится песня, что он отдает ворону жернов, чтобы тот спел еще раз. Прилетев домой, птица роняет камень на голову своей мачехи и убивает ее.

Когда толпа начинает аплодировать, я понимаю, что Оук скрылся в кузне. Прихожу как раз вовремя, чтобы увидеть, как кузнец с кустистыми бровями возвращается из подсобного помещения, держа в руках нечто наподобие коробки. Она сделана из металла и стекла, чтобы ее содержимое было видно снаружи. Внизу к ней крепятся золотистые ножки-подставки. Но в коробке ничего нет.

- Что это? - спрашиваю я, когда принц осторожно укладывает коробку в сумку.

- Драгоценный ларец, - отвечает он. - Зачарованный таким образом, что его содержимое не поддается порче и может храниться вечно. Он очень похож на тот, в котором лежали кости Мэб. Я попросил Тича отправиться сюда заранее и заказать его для нас.

- А для чего...

Оук жестом велит мне выйти из кузни. Мы направляемся в сторону пристани.

- Поместим туда оленьё сердце, - говорит Оук. - Ведь именно его я и собираюсь отдать леди Ноури. Преподнесем его в красивом ларце, чтобы она не сразу догадалась, что мы ее одурачили. Надеюсь, за это время ты успеешь подобраться к ней поближе, и тогда мы осуществим наш план.

- Оленье сердце? - эхом повторяю я.

- Вот что я взял с собой, отправляясь на север. Хитрость. Фокус, почти такой же, как тот, с монеткой.

Я улыбаюсь ему, впервые поверив, что мы на одной стороне.

Добравшись до берега, мы видим, что Тирнан по-прежнему торгуется с тремя гоблинами. У одного из них золотистые волосы и острый подбородок, у второго - черные волосы и густые брови, а у третьего на голове и вовсе нет волос. Лысый гоблин держит в руке бурдюк с вином и глазеет на меня с такой серьезностью, на которую способен лишь тот, кто очень много выпил. Время от времени он передает бурдюк рыжеволосому великану, который сидит на пристани, свесив огромные ноги в море.

Черноволосый гоблин взвешивает на ладони серебряный нож.

- Что еще у тебя есть?

На бульжнике неподалеку от них возвышается стопка драгоценностей: огромная жемчужина, не меньше шестнадцати золотых монет и камешек, похожий на изумруд.

- Вы переоцениваете стоимость своего товара, - отмечает Тирнан.

Пьяный гоблин заливается раскатистым смехом.

На воде покачивается лодка с носовой фигурой в виде баклана. Его шея вытянута, словно он вот-вот взлетит, а по бокам расстилаются крылья, призванные защищать корпус. Лодка изготовлена весьма искусно. Пришурившись, я понимаю, что она заколдована.

- Юноша, - говорит златовласый гоблин Оуку, когда мы подходим к ним, - объясните своему другу, что он не может купить одно из лучших наших творений за пару безделушек.

Тирнан с трудом сдерживает гнев.

- Мы договорились о цене, мне просто немного не хватает, вот и все. Теперь, когда вы здесь, доплатим им, и можно отправляться в путь.

Каковы бы ни были его основания полагать, что он справится с переговорами лучше Оука, он явно где-то ошибся. Не в его характере приукрашивать правду или ходить вокруг нее кругами.

Златовласый гоблин выжидающе смотрит на нас.

- Мы бы хотели получить остаток оплаты, если изволите.

Оук достает из сумки несколько золотых монет, а также горсть серебряных.

- Этого хватит?

– Мы возьмем в качестве доплаты ваши кольца, – говорит златовласый гоблин, указывая на пальцы принца.

Я не уверена, важны ли для него эти драгоценности, но видимо, не очень, поскольку Оук лишь тяжело вздыхает и начинает снимать их. Он кладет на булыжник все три кольца, а затем добавляет к ним свой венец. Корона наверняка достаточная плата за лодку.

Златовласый гоблин качает головой.

Я замечаю перемену в улыбке принца. Сейчас из его уст польется мед.

– Пожалуй, ваша лодка слишком прекрасна для наших скромных нужд. Нам только и нужно что крепкое суденышко.

Двое гоблинов обмениваются взглядами.

– Вам не найти лодки крепче и надежнее нашей, – отвечает черноволосый.

– Разумеется, но невозможно без слез подумать о том, как эта красавица борется с жестокой стихией. – Оук принимает задумчивый вид. – Быть может, вы продадите нам что-нибудь менее восхитительное?

Черноволосый гоблин обиженно фыркает.

– Мы не изготавливаем уродливые вещи.

– Конечно. – Оук вздыхает с разочарованным видом. – Я понимаю, что нет.

Я догадываюсь, что он задумал.

– Давайте поищем лодку где-нибудь еще, – предлагаю я.

Тирнан смотрит на нас так, словно хочет придушить. То ли он не разгадал замысел Оука, то ли не верит, что план сработает.

Златовласый гоблин пристально смотрит на Оука.

– Неужели вам больше нечего предложить в качестве оплаты? Глядя на таких достойных путников, как вы, просто не могу в это поверить. Кстати, что там у нее в волосах?

Оук хмурится, а я достаю шпильку из заплетенных кос. С сожалением добавляю ее к груде драгоценностей, пытаюсь убедить себя, что эта утрата не имеет значения. Все равно там, куда мы направляемся, украшения мне не понадобятся.

Фыркнув, гоблин с густыми бровями берет шпильку и оценивающе крутит ее между пальцами.

– Что ж, хорошо. Если вы не можете предложить ничего лучше, кроме кучки безделушек, так уж и быть, мы сжались над вами и пойдем на сделку. Ваши кольца, жемчужина, монеты, изумруд – размером меньше утино яйцо! – обруч и шпилька. Мы отдадим вам лодку в обмен на все эти вещи.

Оук с улыбкой подходит к гоблину, чтобы пожать ему руку и тем самым заверить сделку.

Тирнан запрыгивает в лодку и жестом показывает, чтобы я бросила ему свой рюкзак. Кажется, он рад, что переговоры наконец-то закончились и можно отправляться в путь.

Пьяный великан поднимается на ноги, уставившись на принца обличающим взглядом.

- Гляньте-ка, что у него под одеждой! Золотая кольчуга, - хрюкающим голосом произносит он. - Ее мы тоже заберем. Так ему и скажите!

- Мы уже сошлись на цене, - предостерегает его Тирнан.

Оук кладет ладонь на рукоять меча, и я замечаю в его глазах дикий блеск.

- Я не хочу сражаться, - говорит он, и я уверена, что отчасти это правда.

- Вы хотели нас обмануть! - кричит великан.

Я торопливо опускаюсь на колени и пытаюсь развязать веревку, которой лодка привязана к пристани. Узел тугой и мокрый, к тому же явно заколдованный.

- Ранги, - обращается к великану один из гоблинов. - Мы заключили сделку.

Однако великан слишком пьян, чтобы вести переговоры. Он пытается схватить принца, но тот отпрыгивает за пределы его досягаемости. Тирнан что-то кричит, но я не уверена, кого из них он пытается предостеречь. На лице Оука появляется холодное, отстраненное выражение.

Наконец мне удается развязать узел, и лодка начинает отплывать от причала.

Хватаю Оука за плечо, и он устремляет на меня безучастный взгляд. На мгновение мне кажется, что он меня не узнает.

- Умеешь плавать? - спрашиваю я.

Он кивает, словно пробуждаясь ото сна. А в следующее мгновение делает стремительный рывок.

Но не для того, чтобы зарубить мечом великана. Или меня. Он хватает мою шпильку. А затем со всех ног бежит к причалу.

- Воры! - кричит гоблин, когда мы с Оуком вместе спрыгиваем с пристани.

Я с визгом опускаюсь в воду, поднимая ураган брызг. До лодки не больше двух футов. Погружаюсь на дно до тех пор, пока не нащупываю его ногами, а потом изо всех сил отталкиваюсь и плыву вверх.

Снова оказавшись на поверхности, вижу принца, который схватился за крыло баклана. Он протягивает мне руку.

Гребу руками в его сторону, выплевывая изо рта грязную воду.

За нашими спинами раздаются крики гоблинов. Не обращая на них внимания, Тирнан затаскивает на палубу меня, а затем тянет руку к Оуку.

Разъярившийся великан прыгает в воду и идет по дну в нашу сторону.

Принц подбегает к мачте и разворачивает парус. И хотя день не слишком ветреный, ткань тут же натягивается и надувается. Не знаю, что за магия здесь применена, но, похоже, гоблины не могут ею управлять. Всего через несколько секунд мы оказывается вдали от великана.

Я слизываю соль с верхней губы. Тирнан берет за штурвал и уводит нас прочь от берега. Раздается свист крыльев – это Тич летит к нам прямо с рынка. Сделав один круг, он опускается на мачту.

Проходит совсем немного времени, и пристань окончательно теряется из вида.

Оук встает на нос лодки, плотнее укутываясь в мантию, и устремляет взгляд в море.

Я думаю о том, как плыла к островам Эльфхейма на корабле, значительно превосходившем размером нашу нынешнюю лодку. Большую часть путешествия меня держали в каюте, но пару раз все-таки вывели на палубу, чтобы я могла подышать соленым морским воздухом и послушать крики чаек.

«Если ты выйдешь замуж за мальчишку, – говорила мне леди Ноури, – не вырезай ему сердце из груди сразу же. Я знаю, какая ты кровожадная, но придется проявить немного терпения». А потом она тихо смеялась.

Я кивала, пытаюсь выглядеть кровожадной и терпеливой. Я была готова сделать все что угодно, только бы мне позволили посидеть на солнце подольше.

Я не горела желанием убивать мальчика, которого ни разу в жизни не встречала, но, надо признаться, тогда я мало об этом задумывалась. Если такова была воля леди Ноури, если, подчинившись ей, я могла избежать наказания, то я сделала бы это не колеблясь.

Трудно поверить, как быстро я изменилась настолько, что перестала себя узнавать.

Хотелось бы мне знать, каким Оук видит себя перед сражением. И каким видит после.

– Рэн. – Зов Тирнана возвращает меня к реальности. – Что ты можешь рассказать о том месте, куда мы направляемся?

Я погружаюсь еще глубже в прошлое, скрытое пеленой боли.

- В Цитадели три башни и три входа, если считать воздушный. - Схематично черчу их мокрым пальцем на древесине палубы.

Тирнан хмурится.

- Что? - спрашиваю я. - Я знаю это место не хуже Гиацинта.

- Просто задумался о воздушном входе, - осторожно произносит Тирнан. - Мне кажется, я впервые про него слышу.

Я киваю.

- Это не то чтобы настоящая дверь. Просто сводчатый проем в одной из башен. Крылатые существа попадают внутрь именно этим путем.

- Например, птицы, - подхватывает он. - Возможно, Гиацинт все-таки упоминал, что пользовался этим входом.

- Остальные входы охраняет стража, - сообщаю я. - Раньше это были представители сокрытого народа. Возможно, теперь их заменили на палочников.

Тирнан ободряюще кивает, призывая меня продолжать.

- Основание и первый этаж Цитадели выложены из черного камня. Все прочие стены состоят из льда. Местами они матовые - зачастую почти прозрачные, - а местами мутные и непроницаемые. Где бы ты ни прятался, тебя, скорее всего, выдаст твоя тень, - говорю я. Этот факт хорошо известен мне из личного опыта. - Темница находится в той части замка, которая состоит из черного камня.

Тирнан достает из кармана кусочек грифеля.

- Держи. Попробуй как-нибудь нарисовать.

Парой темных штрихов изображаю на деревянном настиле гарнизонные ворота и внутренний двор.

Я знаю Цитадель как свои пять пальцев. Знаю, где почивает леди Ноури, знаю, где расположены ее тронный и пиршественный залы. Гиацинт мог подробно описать, как Цитадель укреплена и как охраняется, мне же известно, сколько ступенек ведет на вершину каждой башни. Я помню каждый угол, в котором могла спрятаться маленькая девочка, каждое укромное местечко, откуда ее могли вытащить.

- Если бы мне удалось попасть в спальню леди Ноури, я бы смогла отдать ей приказ, - произношу я. - Вряд ли она держит там много стражников.

Но даже если при ней не будет охраны, то у нее останутся амбиции, жестокость и готовность пролить реки чужой крови. Они с лордом Джарелом ненавидели слабость, словно это болезнь, которой можно заразиться.

Я представляю, как уздечка впивается в кожу леди Ноури. Представляю, какое удовлетворение испытаю, увидев ужас на ее лице в тот момент, когда

она поймет, что ловушка захлопнулась. Как высокомерное выражение, которое она привыкла носить, подобно броне, уступит место панике.

Картина, которую рисует мое воображение, доставляет мне удовольствие. Видимо, я похожа на своих родителей больше, чем мне хотелось бы думать.

Стремясь отвлечься от этого печального открытия, я поднимаюсь на ноги и иду на мыс лодки, где сидит Оук, укутанный в сырую мантию. Мокрые кудри целуют щеки, приклеиваются к его шее и маленьким, остроконечным рожкам. Его губы посинели и теперь почти не отличаются от моих.

- Тебе стоит переодеться в сухую одежду, - говорит он мне.

- Прислушайся к собственному совету, принц.

Он осматривает себя с таким удивлением, будто все это время не замечал, что мерзнет. Потом переводит взгляд на меня.

- Хочу тебе кое-что отдать.

Я протягиваю руку, думая, что он вернет шпильку, но он кладет на мою ладонь уздечку.

- Зачем? - спрашиваю я, уставившись на него.

- Кому-то из нас нужно ее хранить. Пускай это будешь ты, - отвечает он. - Только отправься в Цитадель вместе с нами и постарайся верить мне, что бы ни случилось, что бы я ни сказал и ни сделал - в будущем или прошлом. Моя цель заключается в том, чтобы мы все пережили этот поход. Чтобы мы победили.

Я хочу ему верить. Как же сильно я этого хочу.

Сжимаю в пальцах кожаные ремешки уздечки.

- Конечно, я отправлюсь в Цитадель.

Наши взгляды встречаются.

- Хорошо.

Я позволяю себе расслабиться и поверить, что нас связывает дружба.

- А что насчет моей шпильки?

Он одаривает меня широкой улыбкой и вручает украшение. Я провожу пальцем по серебряной птичке, а потом закалываю шпилькой не свои, а его волосы. Когда мои пальцы скользят по его шее и касаются шелковых локонов, Оук вздрагивает, и мне кажется, что виной тому совсем не холод. Мое внимание внезапно фокусируется на его теле - на длинных ногах и изгибе губ, на шее с мягкой ложбинкой и острых кончиках ушей, где раньше были серьги. На локоне, который выбился из-под моей шпильки и, касаясь светло-коричневого рога, падает на его скулу.

Когда мы смотрим друг другу в глаза, воздух между нами рассекает страсть – острая, как клинок. Время замедляется. Я хочу укусить его за губу. Хочу почувствовать жар его кожи. Скользнуть рукой под кольчугу и провести пальцами по лабиринту шрамов.

Хоб взлетает с мачты, и мы оба вздрагиваем. Внезапно осознав, где нахожусь, я вскакиваю на ноги, пожалуй, слишком быстро. Мне даже приходится ухватиться за деревянные крылья баклана, чтобы не свалиться в море.

Тирнан стоит где-то в двадцати футах от нас, впорив взгляд в горизонт, но я все равно краснею, словно он способен прочесть мои мысли.

– Рэн? – Оук смотрит на меня странным взглядом.

Я бегу к штурвалу, пригибаясь, чтобы не удариться о поперечную мачту. Но, даже оказавшись на расстоянии от принца, я все еще отчаянно желаю до него дотронуться.

К счастью, Оук не следует за мной. Он спускается с носа, чтобы переодеться в сухую одежду. Через некоторое время присоединяется к Тирнану на корме и молча забирает у него штурвал.

Зачарованная лодка, гонимая невидимыми ветрами, летит по морю. Мы встречаем шхуны, танкеры, прогулочные баржи и рыболовные суда. Взяв направление на север, мы проходим мимо побережья штата Мэн с одной стороны и островами Эльфхейма – с другой. Затем минуем залив Святого Лаврентия и оказываемся в Лабрадорском море.

Все должно было вернуться на круги своя, но этого не происходит. Каждый раз, когда Оук касается меня, передавая ломтик хлеба или бурдюк с водой, я не могу этого не замечать. Когда настает моя очередь вести ночью корабль по звездам, лицо принца притягивает мой взгляд, словно я могу увидеть его сны и через них узнать его тайны.

Со мной явно что-то не так.

На третий день, после завтрака, я поворачиваюсь к борту, чтобы выбросить в море отгрызок яблока, но вдруг замечаю, что лодку окружили акулы. Их плавники бесшумно прорезают мертвую зыбь. Они поднялись так близко к поверхности воды, что я могу рассмотреть их длинные бледные тела.

У меня перехватывает дыхание.

Оук подносит руку к лицу, чтобы прикрыть глаза от яркого солнца, и в этот момент из моря выплывает русалка. Ее волосы серебрятся, словно солнечный свет, отраженный в воде.

– Лоана, – произносит он с улыбкой, которая почти не выглядит натянутой.

Я помню это имя. Лоана. Одна из его возлюбленных. Та, что хотела его утопить.

Я бросаю взгляд на Тирнана. Он сжимает рукоять меча, но не вынимает его из ножен. Сомневаюсь, что клинок окажется в этой ситуации полезен.

- Ты послал за мной гонца, и вот я здесь, принц Оук. Знал бы ты, как тебе повезло, что я приплыла! По мере того как сила королевы Орлаг угасает, во всех концах Подводного мира возникают новые претенденты, и каждый из них пытается завладеть преимуществом. Еще чуть-чуть, и у тебя не останется друзей под водой, кроме меня.

- Соглашение с землей по-прежнему в силе, - напоминает ей Оук.

- Но только пока, красавчик. - У нее ярко-голубые, как стеклянная галька, глаза. Волосы разметались по воде и напоминают серебристый нимб. Русалка лениво поднимает хвост на поверхность, а затем с громким шлепком вновь погружает в море. - Ходят слухи, что Никасия собирается устроить соревнование, а потом выйти замуж за победителя.

- Ого, - с осторожностью произносит Оук. - Вас ждет веселье?

- А может быть, она планирует призвать землю на помощь, согласно условиям соглашения. - Русалка гладит подплывшую к ней акулу, и я с восхищением наблюдаю за ними. У этой чудовищной рыбы такие большие челюсти, что она, наверное, могла бы перекусить нашу лодку пополам. - И, собрав всех претендентов в одном месте, сделать так, чтобы вы их уничтожили.

- Увы, - вздыхает Оук, - земля пытается решить собственные проблемы. Именно по этой причине я обратился к тебе за помощью. Мы хотели бы скрыть наше судно от чужих глаз на время путешествия, чтобы спуститься на берег незамеченными.

- Пройти под водой было бы гораздо быстрее. - Ее голос сочится искушением.

- И все же мы предпочтем лодку, - отзывается Оук.

Русалка обиженно надувает губы.

- Ну, раз это все, чего ты от меня хочешь, будь по-твоему. Я исполню твою просьбу в обмен на поцелуй.

- Оук... - В голосе Тирнана звенит предостережение.

Я делаю шаг к принцу, который уже опускается на колени у борта.

- Твое условие легко выполнить, - произносит Оук, но выражение его лица не соответствует словам. - Меня это нисколько не затруднит.

Замечаю привязанную к мачте веревку и пихаю ее край ногой ближе к Оуку, пока тот говорит. Когда веревка ударяет его по бедру, он даже не опускает взгляд, но незаметно обвязывает ее вокруг руки и лишь потом наклоняется к Лоане.

Она обхватывает его голову перепончатыми пальцами и прижимается к нему губами. Наверное, они холоднее морской воды. Наверное, они холоднее моих.

Ее глаза прикрыты, ресницы касаются щек. Она засовывает язык ему в рот и еще сильнее сжимает хватку.

Мне безумно неприятно наблюдать за этим, но отвернуться я не могу.

Затем Лоана бьет хвостом по воде и резко тянет Оука на себя. Веревка натягивается, и теперь она – единственное, что удерживает его от падения в море.

Принц вырывается из рук русалки и, тяжело дыша, отползает назад. Его рубашка промокла от морской пены. Губы горят от поцелуя.

– Спустись под покров вод! – взывает она. – Утони в наслаждении вместе со мной!

Оук нервно смеется.

– Спасибо за соблазнительное предложение, но мне необходимо довести этот поход до конца.

– Тогда я поспешу помочь тебе этого добиться, – говорит она и, нырнув под воду, уплывает прочь. Акулы следуют за ней и вскоре исчезают в глубине. Я замечаю переливчатую дымку в поле своего зрения.

– Вас едва не затащили на морское дно, – произносит Тирнан, качая головой. – Надеюсь, оно того стоило.

– Теперь мы скрыты от Богданы и леди Ноури, – говорит Оук и опускает глаза, избегая наших взглядов.

К тому времени, когда наступает ночь, мы минуем несколько плавучих ледяных глыб и пристаем к обдуваемому всеми ветрами пляжу, расположенному недалеко от Гудзонова пролива. Оук вытягивает лодку на черные камни, а Тирнан закрепляет судно веревкой, чтобы его не унесло в море прибоем. Они не просят меня о помощи, а я ее не предлагаю.

Убывающий месяц над нашими головами поздравляет меня с возвращением домой.

Я вспоминаю представление кукольного театра и песенку, которую пел ворон, чтобы получить жернов:

Кар-кар, какая красивая птица я.

Бушующие над горами ветра с жутким завыванием ныряют в долину. Лучи предзакатного солнца отражаются от волос Оука почти так же ярко, как и от снега.

Теплые мантии давят нам на плечи. Нахохлившийся Тич прячется в капюшоне принца, время от времени выглядывая оттуда, чтобы бросить на меня сердитый взгляд.

Снег почти никогда не останавливается. Он кружится и слепит нам глаза. Прилипает к вещам и коже, мерцает и переливается, а когда налетает порыв ветра, то превращается в белый туман.

А еще он причиняет боль. Сначала как игла, потом словно бритва. Крошечные частички льда оставляют ссадины на щеках и, оседая на землю, скрывают от глаз ямы. Сделав один шаг, я слишком сильно опираюсь на ногу, и она проваливается глубоко под лед. Вторая нога подгибается, и я чувствую резкую боль в бедре.

Оук протягивает руку и помогает мне выбраться.

- Миледи, - говорит он, будто приглашая меня забраться в карету. Я чувствую, как он сжимает мои пальцы, несмотря на то, что мы оба в перчатках.

- Я в порядке, - отвечаю я.

- Не сомневаюсь, - соглашается он.

Я шагаю вперед, не обращая внимания на то, что немного прихрамываю.

Впереди, милях в двадцати, угрожающе маячит Каменный лес. Он тянется длинной полосой в разные стороны от нас, и я даже не представляю, как нам его обойти. Стройные сосны с серебристо-серой корой возвышаются над покрытой снегом равниной, словно стена.

Пробираясь по снегу, мы подходим ко вбитому в землю колу, на который насажена голова тролля. Деревянная палка покосилась набок - видимо, от порывов ветра, - и вся ее верхняя часть черна от засохшей жидкости. Глаза тролля открыты и смотрят в пустоту затуманенными зрачками. Его ресницы побелели от мороза.

На палке написано: «Кровь моя пролилась во славу Каменных королей, что правят под землей, но тело мое принадлежит Королеве снегов».

Я тарашусь на голову, из-под которой виднеются куски плоти и костей. Потом окидываю взглядом покрытую снегом равнину, что усеяна предметами похожей формы. Теперь, зная, что это не сухие ветки и не тонкие деревца, я понимаю, что их здесь не меньше полудюжины. Три кола сгруппированы вместе, остальные разбросаны по полю.

Я размышляю, для чего они предназначены, когда голова открывает рот и начинает говорить:

- Именем королевы, - скрежещет она жутким шепотом, - добро пожаловать.

От удивления делаю шаг назад, поскользываюсь и падаю на попу. Пока пытаюсь подняться на ноги, Тирнан обнажает меч и разрубает голову на две части. Половинка черепа падает на снег, разбрасывая застывшие сгустки крови, каждый размером с рубин.

Однако губы тролля продолжают шевелиться, снова и снова приветствуя нас.

Оук приподнимает брови.

– Полагаю, наш визит больше не является тайной.

Тирнан окидывает взглядом остальные колья и коротко кивает, после чего вытирает меч о штаны и убирает его обратно в ножны.

– До пещеры недалеко. Там нас ждут поленья для костра и меховые шкуры. Остановимся там и составим план дальнейших действий.

– Когда вы успели все подготовить? – интересуюсь я.

– Когда я приходил сюда за Гиацинтом, – отвечает Тирнан. – Но до нас пещерой пользовались и другие. Там оставались старые запасы, еще с тех времен, когда неподалеку располагался лагерь Двора Зубов и соколов Мадока.

Шагая вперед, размышляю на ответом Тирнана.

Я никогда не задумывалась о том, когда именно рыцарь выкрал Гиацинта. Я знала, что сокол пробыл в Эльфхейме достаточно долго, чтобы попытаться убить Кардана и получить наказание в виде уздечки. Видимо, все случилось до того, как похитили Мадока.

Но разве это не странное совпадение, что Гиацинт находился в Эльфхейме в то же самое время, когда генерала забрали на север? Может быть, он и помог леди Ноури? Либо знал, что готовится похищение, но ничего не сказал. Может быть, у Тирнана куда больше причин чувствовать себя преданным, чем мне казалось?

Третья голова, мимо которой мы проходим, принадлежит джентри. Его глаза похожи на две застывшие черные капли, а кожа побелела от потери крови. На палке виднеется та же надпись о Каменных королях, которую мы уже читали.

Оук протягивает руку к замерзшей щеке фейри и закрывает ему глаза.

– Ты его знал? – спрашиваю я.

Принц отвечает не сразу.

– Это генерал Лихорн. Он был одним из проклятых соколов. Помню, в детстве я часто видел его в гостях у папы. Они пили и обсуждали военные стратегии.

К счастью, голова молчит.

Я вижу, как тело Оука дрожит под мантией. Тирнан выглядит немногим лучше. Шерстяная одежда защищает их от мороза, но этого все равно недостаточно.

Солнце раскрашивает лед багрянцем и золотом, когда мы начинаем подниматься в гору по крутому, усеянному камнями склону. Мы осторожно перебираемся через них, стараясь не поскользнуться. Идти тяжело, и я настолько сосредоточена, что не издаю ни звука. Оук бредет сзади, скользя копытцами по льду. Тирнан к таким подъемам хорошо подготовлен, и его шаг остается почти невесомым, но, судя по учащенному дыханию, ему тоже приходится нелегко. По мере того как темнеет небо, становится холоднее. Оук выдыхает облачка пара, а Тирнан явно дрожит. Перчатки не спасают их от холода – у них немеют пальцы, из-за чего движения рук становятся неуклюжими. На меня холод не действует, я, напротив, чувствую себя чуть более живой. Мое сознание будто немного проясняется.

Порывы ветра бьют по нашим щекам острыми ледяными иглами. Мы с трудом продвигаемся вперед, едва различая тропинку между низкорослыми деревьями, каменными выступами и сосульками.

Мне в голову приходит непрощеная мысль, и я смотрю на то, из чего сделана. Снег и палочки. Палочки и снег. Я не настоящая девочка. Я – бумажная кукла, с которой поиграют, а потом разорвут на части и выбросят.

Я была создана ради того, чтобы предать Верховный двор. После этого мне не полагалось оставаться в живых. Если я смогу низвергнуть леди Ноури, то испытаю еще большее удовольствие, особенно учитывая, что она этого не ожидала.

Наконец мы видим вход в пещеру, широкий и низкий. Ее свод образован шербатым слоем льда, и мне приходится пригнуть голову, чтобы зайти внутрь. Хоб вылезает из капюшона принца и стрелой уносится во тьму.

Оук достает из сумки четыре свечных огарка и, расставив их по пещере, зажигает. Танцующее пламя отбрасывает тени во всех направлениях.

В глубине возвышается горка припасов: лохматые медвежьи шкуры, коробки, небольшой сундучок и несколько рядов бревен. Они пролежали здесь достаточно долго, чтобы покрыться тонким слоем наледи.

– Сколько тут всего интересного, – произносит Оук, подходя к сундучку и осторожно ударяя по его стенке копытцем. – Ты что-нибудь открывал, когда был здесь в прошлый раз?

Тирнан качает головой.

– Я немного спешил.

Видимо, он был здесь вместе с Гиацинтом – еще до того, как Оук пытался его расколдовать. Значит, солдат пребывал в обличье птицы. Может быть, Тирнан поймал его в этой пещере и заключил в клетку? Или сокол по своей воле сидел на плече Тирнана, думая, что тот его спасает? Или он отправился в Эльфхейм, уже тогда собираясь помочь леди Ноури похитить Мадока? Я хмурюсь от этой мысли, вспоминая, как Гиацинт рассказывал мне о своей верности.

Оук разглядывает замок, на который закрыт сундук.

– Однажды Бомба поведала мне историю о ядовитых пауках, заключенных внутри сундука. Когда вор открыл его, то получил множество укусов и умер мучительной смертью. Думаю, она хотела напугать меня, чтобы я перестал воровать сладости.

Тирнан ударяет по одному из бревен покрытым снегом сапогом, и оно выпадает из поленницы.

– Разожгу костер.

Я беру в руки шкуру и, вывернув наизнанку, провожу по ней пальцами в поисках гнили или насекомых. Ничего такого не обнаруживаю. Равно как и пигментных пятен, которые остались бы, если бы шкуру пропитали ядом. Принюхиваюсь, но различаю лишь едва заметный запах дыма – его использовали для дубления кожи.

Рядом свалена небольшая куча одежды: несколько комплектов серой шерстяной военной формы, принадлежавшей солдатам армии, которая давно уже перестала существовать. Перетряхиваю одежду и оцениваю ее разглядывая, пока Оук пытается открыть ржавый сундук.

– Видимо, тут все-таки нет пауков, – говорит он, когда я смотрю в его сторону.

Внутри сундука лежат несколько засохших булок, покрытая восковой пленкой головка сыра и бурдюк с водянистым вином. Оук выглядит разочарованным.

Я снова ловлю себя на том, что изучаю его лицо, изгиб улыбающихся губ, жесткую линию подбородка. Пытаюсь понять, что он хочет мне показать, а что предпочел бы скрыть. Через мгновение отворачиваюсь и возвращаюсь ко входу в пещеру, где Тирнан бьет старым куском кремня по краю своего меча, пытаясь высечь искру.

Насколько ему тяжело вернуться сюда одному, без спутника, сопровождавшего его в прошлый раз?

– Как долго вы с Гиацинтом были вместе? – спрашиваю я и вынимаю из рюкзака дважды промокший коробок спичек. Отдаю его Тирнану, хотя не уверена, что от него будет толк.

Тирнан вздыхает.

– Мы познакомились за год до того, как король Элдред отрекся от престола. Летом, на ночном пиру. Это был не официальный прием, а скорее дружеский кутеж. Тогда я еще надеялся, что меня выберут для посвящения в рыцари.

Я хмурюсь, не до конца понимая смысл его слов.

– Ты не рыцарь?

Тирнан широко ухмыляется. Еще ни разу я не видела его таким веселым.

- Я? Нет-нет. Я прошел обучение, но возможности так и не представилось.

Озадаченная как никогда, бросаю взгляд на Оука. Конечно, я не посвящена в детали этого действия, но мне казалось, что оно сводится к следующему: представитель королевской семьи должен плашмя стукнуть тебя мечом по плечу. По-моему, одного участия Тирнана в этом походе достаточно, чтобы даровать ему этот титул.

- Я присоединился ко Двору Теней, - отвечает он на не заданный мною вопрос.

- Ты шпион?

Кажется, у меня от удивления отвисла челюсть.

- А кого еще моя сестра могла выбрать в качестве охранника? - доносится из глубины пещеры голос Оука. - Она испытывает нежность к шпионам, мечтавшим стать рыцарями, потому что когда-то сама была такой.

- Однако в ту ночь я еще не был шпионом. Я был молод, полон надежд и немного пьян. - Он улыбается своим воспоминаниям. - Лицо Гиацинта наполовину было скрыто в тени. Он спросил у меня, известно ли мне что-нибудь о пророчествах. Думаю, он был изрядно пьян. Мы блуждали по садовому лабиринту, обсуждая великие деяния, которые нам, подобно рыцарям древности, предстояло совершить. Его жажда мести показалась мне невероятно романтической. - Тирнан кривит губы, словно ему больно вспоминать прошлую версию себя. Или Гиацинта, который еще не поставил свою месть превыше их отношений.

Огонь загорается.

- И вот ты здесь, совершаешь великие деяния, - произношу я.

Он чуть заметно улыбается.

- Иногда судьба преподносит нам страшные дары, исполняя наши собственные желания.

Оук успел снять восковую пленку с найденного в сундуке сыра. Теперь он сидит рядом с нами и жует кусочек, строя недовольную гримасу.

- Он явно успел настояться, - говорит принц так, словно это достаточная причина попробовать сей продукт, несмотря на его ужасный вкус.

Покопавшись в рюкзаке, достаю злаковый батончик и отдаю предпочтение ему.

- Расскажи, что было дальше, - просит Оук.

Тирнан хмурится, но принц широко улыбается в ответ.

- Да, я уже слышал эту историю. И не один раз. А вот Рэн не слышала.

- Видимо, Оук хочет, чтобы я рассказал тебе, что мы с Гиацинтом провели вместе почти два года, прежде чем он уплыл на север с армией Мадока. Мы дали друг другу обещания - из тех, что обычно срываются с губ возлюбленных.

Я чувствую, что рассказ дается ему с трудом. Тирнану тяжело говорить о глубинных чувствах, хотя Оуку он, похоже, рассказывает многое.

- Однако когда Гиацинт попросил меня совершить государственную измену, я не смог на это пойти, - продолжает он. - Я думал, его месть уже состоялась. Принц Дайн погиб. Да, новый Верховный король производил впечатление щеголя, но был ничем не хуже Элдреда. Однако Гиацинт не разделял моих взглядов. Мы сильно поругались, Цин назвал меня трусом, и весь следующий год я ни разу его не видел.

Цин? Я с трудом удерживаюсь от улыбки, услышав ласковую форму имени, которую до этого момента Тирнан умудрился ни разу не упомянуть.

- Да, а потом он вернулся, чтобы убить тебя, - вмешивается Оук и оборачивается ко мне. - Видимо, Гиацинт отправился ко Двору Зубов вместе с остальными солдатами Мадока. После чего сражался в Змеиной битве. Против Тирнана.

- Мы даже не видели друг друга, - уточняет Тирнан. - И уж тем более не сражались. Мы встретились позже.

Я вспоминаю, как пряталась под кроватью Оука. Интересно, он тоже сейчас об этом думает?

- Это случилось в темнице, - продолжает Тирнан. - Тогда я уже состоял при Дворе Теней, и мне позволили его навестить. Мы поговорили, и я подумал... Ну, я не знал, что его ждет дальше и могут ли Верховные король и королева проявить милость, но пообещал: если ему вынесут смертельный приговор, я его спасу. Даже если для этого мне все-таки придется предать Эльфхейм. В конце концов, ему достаточно было раскаяться в содеянном. Но он этого не сделал. - Тирнан обхватывает голову руками.

- Он был горд, - произносит Оук. - И очень злился.

- Стоило ли и мне забыть о гордости? - спрашивает Тирнан.

Оук обращается ко мне:

- И вот Гиацинт в обличье сокола летит к Тирнану, которому достаточно кормить его в течение года, чтобы потом они снова могли быть вместе, но...

Он отказал ему.

- Я сразу пожалел о своем решении, - говорит Тирнан. - И, узнав, что Гиацинт отправился в Цитадель, я последовал за ним. Вернул его в Эльфхейм. Убедил Оука разрушить заклинание. А вместо благодарности получил покушение на Верховного короля.

- Как говорится, ни одно доброе дело не остается безнаказанным, - произносит Оук. Он отламывает от головки отвратительного сыра еще один кусочек и ищет, на что его нанизать, чтобы потом расплавить над костром.

- Он переживал за тебя, - говорю я Тирнану. - В смысле, Гиацинт.

Он смотрит на меня настороженным взглядом.

- Что ты имеешь в виду?

- Он считает, что Оук тебя зачаровал.

Тирнан раздраженно фыркает.

Оук смеется, но, кажется, делает это не совсем искренне. Помолчав секунду, он говорит:

- Знаете, до этого похода я думал, что люблю холод. Можно носить экстравагантные наряды - парчу, золотую отделку, головные уборы - и при этом не бояться вспотеть. Но теперь я склонен поменять свое мнение.

Тирнан явно благодарен за то, что он перевел разговор в другое русло. Легкомысленные слова и улыбка Оука подначивают меня подыграть ему.

Я закатываю глаза.

Принц отвечает мне широкой ухмылкой.

- Тебе присуща сдержанная элегантность, так что ты можешь позволить себе не переживать из-за погоды.

Когда настает время ложиться спать, Тирнан и Оук заворачиваются в шкуры. Оук набрасывает одну из них и на мои плечи. Я не говорю ему, что она мне не нужна, что я никогда не мерзну. Мы лежим у огня, и он наблюдает за мной. В его глазах танцуют блики света.

- Иди сюда, - говорит он, жестом подзывая меня к себе.

Я не уверена, что знаю ту Рэн, которая придвигается к нему и укладывает голову ему на плечо. Ту Рэн, которая чувствует его дыхание на своих волосах и его прикосновение к своей пояснице. Ноги Оука переплетаются с моими, и я касаюсь пальцами шерсти над его копытцами. Кладу ладонь ему на живот и провожу по коже, ощущая крепкие мышцы и полоски шрамов. Слышу, как у него перехватывает дыхание.

Мы оба замираем. Тирнан, лежащий у самого костра, поворачивается во сне.

При свете огня янтарные глаза Оука напоминают расплавленное золото.

Никогда еще с такой остротой я не чувствовала собственную кожу. Малейшее изменение положения рук и ног. Дыхание, заставляющее вздыматься грудь. Я щекой ощущаю биение его сердца. Каждым беспокойным движением тела словно кричу ему: «Поцелуй меня!» - но он не целует, а я сама слишком труслива

для этого. Поэтому просто лежу и безмолвно молю его, пока мои глаза наконец-то не слипаются и я не засыпаю.

Я просыпаюсь днем. Меня будит Тирнан, затаскивающий в пещеру убитого оленя. Он быстро разделывает тушу, и мы с ним завтракаем запеченным на костре мясом.

Оук смывает с оленьего сердца кровь и еще теплым кладет в ларец. Затем возится с замком – аккуратно его захлопывает и регулирует что-то внутри.

Оук и Тирнан натягивают поверх мантий медвежьих шкуры, чтобы сохранить тепло, и мы снова пускаемся в путь. Каменный лес возвышается впереди нас. Солнечный свет отражается от веток, скованных льдом.

– Нельзя туда заходить, – произношу я. – Тролли наверняка сотрудничают с леди Ноури.

– Учитывая зрелище, представшее перед нами вчера, должен признать, что вы были правы и нам действительно лучше обойти лес стороной, – говорит Оук, муромо вглядываясь в пространство между деревьями.

Тирнан улыбается уголками губ:

– Поздравляю вас с этим мудрым решением.

Мы поворачиваем на восток, огибая край леса. Даже на таком расстоянии он выглядит невероятно. На ледяных деревьях растут голубоватые фрукты размером с персик, покрытые ледяной корочкой. Некоторые из них сорвались с веток и лежат на снегу, разломленные пополам, словно яблоки в карамели. От них исходят ароматы меда, специй и растительного сока. Стоит ветру подуть, как листья деревьев издают жутковатый мелодичный перезвон, напоминающий звук китайских колокольчиков.

Чем больше времени проходит, тем мы яснее понимаем, что обойти Каменный лес невозможно. Иногда мне кажется, что он движется сам по себе. Дважды я поднимала взгляд к небу и с удивлением обнаруживала, что окружена деревьями. Магия притягивает нас к себе. Она напоминает мне подводное течение: тихие, темные воды кажутся безобидными, но как только ты оказываешься в их власти, то они тут же уносят тебя в открытое море.

Мы идем целый день, стараясь не пересекать границу леса. Мы не делаем привалов, опасаясь, что он настигнет нас, и ужинаем, на ходу вытаскивая из сумок съестные припасы. Но с наступлением ночи замечаем, что к нам навстречу что-то движется.

Палочники. Жуткие и громадные пауки, состоящие из веток и колючих сучьев. Чудовища с широко раскрытыми ртами, чьи тела созданы из обожженной коры, а зубы – из камней и льда. Внутри них торчат части человеческих тел, словно кто-то взял смертного и, словно куклу, разобрал на куски, а потом склеил их вместе в жутких сочетаниях.

- Бежим в лес, - командует Тирнан обреченным голосом. Он смотрит на меня, потом на Оука. - Сейчас же.

- Но... - начинает принц.

- У нас нет коней, - напоминает ему Тирнан. - Пешком от чудовищ не убежать. Единственное, что мы можем сделать, - это попробовать добраться до укрытия. Будем надеяться, что ваш безумный план все же работает.

Мы перестаем сражаться с лесом и углубляемся в него.

Пробегаем мимо огромного черного валуна, затем под деревом, которое позвякивает, грозясь уронить нам на голову сосульки. Оглянувшись через плечо, я с ужасом понимаю, что палочники нагоняют нас. Они движутся быстрее, чем я ожидала.

- Сюда. - Оук указывает на поваленное дерево, наполовину скрытое снегом. - Прячемся. Рэн, залезь в укрытие как можно глубже. Возможно, они не увидят нас и побегут дальше.

Тирнан опускается на колени, кладет меч на снег рядом с собой и жестом приглашает меня лезть первой. Я скрючиваюсь в углублении под стволом и смотрю в небо, усыпанное звездами и освещенное ярким серпом месяца.

И на сокола, который пролетает мимо.

- Они следят за нами с воздуха, - предупреждаю я.

Оук озадаченно следит за моим взглядом и тут же понимает, о чем я говорю.

- Тирнан! - хрипло шепчет он.

Тирнан вылезает из укрытия и, вскочив на ноги, бежит прямо к палочникам. В это же мгновение раздается крик сокола.

- Уводи ее отсюда! - кричит он принцу.

В следующую секунду со стороны деревьев в нас летит град ледяных стрел.

Одна из них приземляется рядом с моей ногой. Я останавливаюсь так резко, что поскользываюсь и валюсь в снег.

Оук тянет меня за руку, помогая подняться. Из его рта вырывается череда перетекающих друг в друга ругательств, как человеческих, так и фейрийских.

Чудовища приближаются. Я все отчетливее различаю корни, извивающиеся внутри их тел, кусочки кожи, немигающие глаза и гигантские каменные зубы, напоминающие клыки.

- Не останавливайся, - кричит Оук и разворачивается, обнажая меч. - Мы почти добрались до Цитадели. Если кто и способен остановить леди Ноури, то это ты.

- Я не могу... - начинаю я.

Он оборачивается и смотрит мне в глаза:

- Давай!

Я бегу, но вскоре прячусь за деревом и достаю из сапога одолженный нож. Пусть я не так искусна в бою, как Оук, но зато на моей стороне свирепость. Я заколю все, до чего смогу дотянуться, а если что-то подберется слишком близко, то укушу за то место, которое будет больше всего похоже на горло.

Однако мой план тут же идет под откос. Как только я выхожу из-за дерева, стрела царапает мне ногу, сдирая кожу. Уродливое существо движется в мою сторону, снова натягивая тетиву. Оно прицеливается мне в голову.

В это мгновение откуда-то сбоку выпрыгивает Оук и рассекает оружие палочника надвое, после чего пронзает его живот. Существо открывает рот, но не успевает издать ни звука, потому как Оук размахивается и одним ударом сносит ему голову. Палочник взрывается фонтаном грязи, ягод и крови, забрызгивая снег вокруг себя.

Оук выглядит спокойным, но его глаза снова горят безумным огнем сражения. Я думаю о том, что отец, которого он хочет спасти, - красный колпак. Интересно, как он обучал его искусству боя? Окунал ли Оук свою шапку в чью-то кровь?

К нему приближается еще несколько палочников, из которых торчат когти, клыки и куски чужой плоти, а также блестящие ледяные стрелы и потемневшие клинки.

И хотя Оук прекрасно владеет мечом, сдержать всех одному воину не под силу. Но он явно готов попытаться.

Оук бросает взгляд в мою сторону и шепчет одними губами:

- Прячься.

Я забираюсь за черный валун и стараюсь не дышать. Каменный лес настолько переполнен магией, что у меня кружится голова. Пульсация заклинаний отражается от деревьев и веток, от папоротников и камней. Одно дело - слышать рассказы об этом месте, но совсем другое - оказаться здесь самой, почувствовать его вокруг себя. Весь лес зачарован.

Прежде чем успеваю понять, что происходит, заклинание поглощает меня. Я будто оказываюсь внутри камня. Чувствую, как он сжимает меня со всех сторон. Мои мысли текут неторопливо, словно мед.

«Позволь мне снова обрести плоть! Мне! Мне!»

Слышу два голоса, и они рокочут так громко, что я прикрываю уши ладонями, хотя слова раздаются у меня в голове. Их необузданная сила ударяет меня, словно электрический ток. Этот валун некогда был королем троллей, но

солнце обратило его в камень. У него есть близнец, и он стоит где-то в глубине леса. Заточившее их заклятье распространялось до тех пор, пока не накрыло весь Каменный лес. Я чувствую его на ветках сосны и в расколовшемся надвое голубом фрукте. Оно настолько мощное, что я не понимаю, как не распознала его суть раньше.

Между деревьями проносится шепоток предвкушения, словно кто-то задерживает дыхание. И этот кто-то хочет, чтобы я продолжала.

Мысленно тянусь к корням заклинания, которые плотно оплели все пространство вокруг меня. Оно проистекает из первоначального проклятья всех троллей – обращаться в камень под действием солнечного света. Со временем магия ослабла, и тролли Эльфхейма снова стали обретать плоть с приходом ночи. Однако чары, с которыми я столкнулась сейчас, существуют с тех давних пор, когда волшебство еще не успело потерять свою мощь. С тех давних пор, когда тролли превращались в камень навеки.

Магия и гнев попавших в заточение королей троллей питали заклятье, и оно росло, пока не пленило весь их народ, а затем и их потомков.

Я чувствую, как магия пытается оплести меня, затянуть в свое сердце так же, как до этого нас стремился поглотить лес. Мне кажется, словно меня хоронят заживо. Я как будто прорываюсь сквозь землю и раздираю волосяные корни, которые хотят опутать меня, подобно змеям. Но даже когда я выбираюсь на свободу, заклятье, пронизывающее Каменный лес, остается крепким, как железо.

Но теперь я привлекла его внимание, возможно, мне удастся перенаправить магию на другую цель.

«В твой лес вторглись враги, – шепчу я, воображая палочников со всей точностью, на которую способна. – Они отнимут у тебя твой народ».

Я ощущаю, как нити волшебства, тяжело вздохнув, уползают прочь. Затем земля раскалывается, и меня ударной волной отбрасывает назад. Открыв глаза, вижу, как по земле расплзается трещина шириной с рот великана.

Несколько минут спустя из-за деревьев показывается Оук. Под его ногами хрустят покрытые изморозью папоротники. Ветер гнет ветви, роняя в снег град острых, как клинки, сосуллек. Из раны на плече Оука струится кровь. На нем больше нет ни мантии, ни медвежьей шкуры.

Я вскакиваю на ноги. Мои ладони ободраны, а на коленях проступают синяки. Оставленная стрелой рана пульсирует болью.

– Что произошло? – спрашиваю я.

В лесу раздается громогласный рев.

– Возникло вот это, – отвечает он, осторожно обходя трещину. – Некоторые чудовища ушли под землю. Парочку зарубил я. Но их еще много. Нужно уходить. – Он протягивает мне руку.

Я беру ее, и мы бросаемся бежать.

- Ты видел Тирнана?

- Пока нет.

Меня восхищает то, что он не позволяет себе думать о плохом.

Внезапно он замирает на месте. Огромный паук, состоящий из земли и палок, медленно движется в нашу сторону по заснеженной поляне.

- Бежим! - кричу я, но Оук отпускает мою ладонь. - Что ты делаешь?

- Он здесь один, - говорит принц, заноса над головой свой тонкий, как игла, меч.

Паук громаден, размером в половину высоты дерева. Он нависает над нашими головами. Кажется, одного его более чем достаточно.

- Оук!

Когда он бросается навстречу чудовищу, в моей памяти всплывают слова Тирнана о том, что он хочет быть кораблем, о который разобьются скалы.

Паук тоже несется вперед, щелкая клыками, которые, мне кажется, состоят из обломков бедренных костей. Он бросается на Оука, но тот перекачивается по земле и наносит режущий удар мечом. На него сыпется земля. Паук бьет по снегу усеянной шипами лапой.

Мое сердце бьется так быстро, что становится больно.

Оук залезает на чудовище и проскальзывает внутрь него - в переплетение веток и костей - с такой легкостью, словно карабкается по горке на детской площадке.

Паук валится на спину и начинает разрывать шипастыми лапами свою грудь. Он выдирает из себя внутренности, пытаясь добраться до Оука. Тот в свою очередь наносит один удар за другим. Куски существа разлетаются во все стороны. Оно катается по земле и рассекает воздух клыками, постепенно распадаясь на части. В конце концов чудовище - точнее, то, что от него осталось, - замирает на месте.

Оук вылезает наружу. Его руки покрыты царапинами. Он широко ухмыляется, но прежде, чем я успеваю открыть рот, позади меня раздается какой-то шум. Я оборачиваюсь и вижу, как из-за деревьев выходят три высоких тролля. У них светло-зеленая кожа и золотистые глаза, а еще они целятся мне в грудь стрелами с бронзовыми наконечниками.

- Вы привели сюда чудовищ из Цитадели, - цедит один из них.

- Они гнались за нами, - запинаясь, произношу я.

Тролли облачены в доспехи из тяжелой ткани, украшенные узором из завитков, который похож на карту садового лабиринта или отпечаток пальца.

– Пойдемте с нами. Мы отведем вас к представительнице нашей деревни, – говорит самый высокий тролль. – Она решит, что с вами делать.

– Очень мило с вашей стороны приглашать в свое поселение двух незнакомцев, – отзывается Оук. Ему каким-то образом удалось переиначить смысл слов тролля, при этом не солгав. – Но в вашем лесу заблудился наш друг, и мы не хотим уходить без него.

Высокий тролль выглядит так, будто собирается перефразировать свою просьбу, превратив ее в приказ. Но вдруг темноту озаряет вспышка – это лунный свет отражается от лезвия ножа, которое кто-то приставил к горлу низенького тролля.

– Давайте-ка выберем для вашего оружия какую-нибудь другую цель, – произносит Тирнан.

Прищурившись, высокий тролль опускает свой лук. Второй следует его примеру. Третий, к горлу которого приставлен нож, остается неподвижным.

– Похоже, ваш друг нашелся, – сообщает тролль.

Оук одаривает его неторопливой, задумчивой улыбкой.

– А значит, у нас не осталось причин не воспользоваться вашим гостеприимством.

Лагерь троллей располагается на большой поляне и представляет собой здания из камня и глины, возведенные вокруг огромного костра. Искры взлетают вверх и опадают черным дождем, пачкая все, до чего достают.

Дома построены с большим мастерством и вкусом. Их украшает светло-коричневая лепнина в виде спиралей, деревьев и лиц. Высоко на стенах виднеются круглые стеклышки разных цветов, в основном зеленого и янтарного, создающие эффект витражей. Подойдя ближе, я понимаю, что они сделаны из бутылок, и замечаю несколько кружочков ярко-синих и багровых оттенков.

Размеры зданий поражают воображение. Хоть Оук и высок, но тролли выше его как минимум на голову. Большинство из них не меньше восьми футов ростом; у них зеленая или серая кожа, цветом напоминающая камни, в которые они превращаются.

Нас приветствует высокая женщина с мощными руками и ногами. Она называет себя Горги и сообщает, что является представительницей деревни. За ее спиной висит топор, а волосы заплетены в косы с серебряными застежками на кончиках. На ней кожаная юбка с вырезами по бокам, чтобы удобнее было двигаться.

- Вы ранены, - говорит она, замечая наш потрепанный вид. - И замерзли. Проведите этот день с нами, а мы обеспечим вас провизией и следующей ночью сопроводим до цели вашего путешествия.

Это предложение звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Оук смотрит ей в глаза полным искренности взглядом.

- Ваша щедрость не знает границ. Но могу ли я просить вас рассказать мне побольше об этом месте? И о вас самих?

- Можете, - отвечает она с довольным видом. - Разделите со мной чашку крепкого чая. Я угощу вас вкусным черным хлебом с медом.

Я бросаю взгляд на Тирнана. Он улыбается уголками губ и покачивает головой, приглашая меня вместе с ним повеселиться над тем, как Оук играет роль велеречивого придворного.

- Пойдем поищем горячую еду и посидим у костра, - говорит он, хлопая меня по плечу. - Принц тут и без нас справится.

Мы уходим прочь. Я немного прихрамываю на одну ногу. Несколько юных троллей приносят нам по тяжелой каменной чашке. Внутри плещется жидкость, похожая на чай, но вкусом напоминает скорее настой из коры. Я опускаюсь на валун возле костра. Здесь так жарко, что даже камень кажется горячим.

Я пью уже вторую чашку, когда к нам присоединяется Оук. Он держит в руке медовый сэндвич, который тут же разделяет пополам, отдавая мне и Тирнану по кусочку.

- По словам Горги, король троллей Хурклоу сейчас отсутствует. Он уехал свататься, но представительница деревни не изволила сообщить, на ком он хочет жениться. Она также не сказала, что произойдет, если мы попытаемся отсюда уйти.

- То есть мы в плену? - шепотом уточняю я.

Он вздыхает.

- Будем делать вид, что это не так.

Я откусываю кусочек сладкого черного хлеба. Потом кусаю еще и еще, едва ли не заталкивая его в рот целиком.

- И как долго мы будем этим заниматься? - спрашивает Тирнан.

Улыбка Оука становится напряженной.

- Постараемся закончить как можно быстрее. Держите ухо востро. А пока, Рэн, позволь взглянуть на твою ногу.

- В этом нет необходимости, - возражаю я, но он не обращает внимания на мои слова и закатывает мне штанину.

Нога запачкана кровью, но порез несерьезный. Тем не менее Оук просит принести нам бинты и горячую воду.

С тех пор как я ребенком покинула мир смертных, никто никогда не заботился о моих ранах. Нежность, с которой Оук прикасается к моей коже, вызывает во мне слишком много чувств, и я вынуждена отвернуться, чтобы он не увидел их на моем лице.

К нам приближается пожилой тролль. Он несет ведро, с каждым шагом расплескивая немного воды. Один его глаз закрыт повязкой, седые волосы заплетены в две длинные косы, а в ушах сияет дюжина золотых колец.

– Позвольте мне помочь, – говорит Оук, вскакивая на ноги.

Тролль фыркает.

– Тебе? Ты такой маленький, что можешь искупаться в этом ведре, точно младенец.

– И все же, – отзывается принц.

Пожилой тролль пожимает плечами и ставит ведро на землю, знаком показывая Оуку, что тот может попытаться его поднять. К немалому удивлению тролля, принцу это удается.

– Повесьте над огнем, чтобы нагреть воду, – указывает он. – Это для вашей дамы.

Оук вешает ведро на крюк, который свисает с огромной металлической треноги, установленной над костром.

Старик присаживается у огня проверить, как кипит вода, а затем достает из сумки рулон бинтов и вручает нам.

Оук опускается на колени и, смочив один из бинтов в воде, стирает с пореза кровь и промывает его. Он начинает перевязывать мою ногу, дотрагиваясь до нее теплыми пальцами, и я пытаюсь сосредоточиться на чем угодно, только не на прикосновении его рук.

– Я беспокоился, что стрела отравлена.

К нам подходит ребенок-тролль и садится рядом с Оуком, избавляя меня от необходимости отвечать. Мальчик робко задает вопрос, потом другой. Затем к нему присоединяется второй малыш, у которого вопросов еще больше. Дети принимают сравнить его уши со своими, просят потрогать его рожи и гладкие копытца. Оук смеется.

– Дедушка, – говорит один из них высоким детским голосом, совершенно не соответствующим росту. – Расскажешь принцу историю?

Я почти не сомневалась, что они знают, кем является Оук, но теперь, когда мои подозрения подтвердились, начинаю нервничать еще сильнее.

- Хочешь послушать историю, чтобы скоротать время, принц? - спрашивает старик.

- Я люблю истории, - отзывается Оук.

- Мы бы хотели услышать о королях, заключенных в камне, - вмешиваюсь я. - И о заклятье тоже.

Троль, прищурившись, смотрит на меня, а потом снова переводит взгляд на принца.

- Вы правда хотите послушать об этом?

Оук кивает. Дети перестают хихикать, и я начинаю переживать, не нарушила ли какой запрет, затронув эту тему.

Однако когда троль начинает рассказ, его голос звучит уверенно:

- Существуют две версии этой истории. В одной из них короли были глупцами. Именно по ней ставили пьесы и слагали песни, предназначенные для увеселения, когда я был юн. Еще в те времена, когда мог покинуть лес больше, чем на пару дней, и это казалось неважным.

Двое королей были братьями. Долгое время они мирно делили между собой власть и богатство. Разодетые в золото, которое их народ добывал в подземных шахтах, они имели все, что только могли пожелать. Так продолжалось до тех пор, пока они не встретили смертного пастуха с гибким телом и прекрасным, словно вырезанным из мрамора лицом. Юноша был так хорош собой, что оба короля возжелали добиться его расположения больше всего на свете.

Пастух умом не блистал, но его мать была мудра. Она сказала сыну, что если тот отдаст предпочтение одному из братьев, то второй скорее убьет его, чем позволит брату завладеть тем, кого воцарил сам. И если он хочет остаться в живых, то должен сделать так, чтобы ему никогда не пришлось выбирать.

И тогда пастух вместе с матерью придумали хитроумный план. Юноша пообещал, что отдаст свое предпочтение тому, кто сможет швырнуть самый огромный булыжник. Братья по очереди бросали камни, каждый из которых размером превосходил предыдущий, и так продолжалось до тех пор, пока они не выбились из сил. Определить победителя не удалось.

Затем пастух сказал, что выберет того, кто победит соперника в кулачном бою. Братья сражались всю ночь, а когда наступил рассвет, солнечный свет превратил их обоих в камень. Теперь пастух мог дарить свое внимание тому, кого пожелает сам.

Я думаю о том, что из этой истории вышла бы забавная пьеса и как сильно бы она разозлила зачарованных королей.

- А что говорится в серьезной версии?

Старый тролль откашливается, и на его лице отражается горделивое выражение, дающее понять, что, как бы он в юности ни смеялся над первой историей, сейчас он отдает предпочтение другому ее варианту.

– Вторая история во многом похожа на первую. В ней тоже сказывается о двух королях троллей, но в этой версии они не были братьями. Напротив, являлись злейшими врагами, воевавшими между собой не одно десятилетие. За это время обе стороны понесли огромные потери, и поэтому короли договорились: исход войны решит сражение один на один. И вот они встретились на поле боя и бросились друг на друга. Битва была ожесточенной, но силы оказались равны. Когда один наносил мощный удар, второй отвечал ему тем же. Приближалось утро, с обеих сторон начали раздаваться крики, призывавшие королей закончить поединок. Однако каждый из сражавшихся знал, что если остановит бой, то наградой ему станет поражение. Поэтому они дрались до последнего и обратились в камень, так и не прервав дуэль.

– Существует еще одна версия. Говорят, что до объявления войны короли были возлюбленными, однако их страсть обратилась в ненависть, а желание победить и владеть другим на веки веков поглотило их целиком. – Старик улыбается мне, обнажая кривой зуб.

Я перевожу взгляд на Тирнана. Он смотрит на огонь, словно не может не думать о Гиацинте, превратившемся во врага.

– Вы замечательный рассказчик, – говорит Оук.

– Я лучший рассказчик, – поправляет старик принца, как будто его похвала является страшным преуменьшением. Затем он встает и уходит прочь, забрав с собой большинство ребятишек.

– Лес зачарован, – шепчу я Оуку.

Он хмурится, вероятно решив, что я не имею в виду ничего конкретного, как и все остальные, кто называет Каменный лес заколдованным.

Тирнан поднимается на ноги и куда-то уходит. Кажется, история растревожила его душевные раны.

Я начинаю говорить так поспешно, что мои слова спотыкаются друг о друга:

– Именно это и имел в виду тролль, когда говорил, что мог покинуть лес больше, чем на пару дней, и это казалось неважным. Их здесь что-то держит.

– Тогда где Хурклоу? – спрашивает Оук.

Качаю головой.

– Я могу сказать одно: если его нет в лесу, значит, он нашел способ избежать последствий, по крайней мере временно. Но я думаю, он хочет пробудить древних королей именно по этой причине. Не потому, что безумен. А потому, что это единственный способ разрушить заклинание.

Тирнан возвращается, держа в руках миску ячменного супа с луком и кусок хлеба. Я вижу, как несколько троллей разделяют оленя, и чувствую запах свежего мяса, жарящегося на огне. Кто-то начинает играть громкую, залихватскую мелодию. Воздух наполняется веселым буйством, которое я до этого не чувствовала. Встречаясь с нами взглядами, тролли улыбаются, но об эти улыбки можно порезаться.

- Представительница предложила нам провести ночь в своем доме. Обещала подготовить для нас постели, - осторожно произносит Оук.

- Щедрое предложение, - отзываюсь я.

- Если не сказать больше, - добавляет Оук.

Тирнан вгрызается в оленью кость.

- Сбежим на рассвете, - тихо произносит он. - Они не смогут за нами погнаться, иначе обратятся в камень.

Нас перебивает симпатичная женщина-тролль. Она смеется над тем, какой принц маленький, и предлагает заплести его волосы в косу. И хотя его локоны не слишком длинные, он соглашается, глядя на меня с широкой ухмылкой.

Я вспоминаю, как он вычесывал колтуны из моих волос и заплетал их в прическу, и по моей шее бежит дрожь.

Незадолго до рассвета к нам подходит представительница деревни.

- Почтенная Горга, - приветствует ее Оук, поднимаясь на ноги. На его затылке виднеются три маленькие косички, одна из которых уже начала расплетаться.

- Позвольте, я отведу вас к себе в дом, где вы сможете отдохнуть, - говорит она. - А следующей ночью мы проводим вас до цели вашего путешествия, обеспечив вам безопасность.

- Какая щедрость, - произносит Оук.

Пока мы идем по деревне, Тирнан внимательно осматривается по сторонам, выискивая возможности для побега.

Вскоре мы останавливаемся у дома представительницы. Она открывает дверь и жестом приглашает нас войти. Внутри мы видим глиняную печь, которая достает до самого потолка, где переходит в выведенный наружу дымоход, - благодаря этому комната наполнена уютным теплом. Неподалеку стоит поленница. Женщина сразу подходит к ней и подкидывает в печь дрова, отчего пламя разгорается сильнее.

Она жестом указывает на кровать, покрытую одеялом из сшитых вместе звериных шкур. Если бы я захотела на нее залезть, мне бы пришлось прыгать.

- Сегодня можете спать на моей постели.

- Это слишком любезно с вашей стороны, - говорит ей Оук.

- Меня это не затруднит. - Она берет закупоренную бутылку и наливает ее содержимое в четыре маленькие чашки. - Но прежде, чем вы отправитесь отдыхать, давайте выпьем в компании друг друга. - Она поднимет свою чашку и залпом ее осушает.

Я тянусь за своей, и мне в нос тут же ударяет травянистый запах, напоминающий аромат лакрицы. На дне чашки виднеется осадок. Я вспоминаю свои страхи в первую ночь нашего похода, когда Оук предложил мне чай. Думаю о том, с какой легкостью можно насыпать яд не в бутылку, а в определенные чашки, чтобы создалось впечатление, что мы все пьем один и тот же напиток. Затем бросаю взгляд на принца, задаваясь вопросом, как предупредить его об опасности так, чтобы Горга ничего не заметила. В этот момент Оук одним глотком проглатывает свою порцию, а затем, вырвав чашку из моей руки, осушает и ее тоже.

- Нет! - кричу я, но уже слишком поздно.

- Как же вкусно, - сообщает он, отнимая напиток у Тирнана. - словно молоко матери.

Теперь даже представительница Горга выглядит встревоженной. Если она тщательно отмеряла яд, принц только что принял тройную дозу.

- Простите меня за жадность, - произносит Оук.

- Милорд, - предостерегает его Тирнан, на лице которого написан ужас.

- Может, вы хотите еще? - неуверенно предлагает Горга, беря в руку полупустую бутылку.

- Я не возражаю, да и остальные еще не успели попробовать сей напиток, - отвечает принц.

Женщина снова наполняет чашки. Когда я всматриваюсь в содержимое своей, по-прежнему вижу осадок, но теперь его значительно меньше. Что бы это ни был за яд, его явно насыпали в посуду. Все подготовили еще до того, как мы вошли в дом.

Я беру чашку и подношу ее к губам, но не пью. Притворяюсь, что делаю несколько глотков. Сидящий по другую сторону стола Оук отвлекает внимание Горги вопросами о фруктах в ледяной оболочке. Я тем временем осторожно опускаю чашку под стол и выливаю напиток на свою мантию.

Я боюсь опустить взгляд, чтобы убедиться, удался ли мой трюк. Посмотреть на Тирнана тоже не осмеливаюсь и поэтому не знаю, смог ли он повернуть нечто подобное.

- Почему бы мне не оставить бутылку вам? - предлагает представительница Горга, опуская сосуд на стол. - Дайте знать, если вам что-то понадобится.

– Вы оказали нам такой радушный прием. Чего еще мы можем пожелать? – задумчиво произносит Оук.

Напряженно улыбнувшись уголками губ, Горга поднимается со стула и выходит.

Следующие несколько секунд мы сидим не двигаясь. Потом Оук встает и, покачнувшись, падает на колени. Он принимается хохотать.

– Нужно, чтобы вас стошнило! – говорит Тирнан, хлопая Оука по спине.

Принц склоняется над каменной миской, и ему удается вызвать рвоту дважды. После этого он устало опускается на пол.

– Не беспокойтесь, – говорит Оук, хотя его янтарные глаза сияют слишком ярко. На его лбу выступил пот, несмотря на холод. – Это мой яд.

– Что ты наделал? – резким тоном спрашиваю его. Оук лишь мечтательно улыбается в ответ, поэтому я обращаюсь к Тирнану: – Зачем он это сделал?

Рыцарь, кажется, пребывает в не меньшем ужасе, чем я.

– Потому что он безумнее короля троллей!

Я открываю и закрываю ящички, надеясь найти противоядие, но не вижу ничего хотя бы отдаленно похожего.

– Что вообще случилось? Что он имеет в виду, говоря, что это «его яд»?

Тирнан подходит к столу, берет одну из чашек, нюхает ее, а затем качает головой.

– Не знаю.

– Когда я родился, яд румяного гриба тек по моим венам. – Оук говорит медленно, словно язык не слушается его.

Вспоминаю слова Оука в ту ночь, когда его отравили «сладкой смертью». «Жаль, это был не румяный гриб».

– Как ты понял, что она подсыпала именно его? – спрашиваю я, опускаясь на колени рядом с Оуком. Я думаю о том, что совсем недавно его кровь была отравлена другим ядом.

– Я был в отчаянии, – с трудом проговаривает он. – Страшно боялся, что кто-то из вас... что ты... – Он осекся. Его глаза глядят в пустоту; губы шевелятся, но с них не срывается ни звука.

Я слежу за тем, как поднимается и опускается его грудь. Медленно, слишком медленно. Прижимаю пальцы к его взмокшему от пота лбу. От отчаяния мне кажется, что время несется и ползет одновременно.

Мне так тяжело думать, мысли будто проталкиваются сквозь туман ужаса. «Он знает, что делает, – убеждаю себя. – Он не глупец. Он не умирает. Он не мертв».

Тирнан поднимает взгляд на тени, которые движутся в окошке из бутылочного стекла высоко над нашими головами. В дом просачивается мягкий розоватый свет, и теперь я могу рассмотреть, что лицо рыцаря искажено тревогой.

Рассвет.

Тирнан толкает дверь. Она не открывается, хоть замка и не видно. Возможно, заперта на засов снаружи. И в доме, разумеется, нет настоящих окон, сквозь которые мог бы проникнуть свет и обратить Горгу в камень. Тирнан внезапно разгоняется и наваливается на дверь весом своего тела, но дверь снова не поддается.

– Это ее дом, а не тюрьма. Значит, что бы ни мешало нам выйти, это было принесено сюда специально, – говорю я, поднимаясь на ноги. Несмотря на окутывающий мысли туман, обдумываю, какие могут быть еще варианты. – Дверь открывается наружу. Она могла чем-то ее подпереть.

– И как это нам поможет? – отгрызается Тирнан.

Я хмурюсь.

– Пожалуй, никак, потому что нужно просто снять дверь с петель.

Пару мгновений он молча смотрит на меня, а потом издает смешок, в котором слышны его отчаяние и паника.

– Я не переживу, что эту идею придумала ты.

Я, может быть, не знаю многих вещей, но о заточении мне известно больше кого бы то ни было.

Тирнан быстро раскручивает петли ножом, пока я заворачиваю Оука в слишком большое для него шерстяное одеяло. Поддавшись соблазну, откидываю упавшие ему на глаз бронзовые локоны. Когда прикасаюсь к нему, он вздрагивает.

«Видишь, – говорю я себе. – Он жив».

– Далеко мы его не унесем, – предупреждаю я Тирнана, хотя это очевидно.

Тирнан уже снял дверь с петель, и мы увидели, что снаружи ее подпирает огромный булыжник. Правда, камень скорее круглый, нежели квадратный, и между ним и дверным проемом остается немного пространства.

– Ты маленькая. Протиснись в щель и найди, куда можно положить Оука – телегу, сани, что угодно. Я пока попытаюсь вынести его наружу, – указывает мне Тирнан.

– Я быстро, – обещаю я и ныряю в проем между камнем и внешней стеной дома. Стараясь двигаться осторожно, залезаю на булыжник, и вот я уже на свободе.

Поселение троллей залито золотистым солнечным светом, и мне даже странно видеть его таким пустынным. Поскольку Горга является представительницей деревни, я предполагаю, что она богаче остальных, и решаю начать поиски с ее владений. Крадучись огибаю дом и оказываюсь на заднем дворе. На краю лужайки стоит небольшой сарай, выложенный из камня и глины. Открыв замок ножом, замечаю там сани и веревку.

Сани. Именно то, что нам нужно для Оука.

«С ним все будет хорошо. Он очнется вовремя, чтобы найти отца и выслушать ругательства Тирнана, а я...»

От мыслей о том, что я сделаю, когда очнется Оук, меня отвлекает запах гниения. На холоде он ощущается не так сильно, но я не сомневаюсь, что он исходит из сарая. Я обхожу сани, продвигаясь вглубь помещения. Источником смрада, похоже, является стоящий у дальней стены сундук.

Он не заперт, и, поддев крышку, я легко его открываю.

Внутри лежит одежда, оружие и другие припасы. Мечи. Стрелы. Все запачкано запекшейся кровью и потемнело от времени. Это вещи, принадлежавшие жертвам, которые когда-то шли через лес. У меня колотится сердце при мысли, что тут могла оказаться и моя одежда вместе с золотистой кольчугой Оука. Стиснув зубы, я засовываю руку в сундук и копаюсь в нем, пока не нахожу табард, похожий на те, что носили солдаты Мадока. Возможно, он когда-то принадлежал Лихорну, чью голову мы видели надетой на кол посреди заснеженного поля. Я нахожу и другую одежду, которая напоминает мне одеяния сокрытого народа, раньше служившего леди Ноури. На некоторых из моих находок виднеются брызги крови.

С отчаянно бьющимся сердцем смотрю на доказательства печальной участи, постигшей путников. Навалив одежду на сани, тяну их обратно к дому. Тирнан уже стоит на заснеженном дворе, а Оук опирается на него всем телом. Он производит впечатление гуляки, который отключился, перебрав вина.

– Нужно убираться отсюда, – шепчу я.

Застлав сани одеждой, мы укладываем на них Оука и привязываем его веревкой к каркасу. Тирнан тащит сани за собой, и мы начинаем медленно выбираться из поселения троллей, двигаясь так тихо, как только возможно.

Как только мы подходим к границе леса, я чувствую, что заклятье хочет направить меня по ложному пути, в самое сердце чаши. Но теперь, когда я знаю об этих чарах, им труднее мной управлять. Поэтому решаю идти первой, чтобы показывать Тирнану дорогу. Каждый шаг дается с трудом, словно я пробиваюсь сквозь туман, но мы все же достигаем окраины леса.

Я оглядываюсь и замечаю, что Тирнан застыл в нерешительности.

– Куда мы..

Вижу, как позади него Оук извивается на санях, натягивая удерживающую его веревку.

- Нам сюда. - Мне кажется, что мои ноги налились свинцом, но я заставляю себя схватить Тирнана за обтянутую перчаткой руку и тащу его за собой. Делаю шаг. Потом еще один. Наконец мы выходим на заснеженное поле, и дышать сразу становится легче. Я отпускаю руку Тирнана и присаживаюсь на корточки, хватая ртом воздух.

Оук уже успокоился и снова лежит на санях неподвижно.

- Что это было? - спрашивает Тирнан, дрожа всем телом. Он бросает взгляд на лес, потом на меня, словно последние несколько минут стерлись из его памяти.

- Заклятье, - отвечаю я. - Чем дальше отойдем от леса, тем лучше. Идем.

Мы двигаемся по снегу, отражающему солнечный свет.

Так проходит все утро. Через час Оук начинает что-то бормотать себе под нос. Мы останавливаемся и подходим к нему, но он по-прежнему не осознает, где находится.

- Моя сестра думает, что только она может принимать яды, но я и есть яд, - шепчет он сам себе. Его глаза полуприкрыты. - Яд течет в моей крови. Я отравляю все, к чему прикасаюсь.

Я не ожидала услышать от него нечто подобное. Все вокруг обожают его. Но я помню, как в тринадцать лет он сбегал из дома, уверенный, что многие проблемы королевской семьи - его вина.

Хмурюсь от этих мыслей. Мы бредем дальше, и я чувствую, как кусочки льда застревают в моих волосах и впиваются в язык.

- Ты знаешь, какой у тебя сильный характер? - говорит Тирнан, выпуская изо рта облачко пара. - А еще ты очень сообразительная.

Возможно, так он благодарит меня за то, что я вывела его из леса.

- Значит, я не бешеный зверь, недостойный того, чтобы называться твоим спутником в этом походе? - язвительно отзываюсь я. Все-таки я еще не простила его за то, что он привязал меня к кровати в мотеле.

Он не пытается оправдаться.

- И ты вовсе не безобразна. Если тебе интересно мое мнение, в чем я весьма и весьма сомневаюсь.

- Зачем ты мне все это говоришь? - тихо спрашиваю я. Отглядываюсь на Оука, но он пристально изучает небо, тихонько смеясь себе под нос. - Ни за что не поверю, что тебя волнует то, как я выгляжу.

- Он говорил о тебе, - отзывается Тирнан.

Вот теперь я и правда чувствую себя диким зверем, которого пытаются выманить из логова. Я и хочу, чтобы он продолжил, и страшно этого боюсь.

- И что он говорил?

- Сказал, что не нравится тебе. - Тирнан бросает на меня оценивающий взгляд. - Я тогда подумал, может, вы поссорились в детстве. Но сейчас мне кажется, что он тебе нравится. Просто ты не хочешь, чтобы он об этом знал.

Он попал в самую точку, и это причиняет мне боль. Изо всех сил сжимаю свои острые зубы.

- Принц привык льстить. Очаровывать. Хитрить, - сообщает Тирнан, хотя в этом нет никакой необходимости. - Поэтому, когда он говорит что-то от всей души, ему нелегко поверить. Однако никто никогда не обвинял меня, что я льстец, и могу с уверенностью сказать... - Он осекается, потому что далеко впереди, среди снегов, проступают очертания Цитадели Ледяной Иглы.

Сейчас в ней на одну башню меньше, чем я помню. Некогда замок из облачного льда, похожий на огромный кусок кварца, насчитывал огромное количество шпилей и зубцов, но многие из них дали трещину и откололись. Зазубренные сосульки, когда-то служившие украшением, достигли гигантских размеров и теперь полностью заслоняют некоторые из окон и каскадом ниспадают по стенам. У меня перехватывает дыхание. Я столько раз видела это место в кошмарах, что сейчас, когда оно снова предстало передо мной, пусть и в полуразрушенном виде, я не могу отделаться от ощущения, что попала в очередной жуткий сон.

Глава 14

Солнечные лучи озаряют снег, растапливая слой льда, которому снова предстоит застыть с наступлением ночи. Сделав шаг, я чувствую, как под ногами трещит наст. Он тут же покрывается сеткой из трещин.

В этот раз я не падаю. Но среди сияющей, отражающей солнце заснеженной равнины очень сложно спрятаться.

Пока мы медленно продвигались к Цитадели, Оук очнулся и, развязав веревку, слез с саней, после чего объявил, что с ним все вполне хорошо. Однако вскоре выяснилось, что «вполне хорошо» - не совсем то же самое, что «хорошо», поскольку теперь он из последних сил бредет за нами на заплетаящихся ногах, словно пьяный.

Тич снова отыскал нас и стремительно спикировал, опустившись на плечо Тирнану. Рыцарь попросил хоба отправиться на разведку.

- Давайте остановимся на привал, - говорит Тирнан, и Оук с благодарным видом опускается на снег. - Рэн предлагает нам всем переодеться.

- Я ценю твою заботу, чтобы мы все выглядели наилучшим образом, - произносит принц.

Я успела узнать Оука достаточно хорошо, поэтому ни на секунду не сомневаюсь, что он разгадал мой план. Я достаю форменную одежду, которую украла у Горги. Для себя, поскольку у меня голубоватая кожа, я выбрала платье служанки. У представителей сокрытого народа, как и у самой леди Ноури, кожа сероватого оттенка, а также у них есть хвосты. Моя кожа не подходит, да и хвоста у меня не имеется, но его отсутствие скроет длинная юбка.

Уздечку оборачиваю тканью, прижимаю к талии и закрепляю под платьем наподобие корсета. Нож опускаю в карман.

Я переодеваюсь быстро. Оук, дрожа от холода, натягивает грубые шерстяные штаны поверх гладких льняных брюк. Они свисают достаточно низко, чтобы его наполовину скрытые снегом копытца походили на сапоги. Тирнан тоже облачается в форму, ни на секунду не переставая дрожать.

- Не очень-то рассчитывай на маскировку, - предостерегаю Оука. - Если тебя увидят вблизи, то наверняка узнают.

Все-таки он принц, и его копытца очень похожи на ноги покойного принца Дайна.

- Вот почему в Цитадель вместо вас должен пойти я, - повторяет Тирнан приблизительно в миллионный раз.

- Ерунда. Если меня схватят, мою голову по крайней мере не насадят на кол в ту же секунду, - парирует Оук.

Возможно, в его словах есть доля смысла. Но все-таки.

- Да, но вероятность, что тебя схватят, выше, - говорю я.

- Еще один веский аргумент за то, почему туда должен пойти я, - вставляет Тирнан.

- Какой ты прагматик. - В устах Оука это слово звучит как ругательство.

Мы подходим к Цитадели так близко, как только осмеливаемся, а затем вырываем в снегу пещеру, чтобы дожидаться там наступления ночи. Оук и Тирнан подтягивают ноги к груди и обхватывают их руками, но губы принца все равно приобретают голубоватый от-тенок.

Я расстегиваю мантию, которую носила все это время, и протягиваю ему.

- Оставь себе, - качает головой он. - Замерзнешь.

Я настойчиво сую ему мантию.

- Мне никогда не бывает холодно.

Оук бросает на меня странный взгляд, вероятно вспоминая, как я лежала с ним у костра, но он слишком замерз, чтобы спорить.

Оук с Тирнаном снова обсуждают план действий, и мне начинает казаться, что у нас, возможно, есть шанс. Нужно только пробраться в Цитадель, выкрасть останки Мэб и освободить генерала. Если что-то пойдет не так, у нас есть оленье сердце в ларце, но прибегать к хитрости Оука - рискованная затея. Поэтому я концентрируюсь на том, что могу отдавать приказы леди Ноури.

И все же чем ближе мы подходим к Цитадели, тем с большей ясностью я вспоминаю, как бродила по снегу с заледеневшими слезами на щеках. Оказавшись здесь, я будто снова превращаюсь в ребенка-чудовище, никому не нужного и не достойного любви.

Когда наступает ночь, Тирнан вылезает из нашего импровизированного обиталища.

- Если вы так желаете отправиться в Цитадель, позвольте мне по крайней мере сходить на разведку и убедиться, что все так, как мы и рассчитываем.

- Тебе не обязательно... - начинает Оук, но замолкает, увидев, что Тирнан сверлит его сердитым взглядом.

- Рэн нужно остаться в укрытии вместе с сердцем, - сообщает Тирнан. - Если вы не планируете раскрывать свое присутствие леди Ноури, тогда от способности Рэн отдавать ей приказы не будет толку, да и в сражении она тоже не сможет помочь.

- Но я могу подсказать, как его избежать, - напоминаю ему.

Похоже, аргументы Тирнана на Оука не действуют.

- Если она хочет пойти со мной, значит, пойдет.

Тирнан поднимает руки вверх в знак капитуляции и стремительно уходит по заснеженному полю. Он явно разозлился на нас.

- Мне и правда кажется, что ты можешь пригодиться мне в Цитадели, - говорит Оук. - Хотя я очень надеюсь, что такого случая не представится.

Я рада, что он хочет видеть меня рядом, хоть я не рыцарь и не шпионка.

- Мы могли бы пойти втроем, - предлагаю я.

- Тирнан должен остаться здесь, на тот случай, если нас поймут, - отвечает Оук. - Тогда он попробует обменять нас на сердце.

Спустя секунду Тирнан, пригнувшись, залезает обратно в пещеру. На его плече сидит хоб.

- Вам стоит попробовать забраться в Цитадель через вход для птичек, - говорит он. - Тич наблюдал за сменой патрулей и пришел к выводу, что ее проводят небрежно. Сложно сказать, когда именно она начнется, но, как только это случится, у вас появится хорошая возможность попасть внутрь.

Оук кивает и понимается на ноги.

- Что ж, отлично, - говорит он. - Когда, если не сейчас.

- Есть еще кое-что, - продолжает Тирнан. - Помимо палочников, на сторожевых башнях дежурят тролли, а также несколько солдат-соколов.

- Но я думала, тролли не могут покидать... - начинаю я, но осекаюсь, потому что этот факт можно объяснить множеством других причин. Не исключено, что эти тролли родом не из Каменного леса, а значит, заклятье на них не действует. Однако, вспомнив гору одежды и надетые на колья головы, я задумываюсь: что, если мы видели останки тех, кого принесли в жертву, чтобы умилостивить древних королей-троллей и попросить их на время открыть путь из леса?

«Кровь моя пролилась во славу Каменных королей, что правят под землей, но тело мое принадлежит Королеве снегов».

Отбросив эту неприятную мысль, я выхожу из снежной пещеры вслед за Тирнаном и Оуком и вдыхаю студеной воздух.

Мы движемся, пригнувшись к земле так низко, как только можем. В темноте у нас больше шансов приблизиться к Цитадели, не привлекая к себе внимания. По крайней мере, мы думали так, пока не увидели впереди огромное и жуткое паукообразное существо из льда, камня, плоти и веток.

Раздается пронзительный крик, и я замечаю, что клыки паука сжимают женщину из сокровитного народа, однако мы слишком далеко от них, чтобы ей помочь. Секунду спустя крик обрывается, и паук-палочник приступает к своей жуткой трапезе.

- Если это существо способно питаться, - шепчет Оук, - значит, оно действительно живое. Не такое, как заводные безделушки Гримсена, которые только и умеют, что махать крыльями. И не такое, как та голова, надетая на кол, снова и снова повторявшая одно и то же предложение. Это существо может испытывать голод, жажду и желания.

«Так же, как и я».

Ох, как же я не хочу здесь находиться! Мне жутко не нравится это место. Не нравится в нем абсолютно все, а особенно то, что оно может поведать о моей сущности.

По обе стороны от ворот, ведущих в Цитадель, пылают гигантские жаровни. Мы лежим в снегу до тех пор, пока не замечаем на сторожевой башне движение.

Тирнан подбрасывает в руке нож.

- Я отвлеку гарнизон, а вы с принцем лезьте наверх.

У меня осталась последняя возможность избежать возвращения в свой кошмар. Нужно лишь сообщить Оуку, что я передумала. Тирнан будет счастлив.

Я думаю о словах, которые Богдана сказала мне в лесу. «Твой настоящий враг – принц». Думаю о том, как чувствовала дыхание Оука на своей шее, как зрачки его лисьих глаз почернели и расширились. Думаю о том, в каком отчаянии он находится, если прошел весь этот путь ради своего отца, если не колеблясь выпил яд и не побоялся даже рискнуть своей жизнью, несмотря на всю ненадежность нашего плана. Думаю об уздечке, привязанной к моей талии, – той, которую я пыталась украсть. Той, которую он сам отдал мне на хранение.

Я должна ему доверять. Без меня он не сможет отдавать приказы леди Ноури.

- Первым делом спустимся в темницу, – говорит Оук. – Вызволим Мадока. Начнем оттуда.

- Мне кажется, это не лучшая идея, – отвечаю я. – Мы не знаем, в каком он состоянии. Возможно, без него мы будем двигаться быстрее. А после того как достанем ларец, освободим его и сразу вернемся к саням.

Оук сомневается. Его терзает необходимость выбора: получить то, за чем он сюда пришел, или получить все.

- Хорошо, – в конце концов говорит он.

- Если не вернетесь к рассвету, – произносит Тирнан, – то сами знаете, где я буду. – И он уходит вперед, продираясь сквозь снег.

- Как именно он собирается отвлекать стражу? – интересуюсь я, стараясь идти с опущенной головой, словно я служанка, живущая в Цитадели и возвращающаяся после скучного поручения, например сбора водяники. Пытаюсь вести себя так, словно Оук – сопровождающий меня солдат.

- Лучше не спрашивать, – отвечает принц с полуулыбкой.

Вблизи становится заметно, что Цитадель состоит не из цельной ледяной матовой глыбы: она возведена из блоков, стыки которых расплавляли, пока те не стали гладкими. Оук копается в сумке, и я узнаю абордажный кряк и веревку, которые он приобрел на Сыром рынке.

Он вглядывается в шпили башен, выискивая нужную.

- Вот эта, – шепчу я, указывая наверх.

Вход находится в трех этажах над нами. Если стоять на земле, как мы, то он ничем не отличается от других арок, которые его окружают.

- Готова? – спрашивает он.

Я совершенно не готова. Когда я думаю о леди Ноури, мой мозг как будто наполняется каракулями, заляпанными кляксами и изобилующими петлями,

которые перекрывают собой все прочие мысли. Я киваю Оуку, потому что не уверена, смогу ли ответить утвердительно, раз не умею лгать.

Оук бросает абордажный крюк. Острые лапки, предназначенные в том числе и для льда, плотно входят в стену.

– Обещай, что не будешь смеяться, если я сорвусь и упаду. Я еще не совсем отошел от отравления.

Я думаю о Тирнани, о том, как бы он разозлился, услышь эти слова. А еще мне интересно, что именно значит его «не совсем».

– Может, я полезу первой?

– Вот еще, – отзывается Оук. – Если тебя не будет за моей спиной, то кто остановит мое падение? – Затем он хватается за веревку, упирается ногами в ледяной блок и начинает карабкаться по стене.

Закатив глаза, беру веревку в руки и лезу вслед за ним, правда, гораздо медленнее.

Когда мы забираемся на башню, Оук скручивает веревку и достает из стены крюк. Я тем временем подхожу к воздушному входу и заглядываю в находящуюся под нами комнату. Слышу отголоски музыки, которые наверняка доносятся из парадного зала. Там стоят королевские троны и музыкальные инструменты, струны которых сделаны из высушенных кишок смертных, а корпуса украшены кусочками костей. Обычно на них играет целый ансамбль, улаждая слух представителей Двора Зубов, но мне кажется, что сегодня выступает всего один музыкант.

Внезапно по залу проносится слуга. Он тащит в руке поднос, уставленный пустыми кубками, которые лязгают, ударяясь друг о друга. К счастью, слуга не смотрит вверх.

Я прижимаю руку к сердцу, благодаря небо за то, что мы еще не начали спускаться с башни.

– Теперь ты первая, – говорит Оук, снова забрасывая крюк. – Я тебя прикрою.

Думаю, это значит, что если кто-то заметит меня – не важно, будь то слуга или стражник, – Оук тут же его убьет.

– Твои родственники многому тебя научили, – говорю я. Фокусам. Лазанью по стенам. Искусству боя.

– Они научили меня не умирать, – отвечает он. – По крайней мере, этому они пытались меня научить. Как не умирать.

Учитывая, с какой регулярностью он бросается навстречу опасности, мне кажется, они недостаточно хорошо его обучали.

– Сколько раз тебя пытались убить?

Оук пожимает одним плечом. Его внимание сосредоточено на зрелище, которое открывается ему сквозь проем.

– Сложно сказать. Думаю, пару дюжин раз начиная с того года, когда моя сестра пришла к власти.

Получается, с тех пор как мы познакомились, на его жизнь регулярно покушаются дважды в год. И шрам на его шее свидетельствует о том, что один из убийц подобрался очень-очень близко.

Я думаю о тринадцатилетнем подростке, желавшем сбежать из дома, испуганном и озлобленном. Вспоминаю, как этим утром он лежал на санях.

«Я отравляю все, к чему прикасаюсь».

Каждый раз, когда думаю, что наконец-то узнала его, я обнаруживаю под привычной оболочкой еще одного, нового Оука.

Соскальзываю вниз по веревке и, когда до пола остается небольшое расстояние, спрыгиваю, чтобы не ушибиться. Тихий звук, с которым я приземляюсь, эхом отдается по всей комнате, и я вдруг чувствую, как к горлу подступает тошнота. Это место слишком хорошо мне знакомо. Я провела в Цитадели меньше двух лет, но меня мутит от одного только запаха, которым пропитан здешний воздух.

С середины потолка свисает гигантская костяная люстра. Горячий свечной воск падает на пол, плавя лед и образуя крошечные пробоины.

В то время как наружные стены Цитадели состоят из гигантских полупрозрачных ледяных плит, внутренняя отделка некоторых залов включает в себя украшения, замороженные внутри блоков льда и напоминающие своего рода обои. Камни, навеки застывшие в падении. Белые кости, образующие порой целые скульптуры. Розы, чьи лепестки навсегда сохранились на пике цветения.

Внутри стен этой комнаты заморожены две женщины-фейри. Лед сберег их тела, так что они не распались на мох и камни, как это обычно случается с представителями народа после смерти. Две прекрасные дамы, облаченные в шикарные платья и с коронами на головах, навсегда остались в Цитадели.

Зал Королев.

Раньше я не знала, что леди Ноури тоже могла оказаться здесь, если бы я не появилась на свет. Еще один кошмар – вдобавок ко всем остальным.

Я чувствую себя так, словно снова стала маленькой девочкой. Время вокруг меня как будто растягивается. Каждый час и каждый день кажутся бесконечными, во сто крат увеличенными линзами телескопа. Расстояния запечатлелись в моей памяти в искаженном виде: залы казались короче, а потолки не такими высокими.

Кожа на моих запястьях до сих пор покрыта бугорками в тех местах, которые лорд Джарел прокалывал иглой, чтобы протянуть сквозь нее серебряные

цепочки поводка. А если дотронусь до щек, то нащупаю под скулами следы заживших шрамов.

Я не знаю, как долго так стою, рассматривая стену. Из забытья меня выводит Оук, копытца которого ударяются о пол громче, чем мои облаченные в мягкие сапоги ноги. Принц оглядывает комнату. Меня.

- Знаешь, куда нам идти? - спрашивает он.

Я коротко киваю и наконец сдвигаюсь с места.

Одна из опасностей Цитадели заключается в том, что прозрачность ее ледяных глыб различна. В некоторых частях замка движущуюся фигуру можно увидеть сквозь стены или даже сквозь пол и потолок. Здесь мы всегда будем на виду. Поэтому ни в коем случае нельзя присесть или попытаться спрятаться. Надо двигаться так, чтобы наши неясные очертания ничем нас не выдали.

Я веду нас из одного зала в другой. Мы проходим мимо узкого ледяного окна, которое выходит во внутренний двор, и я выглядываю в него. Оук тут же тянет меня обратно в тень, и мгновение спустя я понимаю почему.

Снаружи стоит леди Ноури. Напротив нее застыл десяток скульптур из палок и снега: некоторые похожи на людей, другие - на зверей, а третьи - ни на тех, ни на других. Пасть каждой фигуры заполнена острыми зазубренными сосульками, имитирующими зубы. Вместо глаз у них камешки, часть из которых вдавлена в человеческие глазницы. Я замечаю и другие ужасные детали: ступню, пальцы, пучки волос.

Леди Ноури достает из сумки нож в форме полумесяца и разрезает ладонь. Затем берет щепотку размельченных в порошок костей из мешочка, висящего на талии, и посыпает свою распоротую, залитую кровью руку. Она по очереди подходит к каждой скульптуре и вдавливая пропитанный влагой костяной порошок в их пасти.

И фигуры одна за другой пробуждаются.

Они похожи на меня. Чем бы они ни являлись, они такие же, как я.

Однако палочники больше напоминают оживших марионеток. Стоят ровными рядами, а когда леди Ноури приказывает им зайти внутрь, они повинуются, как будто никогда ни о чем другом и не думали. Но если эти существа оживают при помощи магии костей Мэб, почему они не обладают сознанием, как я?

Хотя я и была создана из снега, палочек и крови, есть какое-то отличие, благодаря которому я могу поступать как непослушная дочь-фейри, в то время как палочники совершенно не способны делать выбор.

Но потом я вспоминаю паука, который охотился на служанку. Я не знаю, как это можно объяснить.

Слышу звук шагов, но слишком поздно - за угол уже заворачивают два стражника.

Оук кладет руки мне на плечи, прижимая спиной к стене.

– Подыграй мне, – шепчет он и касается губами моего рта.

Солдат, целующий одну из служанок. Бывший сокол, который от нечего делать ищет развлечений. Я понимаю замысел Оука: он хочет скрыть наши лица. Сделать так, чтобы на нас не обратили внимания.

Это вовсе не признание в чувствах. Но я все равно словно прирастаю ногами к полу, ощущая потрясающий жар его дыхания и мягкость губ.

Одной рукой он упирается о стену, вторую кладет мне на талию, а когда стражники приближаются, сжимает ее на рукояти моего ножа.

«Он не хочет меня. Этот поцелуй вовсе не означает, что он меня хочет», – мысленно повторяю эти слова, словно заклинание, позволяя его языку разомкнуть мои губы. Залезаю руками под его рубашку и провожу ногтями по его коже.

«Меня обучали всем придворным искусствам». Танцам и сражениям, поцелуям и обману.

Я чувствую прилив радости, когда он вздрагивает, а затем проводит пальцами по моим волосам и обхватывает мое лицо ладонью. Скольжу губами по его челюсти и горлу, касаюсь его плеча кончиками зубов. Он напрягается и сильнее впивается пальцами в мою кожу, прижимая меня к своему телу. Когда я осторожно кусаю Оука, с его губ срывается стон.

– Эй, ты, – обращается к нему один из стражников, который оказывается троллем. – А ну быстро вернись на свой пост! Если госпожа узнает...

Когда Оук отстраняется от меня, я замечаю, как покраснелись его губы. Его глаза, прикрытые золотистыми ресницами, кажутся совершенно черными. Вижу на его плече отметину от своих зубов. Оук резко оборачивается и вонзает нож в живот тролля. Тот бесшумно оседает на пол, а принц уже перерезает горло второму стражнику.

Горячая кровь брызжет в стороны. От упавших на лед капель поднимаются облачка пара. Пол покрывается созвездием щербин.

– Где-нибудь поблизости есть комната? – спрашивает Оук. Его голос почти не дрожит. – Чтобы спрятать тела.

Несколько мгновений непонимающе смотрю на него. Я потрясена поцелуем, тем, как быстро стражники нашли свою смерть. Я еще не успела привыкнуть к манере Оука убивать без колебаний, а потом выглядеть опечаленным из-за случившегося – словно он совершил недостойную придворного оплошность. Скажем, пролил редкое вино. Или надел брюки, которые не сочетаются с рубашкой.

Тем не менее я не могу не радоваться тому, что он убил охранников быстро и бесшумно.

Я веду его через коридор в маленькую кладовку, где хранятся средства для чистки, уборки и обеспечения нужд джентри, живущих в этой части замка. В углу комнатухи висит замороженная туша лося, с которой уже срезали несколько кусков мяса. К стене напротив прикреплены деревянные полки, доверху забитые стопками скатертей, чашками, стаканами и подносами. Тут же болтаются пучки сушеных трав. На полу стоят две бочки вина. Одна из них открыта, и с ее края свисает черпак.

Оук затаскивает в кладовку стражников. Я снимаю с одного из них мантию и хватаю с полки скатерть, а затем возвращаюсь в коридор, чтобы стереть пятна крови.

Одновременно проверяю, есть ли в этой части замка прозрачные ледяные глыбы, сквозь которые кто-то мог увидеть случившееся. Но случайный свидетель смог бы различить лишь очертания наших фигур – жестокую сценку в театре теней, которая, в общем-то, не выходит за рамки того, что принято в Цитадели. Тем не менее, если кто-то знает о нашем присутствии, это может стать проблемой.

Не заметив ничего, что могло бы нас выдать, я возвращаю заляпанную кровью ткань обратно в кладовку. Оук оттащил тела в угол и прикрыл их тряпкой.

– На мне есть следы крови? – спрашивает он, оглядывая переднюю часть своей шерстяной рубашки.

И хотя кровь брызнула ему на одежду, на темной ткани пятна почти не видны. Замечаю несколько капель на его волосах и убираю их. Вытираю пальцем его щеку и место над уголком губ.

Он виновато улыбается, словно ожидает, что я отчитаю его за поцелуй или за убийства. Не знаю, что из этого беспокоит его больше.

– Мы почти добрались до лестницы, – говорю ему.

Мы поднимаемся по ступенькам и на другом конце длинного коридора замечаем еще двух стражников. Они слишком далеко, чтобы разглядеть наши лица, и я надеюсь, что они не заметят странностей в нашей одежде. Я стараюсь смотреть прямо перед собой. Оук кивает одному из стражников, а тот кивает ему в ответ.

– Наглец, – шепчу себе под нос, и принц широко улыбается.

У меня дрожат руки.

Мы минуем библиотеку и военный командный пункт, затем снова взбираемся по ступенькам. Крутая спиральная лестница уходит на два этажа вверх, и, пройдя по ней, мы оказываемся перед спальней леди Ноури, находящейся на вершине крайней левой башни.

В комнату ведет высокая, заостренная кверху дверь. Она сделана из черного металла, оледеневшего от холода. Оленье копыто заменяет ручку.

Я сжимаю ее пальцами и поворачиваю. Дверь открывается.

Спальня выглядит совсем иначе, чем я ее помню, и переливается всеми оттенками красного. Проходит пара мгновений, прежде чем я понимаю почему. Внутри стен заморожены распотрошенные тела жертв леди Ноури, и свет, проходя сквозь них, придает комнате странный, кровавый тон.

При виде этого жуткого зрелища глаза Оука округляются.

– Что ж, среди такого гротескного искусства ларец с костями будет выглядеть уместно.

Я бросаю на него благодарный взгляд. Да. Верно. Нам всего лишь нужно отыскать останки Мэб, а потом мы сбежим отсюда вместе с его отцом. Я вырвусь из ловушки Цитадели и, возможно, больше не буду ощущать себя замороженной в собственном прошлом, как будто я – одно из тел внутри ледяной стены.

По центру спальни стоит широкая кровать. Изголовье и изножье вырезаны из черного оникса в форме острых, шипастых фигур. Одеяло из меха горностая прикрывает подушки. В углу горит жаровня, наполняя воздух теплом. Напротив нее висит зеркало в черном обрамлении, которому придана форма переплетающихся змей. Под ним – туалетный столик, на котором разложены драгоценности и шпильки для волос. В ящичках нахожу чернильницу и золотистый гребень.

Я рассчитывала увидеть идеальный порядок, который помнила из детства, но, открыв огромный шкаф леди Ноури, сделанный из черного дерева и украшенный зубами разных зверей и существ, я замечаю, что несколько платьев кучей просто свалены на дне. Это великолепные наряды из алой и переливчато-серебристой ткани с бусинами, похожими на застывшие слезы; одеяния, полностью состоящие из черных перьев. Приглядевшись, я замечаю на них пятна и дыры. Они такие же старые, как и разрушившиеся башни замка.

Судя по беспорядку, леди Ноури одевалась второпях и без помощи слуг. Во всем этом зрелище сквозит отчаяние, не сочетающееся с необъятной властью, которую она стремится захватить.

Оук кладет ладонь мне на плечо. Я вздрагиваю.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

– Когда лорд Джарел и леди Ноури только забрали меня из мира смертных ко Двору Зубов, они пытались проявлять ко мне доброту. Кормили меня вкусной едой и одевали в красивые платья. Называли меня своей принцессой и говорили, что я стану прекрасной и любимой народом королевой. – Слова срываются с моих губ прежде, чем я успеваю сдержать их. Принимаюсь копаться в шкафу, чтобы не смотреть на лицо Оука. – Я все время рыдала не переставая. Так продолжалось в течение недели, пока я окончательно не вывела их из себя.

Оук молчит. Хотя он знал меня ребенком, ему не довелось увидеть меня такой – еще не потерявшей веру в доброту мира.

С другой стороны, он жил с сестрами, которых тоже выкрали из мира смертных. Возможно, он видел их слезы.

– Лорд Джарел и леди Ноури приказали слугам погрузить меня в зачарованный сон, и те повиновались. Однако это не помогло. Я продолжала плакать.

Оук слегка кивает, словно опасаясь, что если сделает более заметный жест, то разрушит чары и я прерву свой рассказ.

– Лорд Джарел принес мне прекрасное стеклянное блюдо, на котором лежали кусочки фруктового льда, – продолжаю я. – Я попробовала один из них, и вкус оказался настолько восхитительным, что не поддавался описанию. Мне казалось, что я ем прекрасный сон. «Я буду кормить тебя этим каждый день, если ты прекратишь плакать», – сказал он. Но я не могла.

Тогда он принес мне бриллиантовое ожерелье, холодное и прекрасное, словно лед. Когда я надела его, мои глаза засияли, а кожа и волосы начали сверкать, словно присыпанные блестками. Я выглядела необыкновенно красивой. Но когда он приказал мне перестать плакать, я не смогла.

Он сильно разозлился и сказал, что если я не прекращу, то он превратит мои слезы в стекло, которое поранит мне щеки. И исполнил свою угрозу. Но я все равно плакала, и вскоре слезы уже нельзя было отличить от струек крови, стекавших по моему лицу. И тогда я начала учиться разрушать их заклятья. Им это не понравилось.

Потом они сказали, что позволят мне снова увидеться с этими смертными – они называли мою семью «этими смертными» – на один день по прошествии года, но только если я буду себя хорошо вести.

Я пыталась. Сдерживала слезы и царапала на ледяной стене у своей кровати цифры, ведя счет дням.

Однажды ночью я вернулась в комнату и обнаружила, что мои записи изменились. Я была уверена, что минуло уже пять месяцев, но, судя по цифрам на стене, прошло немногим больше трех.

Тогда я поняла, что никогда больше не попаду домой, но как бы мне ни хотелось разрыдаться, в глазах не было ни слезинки. С тех пор я больше ни разу не плакала.

В глазах Оука отражается ужас.

– Я не должен был просить тебя вернуться сюда.

– Главное, не оставляй меня здесь, – молю его, чувствуя себя невероятно уязвимой. – Вот мое желание за ту победу, которую я одержала много лет назад.

– Обещаю, – отвечает он. – Если это будет в моей власти, мы уйдем отсюда вместе.

Я киваю.

– Мы найдем ларец и уничтожим леди Ноури, – произношу я. – И я больше никогда сюда не вернусь.

Но, открыв все ящики и просмотрев все вещи леди Ноури, мы не находим ни костей, ни следов магии.

- Похоже, она хранит его в другом месте, - говорит Оук, отрывая взгляд от коробки, в которой он копается.

- Возможно, в тронном зале, - предполагаю я. И хотя нам снова придется спуститься по лестнице и пройти мимо стражи, я буду только рада убраться из этой жуткой комнаты.

- Мой отец может знать, где искать ларец, - говорит Оук. - Знаю, ты считаешь, что...

- Давай пойдем в темницу, - неохотно соглашаюсь я.

Я в последний раз окидываю спальню взглядом и вдруг замечаю в кровати кое-что странное. Ее каркас сделан изо льда, внутри которого заморожен какой-то предмет - не красный, а молочно-коричневый.

- Оук? - зову я.

Он оборачивается, пытаюсь проследить за моим взглядом.

- Ты что-то нашла?

- Пока не уверена.

Я подхожу к кровати и, откинув одеяло с простыней, вижу, что внутри заморожены три жертвы. В отличие от тел, находящихся в стенах, они не распотрошены. Я даже не могу сказать, от чего они погибли.

Пока разглядываю их, происходит невероятное: один из трупов открывает глаза.

Я отскакиваю назад, и в этот момент труп разевает рот, издавая звук, похожий и на стон, и на песню одновременно. Два других тела тут же пробуждаются от забытья и присоединяются к первому, создавая жуткий потусторонний хор.

Они бьют тревогу.

Оук хватается меня за плечо и толкает к двери.

- Это ловушка! - кричит он. - Уходим.

Я несусь вниз по лестнице так быстро, как только могу, едва не поскользнувшись и придерживаясь рукой за стену. Слышу, как позади меня стучат копытца Оука.

Мы добираемся до нижней степени, но нас уже окружает десяток стражников - бывшие соколы, сокрытый народ, ниссе и тролли. Они выстраиваются рядами с оружием наперевес. Оук прижимается спиной к моей спине, и я слышу, как его тонкий меч с лязгом покидает ножны.

Глава 15

Оук успевает убить двух троллей и одного ниссе, прежде чем другому троллю удается приставить нож к моему горлу.

- Остановись, - выкрикивает он, прижимая лезвие к моей коже так, что я ощущаю жжение. - Иначе девчонка умрет.

Взгляд Оука остается безучастным, и я не уверена, слышит ли он стражника. Однако в следующее мгновение он замирает и опускает клинок. Кажется, ему пришлось приложить немало усилий, чтобы снова прийти в себя.

Однако стражники по-прежнему боятся приблизиться к принцу - для этого им придется переступить через тела своих мертвых товарищей. С его тонкого, как игла, клинка падают капли крови.

- Брось меч на землю, - приказывает ему другой солдат.

- Поклянись, что не причините ей вреда, - тяжело дыша, отвечает Оук. - И мне тоже. Я бы хотел, чтобы мне тоже не причиняли вреда.

- Если не бросишь клинок, я перережу горло сначала ей, а потом тебе, - угрожает тролль. - Как тебе такое обещание? - Солдат стоит так близко, что я чувствую запах его кожаной брони, масла, которым он смазывал нож, и засохшей на лезвии крови. Чувствую жар его дыхания. Рука, сжимающая мне шею, тверда, как камень.

Я всеми силами стараюсь не поддаваться панике. По-прежнему сжимаю в руке нож, однако тролль крепко держит меня за запястье.

Однако я могу укунить его за руку. Мои зубы остры настолько, что способны пронзить даже плоть тролля. Резкая боль заставит его ослабить хватку - либо перерезать мне горло. Но даже если мне повезет и я смогу воспользоваться моментом, вырваться из его рук и добежать до Оука, то что потом? Нам ни за что не выбраться из Цитадели. Скорее всего, мы не сможем выбраться даже из этого коридора.

Оук держит опущенный меч одними пальцами, но не бросает его.

- Ваша госпожа пригласила меня сюда, чтобы я доставил ей живое сердце Меллит. Полагаю, она будет чрезвычайно разочарована, если вы лишите ее этого подарка. Мертвым я вряд ли смогу вручить его леди Ноури.

По моему телу пробегает дрожь от одной только мысли, что она получит желаемое, хоть мне и известно, что все это игра, хитрость, афера. У Оука

нет сердца Меллит. Опасность лишь в том, что леди Ноури может догадаться об этом.

Но это не будет иметь значения, если я окажусь с ней в одной комнате. Нужно только, чтобы я могла говорить.

Оук продолжает:

– Вы почти поймали нас. Теперь вам достаточно пойти на маленькую уступку, и я последую за вами безропотно, словно ягненок.

– Брось клинок, принц, – повторяет один из бывших соколов. – И вы с девчонкой не пострадаете от наших рук, пока мы сопровождаем вас в тронный зал. Там ты сможешь предстать перед леди Ноури и взмолиться о пощаде, а также объяснить, почему, явившись в Цитадель по ее приглашению, ты был схвачен нами на пути из ее личных покоев.

Оук бросает меч, и тот с лязгом падает на пол.

Один из стражников вырывает нож из моей руки, а другой берет моток веревки и, засунув ее между моих губ, завязывает узлом на затылке. Пока они ведут меня по коридору, подталкивая в спину, я пытаюсь разгрызть веревку, но, хотя мои зубы остры, связали меня на славу. Когда мы добирается до тронного зала, кляп по-прежнему у меня во рту.

Принц свободен от пут, однако на него со всех сторон наставлены обнаженные клинки. Не знаю, можно ли рассматривать это как знак уважения к его персоне, или же стражники просто не хотят рисковать и подходить к нему слишком близко.

Но я знаю одно: мне нужно вернуть себе возможность говорить. Всего пара слов, и леди Ноури окажется у нас в руках.

Тролль толкает меня, и я падаю на четвереньки прямо перед леди Ноури.

Она встает из-за длинного, заставленного едой стола. Мы прервали ее трапезу.

Ее белые волосы заплетены в сложную прическу из кос, некоторые из которых, впрочем, выбились и спадают ей на плечи. Она одета в шикарное платье из черных перьев и серебряной ткани, оттенок которой постепенно темнеет и к краю подола становится совсем черным. Вокруг нее толпятся бывшие соколы – раньше они верно служили главному генералу Эльфхейма, а теперь ими командует она одна.

Когда я смотрю на нее, меня наполняют те же ненависть и страх, которые сковывали мое тело в детстве.

Однако в ее желтых глазах полыхает безумие, которого прежде там никогда не было. Она изменилась с тех пор, как я видела ее в последний раз. И меня пугает то, что я вижу в ней себя. Она ожесточена и загнана в угол, ее сердце переполнено подавленными желаниями. Она – сосредоточение моих худших качеств и способностей.

Я вижу еще одно изменение: теперь леди Ноури вместо ожерелья носит на шее две посеребрившие кисти рук. К своему ужасу, я замечаю, что их пальцы движутся, словно живые, лаская ее шею. Затем мне в голову приходит более ужасная мысль, что, скорее всего, раньше они принадлежали лорду Джарелу.

На ледяной колонне за ее спиной стоит треснувший ларец, который наверняка содержит кости и прочие останки Мэб. Из ларца тянутся странные корнеобразные побеги, на одном из которых виднеется бутон. Кажется, он вот-вот зацветет.

По левую сторону от леди Ноури сидит тролль, чью голову венчает корона из чистейшего золота. Он облачен в синюю бархатную мантию, расшитую узором из серебряных чешуек. Его кожаное одеяние украшено орнаментом, похожим на тот, что мы видели в Каменном лесу.

Это явно Хурклоу, каким-то образом вырвавшийся из-под заклятья леса. Он привел своих солдат, чтобы усилить охрану Цитадели. Но зачем ему объединяться с леди Ноури? Если сведения, которые Горга сообщила Оуку, верны, то Хурклоу прибыл сюда свататься. Возможно, сила леди Ноури кажется ему привлекательным приданым.

Большинство мест за пиршественным столом занимают тролли Хурклоу, но помимо них я замечаю несколько дам из сокрытого народа. И Богдану. Ведьма одета в привычное потрепанное черное платье, а буйная грива ее волос космата и спутана, как и всегда. При виде меня в ее глазах загораются странные огоньки.

Перед пирующими стоят серебряные тарелки и ледяные кубки, наполненные черным вином, которое дуэргары делают из ночного фрукта. Стол ломится от яств Двора Зубов. Здесь и черный редис, вымоченный в уксусе и нарезанный тонкими ломтиками, чтобы продемонстрировать его бледные внутренности. И подносы со снежными хлопьями, политыми медом так, чтобы он замерз и хрустел, словно крекер. И холодец, вызывающий во мне неприятные воспоминания о стенах Цитадели и замороженных внутри них существах.

Один-единственный музыкант перебирает струны арфы.

Несмотря на то что в тронном зале вовсю идет пир, а вдоль стены выстроились стражники и солдаты-палочники, это место кажется пустынным по сравнению с тем, каким оно было при лорде Джареле. Тогда столы занимали все свободное пространство, а за ними сидели многочисленные гости и один за другим произносили тосты. Пирующих развлекали музыканты и другие артисты, виночерпии следили, чтобы бокалы никогда не пустели. Двор был таким, каким его хотела видеть леди Ноури. Куда же делись все придворные? Неужели все они покинули Цитадель?

Не уделив мне ни малейшего внимания, она обращает взгляд на Оука.

– Наследник Эльфхейма, давай пропустим обмен любезностями и сразу перейдем к делу. Ты доставил сердце Меллит в мои владения?

Стражники по-прежнему заметно напряжены. Видимо, они боятся, что Оук снова затеет кровавую резню.

– Я бы не стал приходить сюда с пустыми руками, когда на кону стоит жизнь моего отца, – отвечает Оук, переводя взгляд с отрезанных рук, украшающих шею леди Ноури, на короля троллей.

Я пытаюсь перегрызть веревку, борясь с подступающим отчаянием. Еще мгновение, и она задаст ему вопрос, на который Оук ответить не сможет. Мне нужно вернуть себе возможность говорить. Стоит мне сделать это, и я смогу спасти нас обоих.

Однако теперь, когда нас окружают солдаты Хурклоу, появилась и другая опасность. Если тролль догадается, что я способна контролировать леди Ноури, то прикажет им меня пристрелить.

– Так оно и правда у тебя? – спрашивает леди Ноури. – Или ты не справился с моим заданием, маленький принц?

Мое сердце колотится все быстрее. Грызу веревку изо всех сил, хоть и понимаю, что не успею уберечь его от необходимости отвечать. Наш план изначально казался рискованным, но я только сейчас понимаю, что у нас не было ни единого шанса на успех.

– Позвольте мне ответить полным предложением, чтобы вы не опасались, что я вас обманываю, – говорит Оук. – Я доставил сердце Меллит в ваши владения.

Его слова изумляют меня настолько, что я перестаю грызть веревку. Как ему удалось их произнести? Это просто невозможно. Оук – фейри, а значит, он, как и все мы, не способен лгать.

К тому же я своими глазами видела, как Тирнан разделявал тушу оленя, а Оук покупал у кузнецов ларец. Я знаю, что он принес в Цитадель вовсе не древний артефакт.

Затем вспоминаю слова, которые произнес Оук, когда мы разговаривали на лодке. «Постарайся верить мне, что бы ни случилось, что бы я ни сказал и ни сделал – в будущем или прошлом. Моя цель заключается в том, чтобы мы все пережили этот поход». Что он имел в виду? Он хотел сказать, что готов отдать сердце Меллит, лишь бы мы все выжили?

Если это действительно так, и оленье сердце было нужно, только чтобы обмануть меня, значит, Оук собирается вручить леди Ноури огромную, ужасающую власть. Таковую, с помощью которой она сможет угрожать Эльфхейму и творить кровавые бесчинства в мире смертных, который презирает всей душой.

И я не смогу ему помешать.

– И где же оно? – рычит леди Ноури.

Оук сохраняет спокойствие.

– У меня, но я не настолько глуп, чтобы носить его в кармане.

Леди Ноури бросает на него злой взгляд.

- Ты его спрятал? С какой целью, если, согласно уговору, ты должен отдать его мне в обмен на своего отца?

Оук качает головой:

- Я отдам его вам, только когда увижу, что отец и Рэн в целости и сохранности покинули Цитадель.

Она хмурится, рассматривая его, а потом бросает взгляд на меня и заливается смехом.

- Зачем спорить из-за пустяков? Я способна проявить великодушие к побежденному врагу. Что, если я прямо сейчас выпущу Мадока и попрошу слуг вывести его из Цитадели в чистое поле? Надеюсь, он хорошо переносит холод, ибо, боюсь, на нем слишком легкая одежда. К тому же некоторые из моих творений любят поохотиться вокруг замка.

- Это прискорбный вариант развития событий для всех нас, - отзывается Оук. Как бы твердо ни звучал его голос, он кажется совсем юным, стоя перед ней и Хурклоу. Я опасаясь, что эту игру ему не выиграть. - Но у меня есть альтернативное предложение. Завтра ночью мой соратник встретится с нами у скалы, что находится в трех лигах отсюда. Вы приведете туда Мадока, меня и Рэн. Там и устроим обмен.

- Надеюсь, ты понимаешь, что тебя я никуда не отпущу, дитя из рода Зеленого Вереска. Ты останешься здесь, в Цитадели, пока я с тобой не разберусь.

- А что конкретно вы планируете со мной сделать? Держать в плену, пока моя сестра не исполнит то, чего вы желаете?

- Почему же именно твоя сестра, а не Верховный король? - спрашивает леди Ноури и, обходя стол, направляется к нам.

Оук растерянно хмурится:

- А какая разница? Можете обратиться к любому из них.

- Ходят слухи, твоя сестра обманом заставила его заключить некую сделку.
- Леди Ноури произносит эти слова легкомысленным тоном, но я чувствую, что она в ярости из-за того, что ее перехитрила обычная смертная. Если у ее безумия есть иная причина, помимо гибели лорда Джарела, она заключается именно в этом. - А иначе зачем бы ему жениться на ней? Зачем подчиняться ее желаниям?

- Если вы плените меня, у сестры останется одно желание: сделать себе шляпку из вашего черепа, - предостерегает ее Оук. Бывшие соколы неуютно переминаются с ноги на ногу, вероятно вспоминая о том, как отказались от ее предложения признать вину, и о наказании, которое потом понесли. - А когда она его исполнит, Кардан будет смеяться без умолку.

Леди Ноури презрительно кривит рот.

– Мне нужны три вещи. Кости Мэб, сердце Меллит и кровь представителя рода Зеленого Вереска. У меня уже есть две из них, а третья так близко, что я почти ощущаю ее вкус. Не подведи меня, принц Эльфхейма, потому что, если это произойдет, твой отец лишится жизни, а я все равно получу желаемое.

Оук приподнимает брови. Я не знаю, каковы его истинные чувства, но испытываю удовлетворение оттого, что ему удастся сохранить невозмутимый вид, несмотря на угрозы.

Леди Ноури продолжает свою речь, видимо радуясь аудитории:

– Если бы не слабость твоего отца, мы бы одержали победу в войне против Эльфхейма. Но теперь я обладаю огромной властью, и у меня есть более надежный союзник. Я готова свершить свою месть.

– Король Хурклоу, – произносит Оук, переводя взгляд на короля троллей. – Надеюсь, леди Ноури не дала вам обещаний, которые не в состоянии исполнить.

Троль криво улыбается.

– Я тоже на это надеюсь, – отвечает он низким голосом.

Леди Ноури недовольно хмурится, а затем подходит ко мне. Я вижу, как Оук стискивает зубы и сжимает руки в кулаки.

– Полагаю, принц считал, что ты способна меня остановить. – Ее губы изгибаются в жуткой улыбке. Она дотрагивается до погрызенной веревки, торчащей из моего рта, словно удила. – Жаль, что он не знал, какая ты размазня.

Издаю глухое, предостерегающее шипение.

К моему удивлению, она принимается развязывать веревку, которую я пыталась перегрызть. Как только она освобождает меня от пут, я открываю рот, отчаянно желая как можно быстрее произнести нужные слова. Я не придумала, что скажу, и поэтому собираюсь выпалить идиотское, расплывчатое приказание вроде: «Повелеваю тебе сдать!» Но прежде, чем успеваю это сделать, она прижимает к моему рту лепесток. В следующее мгновение что-то заползает мне в рот и начинает извиваться на языке. Я сжимаю челюсть. Нечто движется еще пару секунд, а затем замирает.

Злобно улыбаясь, леди Ноури роняет веревку на пол.

Я вздрагиваю, но теперь наконец-то снова могу говорить. Пытаюсь выдавить нужные слова, но язык не слушается меня.

– Я отрекаюсь... – начинаю я, но тут же сжимаю зубы, до боли прикусывая язык.

Улыбка леди Ноури становится шире.

– Да-да, дорогуша? Пожалуйста, продолжай.

Каким-то образом ей удалось вплести заклинание контроля в лепесток, который она наверняка сорвала с побега, чудесным образом выросшего из костей Мэб. Если заговорю, то передам свою власть ей.

Я прикусываю язык еще сильнее, чтобы успокоить его. Он извивается, подобно плененному зверю.

– Богдана рассказала мне, как ты жила, – продолжает леди Ноури. – В жалком шалаше на окраине мира смертных, питаюсь объедками, словно крыса.

Я не могу ей ответить и поэтому молчу.

В глазах леди Ноури мелькает тревога. Она бросает взгляд на Богдану, но Грозовая ведьма наблюдает за мной из-за стола с непроницаемым выражением лица.

– Тупица, открой уже свой рот, наконец! – рычит леди Ноури. – Я могу дать тебе то, чего ты желаешь больше всего на свете.

«И что же это?» – спросила бы я, если бы могла дать волю языку. Но это небезопасно, и я продолжаю держать его за зубами.

– Я не способна превратить тебя в человека, – говорит она. – Но могу добиться похожего эффекта другим способом.

Я не могу спорить с этим, потому что где-то в глубине души мне и правда этого хочется. Вспоминаю телефонный разговор с не-сестрой и думаю, насколько проще было бы вернуться к своей старой жизни, если бы при этом мне не нужно было прятаться и лгать. Если бы я могла не переживать, что при виде меня не-родители закричат от ужаса.

Леди Ноури улыбается и, сделав шаг ко мне, берет за подбородок.

– Я могу наложить на тебя такие мощные чары, что даже самому королю Эльфхейма не удастся увидеть за ними твой истинный облик. Теперь я обладаю достаточной силой для этого. Могу сделать так, что ты забудешь последние девять лет своей жизни. Ты вернешься в мир смертных пустым сосудом, который они смогут наполнить своей человечностью. Они подумают, что в детстве тебя похитили и совершили над тобой нечто настолько ужасное, что ты подсознательно заблокировала все свои воспоминания. Они не станут давить на тебя. А даже если и станут, то какая разница? Ты будешь искренне верить в то, что говоришь им правду.

Я отстраняюсь от ее руки.

Моя заветная мечта. Сокровенное желание моего сердца. Я в ярости от того, как хорошо леди Ноури знает меня, как безжалостно заманивает меня в свои сети, обещая утешение, которого я так отчаянно жажду.

Она вглядывается в мое лицо своими желтыми глазами, прикидывая, попалась ли я на ее удочку.

- Что, размышляешь о принце? Только не думай, что я не знаю, где ты была, когда твой народ проливал кровь в Змеиной битве. Пряталась под кроватью мальчишки.

Я смотрю на нее ничего не выражающим взглядом. Тогда я была лишь ребенком и все равно смогла от нее сбежать. Это воспоминание не вызывает во мне ничего, кроме радости. «Он хотел, чтобы я пошла с ним, – сказала бы я, если бы могла говорить. – Мы были друзьями. Мы остаемся ими до сих пор».

Но мои мысли возвращаются к сердцу Меллит и словам, сказанным Оуком.

«...что бы я ни сказал и ни сделал – в будущем или прошлом...»

- Рассчитываешь, что он встанет на твою защиту? Да от тебя же нет никакого толку. Зачем наследнику Эльфхейма возиться с необразованной, одичавшей девчонкой? Но подумай только: тебе вовсе необязательно о нем помнить. Даже необязательно помнить о себе самой.

- Я далеко не так практичен, как вы думаете, – встревает Оук. – Мне нравится много бестолковых вещей. Да и меня не раз так называли.

Леди Ноури не отводит от меня взгляда, даже когда я неожиданно для самой себя издаю короткий смешок, из-за которого едва не отпускаю язык на свободу. Ладони лорда Джарела сжимают ее плечи, словно отзываясь на ее настроение.

- От его доброты не останется ни следа, как только она тебе понадобится. Итак, дитя, пойдешь ли ты со мной на сделку, чтобы я больше никогда не беспокоилась на твой счет? Или заставишь меня решить эту проблему более жестоким образом?

Я представляю, каково это – сдать. Мне больше не придется заглядывать в чужие окна, оплакивая жизнь, которая никогда не будет моей. Никаких безнадежных желаний. Никаких опасений по поводу будущего. Никакого страха. Какая мне разница, если в руках леди Ноури окажутся и кости Мэб, и сердце Меллит? Пусть Эльфхейм исчезнет с лица земли, и принц Оук вместе с ним. Пусть она уничтожит те части мира смертных, которые посчитает нужным. Какое мне до всего этого дело?

Я вспоминаю слова Чертополоховой ведьмы: «Ноль. Никто. Ничто. Вот чем ты являешься». Вот чем мне предстоит стать. Я обращу в ничто свою личность, все свои знания и опыт. Смирюсь с тем, что я не имею значения.

Я плюю леди Ноури в лицо. Капля слюны, смешанной с кровью, алеет на ее серой коже.

Она кривит губы и заносит руку для удара, но не бьет меня. Ее трясет от ярости.

- Прикусила язык, чтобы позлить меня? Что ж, я преподам тебе урок. Стража, вырежьте его из ее рта!

Стражник, мужчина из сокрытого народа, отходит от стены и хватает меня за обе руки. Я царапаюсь и пинаюсь так ожесточенно, как никогда раньше.

- Нет! - Оук пытается броситься мне на помощь, но его удерживают два бывших сокола. - Если причините ей зло, то даже и не думайте, что я...

Леди Ноури оборачивается и указывает на него пальцем.

- Сейчас же скажи мне, где сердце Меллит, и я не стану отрезать ей язык.

Подбегают еще трое стражников и помогают первому удержать меня. Я брыкаюсь и извиваюсь в их руках.

Оук кидается к женщине-троллю, которая стоит к нему ближе всех, и выхватывает из ее ножен меч. Он по-прежнему окружен, но теперь у него хотя бы есть оружие. Несколько представителей сокрытого народа и ниссе натягивают тетиву лука.

Хурклоу делает взмах рукой.

- Покажи мальчишке, что это бесполезно, - говорит он.

- Выйдите вперед, мои творения, - приказывает леди Ноури и солдаты, состоящие из палок, земли и плоти, шагают по тронному залу. Стражники отходят назад, уступая им место.

- Схватить его! - кричит леди Ноури.

Палочники без колебаний устремляются к Оуку. Он разрубает пополам одного из них, резко разворачивается и пронзает мечом другого. Острие глубоко погружается в сплетение веток. Палочник делает еще несколько шагов вперед, а затем отходит в сторону, пытаясь вырвать из руки Оука меч за счет силы своего движения, хотя при этом лезвие разрезает его собственные внутренности.

Оук вытаскивает меч, но на него тут же налетают еще три палочника, давая четвертому возможность схватить его за горло. На этот раз стражники заводят его руки за спину и связывают их серебряной веревкой.

Когда наши взгляды встречаются, я вижу на его лице боль. Он ничем не может мне помочь.

Я пытаюсь отбиться от стражников, но они все равно прижимают меня к полу. Я кусаю их, когда они пытаются силой открыть мне рот.

Однако все это бесполезно. Двое солдат держат меня за запястья, а третий прокалывает кончик моего языка каким-то шипастым инструментом. Он затягивает его.

Четвертый солдат подносит к моему рту изогнутый нож.

Острая, жгучая боль пронзает меня. Я хочу закричать, но не могу, потому что мой язык надежно удерживают на месте. Пересохший рот наполняется кровью. Она течет рекой. Я давлюсь ею. Тону в ней. Меня отпускают, и я кашляю, чтобы не захлебнуться. Крик застревает в моем горле.

По моему подбородку струятся алые потоки. Когда я двигаюсь, во все стороны разлетаются красные хлопья.

Боль поглощает меня целиком, так что я почти теряю способность думать. Но понимаю, что теряю слишком много крови. Она вытекает из моего рта и льется по шее, обогривая воротник платья. Я умру здесь, прямо на ледяном полу Цитадели.

Леди Ноури неторопливо подходит к моему скрюченному телу, достает из сумки кусочек кости и просовывает его между моими губами и зубами. Я чувствую, как рана начинает затягиваться.

– Это пойдет тебе на пользу, пусть сейчас ты этого не понимаешь. Как твоя мать и преданный вассал, в отсутствие прямых указаний я вынуждена руководствоваться собственной мудростью.

От шока и потери крови у меня кружится голова. Покачиваясь, поднимаюсь на ноги и серьезно задумываюсь опуститься обратно на пол. Серьезно задумываюсь о том, чтобы потерять сознание.

Леди Ноури не может лгать, а значит, в каком-то извращенном смысле она искренне верит, что я должна хотеть того же, чего и она сама.

Однако мне не нужен язык, чтобы передать всю ярость, которую я испытываю. Леди Ноури может прочитать ее в моем взгляде.

Она улыбается уголками губ, и я замечаю, что за все это время она не так уж сильно изменилась. Она не хочет убивать меня, потому что если я умру, то не смогу больше страдать.

– Принц ведь даже не знает, что ты такое на самом деле, – произносит леди Ноури, бросая взгляд на Оука. – Ты ведь даже не фэйри. Лишь манекен, мало чем отличающийся от зачарованного полена, которое оставляют на месте похищенного ребенка. Существо, обреченное зачахнуть и умереть.

Помимо своей воли поднимаю глаза на Оука. Понимает ли он, что она имеет в виду? Но я не вижу на его лице ничего, кроме жалости.

Пусть я состою из палочек, снега и ведьмовской магии, по крайней мере, я родилась не от нее.

Я ничей ребенок.

Эта мысль заставляет меня улыбнуться, обнажая окровавленные зубы.

– Миледи, – произносит король Хурклоу. – Чем быстрее принц Оук увидит своего отца на свободе, тем скорее мы получим желаемое.

Леди Ноури, прищурившись, смотрит на него. Я задумываюсь, знает ли король троллей, какой жестокой она может быть и какой жестокой станет по отношению к нему, если он не проявит осторожность.

Но пока она послушно делает стражникам знак рукой.

- Заприте эту непослушную девчонку в темнице, чтобы она хорошенько подумала о своих решениях. Нам с принцем Оуком нужно многое обсудить. Возможно, он согласится присоединиться к нашему пиршеству.

Один из бывших соколов подходит ко мне сзади.

- Давай, пошевеливайся.

Я, пошатываясь, направляюсь к дверям. Рана в моем рту пульсирует ужасной болью, но кровотечение остановилось. Сглатывая слюну, по-прежнему чувствую металлический привкус, но, по крайней мере, мне больше не кажется, что я вот-вот захлебнусь.

- Я бы сказала, что ты потеряла себя по пути сюда, но на самом деле это случилось гораздо раньше, - произносит Грозовая ведьма, когда я прохожу мимо. - Проснись, птичка.

Открываю рот, чтобы напомнить ей, что я потеряла язык, а вместе с ним, быть может, и надежду.

Богдана кривит лицо, и на мгновение меня охватывает новая волна страха и головокружения. Заставлять ее морщиться от неудовольствия - очень опасная затея.

- Шевелись, - повторяет стражник, пихая меня в спину между лопатками.

Только оказавшись в коридоре, я оглядываюсь и встречаюсь взглядом с фиолетовыми глазами Гиацинта.

Глава 16

Несколько секунд мы молча смотрим друг на друга.

- Я говорил вам, что отправить меня сюда было бы мудрым решением. И поскольку вы не отдали мне приказа, который бы напрямую этому противоречил, я пришел по своей воле, - говорит Гиацинт так тихо, что только я могу слышать.

Я не могу ему ответить. Покачнувшись, прислоняюсь к стене. Из-за охватившей все тело боли мне тяжело думать, и я не до конца уверена, на моей ли он стороне.

- Радуйтесь, что я принял это решение, - продолжает он и направляет на меня копьё так, что острие замирает в нескольких дюймах от моего горла. - На нас смотрят. Идемте.

Я поворачиваюсь к нему спиной и шагаю по коридору. Он делает вид, что снова толкает меня, чтобы я двигалась быстрее. Мне притворяться не приходится: я и правда спотыкаюсь на каждом шагу.

Несколько раз пытаюсь обернуться, чтобы встретиться с ним взглядом и понять его намерения, но он лишь подталкивает меня вперед.

– Тирнан с вами? – спрашивает он, когда мы доходим до ворот темницы.

Гиацинт рассказывал о своей верности. Он был верен отцу Оука. Я надеюсь, что он верен и мне. Возможно, в какой-то мере он до сих пор верен Тирнану. Гиацинт не доверял сладкоречивому очарованию Оука и, вероятно, хочет спасти Тирнана от его влияния.

Я киваю.

Вместе мы направляемся к камерам, идя по ледяным коридорам, прорытым в мерзлой земле. Здесь пахнет железом и сырým камнем.

– Сердце Меллит у него?

Какой опасный вопрос. Учитывая неприязнь, которую Гиацинт испытывает к Оуку, я не уверена, хочет ли он, чтобы леди Ноури заполучила желаемое. К тому же мне не известно, что именно лежит в ларце, который хранится у Тирнана. А еще очень сложно сосредоточиться из-за ужасной боли во рту.

Я не могу придумать, как выразить хоть какую-то из этих мыслей, поэтому пожимаю плечами и жестом указываю на губы.

Он разочарованно хмурится.

Большинство камер пусто. Когда я жила в Цитадели, они были битком забиты теми, кто вызвал неудовольствие лорда Джарела и леди Ноури: бардами, чьи баллады задели их чувства, дерзкими придворными, слугами, допустившими большую или маленькую ошибку. Но сейчас, когда замок почти обезлюдел, здесь есть лишь один узник, помимо меня.

Мадок сидит на деревянной скамье, прислонившись к каменной стене, подальше от решетки, невыносимо разящей железом. Его нога перевязана в двух местах – неаккуратно и наспех, как будто он бинтовал ее сам. Я замечаю у него на глазу повязку, сквозь которую сочится кровь. Он дрожит, а его зеленая кожа кажется слишком бледной при мерцающем свете тюремной лампы. Вероятно, он уже много недель страдает от холода.

Гиацинт отпирает дверцу камеры и заводит меня внутрь. Я внимательно слежу за тем, чтобы случайно не коснуться металлических прутьев решетки.

– Я освобожу вас, – шепчет он, когда я прохожу мимо него. – Когда все будет готово, вам доставят ключ. Ждите меня в алькове напротив тронного зала. Я приведу лошадь.

Я вопросительно смотрю на него.

Он вздыхает.

– Да, ее самую. Летунью. Несмотря на девчачье имя, она быстра и тверда на ногу.

Он закрывает дверь. Я благодарна ему за то, что он не стал меня обыскивать и не нашел уздечку, обернутую вокруг моей талии и скрытую под формой служанки. Я не уверена, как бы он с ней поступил.

Ощущаю новый приступ головокружения и бреду к скамье, переживая, что не успею до нее добраться. Я потеряла много крови.

Гиацинт устремляет взгляд на Мадока, и на его лице отражается боль.

– Как вы, сэр?

– Приемлемо, – отзывается красный колпак. – Что с девчонкой? Она выглядит так, словно откусила кому-то руку.

Удивительно, но его слова смешат меня. Правда, вместо смеха я издаю какой-то странный звук.

– Ее язык, – коротко поясняет Гиацинт, и Мадок кивает, как будто уже сталкивался с подобными ситуациями.

Хотя Гиацинт служил в армии Мадока, я никогда не задумывалась о том, что они действительно могли знать друг друга. Странно слышать, как они ведут дружескую беседу, особенно учитывая, что один из них тюремщик, а другой – заключенный.

Когда Гиацинт направляется к выходу, красный колпак бросает на меня взгляд.

– Приветствую, маленькая королева, – говорит Мадок с кривой усмешкой. Может, он и не приходится Оуку родным отцом, но я узнаю этот озорной взгляд. – Вы выросли и вернулись сюда, чтобы уничтожить свою создательницу. Не стану вас в этом винить.

Я почти уверена, что у него нет одного глаза. Я помню старого генерала по бесконечным встречам и пирам, когда сидела в грязи или шла на поводке вслед за лордом Джарелом. Помню его спокойную манеру речи и горячее вино, которое он однажды дал мне, а также красноватый блеск крови, который не раз замечала на его зубах.

Такой же блеск, который появляется на моих зубах, когда я сплевываю кровавую слюну вместо того, чтобы ее проглатывать.

Гиацинт говорит Мадоку что-то еще, а я опускаю голову на руки, вытягиваясь на скамье. Снова чувствую головокружение и закрываю глаза, надеясь, что оно пройдет само и я снова смогу сесть. Однако в следующее мгновение меня поглощает тьма.

Очнувшись от забытья, сразу слышу голос Оука:

- Она дышит ровно.

К тому времени, когда я полностью прихожу в себя, уже говорит Мадок.

- Для тебя будет лучше, если она не проснется, - доносится до меня его глубокий, раскатистый голос. - Что произойдет, когда она узнает о твоём обмане? Что будет, когда она осознает, какая роль в твоём плане отведена ей?

Я замираю, стараясь ни одним неосторожным движением не выдать того, что пришла в сознание и внимательно их слушаю.

Голос Оука пропитан покорностью.

- Ей придется решить, как сильно она меня ненавидит.

- Убей ее, пока можешь, - мягко произносит старый генерал. В его голосе звучит смесь сожаления и смирения.

- Для тебя это решение всех проблем, - отзывается Оук.

- А ты вечно пытаешься залезть в пасть ко льву, надеясь, что ему не понравится твой вкус.

Несколько долгих секунд Оук молчит. Я вспоминаю, как обнадеживающе он улыбался мне, когда его ранило отравленной стрелой. Как одним глотком выпил яд. Вспоминаю слова Тирнана о том, что он пытается отвлечь на себя внимание наемных убийц, чтобы защитить семью. Мадок не ошибся: Оук действительно бросается навстречу опасности. На самом деле я не уверена, осознает ли Мадок, до какой степени он прав.

- Я начинаю терять надежду, что ты возьмешься за ум, - наконец говорит красный колпак. - У тебя нет стремления к власти. Ты отказываешься от нее, даже когда она сама предлагает тебе схватить себя за горло.

- Довольно об этом, - резко отвечает Оук, словно они ведут этот спор далеко не в первый раз. - Во всем, что произошло, виноват ты. Почему ты не мог набраться терпения и остаться в изгнании? Почему не смирился со своей судьбой?

- Это не в моем характере, - мягко отзывается красный колпак, как будто Оук и сам должен понимать, что сказал глупость. - И я не думал, что за мной придешь ты.

Принц вздыхает. Я слышу легкий шелест.

- Позволь мне взглянуть на твои раны.

- Прекрати суетиться из-за пустяков, - отмахивается Мадок. - Если бы боль беспокоила меня, это означало бы, что я ошибся с профессией.

Долгое время никто не нарушает тишину. Я думаю, не стоит ли мне зевнуть или еще как-нибудь показать, что я очнулась.

- Я ни за что не стану ее убивать, - говорит Оук так тихо, что я едва его слышу.

- Тогда надейся, что она не убьет тебя, - отзывается генерал.

Услышав эти слова, я некоторое время лежу очень-очень тихо. Наконец слышу звук шагов служанки и звон тарелок. Пользуюсь этим и, тихонько застонав, переворачиваюсь на спину.

Копытца Оука стучат по полу, и вот он уже стоит на коленях передо мной. Его золотистые волосы растрепаны, лисьи глаза полны тревоги.

- Рэн, - выдыхает он, просовывая руки между прутьями несмотря на то, что железо обжигает ему запястья. А потом проводит пальцами по моим волосам.

«Что произойдет, когда она узнает о твоём обмане? Что будет, когда она осознает, какая роль в твоём плане отведена ей?»

У него есть тайна, настолько ужасная, что, узнав ее, я могу его возненавидеть. Никогда бы не поверила, если бы не услышала, как он говорит это отцу.

Служанка оставляет тарелки на земле перед нашими камерами. Жестокая пытка, поскольку тарелки слишком широкие и не пролезут между прутьями, а значит, пленнику придется касаться запястьем железа каждый раз, когда он будет подносить ложку ко рту. На ужин острый, жирный суп с ячменем и каким-то мясом - возможно, мясом морских птиц.

Я приподнимаюсь на скамье, пытаюсь выпрямиться.

- Мы выберемся отсюда, - говорит мне Оук. - Я попробую взломать замок, если ты одолжишь мне шпильку.

Я киваю, показывая, что поняла его, и достаю шпильку из волос.

Лицо Оука принимает серьезное выражение.

- Рэн...

- Прекрати суетиться вокруг нее. Она ведь даже пожаловаться тебе не сможет.

Красный колпак улыбается мне, как будто предлагая вместе с ним посмеяться над его сыном.

Над тем, кому он советовал меня убить.

Оук убирает руку и отворачивается, после чего поднимается на ноги, словно не замечая, что на его коже остался ожог.

Что за ужасный поступок он мог совершить? Мне приходит в голову только одно: сердце Меллит действительно у него, и он планирует отдать его леди Ноури.

– Хурклоу представляет для нас проблему, – произносит Мадок, наблюдая, как Оук сгибает острый конец шпильки и вставляет его в замок. – Если бы не его солдаты, у меня бы наверняка получилось сбежать из Цитадели, а может быть, даже захватить ее. Однако леди Ноури пообещала ему, что вскоре сможет разрушить заклинание, наложенное на Каменный лес.

– Захватить Цитадель? Ты горазд похвастаться, – произносит Оук, проворачивая шпильку и хмурясь.

Мадок фыркает, а потом переводит взгляд на меня.

– А вот Рэн точно бы не отказалась заполнить замок и земли леди Ноури.

Я качаю головой, поражаясь абсурдности этого высказывания.

Мадок приподнимает брови.

– Я ошибаюсь? Значит, ты по-прежнему сидишь за столом и ждешь, когда тебе разрешат приступить к обеду?

Мне неуютно от того, насколько точно он описал всю мою жизнь.

– Когда-то я тоже был таким, – продолжает он, обнажая острые нижние резцы.

Я понимаю, что этим разговором он пытается вывести меня из равновесия и оценить как оппонента. И все же меня смещит мысль о том, что ему могло потребоваться чье-то разрешение. Он – бывший главный генерал Эльфхейма. Красный колпак, наслаждающийся кровопролитием. Он наверняка ел человеческое мясо. Нет, он точно его ел.

Снова качаю головой. Оук смотрит на нас и хмурится, как будто нервничает из-за того, что его отец разговаривает со мной.

Мадок широко ухмыляется.

– Не веришь? Если честно, мне и самому с трудом верится. Однако большую часть жизни я провел в военных кампаниях, сражаясь на стороне Элдреда. Нравилось ли мне это занятие? Определенно. Но я был в его подчинении. Принимал награды, которые мне вручали, и был за них благодарен, но что я на самом деле получил за все свои заслуги? Моя жена влюбилась в другого. В того, кто был рядом с ней, пока я воевал.

Его бывшая жена, которую он убил. Мать трех его дочерей. Мне почему-то всегда казалось, что она ушла от него из страха, а не из-за одиночества.

Мадок бросает на Оука еще один взгляд, а потом снова переводит внимание на меня.

– Я поклялся, что использую изученные стратегии себе во благо. Я решил найти способ взять от жизни все, что хочу, – для себя и своей семьи. Каким же свободным я себя почувствовал, когда понял: чтобы что-то получить, не нужно пытаться это заслужить.

Он прав. Это наверняка невероятный шаг к личной свободе.

– Хватит выжидать, – говорит Мадок. – Вонзи уже куда-нибудь свои хорошенькие зубки.

Я настороженно смотрю на него, пытаюсь понять, не издевается ли он надо мной. Наклоняюсь и, вымазав палец в грязи и собственной спекшейся крови, пишу: «Такие зубы, как у меня, бывают у чудовищ».

Мадок широко улыбается, словно я наконец-то поняла, что он имел в виду.

– Именно.

Оук отвлекается от замка.

– Отец, что именно ты пытаешься сделать? – сердитым голосом спрашивает он.

– Мы с Рэн просто разговариваем, – отвечает Мадок.

– Не слушай его. – Оук качает головой и бросает на отца раздраженный взгляд. – Он обожает давать всякие вредные стариковские советы.

– Если я вредный, – фыркает Мадок, – это еще не значит, что советы такие же.

Оук закатывает глаза. Я замечаю новый синяк над уголком его губ и рану на лбу, в его волосах запеклась кровь. Вспоминаю, как он дрался в тронном зале. Вспоминаю волну боли, которая накрыла меня, когда мне отрезали язык. Вспоминаю о том, что он стал этому свидетелем.

Я поднимаюсь на ноги и подхожу к той части решетки, где стоит еда. Конечно, я не смогу взять в рот ни ложки, но вдруг мне все же удастся просунуть тарелку в щель между прутьями? Пусть я пролью половину супа, но зато смогу отдать остатки Оуку и Мадоку.

Но когда начинаю наклонять тарелку, замечаю, что в супе плавает что-то металлическое. Ставлю ее на пол и, опустив пальцы в жирный бульон, нащупываю тяжелый ключ. Вспоминаю Гиацинта, который обещал освободить меня из Цитадели.

Я заставляю себя не смотреть ни на Оука, ни на Мадока и, схватив ключ, прячу его в платье, после чего возвращаюсь к скамье в дальней части камеры. Оук по-прежнему безуспешно возится с замком. Похоже, ни отец, ни сын не испытывают желания ужинать.

Они еще какое-то время говорят о Хурклоу. Мадок рассказывает, как тот спорил с леди Ноури о каких-то жертвах – старый генерал не понял, о каких

именно, – и о том, что делать с их телами. Оук время от времени смотрит на меня, как будто хочет со мной заговорить, но не решается.

В конце концов Мадок предлагает нам всем отдохнуть, потому что завтрашний день станет «испытанием нашей способности приспособливаться к меняющимся на ходу планам». Эта формулировка озадачивает меня. Я знаю, что Тирнан придет в условленное место и принесет с собой ларец, что бы в нем ни лежало.

Старый генерал ложится на скамейку, а Оук вытягивается на холодном полу.

Я жду, пока они уснут. Я помню, как Оук поймал меня, когда я собиралась сбежать от него в лесу, и поэтому в этот раз выжидаю дольше. Но события прошедшего дня так утомили принца, что, когда я вставляю ключ в замок, он не просыпается.

Я толкаю тяжелую дверь, обжигая руку о железо, и она без труда поддается. Выскользнув наружу, просовываю ключ в угол камеры Оука и Мадока, чтобы они нашли его, если я не вернусь.

Оказавшись в коридоре, снимаю свои громоздкие сапоги, чтобы бесшумно ступать по холодному камню босыми ногами. Стражник, который должен охранять ворота темницы, спит, развалившись на стуле. Видимо, привык, что Мадок – его единственный подопечный.

Я взбегаю вверх по ступенькам. Лучи восходящего солнца превращают замок в призму, и каждый раз, когда тени смещаются, я боюсь, что меня вот-вот обнаружат.

Тем не менее я не встречаю ни единой души. Никто не пытается меня остановить. И тут я понимаю, что с самого начала мое предназначение заключалось именно в этом. Вовсе не Оук должен повергнуть леди Ноури. Это обязана сделать я.

Я не иду в альков, о котором упоминал Гиацинт. Я направляюсь прямо в тронный зал. Прокравшись на цыпочках по нужному коридору, вижу, что двустворчатые двери зала закрыты и заперты на засов. Их охраняют двое солдат-палочников. Я понятия не имею, как пробраться мимо них. Они никогда не спят. К тому же они недостаточно разумны, чтобы попасться на хитрую уловку.

Но никто не знает Цитадель так хорошо, как я.

Существует еще один способ попасть в тронный зал – через маленький сквозной тоннель, связывающий его с кухнями. Слуги складывают туда пустую посуду, а повара и их помощники потом вытаскивают ее на другом конце тоннеля, чтобы вымыть и вычистить. Этот проход достаточно велик, чтобы туда мог залезть ребенок, и я когда-то там часто пряталась.

Продвигаюсь в сторону кухонь. Увидев проходящих мимо стражников, ныряю в тень и пытаюсь слиться со стеной. И хотя прошло немало времени, я хорошо помню, как оставаться незамеченной – особенно в этом замке.

Я снова двигаюсь вперед, и меня вдруг посещает странное видение. Два моих воспоминания словно наслаиваются друг на друга. Вот я, еще совсем маленькая, бреду по этим коридорам в одиночестве. Вот я, взрослая девушка, крадусь в ночи по дому моих не-родителей, словно привидение.

Теперь я понимаю, кем была все эти годы. Не-сестрой. Не-дочерью. Не-человеком. Девочкой с дырой вместо жизни.

Недаром мне отрезали язык: всю жизнь тишина была моим пристанищем и моей клеткой.

Я добираюсь до кухонь, расположенных на первом этаже Цитадели. Если бы не жар их печей, томящиеся в темнице пленники замерзли бы насмерть. Раньше мне казалось, что огонь, постоянно горящий на кухнях, должен расплавить весь замок, но этого отчего-то не происходило. В основании здания лежат камни, а тот слой льда, который все же тает из-за близости к огню, снова замерзает и становится тверже прежнего.

Мальчик-ниссе спит на золе у огня, прикрывшись одеялом из сшитых вместе шкур. Я крадусь мимо него. Мимо винных бочек. Мимо корзин, наполненных водяникой, и горок сушеной рыбы. Мимо банок с соленьями и мисок с тестом, накрытых мокрыми полотенцами, чтобы дрожжи хорошенько поднялись.

Протиснувшись в сквозной тоннель, начинаю по нему ползти. Я все еще помещаюсь в нем, хоть и выросла с тех пор, как была здесь в последний раз. Я проскальзываю мимо перевернутых кубков, к которым прилипли остатки вина и вывалившиеся из чьей-то тарелки кости. И вскоре оказываюсь на другом конце тоннеля – внутри пустого тронного зала.

Но когда я вылезает и поднимаюсь на ноги, то понимаю, что снова совершила ошибку. Ларца здесь нет.

Я подхожу к тому месту, где он стоял всего несколько часов назад. Сердце колотится в моей груди, дыхание замирает от подступающей паники. Я сделала глупость, придя в тронный зал леди Ноури в одиночестве. Более того, сделала глупость, решив вернуться в Цитадель.

На полу лежит сухой лист, рядом с ним – нечто похожее на камешек. Поднимаю его, ощупывая пальцами острые края. Это именно то, на что я надеялась: кусочек кости.

Чертополоховая ведьма говорила, что Мэб обладала силой созидания и что с помощью ее костей можно творить невероятно сложные чары. И пусть я никогда не была сведуща в магии, но, раз леди Ноури может использовать силу Мэб для создания существ из палок и камней, раз она использовала кости, чтобы заставить меня сказать слова, которые хотела услышать, значит, в этом кусочке кости достаточно волшебства, чтобы и я смогла вырастить себе новый язык.

Я начинаю с того, что кладу сухой лист себе в рот. Засовываю кость на обрубок, еще не так давно бывший языком. Потом закрываю глаза и сосредотачиваюсь. В то же мгновение мою грудь наполняет боль. Мне кажется, что кто-то сжимает ее в тиски и что мои ребра вот-вот треснут.

Что-то идет не так. Со мной что-то не так.

Я падаю на колени, прижимаясь ладонями к ледяному полу. Нечто внутри моей груди приходит в движение, а затем начинает расщепляться, словно ледяная глыба, по которой пошла трещина. Тугой узел моей магии – та часть меня, которая грозила разрушиться, когда я пыталась развеять слишком сильные заклинания, – раскалывается на части.

У меня перехватывает дыхание, потому что это очень больно.

Мне больно настолько, что я открываю рот, собираясь издать крик, на который больше не способна. Мне больно настолько, что я теряю сознание.

Уже второй раз за день прихожу в сознание на холодном полу. Я пролежала здесь достаточно долго, чтобы моя кожа покрылась изморозью. Лед блестит на моих руках, платье стало жестким.

Опираясь на руки, встаю на четвереньки. Вокруг меня разбросаны останки палочников: ягоды, ветки и комки снега, которые, возможно, заменяли им сердца.

Что здесь произошло? Мои воспоминания переплетаются и опутывают друг друга, словно выросшие из костей Мэб побеги.

Меня сильно трясет, но дело явно не в холоде. Став на колени, я кладу руку на ледяной пол и замечаю, как он покрывается похожим на паутину узором, словно треснувшее лобовое стекло, которое разбилось, но еще не успело распасться на осколки. Пошатываясь, крадусь обратно к тоннелю.

Я забираюсь внутрь и снова закрываю глаза. Когда открываю их, то не могу сказать, сколько времени прошло: всего несколько мгновений или, может быть, часов. Все мое тело будто обратилось в свинец. Я с трудом могу двигаться.

С изумлением обнаруживаю язык у себя во рту. Он ощущается как-то непривычно, мне кажется, что он очень большой и тяжелый. Не могу понять, то ли он распух, то ли я теперь обращаю на него слишком много внимания.

– Мне страшно, – шепчу себе под нос. Потому что это правда. Потому я должна убедиться, что мой язык принадлежит мне и что я могу говорить именно то, что хочу сама. – И я так устала. Я так устала бояться.

Я вспоминаю Мадока и его советы. Впиться во что-нибудь зубами. Отвоевать этот замок и все земли леди Ноури. Перестать ждать разрешения. Прекратить заботиться о том, что думают, чувствуют и хотят все остальные.

Лениво представляю себя хозяйкой ледяной Цитадели. Леди Ноури не просто повержена – ее больше нет. Эльфхейм благодарен мне за оказанную королеве услугу. Благодарен настолько, что я теперь имею право зваться королевой этих земель. А что, если я смогу взять останки Мэб под контроль и

научиться управлять силой леди Ноури? Может быть, тогда сестры Оука посчитают меня достойной невестой – с таким-то богатым приданым.

Фантазия, в которой я покупаю расположенность его сестер, должна бы вызывать во мне обиду и злость, но вместо этого я чувствую прилив удовлетворения. Даже Вивьен – старшая сестра, некогда содрогавшаяся от мысли, что ее драгоценного братика свяжут со мной узами брака, – и та захочет сидеть со мной за одним столом. А при виде моей острозубой улыбки улыбнется в ответ.

А Оук...

Он подумает...

Я останавливаю себя прежде, чем успеваю погрузиться в сахарную вату фантазии.

Фантазии, в которой я снова прошу у кого-то разрешения. К тому же в реальности я не контролирую ни Цитадель, ни тем более леди Ноури.

Пока нет.

Я выхожу из дверей тронного зала и поднимаюсь по витой ледяной лестнице. Повернув за угол, слышу голоса.

Меня замечает патруль из двух бывших соколов и одного тролля. Несколько долгих секунд мы молча сверлим друг друга взглядами.

– Как ты сбежала из темницы? – спрашивает один из стражников, забыв о том, что я не могу ему ответить.

Я бросаюсь бежать, но они ловят меня. Погоня заканчивается быстро. Правда, я не очень-то и старалась от них улизнуть.

Меня приводят к леди Ноури, которая находится в своей спальне. Три сокола в птичьем облике сидят на спинке стула и на змееобразном зеркале, висящем над туалетным столиком.

Я рассматриваю их изогнутые клювы и черные глаза. Леди Ноури мало что смогла для них сделать: только кормить и ждать, когда закончится отведенный срок. Хотя мне удалось развеять чары, сковывавшие Гиацинта. Интересно, смогла бы я освободить и их тоже? И если да, стали бы они верны мне так же, как верны ей?

Мне хотелось бы знать, каково это – оставаться одной, только когда я этого хочу.

– Какая же ты проныра, – снисходительным тоном произносит леди Ноури и, протянув руку, наматывает на палец локон моих волос. – Именно такой я тебя и помню. Ты вечно шастала по моему замку, словно маленькая воришка.

«Бедняжка Рэн, – пытаюсь сказать выражением своего лица. – Ей так грустно. И у нее так болит ротик».

Леди Ноури видит во мне лишь свою недалекую дочь, вылепленную из снега. Ту, что разочаровывала ее снова и снова.

Теперь, когда я вернула себе язык с помощью странной магии костей Мэб, мне достаточно только открыть рот, чтобы превратить леди Ноури в марионетку. Тогда она будет танцевать, стоит мне потянуть ее за ниточки.

Но вместо этого я склоняю голову, зная, что ей это понравится. Мне нужно время. Как только начну говорить, нельзя будет допустить ни единой ошибки.

– словно маленькая безмолвная воришка, – продолжает она, улыбаясь собственной шутке. – Это я тоже помню.

Я же помню бездонный страх, волны которого уносили меня подальше от собственного сознания. Надеюсь, мне удастся отразить его на своем лице и скрыть то, что я на самом деле чувствую: ярость – густую, липкую и сладкую, как мед.

«Я так устала бояться».

– Не говори ни слова, пока я тебе не позволю, – приказываю ей. Мой голос звучит непривычно. Так же хрипло, как и при первой встрече с Оуком.

Ее глаза округляются. Она разжимает губы, но не может послушаться меня, потому что принесла клятву перед смертной Верховной королевой.

– Если я не повелю об обратном, ты не отдашь ни единого приказа без моего ясно выраженного разрешения, – продолжаю я. – Когда я задам тебе вопрос, ты дашь на него полный ответ, не утаивая ничего, что я могу посчитать интересным или полезным, и не добавляя лишних подробностей, которые могут скрыть эту интересную или полезную информацию.

В ее глазах сверкает злость, но она не может сказать ни слова. Заметив ее бессилие, я ощущаю прилив жестокого восторга.

– Ты не ударишь меня и никаким другим образом не причинишь мне вреда. Кроме того, ты не причинишь вреда никому другому, включая себя.

Интересно, до этого момента ей хоть раз в жизни приходилось проглатывать свои слова? Она выглядит так, словно сейчас задохнется от их переизбытка.

– Теперь можешь говорить, – позволяю я.

– Видимо, все дети рано или поздно вырастают. Даже те, которые созданы из снега и льда, – произносит она, словно ее не слишком-то заботит то, что она теперь в моей власти. Но я вижу панику, которую она тщательно пытается скрыть.

Мое сердце отчаянно колотится, а грудь до сих пор болит. Язык кажется чужим, впрочем, я и сама ощущаю себя какой-то неправильной. Я паникую не меньше леди Ноури.

– Позови двух охранников, ожидающих за дверью. Скажи им привести Оука. – Мой голос слегка дрожит и звучит неуверенно. Это может стать фатальной ошибкой. – Не говори им ничего другого и не подавай никаких признаков озабоченности.

На лице леди Ноури появляется непривычное, отстраненное выражение.

– Хорошо. Стража!

Двое стоявших за дверью солдат оказываются бывшими соколами. Я не узнаю ни одного из них.

– Отправляйтесь в темницу и приведите принца.

Они кланяются и уходят.

Я слишком долго держалась особняком от всего мира. Теперь мне тяжело в нем ориентироваться, но зато я отлично умею наблюдать.

Несколько мгновений молча смотрю на леди Ноури, обдумывая свой следующий ход.

– Можешь говорить, если хочешь, – позволяю я. – Но не повышай голос, а как только в комнату кто-то войдет, сразу же замолчи.

Она явно боится со злости наговорить лишнего, но все равно не выдерживает.

– И как ты собираешься со мной поступить? – Пальцы лорда Джарела бегают по ее шее.

– Я еще не решила.

Она смеется, хотя смех получается немного натянутым.

– Я так и думала. Ты не из тех, кто планирует все заранее, да? Ты повинешься инстинкту. Бездумно. Легкомысленно. Но порой ты способна на низкое коварство, словно дикий зверь, который может удивить своей хитростью.

– Почему ты так сильно меня ненавидишь? – Вопрос срывается с моего языка прежде, чем я успеваю себя остановить.

– Мы задумывали тебя похожей на нас, – отвечает леди Ноури, застыв в неподвижной позе. Она говорит быстро, словно не раз прокручивала в голове эти слова. – Но ты получилась похожей на них. Когда я смотрю на тебя, то вижу существо, в котором столько изъянов, что гуманнее было бы положить конец его страданиям. Лучше умереть, дитя, чем жить так, как живешь ты. Нужно было утопить тебя, словно недоношенного щенка.

Я чувствую, как к горлу подступают слезы. Не из-за того, что я хочу, чтобы она любила меня, а потому что ее слова, словно эхо, вторят глубинным страхам моего сердца.

Я хочу разбить зеркало и приказать ей воткнуть осколки себе в кожу. Сделать что-нибудь ужасное и заставить ее пожалеть о том, что ей хотелось видеть меня похожей на себя.

- Если я такое низменное создание, - рычу я, - тогда кем являешься ты - та, что подчиняется мне, а значит, находится еще ниже меня?

Открывается дверь, и я резко поворачиваюсь. Наверное, на моем лице написана ярость.

Оук выглядит растерянным. У него помятый вид; видимо, он спал, когда стражники забрали его из темницы. В комнату его приводит один из бывших соколов. Руки принца связаны.

- Рэн? - зовет он.

В эту секунду я понимаю, что совершила серьезный просчет. Стражник застыл в дверях в ожидании дальнейших приказаний, но леди Ноури не может их дать. Если повелю ей говорить, стражник тут же поймет, что она находится в моей власти и что я вернула себе язык, и предупредит остальных. Но если я буду бездействовать, леди Ноури так ничего ему и не прикажет. В этом случае стражник тоже быстро заподозрит неладное.

Я лихорадочно пытаюсь придумать, что делать дальше. Тишина затягивается.

- Можешь идти, - говорит Оук. - Со мной все будет в порядке.

Отвесив короткий поклон, бывший сокол выходит из комнаты и закрывает за собой дверь. Леди Ноури задыхается - от ярости и шока одновременно.

Я удивлена не меньше.

Оук смотрит на меня с виноватым выражением лица.

- Могу представить, о чем ты думаешь, - говорит он, двигая запястьями, чтобы избавиться от серебряных пут. - Но я понятия не имел, что задумал отец. Я вообще не знал, что у него есть какой-то план. Оказалось, он не продумал детали, чтобы победить.

Я вспоминаю слова Оука в темнице: «Во всем, что произошло, виноват ты. Почему ты не мог набраться терпения и остаться в изгнании? Почему не смирился со своей судьбой?»

Значит, Мадок знал, что его собираются похитить, - возможно, от Тирнана, которому обо всем рассказал Гиацинт, а может быть, напрямую от Гиацинта, - и позволил этому случиться. И все для того, чтобы вернуть верность своих солдат и захватить Цитадель, впечатлив таким образом Верховных короля и королеву и заслужив помилование. Дерзкий, самонадеянный замысел.

Соколы когда-то были верны Мадок, поэтому у него есть все основания полагать, что за несколько недель, проведенных в самом сердце Цитадели, он сможет вернуть их на свою сторону.

«Хурклоу представляет для нас проблему. Если бы не его солдаты, у меня бы наверняка получилось сбежать из Цитадели, а может быть, даже захватить ее».

Составляя план, Мадок не взял в расчет троллей Хурклоу из Каменного леса. А ведь в замке еще были представители сокрытого народа и ниссе. И чудовища-палочки. Бывшие соколы оказались в меньшинстве.

- И что теперь? - спрашиваю я.

К моему удовольствию, Оук широко округляет глаза.

- Ты снова можешь говорить?

- Я использовала обломок кости Мэб, - поясняю я. И хотя я немного вздрагиваю при этом воспоминании, принц все равно не догадается, что именно произошло.

- То есть хочешь сказать, что пока мы с отцом спали, ты - в полном одиночестве - нашла ларец, а затем без чьей-либо помощи подчинила себе леди Ноури? - Оук смеется. - Могла бы и разбудить. Я бы тебе пригодился. Например, пооплодировал бы в подходящий момент. Или подержал твою сумку.

Его слова льстят мне, и я улыбаюсь уголками губ.

- Итак, - продолжает он. - Какой приказ мне отдать стражникам теперь, когда власть находится у тебя в руках?

Леди Ноури сидит неподвижно, прислушиваясь к нашему разговору. Возможно, она уже поняла, что мне не нужно ничего, кроме низкого коварства. Разве что амбициозный союзник, способный проявить доброту.

Или, может быть, она впервые осознала, что не знает меня и вполнину так хорошо, как ей казалось.

- Тирнан придет в условленное место, как мы и планировали? - уточняю я.

Оук кивает.

- Можем воспользоваться этим, чтобы собрать троллей Хурклоу в одном месте и окружить их, - говорит он. - На нашей стороне будут палочки, а еще - эффект неожиданности.

Я киваю.

- Надо не забывать о Богдане.

Стараясь не вспоминать о случайно подслушанном в темнице разговоре, обсуждаю с Оуком возможные стратегии и планы. Мы обговариваем их снова и снова. Я приказываю леди Ноури, чтобы она велела солдатам принести вещи

Оука. Чтобы отправила мое сообщение Гиацинту. Чтобы попросила у слуг принести нам сладкий лед, которым меня когда-то кормил лорд Джарел, а Мадоку – вина и мясных пирожков.

Затем посылаю за служанками леди Ноури, чтобы они помогли мне собраться.

Вскоре дверь открывается, и в комнату, размахивая хвостами, заходят две женщины из сокрытого народа – Доу и Фернвайф. Я помню их с того времени, когда жила здесь: они родные сестры, и им пришлось работать на леди Ноури в качестве платы за некий проступок, совершенный их родителями.

Они были по-своему добры ко мне. В отличие от некоторых других слуг не кололи меня булавками ради того, чтобы увидеть, как из ранки вытекает кровь. Я удивлена тем, как изможденно они выглядят. Подолы и рукава их платьев давно истрепались.

Думаю о громадных пауках-палочниках, охотящихся на заснеженной равнине, и о том, что сейчас в Цитадели живет еще хуже, чем раньше.

Я выбираю платье из шкафа леди Ноури и сажусь на покрытую мехом табуретку. Доу одевает меня, в то время как Фернвайф укладывает мои волосы и закалывает их костяным и ониксовым гребнями. Доу смазывает мне губы ягодным соком, чтобы придать им более красный оттенок, а затем повторяет ту же процедуру с моими щеками.

«Убей ее, пока можешь».

Мы с Оуком уже долго играем в игры, и в этой партии я обязана победить.

На выходе из дворца мы встречаем других охранников и Мадока, которого освободили из темницы. Я ищу взглядом Гиацинта, но его нигде ни видно. Остается только надеяться, что он получил мое сообщение. Бывший сокол передает Мадоку трость, наспех сделанную из ветки, и старый генерал с благодарностью на нее опирается.

Я вижу леди Ноури, сидящую верхом на олене и держащую в руках ларец; ее волосы цвета грязного снега развеваются на ветру. Замечаю жадный блеск в ее желтых глазах, то, как жуткие серые руки лорда Джарела сжимают ей горло.

В детстве я только и делала, что боялась. Но я больше не позволю себе поддаться страху.

Мы отправляемся в путь сквозь метель. Оук ускоряет шаг, чтобы поравняться со мной.

– Когда все закончится, – говорит он, – мне нужно с тобой поговорить. Я должен кое-что тебе объяснить.

– Что, например? – тихо спрашиваю я.

Он переводит взгляд на опушку соснового леса.

– Я позволил тебе поверить... поверить в то, что не является правдой.

Я вспоминаю дыхание Оука на своей шее. Как расширились и чернели зрачки его лисьих глаз. Каково это – прикусывать его кожу, едва не пронзая ее насквозь.

– Тогда расскажи мне сейчас.

Он качает головой. Его лицо искажает гримаса боли, но он так часто прячет свои истинные чувства за масками, что я больше не верю своим глазам.

– Если расскажу, сниму камень с души, но подвергну тебя опасности.

– Я все равно хочу услышать.

Но Оук лишь качает головой.

– Тогда позволь мне кое-что сказать, – произношу я. – Теперь я поняла, почему ты постоянно улыбаешься, шутишь и льстишь, даже если в этом нет необходимости. Сначала я думала, ты просто хочешь нравиться всем окружающим. Потом решила, что таким образом ты хочешь вывести собеседника из равновесия. Но все не так просто. Ты переживаешь, что другие тебя боятся.

Лицо Оука принимает настороженное выражение.

– И зачем кому-то бояться меня?

– Потому что ты приводишь в ужас самого себя, – отвечаю я. – Почувствовав запах крови, ты уже не хочешь останавливаться. Тебе нравится сеять смерть. Если твоя сестра унаследовала стратегический талант вашего отца, то тебе досталась его кровожадность.

Я вижу, как сжимается его челюсть.

– Ты тоже меня боишься?

– Не по этой причине.

В его глазах горит такой огонь, что, кажется, моя кожа вот-вот пойдет волдырями от ожогов.

Это не имеет значения. Приятно найти брешь в его обороне, но это ничего не меняет.

Моей главной уязвимостью всегда было желание быть любимой. Это огромная брешь, зияющая в моей душе, и чем сильнее я стремлюсь закрыть ее, тем легче меня обмануть. Я вся – сплошная открытая рана. Если лицо Оука всегда скрыто маской, то с моего содрана вся кожа. Я снова и снова приказывала себе выстроить защиту от собственных желаний, но у меня ничего не получалось.

Пришла пора попробовать что-то другое.

Мы бредем по снегу, и я слежу за тем, чтобы ступать по нему легко, чтобы не сломать корку льда, по которой иду. Однако с каждым шагом под моими ногами все равно разбегаются паутинка трещин. Подол моего платья развеивается на холодном ветру. И я вдруг понимаю, что так и не надела обувь.

Другая девушка на моем месте почувствовала бы, как мерзнет кожа, но я уже давно обледенела изнутри.

Глава 17

На косматом олене впереди нас едет леди Ноури. На ней алое платье и темно-красная мантия – настолько длинная, что не видно спины оленя. На ее коленях покоится ларец.

Король троллей сидит верхом на лосе, голова которого увенчана огромными ветвистыми рогами, и держит в руках золотисто-зеленую уздечку. Он облачен в медные доспехи, на каждой пластинке которых высечен странный узор, похожий на лабиринт.

Я задумываюсь, как Тирнан провел последние два дня. Вероятно, сначала он надеялся, что мы вернемся, но по мере того как ночь близилась к рассвету, тревожился все сильнее. А с наступлением утра он уже знал, что ему придется действовать согласно плану Оука. Он сидел в холодном заснеженном поле, злясь на принца и страшно за него волнуясь одновременно. Возможно, придумывал, как дополнить план, чтобы сделать его надежнее. Но у него не было возможности рассказать нам об этом.

Равно как и у нас не было возможности сказать ему, что Мадок привлек на свою сторону столько солдат.

Леди Ноури спешивается с оленя, и ее длинная красная мантия тащится по снегу, словно кровавая волна.

– Схватить Грозовую ведьму, – приказывает она в соответствии с нашим планом. Как мы ей и велели.

Палочники пленят Богдану. Древняя фейри вонзает ногти в одного из них. Где-то вдалеке вспыхивает молния, но ведьме не хватает времени, чтобы призвать ее ближе, – еще несколько чудовищ хватают ее за руки. Богдана разрывает палочника на части, но их слишком много, и все они вооружены железом. Вскоре она уже лежит в снегу, а ее запястья обжигают железные кандалы.

– В чем причина этого предательства? – кричит Богдана.

Леди Ноури бросает на меня взгляд, но ничего не отвечает.

- Разве я не сделала то, о чем ты меня просила? - хрипит Грозовая ведьма.
- Разве я не создала тебе дочь из пустоты? Разве не помогла тебе возвыситься?

- Ну и что за дочь ты создала? - полным презрения тоном отзывается леди Ноури.

Богдана смотрит на меня, и в ее глазах загорается какой-то незнакомый огонек. Будто она что-то увидела во мне, но пока еще не поняла, что именно.

- А теперь скажи мне, принц, - продолжает леди Ноури, возвращаясь к нашему плану, - где сердце Меллит?

Руки Оука кажутся связанными, но узел на самом деле не затянут, и он может освободиться, когда пожелает. Меч находится в руках у стоящего рядом бывшего сокола, который тут же отдаст его принцу при необходимости.

Оук поднимает взгляд на луну.

- Мой соратник должен явиться с минуты на минуту.

Я смотрю на собравшийся у скалы народ. Какая-то часть меня хочет подать сигнал прямо сейчас, чтобы палочники леди Ноури окружили троллей и заставили их сдаться. Однако мы должны дождаться Тирнана, иначе существует вероятность, что он прибудет к условленному месту в неподходящий момент и тут же бросится в драку, не отличая друзей от врагов.

Нервно переступаю с ноги на ногу, наблюдая за леди Ноури. Смотрю на руки лорда Джарела, обхватившие ее шею, и напоминаю себе, что должна быть готова ко всему. Если она нашла утешение в подобном артефакте, то может предпринять действия, которые я совершенно не смогу предвидеть. Затем я перевожу взгляд на высокого и грозного короля Хурклоу. И хотя все говорят, что он безумен, я понимаю его мотивы гораздо лучше, чем мотивы леди Ноури. Тридцать троллей за его спиной представляют грозную силу.

- Наследник Эльфхейма, может быть, вы и привыкли заставлять своих подданных ждать, - произносит Хурклоу, - но мы начинаем терять терпение.

- Я сам жду не дождусь его появления, - отвечает Оук.

Проходит еще двадцать минут, прежде чем появляется Тирнан, шагая по снегу с Тичем на плече. Мне кажется, что минула целая вечность, потому что все это время леди Ноури сверлит меня злым взглядом, а Хурклоу ворчит себе под нос. Мадок опирается на трость, но не жалуется, хотя я слегка встревожена, что он может потерять сознание.

Когда между Тирнаном и нами остается где-то пол-лиги, хоб взлетает с его плеча, широко расправив крылья.

Сделав круг, Тич опускается на руку Оука и что-то шепчет ему на ухо.

- Итак? - вопрошает Хурклоу.

Оук оборачивается к леди Ноури, словно это она держит ситуацию под контролем.

- Тирнан говорит, чтобы вы позволили Мадоку идти в его сторону в сопровождении одного солдата. Тирнан пойдет им навстречу. Мы примем это за жест доброй воли.

- А что насчет сердца? - спрашивает она.

Я мысленно негодую. Я приказывала ей тщательно отыгрывать свою роль перед Хурклоу, но, разумеется, она сделает все, чтобы найти лазейку. Я сказала ей вести себя привычным образом, но не говорить и не делать ничего, что выдало бы мою власть над ней. Боюсь, я была недостаточно осторожна в этой игре, состоящей из загадок и ответных ходов.

- Оно в ларце, - отвечает Оук. - Тирнан передаст его вашему солдату, после чего мы с Сурен направимся к Тирнану и Мадоку и таким образом свершим обмен.

Леди Ноури кивает:

- Тогда поспешите. Приступаем к обмену.

Еще вчера она говорила, что не отпустит Оука, а сейчас ведет себя так, словно больше не планирует держать его в заключении. Не покажется ли это Хурклоу странным? Заметил ли он перемену в ее настроении? Я кошусь на короля троллей, но его лицо остается непроницаемым.

Хоб снова взлетает и несется обратно к Тирнану.

- Я сообщил своему соратнику, что вы согласны с нашим планом, - говорит Оук.

Сильно сомневаюсь, что он сказал Тичу именно это.

- Когда получите сердце, вы сможете вернуть к жизни королей троллей? - спрашивает Хурклоу, прищурившись, чтобы разглядеть ларец в руках Тирнана.
- Вы положите конец заклятию, пленившему мой народ?

- По крайней мере, так когда-то сказала мне Богдана, - отвечает леди Ноури и бросает взгляд на Грозовую ведьму, которую палочки успели поднять на ноги. - Хотя иногда мне кажется, что она хотела заполучить его для каких-то своих целей. Однако я запомнила историю о костях Мэб и сердце Меллит. Запомнила, что они погребены под замком Эльфхейма. А когда сердца там не оказалось, я решила, что только член королевской семьи сможет тщательно обыскать тоннели и найти его - либо понять, что его забрали оттуда намеренно. Поэтому я пленила Мадока и дала им повод заняться поисками.

Она кивает бывшему соколу, и тот берет Мадока под руку, чтобы помочь ему идти. Я вижу, как генерал наклоняется к солдату и что-то ему говорит. Их шаг замедляется. Время идет, а мы все ждем, слушая завывания ветра.

Оказавшись рядом с Мадокком, Тирнан останавливается и отдает солдату ларец с оленьим сердцем.

Солдат возвращается к нам. Мадок и Тирнан остаются на месте, словно и правда рассчитывают, что мы с Оуком присоединимся к ним через несколько мгновений.

Несмотря на то что Богдана пленена, она наблюдает за происходящим с веселым изумлением.

– Как было бы замечательно, – говорит леди Ноури с едва скрываемой злобой в голосе, – обладать такой силой и знать, что это сын Мадока принес мне ее на блюдечке.

Король троллей смотрит на нее, и я осознаю свою ошибку. Я приказала ей не говорить ничего, что выдало бы мою власть, но не запретила произносить многозначительные пассивно-агрессивные фразы, которые могут навести Хурклоу на множество мыслей.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает тролль.

– Спроси у моей дочери. – Голос леди Ноури сочится сладостью, скрывающей гнилостный привкус ее слов.

Хурклоу переводит взгляд на меня.

– Я думал, у нее нет языка.

Леди Ноури лишь улыбается в ответ, и король троллей кивает одному из своих солдат.

Тот натягивает тетиву лука. Я только и успеваю, что выставить вперед руку, пытаюсь защититься.

Стрела рассекает кончик моего большого пальца и попадает мне в бок, разрывая плоть. Потеряв равновесие от удара, падаю на четвереньки. Ловлю воздух ртом, понимая, что не могу сделать вдох. Видимо, стрела задела легкое.

По моему платью растекается алое пятно. На снегу расцветает красный цвет крови.

Оук бежит ко мне, но луки троллей уже направлены и на него. Хурклоу приказывает ему остановиться, и принц подчиняется. Я вижу, что он успел избавиться от пут и держит в руке меч.

Бывшие соколы разбегаются в разных направлениях. Я замечаю Гиацинта, который, протискиваясь между ними, несется ко мне.

Все пошло не по плану.

– Принц, – гудит голос Хурклоу. – Отдай мне сердце, или мои лучники нашпигуют вас обоих стрелами.

Я хочу выкрикнуть правильное слово, отдать леди Ноури приказ, чтобы ее войска защитили меня, но с моих губ не срывается ни звука. Мне очень больно.

Так же больно, как и...

Осколок кости у меня во рту...

Моя грудь...

Паутинка трещин под моими пальцами...

Оук смотрит на меня, и в его озорных глазах плещется паника. Он кивком головы указывает на короля троллей и, подойдя к бывшему соколу, берет у него ларец с сердцем.

Принц что-то ему шепчет.

Хурклоу одним прыжком соскакивает с лося.

Оук подходит к нему. Теперь они стоят близко, так близко к друг другу, что стрела, направленная в принца, может задеть и короля.

Хурклоу открывает замок щелчком когтистого ногтя, а в следующую секунду спотыкается и делает шаг назад, хватаясь за горло, из которого торчит тонкий, как игла, дротик. Темное сморщенное сердце падает на снег. Это всего лишь оленье сердце, и ничего более.

Вся суть заключалась в ларце, который Оук заказал у кузнеца на Сыром рынке.

«Однажды Бомба поведала мне историю о ядовитых пауках, заключенных внутри сундука. Когда вор открыл его, то получил множество укусов и умер мучительной смертью».

Ларец был ловушкой.

Я вдруг вспоминаю, как осторожно Оук возился с замком в пещере. Видимо, устанавливал внутрь него ядовитый дротик, чтобы убить леди Ноури, если остальные наши планы провалятся.

– Сейчас! – кричит солдат, которому принц шепотом отдал указания.

Соколы уже успели заключить троллей в окружение. Услышав сигнал, они достают оружие и несутся в бой.

Я оказываюсь в эпицентре сражения. Вокруг меня мелькают стрелы и мечи. Со всех сторон доносятся крики.

Пытаюсь подняться на колени.

– Мама! – выдавливаю из последних сил.

Это условный сигнал, который должен был положить конец нашему представлению.

– Все, кто следует за мной, отныне и во веки веков должны повиноваться приказаниям Сурен, – выкрикивает леди Ноури в полном соответствии с моим повелением, но затем понижает голос и добавляет: – Если, конечно, она сможет их отдать.

– Остановите троллей! – кричу я, поднимаясь на ноги, и захожусь кашлем. Из моего рта брызжет кровь.

– Это ты приказала пленить меня, дитя? – кричит мне Богдана. – Ты?

Сжимая зубы от боли, я выдергиваю из своего бока наконечник стрелы. Освобождаю вторую руку.

Хурклоу дрожит всем телом. Не знаю, что это за яд, но действует он быстро.

– Ты обманул нас, – выдавливают король троллей. – У тебя нет и никогда не было сердца Меллит, да?

– Он не способен лгать, – произносит леди Ноури. Она стоит посреди кровавой резни с таким видом, будто происходящее ее никак не касается. – Он сказал, что доставил сердце Меллит в мои владения. Значит, так оно и есть.

«Что произойдет, когда она узнает о твоём обмане? Что будет, когда она осознает, какая роль в твоём плане отведена ей?»

– Отзови солдат, – говорит Оук королю троллей. – И как только ты это сделаешь, я дам тебе противоядие.

– Нет! – Хурклоу бросается на принца, и они валятся на заснеженную землю. Оук обладает недюжинным мастерством, но он далеко не так силен, как тролль.

«Ей придется решить для себя, как сильно она меня ненавидит».

Оук прекратил поиски сердца Меллит после разговора с Чертополоховой ведьмой. Он пытался отослать меня прочь, говорил, что я ему не нужна.

«Он похитит твое сердце». Не об этом ли Богдана предупреждала меня в лесу?

Мысли путаются.

Я вспоминаю то чувство, когда у меня в груди что-то словно расколосось на части. Вспоминаю, как лежала на ледяном полу тронного зала. Образы прошлого наполняют меня, пока не начинает казаться, что я нахожусь в двух местах одновременно.

Теперь я другая девочка, испуганная и нелюбимая.

«Ведьмино дитя, – говорит мне какая-то женщина. – Сегодня ты будешь спать в постельке Кловис».

Я ощущаю на себе вес одеяла, расшитого деревьями и оленями. Такое мягкое и теплое. А в следующее мгновение просыпаюсь от страшной агонии и чувствую, что задыхаюсь. Я вижу мать, склонившуюся надо мной с окровавленным ножом в руке. Радость от встречи сменяется болью предательства, и эта боль разрастается все сильнее и сильнее, пока не поглощает меня целиком.

Моя настоящая мама. Моя прекрасная мама. Богдана.

Я слышу ее голос. Но она говорит не со мной, а с кем-то другим. С тем, кто существовал много лет назад. «Я сделаю так, что твое сердце будет биться в новой груди».

Мне страшно. Я чувствую, как ее ногти разрывают мою грудь.

Я моргаю и как будто вижу две картинки сразу: половина моего сознания все еще остается в воспоминании, а вторая – здесь, на холодном снегу поздним вечером.

Сердце Меллит бьется в моей груди.

Я должна была понять это еще тогда, когда очнулась на ледяном полу тронного зала. Когда меня посетили видения, казавшиеся слишком реальными. Когда сила начала звенеть в моих венах в ожидании того, чтобы я за ней потянулась.

Я боялась магии с того момента, как леди Ноури и лорд Джарел появились в моей спальне в мире смертных. И с тех пор ни на мгновение не переставала бояться себя. Бояться чудовища, которое отразилось на поверхности воды и в стеклах окон.

Но я вся состою из магии. Не-магии.

Я не являюсь ничем. Я то, что находится за пределами ничего. Я – сила уничтожения.

Разрушительница чар.

Одним усилием воли я могу расплести любое заклятье.

Я вижу, как по небольшой траектории летит какой-то предмет. Успеваю заметить, что он сделан из бронзы и заткнут пробкой с одной стороны. В следующее мгновение он взрывается.

Пламя охватывает землю. Палочки полыхают. Леди Ноури кричит.

Я снова падаю. Чувствую, как жар обжигает лицо. На мне загорается юбка.

Тирнан несется к Оуку.

Я заставляю себя встать на ноги и в этот момент вижу, что, хотя некоторые палочки горят, это их не останавливает. Они продолжают сражаться во что бы то ни стало. Чудовище со множеством ног отрывает от тролля кусок за куском, словно ребенок, потрошащий игрушку.

Тело Хурклоу, не двигаясь, лежит на снегу.

Оук поднимается с земли, вытирая рукой грязь со рта. Наши взгляды встречаются. Мне кажется, я смотрю на него откуда-то издалека. Мои уши наполняет рев. Теперь, когда моя магия вырвалась на свободу, я вряд ли смогу вернуть все обратно.

Он обо всем знал. Он знал. Знал обо мне с самого начала.

Он использовал меня, словно монетку, которая была нужна ему для фокуса. Воспользовался мной, чтобы иметь возможность сказать, что он доставил сердце Меллит на север, поскольку это не было ложью.

Я делаю глубокий вдох, призывая свою силу. Огонь, пожирающий подол моего платья, угасает.

Закрываю глаза и сосредотачиваюсь. А когда снова открываю их, позволяю своей силе перерезать все заклинания разом. Теперь меня окружают лишь почерневшие ветки и сучья, оставшиеся от палочников. В воздухе висит густой запах гари.

– Что ты наделала? – спрашивает леди Ноури голосом, едва ли не срывающимся на визг.

Соколы и тролли замирают. Двое солдат бегут к своему королю и пытаются его приподнять.

Богдана заходится лающим смехом.

– Оук, – произносит Тирнан, наконец добравшись до своего друга. – Что происходит с Рэн?

Теперь все они смотрят на меня.

«Ноль. Никто. Ничто. Вот чем ты являешься. Ты Ноль-Никто-Ничто».

– Сам им расскажешь или хочешь, чтобы это сделала я? – интересуюсь у него.

– Когда ты.. – начинает Оук, но я перебиваю его прежде, чем он успевает закончить вопрос.

– Когда леди Ноури и лорд Джарел решили завести ребенка, чтобы осуществить свой предательский план, Богдана обманула их. – Настала моя очередь рассказывать сказку. – Она создала для них дочь из снега, веточек и капель крови, как и обещала. Вот только она оживила ее при помощи древнего сердца.

Я помню многие детали истории, которую поведала нам Чертополоховая ведьма. Бросаю взгляд на Богдану.

- Мэб прокляла тебя. Я права?

Грозовая ведьма кивает.

- Кровью моей же дочери она запретила мне причинять вред любому потомку ее рода. И только Меллит была способна развеять проклятье, но я не могла дать ей новую жизнь, пока меня об этом не попросят, не могла говорить о ней, пока мне не зададут вопрос.

- Ты не могла... Да как такое... - Леди Ноури отказывается верить в то, как хитро ее обвели вокруг пальца.

- Это правда, - отвечаю ей. - Я - все, что осталось от Меллит. Я, которую ты терзала и презирала. Во мне столько силы, сколько в тебе никогда не было, и вся она находилась на расстоянии вытянутой руки. Но ты не утруждала себя тем, чтобы приглядеться ко мне внимательнее.

- Меллит. Проклятье матери. - Леди Ноури выплевывает эти слова, словно яд. - Именно это имя нам и стоило дать тебе, как только мы тебя создали.

- Да, - отзываюсь я. - Пожалуй, ты права.

Тирнан тянет Оука за плечо, призывая идти за ним. Мадок зовет его с другой стороны поля. Но принц смотрит на меня, застыв на месте.

Теперь мне известно, какую игру он вел и кто оказался в ней пешкой. Я чувствую, как по всему телу струится бесконечная сила пустоты и отрицания.

- Не желаешь обменять кровь мальчишки из рода Зеленого Вереска на свою? - спрашивает леди Ноури. - Ты можешь поставить на колени весь Эльфгейм. Но, полагаю, ты хочешь, чтобы на колени встала я.

- Я хочу, чтобы ты умерла, - рычу я, и одной силы моего желания достаточно, чтобы ее не стало. Она взрывается прямо на месте. Ее тело разрушается с той же быстротой и легкостью, что и солдаты-палочники.

Я смотрю на красное пятно на снегу, а потом перевожу взгляд на ведьму, чьи черные глаза блестят от удовлетворения.

На меня накатывает волна ужаса. Я не хотела... не думала... не ожидала, что она умрет только потому, что я этого пожелала. Я не знала, что способна на такое.

Желание погрузиться в себя и скрыться от того, что я натворила, просто непреодолимо. Я вжимаю голову в плечи и сворачиваюсь в клубок. Я и раньше боялась своего гнева, но теперь он превратился в нечто неизмеримо кошмарное. Теперь, когда могу заставить других почувствовать всю ту боль, которую я испытывала на протяжении всей своей жизни, я не знаю, смогу ли заставить себя остановиться.

Хурклоу начинает шевелиться. Либо яд не был смертельно опасным, либо дозы, рассчитанной на леди Ноури, оказалось недостаточно, чтобы убить настолько большое существо.

– Освободи Богдану, – говорю я Гиацинту. Подчинившись, он снимает железные кандалы с ее запястий, однако на его лице отражается тревога. Возможно, уже жалеет, что принес мне клятву верности. А я ведь говорила ему, что так и будет. – Теперь возьми у Оука противоядие и дай королю троллей.

Гиацинт тяжелой походкой ступает по снегу. Принц достает из кармана пузырек и без возражений отдает солдату, по-прежнему не отрывая от меня взгляда.

Гиацинту требуется несколько секунд, чтобы влить жидкость в рот Хурклоу, а еще через пару мгновений тролль уже находит в себе силы присесть.

Я поворачиваюсь к нему и наблюдаю, как один из его подданных помогает ему подняться на ноги.

– Я могу дать тебе то, чего не могла она. Могу разрушить заклятье.

Он утвердительно кряхтит в ответ.

– А взамен ты будешь мне подчиняться.

Взглянув на останки палочников, окружающие его со всех сторон, он кивает.

– Жду ваших приказов, миледи.

– Что касается вас троих, – говорю я, обращая взгляд на Тирнана, Мадока и Оука.

Они так же хорошо, как и я, понимают, что момент для бегства упущен. Теперь от меня никому не скрыться.

«Уходи», – могу сказать я и отправить его обратно в безопасный Эльфхейм, где он снова сможет покорять всех своим очарованием. Он вернется героем, спасшим отца и принесшим весть о кончине леди Ноури. Будет рассказывать всем желающим, какое приключение пережил.

Либо я могу оставить его здесь в качестве заложника, чтобы обезопасить себя от армии Эльфхейма.

И тогда он будет моим.

Я могу сделать его своим с помощью единственного надежного способа, который мне известен.

– Наследник Эльфхейма, – произношу я, – встань на колени.

Принц Оук осторожно опускается на землю, погружая свои длинные ноги в снег. Он даже склоняет голову, но мне кажется, что он не принимает

происходящее всерьез. Он не боится меня. Считает, что я из мести хочу его немного пристыдить. Думает, что скоро все вернется на круги своя.

- Остальные могут идти, - говорю я. - Генерал, Тирнан и все соколы, желающие к ним присоединиться. Передайте Верховным королю и королеве, что я завоевала Цитадель от их имени. Оук остается здесь.

- Ты не можешь его пленить, - предупреждает Мадок.

«Вонзи уже куда-нибудь свои хорошенькие зубки».

Я тянусь за уздечкой, которую сняла со своей талии, когда переодевалась, чтобы она была у меня под рукой на всякий случай. Ощущаю пальцами ее гладкую кожу.

- Рэн, - произносит Оук, и в его голосе слышатся нотки страха.

- Ты больше никогда не предашь меня, принц, - говорю ему.

Сначала он сопротивляется, но стоит мне прошептать ему на ухо приказ, и он сразу замирает. Ремешки вдавливаются в его кожу.

Мадок смотрит на меня так, словно хочет раскромсать меня на множество кусков. Однако у него нет такой возможности.

- Тебе необязательно это делать, - мягко произносит Оук. Голосом, каким обычно разговаривают друг с другом возлюбленные.

Богдана, по-прежнему стоящая возле кровавого пятна, которое осталось от леди Ноури, широко улыбается.

- А почему бы и нет? Разве ты не наследник рода Зеленого Вереска, укравшего у нее трон?

- Не глупи, - вмешивается Тирнан, не обращая внимания на Грозовую ведьму. Он обводит взглядом солдат и троллей - всех, с кем ему придется сражаться, если он захочет меня остановить, - и прищуривается. - Джуд, может, и не отправилась сюда за отцом, но ради брата она поведет против тебя все армии, которые только сможет собрать. Я уверен, ты этого не хочешь.

Несколько долгих секунд молча смотрю на него.

- Иди, - наконец произношу я. - Пока я не передумала.

- Лучше делай то, что она говорит. - Я вижу, что Оук взвесил все за и против и принял единственное решение, которое ему оставалось. - Сопроводи моего отца в Эльфхейм или, если Джуд не помилует его, в какое-нибудь другое место, где он сможет восстановить здоровье. Я обещал Рэн, что не уйду отсюда без нее.

Тирнан пристально смотрит на принца, потом переводит взгляд на меня, а следом - на Гиацинта. Коротко кивнув, он с мрачным выражением лица отворачивается и уходит прочь.

За ним следует несколько рыцарей и солдат. Гиацинт возвращается ко мне.

– Можешь идти с ними, если хочешь, – говорю ему. – С Мадокком и Тирнаном.

Он смотрит, как Тирнан помогает Мадокку пробираться сквозь снег.

– Пока мой долг не выплачен полностью, я останусь с вами.

– Рэн, – окликает меня Оук, заставляя обернуться к нему. – Я тебе не враг.

Уголки моего рта изгибаются в улыбке. Я провожу языком по зубам, ощущая их острые кончики. Впервые за всю мою жизнь мне нравится это чувство.

Глава 18

Богдана ведет нас к Цитадели. Гиацинт шагает рядом со мной.

Слуги кланяются мне, и я знаю, что дело тут не в простой любезности. Они делают это из того же страха, который заставлял их склоняться в реверансах перед леди Ноури и лордом Джарелом.

Страх – это не любовь, но порой они бывают весьма схожи.

То же самое можно сказать и про власть.

– Напиши письмо Верховному двору, – наставляет меня Богдана. – Сообщи, что, будучи покорной служгой короля и королевы, ты нашла останки Мэб, положила конец угрозе, которую представляла леди Ноури, и освободила Главного генерала. В награду попроси их о милости: пусть позволят тебе остаться в ее старом замке и основать свой собственный Двор. Таков будет наш первый шаг. Если сообщение доберется до Верховного двора быстрее Тирнана, все твои просьбы исполнят прежде, чем догадаются, что здесь что-то не так. – Затем она продолжает: – Скажи им, что принц остался с тобой, поскольку получил ранение. Ты отправишь его обратно в Эльфхейм, когда он отдохнет и наберется сил.

Гиацинт бросает на меня быстрый взгляд, словно пытается понять, осталась ли я той Рэн, которая презирала неволю так сильно, что помогла ему сбежать из темницы.

Я больше в этом не уверена.

– Не думай, что можешь указывать мне, что делать, – говорю я Грозовой ведьме. – Пусть я обязана тебе жизнью, но я также обязана тебе и смерти.

Опустив голову, она делает шаг назад.

Я не собираюсь повторять ошибки Меллит.

– Как только Тирнан и Мадок доберутся до Эльфхейма, они сообщат Верховному двору, что мы держим Оука в плену, – произносит Гиацинт. – Какую бы милость ни даровали вам Верховные король и королева, они будут требовать его освобождения.

– Возможно, по дороге Тирнан и Мадок попадут в грозу, – предполагаю я, кивая Богдане. – Может быть, Мадоку придется срочно залечивать раны. Мало ли что может случиться.

По всему залу сидят соколы – солдаты, обреченные кормиться за счет доброты других. Те, перед кем стоит выбор: не убивать или навсегда оставаться в птичьем обличье. Я закрываю глаза и вижу связывающую их магию. Она крепко оплетает и сжимает их пернатые тельца, затягивая в себя их крошечные сердечки. Мне требуется всего несколько секунд, чтобы нащупать узелки, но, как только я их нахожу, чары рассеиваются, словно паутина.

По залу раздаются счастливые вздохи и аханья, когда соколы понимают, что снова вернулись в свои фейрийские тела.

– Моя королева, – один за другим раздаются голоса. – Моя королева.

Несомненно, следовать за мной легче, чем за леди Ноури.

Я киваю, но не могу заставить себя улыбнуться. Хоть я и довольна тем, что сделала, победа меня не трогает. Мое сердце будто снова заперто в ларце, похороненном глубоко под землей.

В последнее время меня неудержимо тянет к темницам. Там, в железной клетке, я вижу Оука, растянувшегося на мехах, которые я велела ему принести. Он смотрит в потолок, подложив свернутую мантию себе под голову, и насвистывает мелодию.

Я узнаю ее. Под эту музыку мы танцевали при дворе королевы Аннет.

Я не выхожу из тени, но, видимо, все же выдаю себя каким-то едва заметным движением, потому что принц поворачивается в ту сторону, где я стою.

Он прищуривается, словно пытается разглядеть мой силуэт.

– Рэн? – зовет он. – Поговори со мной.

Я не отвечаю. Какой в этом смысл? Я знаю, что ему ничего не стоит обвести меня вокруг пальца, сказав всего пару слов. Я так истосковалась по любви, что снова попаду под его очарование, если дам ему хотя бы крошечный шанс.

Рядом с ним я навсегда останусь ночным цветком, который ненавидит солнечный свет и все же тянется к нему всем своим существом.

- Дай мне возможность все объяснить, - просит он. - Позволь искупить свою вину.

Прикусываю кончик языка, чтобы не сказать ему, что я обо всем этом думаю. Он осознанно держал меня в неведении. Обманул меня. Каждая его улыбка, каждый поцелуй и даже теплота в глазах, которую, как мне казалось, невозможно подделать, были ложью.

Я знала, на что он способен. Он снова и снова демонстрировал мне свои трюки. А я снова и снова верила, что больше не будет никаких хитростей. Что не будет никаких тайн.

Но теперь все иначе.

- Ты имеешь полное право на меня злиться. Но ты не смогла бы солгать, если бы знала правду. Я боялся, что тебе придется солгать. - Он ожидает ответа, но я молчу. Тогда он садится, пытаюсь меня разглядеть. - Рэн?

Я замечаю кожаные ремешки, стягивающие его щеки. Если он будет носить уздечку достаточно долго, то на его лице останутся шрамы.

- Поговори со мной! - кричит он, вскакивая на ноги и подбегая к решетке. Я вижу золото его волос, резкую линию скул и блеск лисьих глаз. - Рэн! Рэн!

Я трусиха и поэтому спасаюсь бегством. Мои руки дрожат, а сердце колотится как бешеное. Но я не могу не признать, что мне нравится слышать, как он в отчаянии выкрикивает мое имя.

Благодарности

Во время работы над этой книгой мне посчастливилось получить море поддержки и ценных советов.

Я благодарна каждому, кто помог мне проделать путешествие, результатом которого стала книга, находящаяся сейчас в ваших руках. Отдельное спасибо Дониэль Клейтон, Зораиде Кордова, Мари Руткоски и Кирстен Уайт: они помогли мне осенью набросать основу сюжета, пока мы вместе купались в бассейне. Еще больше я благодарна Келли Линк, Кассандре Клэр, Джошуа Льюису и Стиву Берману за то, что зимой (а затем и еще несколько раз) они помогли мне разорвать рукопись в клочья и снова сшить ее воедино. И огромное спасибо Ли Бардуго, Саре Риз Бреннан, Робин Вассерман и Рошани Чокши за то, что, когда пришло лето, они помогли мне распотрошить рукопись еще один раз.

Также я хочу поблагодарить тех, кто помогал мне добрым словом и полезным советом. Вас было так много, что если я начну перечислять всех поименно, то наверняка забуду кого-нибудь и буду потом нещадно себя за это корить.

Безмерное спасибо всем сотрудникам издательства «Little, Brown Books for Young Readers» за то, что они вернулись в Эльфхейм вместе со мной. Особая благодарность моему великолепному редактору Алвине Линг, а также Рукайе Дауд, обладающей бесценным умением видеть суть вещей. Спасибо Нине Монтойя, которая помогла мне взглянуть на эту историю с новой стороны. Спасибо Марисе Финкельштейн, Вирджинии Лоутер, Эмили Польстер, Саванне Кеннелли, Биллу Грэйсу, Карине Гранда, Кэсси Мальмо, Меган Тингли, Джеки Энджел, Шону Фостеру, Даниэлле Кантарелла, Виктории Стэплтон и многим другим. А также спасибо британскому издательству «Hot Key Books», особенно Джейн Харрис и Эмме Мэтьюсон.

Спасибо Джоанне Вольпе, Джордану Хиллу, Эмили Бердж-Тильман, Пуйе Шахбазяну, Хилари Печуан, а также всем-всем-всем в «New Leaf Literary» – благодаря вам справляться с любыми трудностями становится легче. Джоанна, Джордан и Эмили, спасибо вам за то, что, вычитывая эту книгу, вы вложили в работу столько усилий и предоставили мне массу замечаний, порой строгих, но неизменно уместных и ценных.

Спасибо Кэтлин Дженнингс за волшебные иллюстрации, которые западают читателям в душу.

И, наконец, благодарность, которую я готова повторять бесконечно: Тео и Себастьян Блэк, спасибо вам за то, что бережно храните мое сердце.

* * *

notes

Примечания

1

Wren, имя главной героини, в переводе с английского означает «крапивник» – маленькая птичка из семейства воробьиных; Oak – дуб (прим. пер.).

